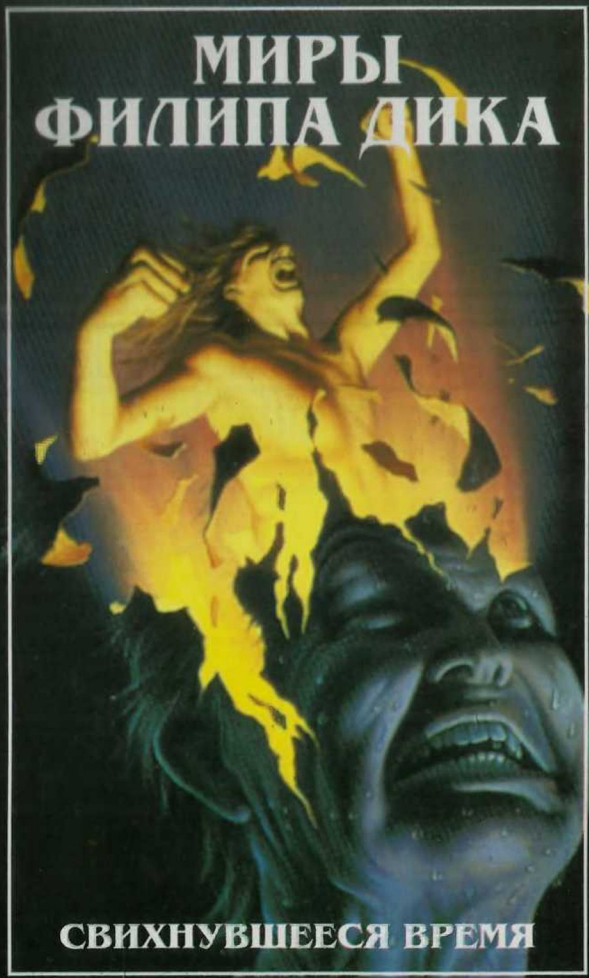
МИРЫ ФИЛИПА ДИКА

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ



МИРЫ ФИЛИПА ДИКА

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

Свихнувшееся время

Дик Филип

Аннотация
СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14

СДВИГ ВРЕМЕНИ ПО-МАРСИАНСКИ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6

ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16

Аннотация

В книгу входят два романа, посвященные проблемам субъективного восприятия времени.

Иллюстрация на обложке Jim Warren, .

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT
POLARIS

МИРЫ ФИЛИПА ДИКА

СОБРАНИЕ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

СДВИГ ВРЕМЕНИ ПО-МАРСИАНСКИ

РОМАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998

Серия «Миры Филипа Дика» издается
под общей редакцией В. И. Баканова

Миры Филипа Дика. Свихнувшееся время / Пер. с англ. — Полярис, 1998. — 383 с.

Эту книгу составили два романа блистательного фантаста Филипа Киндреда Дика — «Свихнувшееся время» и «Сдвиг времени по-марсиански», посвященные проблемам восприятия субъективного времени.

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

ГЛАВА 1

Виктор Нильсон выкатил из подвала магазина тележку с зимним картофелем и направился к овощному отделу. Контейнер был почти пуст, и Вик принялся бросать в него клубни, осматривая каждый десятый на предмет трещин и гнили. Одна картофелина упала на пол; нагнувшись за ней, он увидел снизу кассовые аппараты, табачные и кондитерские прилавки, а дальше — широкие стеклянные двери и улицу. По тротуару шли прохожие, на проезжую часть со стоянки у магазина выехал, блеснув бампером, «фольксваген».

— Приезжала моя жена? — спросил Вик рослую кассиршу из Техаса по имени Лиз.

— Понятия не имею, — ответила Лиз, выбивая чек на два пакета молока и кусок обезжиренного мяса. Преклонных лет покупатель полез в карман за кошельком.

— Я ее жду. Дай знать, если она появится.

Марго должна была отвезти их 10-летнего сына Сэмми к дантисту на рентген. Стоял апрель — время уплаты налогов, на счету почти ничего не оставалось, и Вик со страхом думал о результате

рентгена.

Наконец он не выдержал и подошел к таксофону возле полки с консервированными супами, опустил десять центов и набрал номер.

— Алло, — ответила Марго.

— Съездили?

— Пришлось позвонить доктору Майлу и перенести визит, — затараторила Марго. — За завтраком я вспомнила, что сегодня мы с Анной Рубинштейн должны подавать петицию в комиссию по здравоохранению, ее сегодня же передадут выше: сейчас как раз заключаются контракты и от этого многое зависит.

— Какую петицию? — спросил Вик.

— Надо заставить городские власти очистить развалины — дети играют в них после школы. Это опасно. Там ржавая проволока, треснувшие цементные плиты и...

— А по почте ее нельзя отправить? — перебил он, испытывая тайное облегчение. Бог даст, зуб у Сэмми до следующего месяца не выпадет. — Так ты за мной приедешь?

— Не знаю, — сказала Марго. — Послушай, дорогой, у нас сейчас полная гостиная женщин, мы обсуждаем последние пункты петиции. Если я не смогу забрать тебя, то позвоню в пять или

чуть позже. Хорошо?

Повесив трубку, он подошел к кассе. Покупателей не было, и Лиз закурила сигарету. Она доброжелательно ему улыбнулась, отчего лицо ее словно засветилось.

— Как ваш мальчик?

— Отлично, — сказал Вик. — Небось рад, что они никуда не пошли.

— А мой дантист — чудный старикашка, — замурлыкала Лиз. — Ему, наверное, лет сто. Никогда не сделает больно. Чего-то там поковыряется — и готово.

Оттянув губу ярко-красным ногтем, она продемонстрировала золотое напыление на одном из верхних моляров. Вик наклонился посмотреть и поймал ее дыхание — сигаретный дым с корицей.

— Видишь? Вытащил за милую душу, и ничуть не больно. Ну ничуть!

«Интересно, что сказала бы Марго, войди она сейчас через автоматическую дверь? Заглядываю Лиз в рот: новое эротическое действо, еще не описанное Кинси».

К полудню магазин совсем опустел. А ведь обычно покупатели сплошным потоком двигались мимо касс. Сокращение штатов,

решил Вик. В феврале было пять миллионов безработных. Начинает сказываться и на нас. Подойдя к дверям, он некоторое время разглядывал прохожих. Так и есть. Людей меньше, чем обычно. Все сидят по домам и подсчитывают сбережения.

— В этом году дела идут туго, — сказал он Лиз.

А тебе-то что? — ответила она. — Ты не владелец магазина, просто тут служишь, как и все мы. Значит, и заботы меньше.

Какая-то покупательница принялась выкладывать продукты у аппарата, Лиз выбивала чеки, продолжая через плечо говорить с Виком.

— В любом случае я не верю, что наступит упадок. Все это выдумки демократов. Ужас как надоело, когда они пытаются изобразить экономический хаос.

— А ты не демократка? — перебил Вик. — Ты же с Юга.

— Теперь уже нет — с тех пор как приехала сюда. Это республиканский штат, и я республиканка.

Кассовый аппарат заурчал и звякнул, выдвинулся ящичек с деньгами.

Реклама закусочной «Американский обед» на другой стороне напоминала Вику о дневной чашечке

кофе. Пожалуй, самое время. Повернувшись к Лиз, он сказал:

— Я буду минут через десять. Продержишься?

— Ну конечно, — весело откликнулась девушка, выдавая сдачу. — Сходи, а потом и я выберусь, надо кое-что купить.

Держа руки в карманах, Вик вышел из магазина и остановился на тротуаре, ожидая просвета в потоке машин. Он никогда не переходил дорогу на перекрестке — только посреди улицы: считал это делом чести и мужского достоинства.

В кафе Вик уселся за столик, рассеянно помешивая свой кофе.

— Мертвый день, — сказал, подсаживаясь к нему, Джек Барнс, продавец обуви из «Мужских моделей» Самуэля.

Джек, как всегда, выглядел несчастным, словно целый день жарился и потел на солнце в своей нейлоновой рубашке **и** брюках.

— Наверное, это погода, — продолжал он. — Еще несколько хороших весенних дней, и все кинутся покупать теннисные ракетки и походные примуса.

В кармане у Вика лежал последний буклет из клуба «Книга месяца». Они с Марго вступили в клуб несколько лет назад, когда выплатили взнос

за дом и переехали в район, где подобные вещи очень ценились.

Вытащив брошюру, он развернул ее на столе так, чтобы видно было Джеку. Продавец обуви не проявил никакого интереса.

— Вступай в клуб книголюбов, — предложил Вик. — Расширяй кругозор.

— Я читаю книги, — ответил Джек.

— Ну да. В мягкой обложке, ты покупаешь их в аптеке Бекера.

— Стране нужна наука, а не романы, — заметил Джек. — Ты сам прекрасно знаешь, что в этих клубах расхваливают секс-книжонки про то, как в маленьких городишках людей насилуют и режут, а ты сидишь по уши в грязи. Не скажу, чтобы это шло на пользу американской науке.

— Клуб «Книга месяца» распространял и «Историю» Тойнби, — сказал Вик. — Это стоит почитать. — Книга досталась ему в качестве премии, и, хотя он не добрался до конца, было ясно, что это серьезный труд, который стоит иметь в своей библиотеке. — Как бы ни были плохи некоторые книги, — продолжал он, — они не хуже этих подростковых секс-фильмов или картин про поиски наркотиков.

Шевеля губами, Джек прочел названия лучших

книг месяца.

— Исторический роман, — произнес он. — Про Юг времен Гражданской войны... Вечно навязывают какую-то муть! Интересно, как эти старухи, члены клуба, не устают без конца читать одно и то же.

Вик еще не успел толком просмотреть брошюру.

— Мне не всегда достается то, что у них есть, — объяснил он.

Книга месяца называлась «Хижина дяди Тома». Об авторе он никогда раньше не слышал: Гарриет Бичер-Стоу. В брошюре книгу расхваливали за смелое разоблачение работорговли в довоенном Кентукки. Правдивый документ об ужасном обращении с несчастными черными девочками.

— Эка! — воскликнул Джек. — Слушай, это, пожалуй, по мне!

— По аннотациям судить нельзя, — отозвался Вик. — Все книги тех лет рекламируются одинаково.

— Точно, — подтвердил Джек. — Вообще у людей не оста

лось ничего святого. Ты сравни-ка довоенное с нынешним: все по-другому. До второй мировой не было этой нечестности, преступности, всяческих

мерзостей и наркотиков. Подростки громят автомобили, на дорогах ужас что творится, а водородные бомбы... и еще — цены на кофе. Кошмар! Кому только идет награбленное?

На эту тему они поспорили. День тянулся медленно, сонно, ничего или почти ничего не происходило.

В пять Марго Нильсон схватила плащ, ключи от машины и выскочила из дома. Сэмми нигде не было видно. Где-то играет, но искать его времени нет, надо спешить, иначе Вик решит, что она не заедет, и пойдет на автобус. Марго снова вбежала в дом. В гостиной ее брат оторвался от банки с пивом и пробормотал:

— Уже вернулась?

— *Я* не уезжала. Не могу найти Сэмми. Ты присмотришь за ним, пока меня не будет?

— Конечно, — сказал Рэгл. Но лицо его было настолько измученным, что Марго тут же передумала уезжать.

Он властно смотрел на нее красными воспаленными глазами; галстука на нем не было, рукава рубашки засучены, рука с банкой пива дрожала.

Вся комната была завалена бумагами и графиками, они образовывали большой круг, в

центре которого находился Рэгл. Казалось, ему никогда не выбраться из этих завалов.

— Не забудь, мне надо успеть на почту к шести, — жестко проговорил он.

Перед Рэглом покосившейся шелестящей кипой громоздились папки. Он годами собирал материал. Справочники, карты, графики и все ответы, которые он посылал раньше, месяц за месяцем... Он всеми способами сокращал варианты так, чтобы их можно было изучать. Прибор последовательной развертки, по его словам, уже разработан; на темном фоне всех возможных вариантов яркой точкой высвечивались правильные ответы. Устройство позволяло пропускать варианты один за другим, при этом точка пульсировала: вспыхивала и пропадала, металась вверх и вниз, и в этом движении Рэгл находил определенную закономерность. Марго не улавливала здесь ничего. Поэтому, наверное, Рэгл и побеждал. Она несколько раз участвовала в конкурсе, но безуспешно.

— Как идут дела? — спросила Марго.

— Мне удалось определиться по времени. В четыре часа дня. Теперь осталось, — он поморщился, — узнать место.

К длинной фанерной доске над столом была приколота сегодняшняя заявка на официальном бланке, присылаемом газетой. Сотни крошечных квадратиков, каждый пронумерован и учтен. Рэгл уже поставил отметку в графе времени. Графа 344, Марго видела воткнутую красную иголку. Оставалось место. Очевидно, это было труднее.

— Отключись ты на несколько дней, — не выдержала она. — Отдохни. Последние два месяца ты явно перерабатываешь.

— Если отключусь, — сказал Рэгл, поскрипывая вечным
пером, — то потеряю все свои преимущества, потеряю... — он пожал плечами, — все, что завоевал, начиная с 15 января.

Он просчитывал на логарифмической линейке точку пересечения линий.

Каждый заполненный им бланк становился, в свою очередь, информацией для картотеки. Таким образом, пояснял Рэгл
сестре, с каждым разом у него возрастали шансы на правильный ответ. Чем дольше продолжался конкурс, тем легче для него. Но ей казалось, что он с каждым разом мучается все сильнее. «Почему?» — спросила она однажды.

— Потому, что я не могу допустить проигрыша, — объяснил он. — С каждым правильным ответом мой вклад увеличивается.

Конкурс продолжался; временами Рэгл не успевал подсчитывать выигрыши.

Он
всегда побеждал. Нашел хорошее применение своему таланту. Все началось с шутки, попытки сорвать пару долларов за удачную догадку. Шутка превратилась в ежедневный приработок, а потом — в непосильную ношу, которую уже не бросить.

«Наверное, они этого и добиваются, — подумала Марго. — Им главное тебя втянуть, а там, может быть, и жизни не хватит, чтобы набрать нужное количество очков». Однако Рэгл набрал, и «Газетт» регулярно платила ему за правильные ответы. Кажется, получалось не меньше сотни долларов в неделю. Жить во всяком случае было можно. Но он трудился так напряженно… гораздо, между прочим, напряженнее, чем на обычной работе. С восьми утра, когда газету бросали на крыльцо, и до девяти или десяти вечера. Непрерывный поиск. Совершенствование методов. И самое главное — постоянный страх ошибки. За неправильный ответ дисквалифицировали.

Рано или поздно это все равно случится.

— Принести кофе? — спросила Марго. — Могу, пока не ушла, приготовить сандвич или еще что-нибудь. Я же знаю, что ты ничего не ел.

Не отрываясь от работы, Рэгл кивнул.

Положив плащ и сумочку, она направилась к холодильнику. Пока доставала тарелки, распахнулась дверь и появились Сэмми с соседской собакой, оба взъерошенные и запыхавшиеся.

— Услышал, как хлопнул холодильник? — спросила Марго.

— Я правда хочу есть! — воскликнул Сэмми. — Можно, я возьму холодную котлету? Не надо ее разогревать, съем как есть. Так даже лучше!

— Иди садись в машину, — велела мать. — Сейчас я сделаю сандвич дяде Рэглу, и мы едем в магазин за папой. И выгони немедленно этого пса, он здесь не живет!

— Ладно, — вздохнул Сэмми. — В магазине наверняка найдется, что поесть.

Марго услышала, как за ним и собакой захлопнулась дверь.

— Я нашла Сэмми, — сообщила она Рэглу, внося сандвичи и яблочный сок. — Так что можешь о нем не волноваться, я беру его с собой в город.

Рэгл взял сандвич и произнес:

— Может, лучше мне было бы играть на скачках?

— Ты бы там ничего не выиграл, — рассмеялась Марго.

— Пожалуй.

Он машинально начал есть, но к яблочному соку не притронулся, Вместо него приложился к банке с пивом, которую нянчил уже целый час. «Как он может делать такие сложные вычисления под теплое пиво? — успела подумать Марго. И выбежала к машине с плащом в руке. — Видно, привык. В армии накачивался теплым пивом через день». Целых два года Рэгл и его напарник обслуживали метеостанцию и радиопередатчик на крошечном атолле в Тихом океане.

К концу дня движение, как всегда, оживилось. Но «фольксваген» проскакивал во все щели, и это ей нравилось. Большие и неуклюжие машины напоминали увязших в песке земляных черепах.

«Самое удачное наше вложение, — подумала Марго. — Небольшая иностранная машина. И совершенно не изнашивается: эти немцы делают все так аккуратно. Вот только сцепление не довели до ума, каждые пятнадцать тысяч миль... Собственно ничего идеального не бывает, во всяком случае в наш век — **с** водородными

бомбами, Россией и растущими ценами».

Прижавшись к окну, Сэмми хныкал:

— Ну почему мы не можем купить такой «мерс»? Почему мы должны ездить на этом жуке?

Разозлившись на сына, Марго сказала:

— Послушайте, юноша! Вы ничего не понимаете в машинах. Вам пока не приходится за них платить, ездить по этому чертову городу, а главное — приводить в порядок. Так что держите свои замечания при себе.

Насупившись, Сэмми буркнул:

— Она все равно что детская.

— Скажи об этом своему отцу, когда приедем в магазин.

— Боюсь, — признался Сэмми.

Забыв включить мигалку, Марго повернула налево, и огромный автобус ей резко просигналил. Черт бы взял эти автобусы! Перед самым магазином она перешла на вторую передачу, заехала на тротуар и мимо огромной неоновой рекламы «СУПЕРМАРКЕТ “ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ”» въехала на автостоянку.

— Приехали. Надеюсь, мы его не пропустили.

— Давай выйдем, — запросился Сэмми.

— Нет, — отрезала мать. — Подождем здесь.

В магазине кассиры заканчивали обслуживать

длинную разношерстную очередь, многие покупатели толкали перед собой корзины из нержавеющей стали. Автоматические двери открывались и закрывались — без конца. Со стоянки отъезжали автомобили.

Мимо них скользнул роскошный ярко-красный «такер».

Они уставились ему вслед.

— Этой женщине можно позавидовать, — пробормотала Марго. «Такер» был так же удобен и прост, как их «фольксваген», и в то же время отличался благородством форм. Конечно, это слишком большая машина, чтобы быть практичной. Тем не менее...

Может быть, на следующий год, подумала Марго. Когда придет время продать «фольксваген». Правда, их нет смысла продавать — служат вечно. И если продавать, то с выгодой. Во всяком случае, свои деньги всегда можно вернуть.

Красный «такер» влился в дорожный поток.

— Ух! — выдохнул Сэмми.

Марго не сказала ничего.

ГЛАВА 2

Этим же вечером в семь тридцать Рэгл Гамм выглянул в окно гостиной и заметил, что соседи по фамилии Блэк пробираются в темноте по тропинке, явно намереваясь нанести визит. В свете уличного фонаря было видно, что Джуни Блэк тащит какую-то картонную коробку. Он застонал.

— Что случилось? — спросила Марго. Она и Вик смотрели в комнате по телевизору Сида Цезаря.

—

Гости, — произнес Рэгл, вставая. Одновременно раздался звонок в дверь. — Соседи, — пояснил он. — Притворяться, что нас нет, — бессмысленно.

— Может, они сами уйдут, когда увидят, что мы смотрим телевизор? — сказал Вик.

Блэки, в стремлении забраться на следующую ветвь социального древа, открыто выражали свое негодование по поводу телевидения. У них вызывало отвращение все, что появлялось на экране, — от бетховенского «Фиделио» в исполнении Венского оперного театра до клоунов. Однажды Вик высказал предположение, что, если бы о втором пришествии Христа объявили

по телевизору, Блэки не сдвинулись бы с места.

На это Рэгл заметил, что первым сигналом о начале третьей мировой войны, о взрывах водородных бомб будут погасшие экраны телевизоров. А Блэки либо вообще ничего не заметят, либо посмеются. Закон выживания, сказал Рэгл. Те, кто не научатся реагировать на новые раздражители, погибнут. Приспособиться либо исчезнуть... извечный выбор.

—

Я открою, раз уж вам обоим лень пошевелиться. — Марго поднялась с дивана и поспешила к парадной двери. — Привет! — Рэгл услышал ее восклицание: — А что это? Что это? Ой, горячее!

Донесся молодой, уверенный голос Билла Блэка:

— Это ласэнь. Поставь горячую воду...

— Я приготовлю кофе по-итальянски, — заявила Джуни, проходя на кухню с коробкой итальянской еды в руках.

Черт, подумал Рэгл. Поработать уже не удастся. Почему они прутся сюда со своими новинками, когда им вздумается? Неужели никого больше не знают?

На этой неделе кофе по-итальянски. На прошлой — ласэнь. Сегодня и то, и другое. Наверное,

хорошее сочетание, хотя крепкий и горький итальянский кофе казался ему пережаренным.

Появился Билл Блэк и дружелюбно бросил:

— Привет, Рэгл, привет, Вик!

На нем, как всегда, был его повседневный костюм — высокий воротничок на пуговицах, узкие брюки и… и, конечно, его прическа. Безмодельная стрижка, которая сразу же напоминала Рэглу об армейских парикмахерах. А может, старательные молодые служаки вроде Билла Блэка просто стремились подчеркнуть свою принадлежность к огромному чиновничьему механизму.

Билл, например, работал в муниципалитете, в отделе водоснабжения. Каждый божий день пешком, не на машине, он бодро шагал по улице, в своем однобортном костюме напоминая зерно фасоли: настолько бессмысленно и неестественно тесными были пиджак и брюки. И такими же старомодными. Понаблюдать за тем, как Билл Блэк вышагивает возле дома утром и вечером, было все равно что посмотреть старое кино. Впечатление усиливала слишком быстрая, подпрыгивающая походка Билла. У него даже голос такой, подумал Рэгл. Торопливый, слишком громкий. Резкий.

Но своего он добьется, это Рэгл признавал. Странно устроен мир: таких старательных бобров, не отягощенных мыслями и подражающих начальнику вплоть до узла на галстуке и царапины на подбородке, всегда замечают. Продвигают. Выдвигают. В банках, страховых бюро, крупных электрических фирмах, ракетостроительных компаниях, университетах. Рэглу доводилось таких видеть — лаборантов на кафедрах, читающих какой-нибудь заумный курс вроде обзора христианских еретических сект V века и одновременно лезущих из кожи, мостя себе дорогу наверх. Некоторые из них готовы собственных жен выставить в качестве приманки для начальства...

И все же Билл Блэк чем-то нравился сорокашестилетнему Рэглу. Парню было не больше двадцати пяти, он рационально, житейски мудро смотрел на вещи. Учился, познавал новое и осмысливал его. С ним можно было поговорить, он не имел застывшего свода моральных ценностей и добродетелей. Живо реагировал на происходящее.

Например, думал Рэгл, если бы телевидение признали в высших кругах, Билл Блэк на следующее утро поставил бы себе цветной

телевизор. И в этом что-то есть. Не надо называть его «невосприимчивым» только потому, что он не хочет смотреть Сида Цезаря. Когда начнут кидать водородные бомбы, погасшие экраны никого не спасут. Мы все погибнем.

— Как дела, Рэгл? — спросил Билл Блэк, садясь на диван. Марго с Джуни ушли на кухню. Вик хмурился, разозленный помехой, — по телевизору показывали последнюю сцену между Цезарем и Карлом Рейнером, и он тщетно пытался на нее настроиться.

— Прилип к ящику для идиотов. — Рэгл улыбнулся Блэку, пародируя его стиль.

Блэк, однако, отнесся к его словам серьезно.

— Великое прошлое нации, — произнес он, усаживаясь так, чтобы не видеть экрана. — Полагаю, это должно мешать тебе в работе.

— Я уже управился, — ответил Рэгл. Сегодня он заполнил форму к шести.

Сцена кончилась, пошел коммерческий ролик, и Вик приглушил телевизор. Теперь его злость обрушилась на рекламу.

— Дурацкие объявления! — заворчал он. — Почему-то на рекламе звук всегда громче, чем обычно. Постоянно приходится убавлять.

— Рекламу, как правило, передают местные

станции, — объяснил Рэгл, — а программа принимается с Востока, через ретранслятор.

— Тут только один выход, — сказал Блэк.

— Билл, — перебил его Рэгл, — почему ты носишь такие до смешного тесные брюки?

Блэк улыбнулся:

— Ты что, никогда не заглядываешь в «Нью-Йоркер»? Не я их выдумал. И не я отвечаю за мужскую моду, так что не с меня спрос. А мода всегда потешна.

— Но ты вовсе не обязан их поощрять, — возразил Рэгл.

— Когда приходится работать с людьми, — ответил Блэк, — себе не принадлежишь. Носишь то, что принято носить. Разве не так, Виктор? Ты работаешь с людьми, ты со мной согласишься.

— Вот уже десять лет как я ношу обычную белую рубашку и шерстяные брюки, — сказал Вик. — Очень удобно для работы.

— Ты еще носишь фартук, — заметил Блэк.

— Только когда вожусь с салатом.

— Кстати, — поинтересовался Блэк, — как идет розничная торговля? По-прежнему туго?

— Идет помаленьку, — ответил Вик. — Хотя и не так, как хотелось бы. Мы полагаем, что где-то через месяц дела наладятся. Это же цикл. Зависит

от сезона.

Рэгл сразу же почувствовал перемену в тоне зятя; как только речь заходила о бизнесе, его бизнесе, Вик начинал говорить профессионально, сдержанно и тактично. Бизнес никогда не прекращался совсем и всегда был на грани улучшения. Как бы низко ни опускался индекс деловой активности по стране, на частное предпринимательство это почти не влияло. Спрашивать про бизнес — все равно что спрашивать про здоровье, подумал Рэгл. В любом случае ответят «нормально». И даже если скажут «ужасно» или «улучшается» — это все равно пустые фразы.

Обращаясь к Биллу, Рэгл спросил:

— А как розничная продажа питьевой воды? Держите рынок?

— Да, люди продолжают купаться и мыть посуду.

В гостиную заглянула Марго:

— Рэгл, ты будешь итальянский кофе? А ты, дорогой?

— Я не буду, — сказал Рэгл. — Свой кофе я выпил за обедом. В сон меня не клонит.

— А я выпью чашечку, — ответил Вик.

— Ласэнь? — спросила Марго всех троих.

— Нет, спасибо, — отказался Рэгл.

— Можно немного. — Вик кивнул, и Билл Блэк кивнул вместе с ним. — Тебе помочь?

— Нет, — сказала Марго и удалилась.

— Не очень увлекайся итальянской едой, — посоветовал Рэгл Вику, — слишком калорийная. Сплошная мука да специи. А ты знаешь, что это значит.

— Да, — вступил Блэк, — ты начинаешь округляться, Виктор.

— Чего еще ожидать от птички, устроившейся в кормушке, — пошутил Рэгл.

Вик, похоже, разозлился. Уставившись на Рэгла, он сказал:

— Во всяком случае, это настоящая работа.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рэгл, хотя прекрасно понял, о чем речь. За работу Вика полагался твердый оклад, на нее надо уходить утром, а приходить вечером. Не то что у него: целыми днями просиживать дома в гостиной и возиться с вырезками из газеты. «Как ребенок», — однажды сказал Вик, когда они поссорились.

— Я не стыжусь работать в магазине, — ответил Вик.

— Ты не это имел в виду, — сказал Рэгл. По непонятным ему самому причинам он получал

удовольствие от подобных нападок на свое участие в объявленном «Газетт» конкурсе. Может быть, чувствовал себя виноватым в бестолковой растрате времени и сил, а может, даже втайне желал, чтобы его порицали. Ведь лучше упреки со стороны, чем точащий изнутри червь сомнения.

Приятно подстегивало то, что своими ежедневными отгадками он зарабатывал больше, чем Вик, гнувший спину в супермаркете. При этом ему не надо ездить в центр на автобусе.

Подойдя к Рэглу, Билл Блэк наклонился, пододвинул стул и, развернув номер «Газетт», доверительно спросил:

— Ты видел это, Рэгл?

На почтительно раскрытой перед Рэглом четырнадцатой странице помещался ряд фотографий мужчин и женщин. В центре было фото Рэгла Гамма, а под ним подпись:

Постоянный победитель конкурса
«Где теперь появится Зеленый Человечек?»
знаменитый РЭГЛ ГАММ.
Чемпион страны в течение двух лет.
Такое не удавалось никому.

Остальные изображенные на четырнадцатой странице были меньшими знаменитостями. В конкурсе участвовала вся страна. Ни одной

местной газете такие расходы были не под силу, и многие печатные издания выступали спонсорами затеи.

Платить приходилось (однажды Рэгл не поленился подсчитать) больше, чем во времена «Старого золота» — знаменитого конкурса середины тридцатых годов, больше, чем в никогда не прекращающемся конкурсе оксидолового мыла. Очевидно, это в какой-то мере поддерживало подписку. В наше время, когда средний человек предпочитает разглядывать комиксы и смотреть телевизор...

«Становлюсь похожим на Билла Блэка, — подумал Рэгл. — Нападаю на телевизор. А ведь это в некотором смысле история нации. Подумать только, в скольких домах люди сидят сейчас перед экранами и говорят: “Что случилось с этой страной? Почему так низко упал уровень образования? Морали? Почему вместо прелестной Джанет Макдональд и Нельсона Эдди, от которых все были без ума, крутят этот бесконечный рок-н-ролл?”»

Сидящий рядом Билл Блэк по-прежнему держал газету раскрытой и постукивал пальцем по фотографии. Очевидно, она произвела на него впечатление. Шутка ли! Старина Рэгл Гамм попал

в газету! Его знают от побережья до побережья. Жить рядом со знаменитостью!

— Слушай, Рэгл, — сказал Блэк, — ведь ты имеешь неплохие деньги на этом Зеленом Человечке, а? — В голосе слышалась откровенная зависть. — Посидел пару часов — недельный заработок в кармане.

— Ну да, нашел тепленькое местечко, — иронично бросил Рэгл.

— Нет, я знаю, как много ты работаешь, — заверил Блэк, — но это творческая работа, ты сам себе хозяин. Ее даже нельзя назвать работой в том смысле, что надо сидеть где-нибудь в конторе за столом...

— Я сижу за столом, — вставил Рэгл.

— Но, — не унимался Блэк, — у тебя это все-таки как хобби. Я без всякого пренебрежения, Рэгл. Зачастую люди отдают своему хобби больше сил, чем основной работе. Да я по себе знаю: когда вожусь в гараже с электропилой, с меня пот градом... Однако здесь есть разница. — Он повернулся к Вику: — Ты понимаешь, о чем я. Рэглу не скучно. Это, как я сказал, творчество.

— Никогда об этом не думал, — признался Вик.

— Значит, ты не считаешь, что Рэгл занят творческой работой? — настаивал на ответе

Блэк.

— Нет. Необязательно.

— Как же ты тогда ее назовешь, раз он сам определяет свою жизнь?

— Мне кажется, — ответил Вик, — что Рэгл просто умеет угадывать. Вот и все.

— Угадывать! — вспыхнул Рэгл. — И ты можешь так говорить, каждый день видя мои вычисления? Как я прорабатываю все предыдущие варианты?

Для Рэгла конкурс меньше всего был угадыванием. Угадывать — значит положить перед собой бланк с задачей и ткнуть наудачу в любой из квадратиков. А потом выписать ответ и отослать. И ждать результата.

— Ты же не угадываешь, заполняя налоговую декларацию? — Это было любимое сравнение Рэгла, когда речь заходила о конкурсе. — Только всем это приходится делать раз в год, а мне каждый день. — Повернувшись к Биллу Блэку, он добавил: — Вот представь, что тебе надо ежедневно подавать новую декларацию. Ты просматриваешь все счета, все карточки, все записи, а их тонны, — и так каждый день. Никакого угадывания. Все абсюлютно точно. Цифры. Сложение и вычитание. Графики.

Наступило молчание.

— Но тебе это нравится? — спросил наконец Блэк.

— Наверное, — ответил Рэгл.

— Может, научишь меня?

- Нет.

Этот вопрос возникал уже не в первый раз.

— Я не собираюсь соревноваться с тобой.

Рэгл рассмеялся.

— Просто время от времени смогу зашибить несколько долларов, — продолжил Блэк. — Ну вот, например, мне надо поставить стенку на заднем дворе, чтобы с улицы не затекала грязь. Материал обойдется долларов в шестьдесят. Предположим, я побеждаю... сколько раз? Четыре?

— Четыре, — подтвердил Рэгл. — Получишь двадцать долларов, и твое имя попадет в список. Тогда начнешь состязаться уже всерьез.

— Будешь соперничать с самим Чарлзом Ван Дореном газетных конкурсов, — вставил Вик.

— Для меня это комплимент, — сказал Рэгл. Но враждебность в голосе зятя испортила ему настроение.

С ласэнью разделались мгновенно. После замечаний Билла Блэка и Рэгла Вик чувствовал себя обязанным съесть как можно больше. Марго окинула его критическим взглядом.

— Когда готовлю я, ты так никогда не ешь.

Теперь Вик и сам чувствовал, что перебрал.

— Было очень вкусно, — заявил он бодро.

— Может, — хихикнула Джуни Блэк, — ему стоит пожить у пас? — Ее нахальное миниатюрное личико приняло знакомое многозначительное выражение, что могло только разозлить Марго.

Для женщины в очках Джуни Блэк выглядит потрясающе развращенной, подумал Вик. Пожалуй, она даже привлекательна, хотя ему не нравились ее толстые черные косы. А вообще, его к ней никогда не тянуло. Он не любил маленьких, темноволосых, активных женщин, начинающих приставать к чужим мужьям после первого глотка шерри. Особенно если при этом они так хихикали.

А вот его зять, если верить Марго, на нее клюнул. И Рэгл, и Джуни проводят дома целый день, так что у них масса лишнего времени. И в этом нет ничего хорошего, постоянно подчеркивала Марго. Когда мужчина целый день торчит дома, в то время как все остальные на работе, а вокруг по соседству остаются одни женщины...

— По правде говоря, — признался Билл Блэк, — это не Джуни готовила. Мы все купили по дороге домой. Есть одно местечко па Плам-стрит.

— Понятно, — протянула Марго. — Что ж, очень вкусно.

Джуни Блэк, не смутившись, рассмеялась.

После того как женщины убрали со стола, Билл предложил сыграть пару партий в покер. Они немного поспорили, затем появились фишки, колода карт, и наконец все уселись за игру. По центу за фишку, без козырей.

Так проходили два вечера в неделю. Никто не мог вспомнить, с чего все началось. Кажется, начало положили женщины, так как больше всех любили играть Марго и Джуни.

В разгар игры появился Сэмми.

— Пап, — сказал он. — Можно я тебе что-то покажу?

— А я думал, куда ты подевался? Целый день тихо... Ну что там у тебя?

Вик закончил кон и теперь мог поговорить. Скорее всего сын просто хотел посоветоваться.

— Только не кричи, — предупредила Марго. — Видишь, мы играем в карты.

Напряженное выражение лица и дрожь в голосе выдавали хороший расклад.

— Пап, я не знаю, как подключить антенну, — сказал Сэмми, поставив рядом с фишками Вика металлическую раму с проводами и

сопротивлениями.

— Что это? — озадаченно спросил Вик.

— Детекторный приемник.

— Что значит — детекторный приемник?

— Это я его научил, — сказал Рэгл. — Как-то раз я рассказывал про вторую мировую войну, и речь зашла о точке, где я служил.

— Радио, — повторила Марго. — Разве это современно?

— Так вот эта штука, — вмешалась Джуни Блэк, — и есть радио?

— Очень примитивное, — ответил Рэгл. — Примерно так выглядела первая модель.

— **А** его не ударит током? — встревожилась Марго. — Это не опасно?

— Исключено, — заверил Рэгл. — Здесь нет напряжения.

• — Ну-ка, взглянем, — сказал Вик. Он повертел металлическую раму, искренне желая что-либо понять и помочь сыну. Суровая правда состояла в том, что в электронике он совершенно не смыслил, и это было очевидно.

— Что ж, — проговорил он неуверенно, — наверное, где-то короткое замыкание.

— **А** помните, — воскликнула Джуни, — какие радиопередачи мы слушали до войны? «Дорога

жизни»... **А** мыльные оперы? «Веселый Мартин»!

— «Веселая Марлин», — поправила Марго. — Это было... страшно сказать... двадцать лет назад!

Напевая под нос мотив из «Веселой Марлин», Джуни раздала карты.

— А я иногда скучаю без радио, — призналась она.

— У тебя есть радио плюс изображение, — сказал Билл Блэк. — Радио — всего-навсего звуковая часть телевидения.

— Что ты будешь ловить своим детекторным приемником? — спросил сына Вик. — Разве еще остались радиостанции?

Он был уверен, что все радиостанции уже несколько лет как свернули работу.

— Вероятно, удастся принимать переговоры кораблей с берегом, — сказал Рэгл. — Инструкции на посадку самолетов.

— Полицейские вызовы! — выкрикнул Сэмми.

— Правильно, — кивнул Рэгл. — В полиции до сих пор используется радиосвязь между машинами. — Протянув руку, он взял у Вика приемник. — Я попозже посмотрю эту схему, Сэмми. А сейчас у меня слишком хорошие карты. Как насчет завтра?

— Может, — предположила Джуни, — Сэмми

будет ловить переговоры летающих тарелок.

— Ну да, — кивнула Марго. — Нужно только настроить приемник.

— Летающих тарелок не бывает, — пробормотал Билл Блэк, изучая карты.

— Прямо-таки! — язвительно откликнулась Джуни. — Сколько людей их уже видели. И ты не веришь документальным свидетельствам?

— Метеозонды, — сказал Билл Блэк. Вик с ним согласился, и Рэгл тоже кивнул. — Метеоры, — продолжил Блэк. — Атмосферные явления.

— Вот именно, — подтвердил Рэгл.

— А я читала, что некоторым доводилось в них летать, — произнесла Марго.

Все рассмеялись, кроме Джуни.

— Правда, — настаивала Марго. — И по телевизору говорили.

— Я готов признать, — сказал Вик, — что существуют весьма странные типы шаров.

Он вспомнил собственный случай. Прошлым летом во время поездки за город ему довелось увидеть, как яркий предмет пронесся по небу со скоростью, недоступной даже для реактивною самолета. Он вообще больше походил на ракету. В одно мгновение перечеркнул все небо и скрылся за горизонтом... А иногда по ночам слышится

гул, словно тяжелые самолеты пролетают на малой высоте. При этом дрожат стекла, так что предположение Марго насчет шумов в голове нелепо. Она вычитала в медицинском журнале, что при высоком давлении бывают шумы в голове, и теперь настаивала, чтобы Вик сходил к доктору провериться.

Он отдал недоделанный приемник сыну и взял со стола карты.

— Мы установим этот приемник в качестве официального клубного оборудования, — важно сообщил Сэмми. — Закроем его в помещении клуба, и пользоваться им смогут только имеющие особый допуск.

На заднем дворе объединенные стадным инстинктом соседские ребятишки соорудили из досок и обломков ящиков прочное, хотя и весьма уродливое строение. Теперь несколько раз в педелю там устраивались торжественные сборы.

— Прекрасно, — сказал Вик, глядя в карты.

— Если он говорит «прекрасно», — заметил Рэгл, — значит, у него ничего нет.

— Я тоже обратила внимание,— согласилась Джуни. — А если он бросает карты и отходит от стола, значит, у него четыре одной масти.

Вику, кстати, действительно очень хотелось

отойти от стола; ласэнь и итальянский кофе не пошли впрок: он уже поел до прихода гостей, и теперь все в желудке перемешалось и бурлило.

— Может, у меня и правда четыре одинаковых... — сказал он.

— Ты очень бледен, — заметила Марго. И добавила, обращаясь к Рэглу: — А вдруг у него в самом деле что-то есть?

— Похоже на азиатский грипп, — пробормотал Вик. Отодвинув стул, он поднялся. — Сейчас вернусь. Только приму что-нибудь от живота.

— О Боже! — воскликнула Джуни. — Он действительно переел. Ты была права, Марго!.. Если он умрет, это будет на нашей совести.

— Не надейтесь, — буркнул Вик. — Что мне выпить? — спросил он у жены, которая отвечала в доме за все, в том числе и за лекарства.

— Там, в ванной есть аптечка, выпей драмамина, — ответила Марго, не отрываясь от карт.

—

Слушай, ты же не станешь пить транквилизаторы при расстройстве желудка? — встревожился Билл Блэк, когда Вик направился к дверям. — Это, пожалуй, слишком.

— Драмамин не транквилизатор, — пробубнил Вик, — а успокоительное.

— Это одно и то же, — донесся до него голос Блэка.

— Черта с два, — простонал Вик, мучаясь от боли. Он протянул руку, пытаясь нащупать шнур выключателя.

— Поторопись, дорогой, — крикнула ему Марго. — Сколько тебе карт? Мы хотим играть, ты нас задерживаешь.

— Ладно, — пробормотал он, все еще пытаясь включить свет. — Оставьте мне три карты. Те, что сверху.

— Ну нет! — крикнул Рэгл. — Давай возвращайся и бери сам. А то скажешь, что мы их подменили.

Вик все еще не мог найти шнур выключателя, который болтался где-то в темноте ванной комнаты. Тошнота и раздражение нарастали, он принялся лихорадочно шарить в пустоте, растопырив пальцы и описывая круги руками. Ударился головой об угол аптечки и выругался.

— У тебя все в порядке? — спросила Марго. — Что там происходит?

— Не могу нащупать шнур!

Вик едва сдерживал ярость. Теперь ему хотелось принять таблетку и поскорей вернуться к игре. Есть же у некоторых вещей такое свойство бесследно исчезать... Вдруг до него дошло, что в

ванной никогда не было выключателя со шнуром. Был самый обычный настенный выключатель на уровне плеча у самой двери. Вик сразу же нашел его, включил свет и взял с полки баночку с таблетками. Потом принял одну, запил водой и поспешил в гостиную.

«Почему я начал искать этот шнур? — думал Вик. — Вполне конкретный шнур, в определенном месте. Я ведь не шарил наугад, как если бы оказался в незнакомой комнате. Я ловил шнур выключателя, который дергал много раз. Столько, что успел закрепиться условный рефлекс».

— Случалось с кем-нибудь такое? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Играем, — сказала Марго.

Вик взял три новых карты, сделал ставку, проиграл, после чего откинулся в кресле и закурил. Джуни Блэк собрала выигрыш с обычной своей затаенной улыбкой.

— Что случилось? — спросил Билл Блэк.

— Искал выключатель, которого никогда там не было.

— А я думала, чем ты занимался столько времени? — съязвила раздраженная проигрышем Марго.

— Где я мог привыкнуть к выключателю на

шнуре? — спросил ее Вик.

— Вот уж не знаю.

Он прокручивал в сознании все выключатели, какие только мог вспомнить. Дома, в магазине, у друзей. И все были кнопочные.

— Сейчас выключателей со шнуром почти не осталось, — сказал он вслух. — Они вышли из моды.

— Очень просто, — объяснила Джуни. — Детские воспоминания. Много-много лет назад, в тридцатые годы, когда все жили в старомодных домах, которые, конечно, не были еще старомодными, ты, видно, и привык...

— Почему же это всплыло сейчас? — спросил Вик.

— Это любопытно, — заметил Билл Блэк, и Вик кивнул.

— А что? — начал Билл. Он интересовался психоанализом и частенько пересыпал речь фрейдистским жаргоном, уверенный, что это первый признак культурности. — Вызванное стрессом

возвращение в детство. Ты плохо себя чувствуешь. Подсознательное напряжение свидетельствует о внутреннем заболевании. Очень часто на период болезни взрослые

превращаются в детей.

— Какая чушь, — пробормотал Вик.

— Просто где-то есть выключатель, который ты не можешь вспомнить, — предположила Джуни. — На какой-нибудь заправке, куда ты гонял свой старый «додж», съедавший так много бензина. Или еще где-нибудь — в прачечной или в баре, то есть в любом месте, где ты бываешь пару раз в неделю.

— Меня это тревожит, — сказал Вик. Теперь ему не хотелось играть в покер, и он отсел подальше от стола.

— Тебе нехорошо? — поинтересовалась Марго.

— Выживу, — буркнул Вик.

У всех, похоже, пропал интерес к случившемуся. Кроме, может быть, Рэгла. Он смотрел на Вика с непонятным любопытством, словно хотел расспросить о чем-то еще, но по непонятным причинам себя сдерживал.

— Давайте играть, — не выдержала Джуни. — Кто сдает?

Билл Блэк взял карты. В блюдце посыпались монеты. В соседней комнате звучала по телевизору танцевальная музыка, экран был затемнен.

Наверху в своей комнате Сэмми трудился над

детекторным приемником.

В доме было тепло и спокойно.

«Что же не так? — не мог успокоиться Вик. — С чем я столкнулся там, в ванной? И какое место мне никак не удается вспомнить?»

ГЛАВА 3

Бреясь перед зеркалом в ванной, Рэгл Гамм услышал, как на крыльцо бросили утреннюю газету. Судорога свела руку, он едва не порезался и быстро опустил бритву. Потом глубоко вздохнул, на мгновение прикрыл глаза и продолжил бритье.

— Ты скоро? — крикнула сестра из-за закрытой двери.

— Да. — Рэгл умылся, освежил лицо лосьоном, вытер шею и руки и открыл дверь. Взору предстала Марго в халате, тут же прошедшая в ванную.

— Кажется, принесли твою газету, — сказала она через плечо, закрывая дверь. — Мне надо отвезти Вика в магазин, вытолкай Сэмми на крыльцо, ладно? Он на кухне.

Плеск воды заглушил ее голос.

В спальне Рэгл надел рубашку, потом придирчиво осмотрел свои галстуки, выбрал шерстяной, темно-зеленый, повязал его, надел пиджак и только после этого произнес:

— Теперь газета.

Но прежде чем выйти за ней, принялся

перебирать блокноты, карты, папки и графики, приспособления для просмотра данных на экране... Сегодня, начав с этого, он отсрочил встречу с газетой на одиннадцать минут. Рэгл приготовил стол в прохладной и влажной после ночи гостиной. Пахло сигаретами. Наконец подошел к парадной двери и распахнул ее.

Там, на цементном крыльце, свернутая трубочкой и схваченная резинкой, лежала «Газетт».

Рэгл поднял ее и сдернул резинку.

Несколько минут он просматривал новости на первой странице. Прочел о состоянии здоровья президента Эйзенхауэра, о национальной задолженности, о проделках хитрых лидеров Ближнего Востока. Затем сложил и перевернул газету и прочел страницу юмора. Потом письма в редакцию.

Пока он читал, Сэмми протиснулся мимо и выскочил на улицу.

— Пока, — крикнул мальчик. — Увидимся вечером!

— Давай, — машинально ответил Рэгл.

Потом с ключами от машины в руке появилась Марго. Отперла дверцу и скользнула внутрь, завела мотор. Пока он прогревался, Марго

протерла запотевшие стекла. Утро выдалось свежим. По улице семенили в сторону школы дети. Проезжали машины.

— Я забыл про Сэмми, — сказал Рэгл, когда Вик вышел на крыльцо. — Он, кажется, двинул своим ходом.

— Не волнуйся, — ответил зять. — Смотри не перетрудись над конкурсом.

С переброшенным через руку пиджаком Вик спустился к машине. Спустя мгновение Марго включила передачу, и они с ревом понеслись по прохладной улице к центру.

До чего же шумные эти маленькие машины, подумал Рэгл.

Он оставался на крыльце и упорно читал газету, пока холод-ный утренний воздух не загнал его в комнату.

Шестнадцатую страницу, на которой печатался бланк конкурса «Где теперь появится Зеленый Человечек?», открывать не хотелось. Бланк занимал почти всю полосу, оставалось лишь немного места для разъяснения правил и условий конкурса и для информации о предыдущих победителях. Помещался также список оставшихся участников конкурса; их имена были набраны самым мелким в газете шрифтом.

Имя Рэгла, само собой, печатали крупным. В отдельном оформлении. Каждый день он видел его в одном и том же месте. Остальные имена, внизу, менялись, не задерживаясь в сознании.

Каждый день газета давала к очередному заданию примерный набор ключей. Рэгл всегда их прочитывал как разминку перед решением основной задачи. А она состояла, как всегда, в угадывании одного из 1208 квадратиков, напечатанных на бланке.

Никакой пользы от предлагаемых к заданию ключей не было, тем не менее Рэгл полагал, что косвенная информация в них все-таки заложена, и взял за правило все запоминать, надеясь, что это воздействует на его подсознание.

«Глоток ласточки, огромный, как миля». Наверное, тут дело в потоке ассоциаций... Рэгл позволил зашифрованному сообщению улечься в сознании, погрузиться в его глубины. Освободить рефлексы или как это называется... Глоток предполагает еду. А ласточка, конечно, полет. А разве полет не символизирует секс? Ласточки, кстати, всегда возвращаются в Капистрано, это в Калифорнии. Вся фраза почему-то напомнила ему пословицу «Птичка по зернышку клюет и сыта бывает». Тогда почему «огромный, как миля»?

Кто у нас огромный? Кит? Большой синий кит. Заработали ассоциации? Может, кто-то летит над водой в Калифорнию? Потом Рэгл подумал об арке и голубке. Оливковая ветвь. Греция. Значит, это имеет отношение к кухне. Потому что все греки занялись ресторанами. Снова еда. И голуби, кстати, деликатес для гурмана.

«Колокольчик звонит динь-динь!» Ерунда, конечно. Что-то тут есть гомосексуальное. «Колокольчик», «динь-динь». Или Джон Донн: «По ком звонит колокол?» Есть еще книга Хемингуэя. К тому же в колокольчик часто звонят, когда подают чай. Позвоните, пусть принесут чаю!.. Серебряный колокольчик. Цель! Цель — Капистрано, куда возвращаются ласточки. Подходит.

Пока он размышлял над ключами, возле дома раздались чьи-то шаги. Отложив газету, Рэгл проскользнул к окну в гостиной.

У крыльца стоял высокий, стройный, средних лет человек в твидовом костюме и с сигарой в зубах. Выглядел он весьма респектабельно, как министр, священник или налоговый инспектор. Под мышкой он держал папку. Рэгл узнал его. Это был человек из «Газетт», он уже приходил несколько раз: иногда приносил чек, который

обычно Рэгл получал по почте, или выяснял какие-либо неясности в ответах. Рэгл растерялся: что привело Ловери на сей раз?

Не торопясь, гость поднялся по ступенькам и позвонил.

Колокольчик, подумал Рэгл. Посланник. Может, ключ в газете должен был подсказать, что придет Ловери?

— Добрый день, мистер Ловери, — улыбнулся он, распахивая дверь.

— Здравствуйте, мистер Гамм! — Ловери сиял радостью, ничего напускного или сулящего дурные вести в его поведении не было.

— Что-нибудь случилось?

При необходимости Рэгл умел жертвовать приличиями.

Ловери перекатил во рту сигару, взглянул на него и сказал:

— Занес пару чеков. В газете решили, что вам будет приятно, если я принесу их на дом. А мне все равно в эту сторону.

Ловери обвел взглядом гостиную:

— Кроме того, хотел кое-что у вас спросить. Просто удостовериться. Насчет ваших вчерашних ответов.

— Я послал шесть, — сказал Рэгл.

— Да, мы все получили, но... — Ловери подмигнул, — вы же не указали их порядок.

Открыв папку, он выложил все шесть бланков, уже сфотографированных и уменьшенных до удобных размеров. Вручив Рэглу карандаш, Ловери продолжил:

— Я знаю, это всего лишь недосмотр с вашей стороны... но нам надо, чтобы вы их пронумеровали.

— Черт побери! — выдохнул Рэгл. Неужели в спешке?.. Он быстро проставил цифры от одного до шести. — Вот, — сказал он, возвращая бланки.

Какая досадная оплошность! Когда-нибудь она может стоить ему победы в конкурсе.

Ловери сел, взял бланк, помеченный цифрой 1, и изучал его довольно долго.

— Правильно? — не выдержал Рэгл, хотя понимал, что Ловери не может знать ответа. Бланки отсылались в штаб-квартиру конкурса в Нью-Йорк или Чикаго, где и происходило самое главное.

— Ну, — откликнулся Ловери, — время покажет. Но вы именно этот ответ считаете номером первым? Основным вариантом?

— Да, — кивнул Рэгл.

Между ним и организаторами конкурса

существовало негласное соглашение, по которому ему позволялось представлять

несколько вариантов ответов на ежедневные задания. Вплоть до десяти, но Рэгл обязан был пронумеровать их в порядке предпочтения. Если номер первый оказывался неверным, его просто уничтожали, как будто его и не было, правильным считался номер второй — и так далее, до конца. Обычно он был настолько уверен, что ограничивался тремя или четырьмя вариантами. Конечно, в газете предпочитали, чтобы вариантов было меньше. Кроме Рэгла, насколько ему было известно, никто не пользовался подобными привилегиями. Цель же была очевидна: не дать ему выйти из игры.

Они сами это предложили после того, как Рэгл ошибся на несколько клеток в выборе правильного квадрата. Обычно его ответы ложились очень кучно, но иногда он не мог выбрать между довольно далеко отстоящими квадратами. В таких случаях приходилось рисковать, и порой интуиция его подводила. Когда Рэгл чувствовал, что решение укладывается в определенную область, он не волновался. Тот или иной из его ответов оказывался правильным. За два с половиной года он ошибся восемь раз.

То есть восемь раз ни один из его ответов не был верен. Однако организаторы позволили ему продолжать. В правилах было оговорено, что Рэгл мог как бы «занимать» из прошлых правильных ответов. Ошибаться разрешалось один раз из тридцати. Так все и шло. С помощью подобных уловок он оставался постоянным участником конкурса. Никто, кроме организаторов, не знал об ошибках Рэгла Гамма. Это была тайна — его и конкурса. И никто не был заинтересован в ее раскрытии.

Теперь популярность всего мероприятия во многом зависела от Рэгла. Почему публике хочется, чтобы побеждал один и тот же человек, Рэгл не понимал. Ведь он побеждал за счет других участников. Очевидно, тут уже проявлялись законы общественного сознания. Его имя узнавали. Ему так и объяснили: людям нравится видеть знакомые имена, они не любят перемен. Действует закон инерции. Пока имени Рэгла не было в списке, он никому не был нужен. Теперь оно появилось — и дело пошло своим ходом. На Рэгла Гамма работает статическая сила. Мощное давление инертных масс направлено сейчас в его сторону. Он «попал в струю», как сказал бы Билл Блэк.

Ловери сидел, скрестив ноги, курил и хмурился.

— Вы еще не смотрели сегодняшнюю загадку?

— Нет, — ответил Рэгл. — Только ключи. Они что-нибудь означают?

— Не буквально.

— Это понятно. Я спрашиваю, означают ли они что-нибудь вообще? По виду или по форме? Или все для того, чтобы убедить нас, что кто-то наверху знает ответ?

— К чему это вы? — несколько раздраженно спросил Ловери.

— У меня есть теория, — сказал Рэгл. — Не очень серьезная, но весьма забавная. Правильного ответа, возможно, не существует.

Ловери удивленно поднял брови:

— На каком же тогда основании один ответ объявляют
верным, а остальные — ошибочными?

— Может быть, вы просматриваете варианты и выбираете тот, который вам нравится. Эстетически.

— Судите о нас со своих позиций?

— Со своих позиций?

— Ну да, — подтвердил Ловери. — Вы работаете с эстетической, а не с рациональной точки зрения.

Вот вы придумали сканеры. Просматриваете ответ во времени и в пространстве. Пытаетесь заполнить пробел. Завершить образуемый рисунок. Предугадать следующую линию. Это не рациональный, не интеллектуальный процесс. Так работают, ну... гончары. Нет, я ничего не имею против. Как вам это удается — ваше дело. Во всяком случае, ничьими подсказками вы не пользуетесь. Сомневаюсь, чтобы вы вообще хоть раз разобрались в смысле этих ключей. Иначе бы не задавали таких вопросов.

«Нет, — подумал Рэгл. — Вашими намеками я никогда не пользовался». Собственно говоря, ему и в голову не приходило, что кто-либо всерьез пытается извлечь из ключей конкретную информацию. Вроде того, чтобы соединить первые буквы каждого третьего слова, прибавить десять и получить номер нужного квадрата. При этой мысли он засмеялся.

— Вы смеетесь? — спросил Ловери очень серьезно. — Зря, на кон поставлены большие деньги.

— Я просто подумал о Билле Блэке.

— Кто это?

— Сосед. Просит научить его угадывать.

— Если вы используете эстетический подход...

— То это невозможно, — закончил Рэгл. — Биллу не повезло. Поэтому я и смеюсь. Он будет разочарован, а ему так хочется перехватить парочку долларов.

С ноткой негодования Ловери произнес:

— Вас не волнует, что ваш талант нельзя передать? Что вы работаете не осознанным рациональным методом, а скорее... —

Он пытался найти нужное слово. — Бог его знает. Во всяком случае, от удачи ваши результаты не зависят.

— Рад, что есть люди, которые это понимают.

— Да разве можно поверить в то, что вы день за днем просто угадываете? Смешно. Шансы ничтожны. Все равно что найти бобы на Бетельгейзе.

— Бетельгейзе?

— Это далекая звезда. Я образно говорю. В любом случае мы понимаем, что об отгадывании речь идти не может. Разве что на последней стадии, когда остается выбрать между двумя или тремя квадратами.

— Тогда я бросаю монету, — согласился Рэгл.

— Но когда, — задумчиво проговорил Ловери, потирая подбородок и покачивая сигарой, — когда встает вопрос о двух или трех квадратиках

из тысячи, это уже не играет роли. На этой стадии угадать может любой из нас.

Рэгл не возражал.

В гараже своего дома Джуни Блэк присела перед стиральной машиной, запихивая в нее белье. Цементный пол под босыми ногами был холодным. Она поежилась, встала и засыпала в машину стиральный порошок. Потом прикрыла стеклянную дверцу и нажала кнопку. Белье за стеклом завертелось. Джуни взглянула на часы и вышла из гаража.

— Ой! — вздрогнула она, чуть не столкнувшись с Рэглом.

— А я подумал — дай-ка загляну, — сказал он. — Сестра занялась глажкой, весь дом провонял жженым крахмалом. Знаешь, как будто в старый нефтяной бак накидали утиных перьев и битых пластинок, перемешали и подожгли.

Джуни заметила, что краем глаза он следит за ее реакцией. Густые, соломенного цвета брови сошлись на переносице, а огромные плечи сгорбились, когда он стиснул руки. При свете дня казалось, что Рэгл густо загорел. Джуни вдруг стало интересно, как у него это получается: она сколько ни загорала, никогда так не выглядела.

— Что это на тебе? — спросил Рэгл.

— Джинсы.

— Штаны, — уточнил он. — Было время, я мучился над вопросом, почему мне так нравятся женщины в штанах, но потом сказал себе: а почему бы, черт побери, и нет?

— Спасибо, — улыбнулась Джуни. — Это комплимент?

— Ты вообще неплохо смотришься, — продолжал Рэгл. — Особенно босая. Знаешь, как в фильмах, где героиня шлепает по песчаным дюнам, воздев руки к небу.

— Ладно, как сегодняшний конкурс?

Он пожал плечами. Было видно, что об этом говорить ему не хочется.

— Вот, решил прогуляться немного.

Рэгл снова искоса взглянул на нее. Конечно, это был просто знак внимания, но Джуни всегда в такие минуты казалось, что у нее расстегнулась пуговица; так и подмывало украдкой осмотреть свой наряд. За исключением босых ног и полоски кожи между рубашкой и джинсами, все было нормально.

— Открытая талия, — сказала она.

— Ну да, я вижу.

— Ничего, а? — У нее это звучало как шутка.

— Слушай, — почти резко перебил Рэгл. —

Я думал, может, ты не откажешься сходить искупаться? День хороший, тепло.

— У меня столько дел по дому, — ответила Джуни. Но было видно, что предложение пришлось ей по душе.

В северной части города, где начинались дикие холмы, находился парк, а в нем игровые площадки и бассейн. В основном там проводили время дети, иногда — взрослые, временами наведывались подростковые шайки. Джуни нравилось бывать в подобных местах, она сама лишь несколько лет назад закончила школу, и переходный период давался ей нелегко. Она все еще относила себя к удалым компаниям, шокирующим благопристойную публику гремящими радиолами: девочки в свитерах и носочках, мальчики в джинсах и тоже в кашемировых свитерах...

— Возьми купальник, — сказал Рэгл.

— Ладно, — кивнула Джуни, — на часок можно, но потом мне надо вернуться... А Марго не видела, что ты зашел сюда? — Она уже поняла, что потрепаться Марго любит.

— Нет. — Рэгл покачал головой. — Она занята своей глажкой. И ничего вокруг не замечает.

Джуни выключила стиральную машину, взяла

купальник и полотенце, и вскоре они с Рэглом уже ехали по городу в сторону парка.

Рядом с Рэглом было спокойно. Джуни всегда привлекали большие и крепкие мужчины, особенно те, что постарше. Рэгл идеально соответствовал ее запросам. Не говоря уж о его жизненном опыте: участие в боевых действиях на Тихом океане, общенациональная известность благодаря газетному конкурсу!

Ей нравилось его резкое, суровое, иссеченное глубокими морщинами лицо настоящего мужчины, без признаков второго подбородка или одутловатости. Волосы Рэгл никогда не расчесывал, они лежали выгоревшей светлой копной. Причесывающиеся мужчины казались Джуни изнеженными маменькиными сынками. Билл, например, каждое утро полчаса укладывал волосы. Сейчас, слава Богу, он подстригся и стал меньше времени тратить на туалет. Ей было противно прикасаться к стриженым волосам — все равно что трогать зубную щетку. К тому же Билл просто создан был для своего узкого пиджака, казалось, у него напрочь отсутствовали плечи. Единственный вид спорта, которым когда-либо занимался Билл, был теннис, от чего Джуни просто тошнило. Мужчина в шортиках, носочках

и теннисных тапочках! Студенту колледжа это еще простительно. Билл действительно учился в колледже, когда они познакомились.

— Тебе не бывает одиноко? — спросила она Рэгла.

-А?

— Ты ведь не женат. — Большинство ее одноклассников были уже женаты, все, кроме самых неисправимых. — Я понимаю, здорово жить с сестрой и зятем, но разве тебе не хочется иметь собственный дом и жену?

Джуни сделала ударение на слове «жена».

Подумав, Рэгл сказал:

— Рано или поздно так оно все и будет. Проблема в том, что я лодырь.

— Лодырь, — повторила она, подумав о деньгах, которые он заработал на конкурсе. Один Бог знает, сколько там уже набежало.

— Я вообще не люблю постоянства, — объяснил Рэгл. — Наверное, я стал кочевником на войне. Да и раньше наша семья то и дело переезжала. Отец с матерью разошлись. Так что у меня глубоко личное неприятие стабильности... Просто боюсь оказаться ограниченным домом, семьей и детишками. Шлепанцы и трубка.

— Ну и что?

— Я ведь уже прошел через все это. Когда был женат.

— О! — заинтересованно воскликнула Джуни. — И когда же это было?

— Сто лет назад, — сказал Рэгл. — Еще до войны. Мне едва исполнилось тогда двадцать. Познакомился с девушкой, секретаршей из фирмы по перевозкам. Родители — поляки. Очень красивая, живая и сообразительная. Только вот слишком много у нее было претензий. Ей хотелось пробиться в то общество, где дают вечера в саду. Жареное мясо в собственном патио.

— Не вижу ничего плохого. — Джуни пожала плечами. — Это естественно — стремиться к изящной жизни.

Она переняла это выражение из подписного журнала «Как украсить свой сад и дом».

— Ну вот, а я — лодырь, — проворчал Рэгл, давая понять, что тема исчерпана.

Начались холмы. Иногда приходилось в прямом смысле слова карабкаться. Дома были окружены просторными лужайками с террасами из цветов и поражали размерами и роскошью — дома богатых людей. Улицы совершенно не походили одна на другую. Временами попадались густые рощицы. А в конце Олимпик-Драйв начинался

настоящий лес.

— Хотела бы я здесь жить, — мечтательно произнесла Джуни. «Во всяком случае, лучше, — подумала она, — чем наши типовые домики без фундамента. И крыши здесь не сносит первым же порывом ветра».

Высоко в небе между облаков быстро двигалась серебристая точка. Спустя мгновение донесся слабый, приглушенный гул.

— Реактивный, — сказала Джуни.

Рэгл замер на тротуаре и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в небо.

—
Смотришь, не русский ли это бомбардировщик? — озорным тоном спросила она.

—
Хотел бы я знать, что там вообще происходит.

— Интересно, чем занят Господь?

— Нет, Господь тут ни при чем. Я имею в виду всю эту муть, что летает туда-сюда.

— Помнишь, Вик рассказывал вчера, как искал в ванной шнур от выключателя? — спросила Джуни.

— Помню, — выдохнул Рэгл, карабкаясь по склону.

— Я над этим задумалась. Со мной такого не

случалось.

— Ну и хорошо.

— Кроме одного раза. Однажды я вышла подмести перед крыльцом. И тут в доме зазвонил телефон. Было это около года назад. А я как раз ждала звонка. — Позвонить должен был одноклассник, но эту деталь Джуни решила опустить. — Ну вот, я бросила щетку и помчалась в дом. Ты же знаешь, что у пас на крыльце две ступеньки?

— Да, — ответил Рэгл, внимательно на нее взглянув.

— Я побежала. И сделала три шага. То есть я думала, что там еще одна ступенька. Нет, я, конечно, не произносила про себя: вот, мол, мне надо подняться на три ступеньки...

— Ты хочешь сказать, что машинально сделала три шага?

-Да...

— Упала?

— Нет. Вот если бы их было три, а я решила, что две, тогда бы я шлепнулась и выбила зубы. А тут — странное ощущение. Пытаешься сделать лишний шаг, а нога проваливается — хлоп!

Джуни замолчала. Каждый раз когда приходилось что-нибудь объяснять, она терялась

и путалась.

— Хм, — произнес Рэгл.

— Вик имел в виду что-то подобное, да?

— Хм, — снова промычал Рэгл, и она оставила эту тему. Было видно, что он не намерен ее обсуждать.

Джуни легла на спину, вытянулась в теплых лучах солнца и закрыла глаза. Она захватила с собой похожее на полотенце одеяло в бело-голубую полоску, на котором сейчас и лежала. Ее черный шерстяной купальник — трусики и лифчик — напоминал Рэглу о прошлом: машины с откидными сиденьями, футбольные матчи и оркестр Глена Миллера. Смешные радиолы из фанеры и дерева, которые они таскали на пляж. Торчащие из песка бутылки из-под кока-колы, длинноволосые блондинки, упирающиеся локтями в песок, как на рекламе «Когда-то я была пугалом».

Он предавался воспоминаниям, пока Джуни не открыла глаза. Как всегда в его присутствии, она была без очков.

— Привет!

— Ты очень привлекательная.

— Спасибо, — улыбнулась Джуни и снова закрыла глаза.

Привлекательная, думал он, хотя и не созревшая. Не то

чтобы тупая или умственно отсталая — просто застрявшая на старшем школьном возрасте.

По траве пронеслась визжащая стайка мокрых насквозь ребятишек. В бассейне плескалась молодежь, причем отличить парней от девушек можно было только по купальникам.

Неподалеку на обочине мороженщик развернул свою белую эмалевую тележку; позвякивали колокольчики, созывая детей.

Опять колокольчики, подумал Рэгл. Неужели ключ указывал на то, что я заберусь сюда с Джуни Блэк? С Джунией, как она любит себя называть, следуя испорченному вкусу.

Неужели я могу увлечься маленькой шлюшкой, вчерашней школьницей, выскочившей замуж за скромного трудягу и до сих пор предпочитающей банановый сок и всякую дрянь хорошему вину, доброму виски и даже крепкому темному пиву?

Великие умы, думал Рэгл, теряются при встрече с таким типом сознания. Единство и борьба противоположностей. Инь и ян. Старый доктор Фауст встречает подметающую дорожку крестьянку — и где все его книги, знания, философия?

Вначале было слово.

Или дело, если ты — Фауст.

Склонившись над спящей девушкой, Рэгл прошептал:

— Im Anfang war die Tat...

— Иди к черту, — пробормотала она.

— Ты хоть знаешь, что я сказал?

— Нет.

— И тебе не интересно?

Джуни с усилием открыла глаза и сказала:

— Слушай, все мои языковые познания — это два года испанского в школе. Так что не пудри мне мозги. — Нахмурившись, она повернулась на бок и отодвинулась.

— Это были стихи. Я хотел любить тебя.

Она откатилась назад и уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы я любил тебя? — спросил Рэгл.

— Надо подумать, — прошептала Джуни. — Нет, это у нас не пройдет. Билл или Марго накроют. Хлопот не оберешься, сколько будет неприятностей, тебя, чего доброго, еще попрут с конкурса.

— Все любят любовников. — С этими словами он склонился над ней, взял за горло и поцеловал в губы. Рот у нее оказался сухой и маленький.

Девушка попыталась вырваться, и ему пришлось схватить ее за шею двумя руками.

— На помощь, — слабо выдохнула она.

— Я люблю тебя, — сказал Рэгл.

Джуни дико на него посмотрела, зрачки стали горячими и черными, словно она подумала... Бог знает, что она подумала. Может, и ничего. Получилось, как будто он поймал маленького дикого тонкорукого зверька. Зверек был весьма подвижен, сопротивлялся и трепыхался под ним, его коготки впились ему в руку; но он не умел рассуждать, строить планы или смотреть в будущее. Если его отпустить — отскочит на несколько ярдов, оближет шкурку и все забудет. Страх пройдет, зверек успокоится и даже не вспомнит о случившемся.

«Могу поклясться, она каждый раз удивляется, когда в начале месяца приходит за платой почтальон, — подумал Рэгл. — Какие газеты? Какой почтальон? Почему два пятьдесят?»

— Хочешь, чтобы нас вышвырнули из парка? — прошипела Джуни ему в ухо. Ее лицо было прямо под ним — недовольное, сморщенное, сердитое.

Проходящая мимо пара заулыбалась.

Сознание девственницы, подумал Рэгл. Есть в ней что-то трогательное... наверно, способность

забывать, позволяющая каждый раз обретать невинность. Как бы далеко ни заходили ее отношения с мужчинами, она остается прежней. Такой же, как и была. В свитере и туфлях лодочкой. Даже когда ей исполнится тридцать, тридцать пять, сорок. Она станет больше пользоваться косметикой, сделает другую прическу, может быть, сядет на диету. Но в остальном будет неизменной.

— Ты же не пьешь, да? — От жары и глупой ситуации ему страшно захотелось пива. — Сходим в бар?

— Нет, — отмахнулась она. — Я хочу загорать.

Он помог ей подняться. Она сразу же села, наклонилась, чтобы поправить тесемки и отряхнуть траву с колен.

— Что скажет Марго? — начала Джуни. — Она и так шпионит за нами, вынюхивает, что бы еще откопать.

— Марго скорее всего сочиняет свою петицию. Они хотят заставить городские власти расчистить руины.

— Достойное дело. По крайней мере, лучше, чем интересоваться чужой жизнью.

Джуни вытащила из сумки лосьон для загара и принялась втирать его в плечи, демонстративно

не обращая на Рэгла внимания.

Он знал, что когда-нибудь своего добьется. Нужно только создать подходящую обстановку и настроение, а игра стоит свеч. Ради этого и поднапрячься не грех.

Ну и дурак же этот Блэк, сказал он себе.

Сразу за парком раскинулось неровное поле в бело-зеленых пятнах, глядя на которые Рэгл вспомнил Марго. Развалины. Отсюда их хорошо видно. Бетонные фундаменты бывшего города. Бульдозер так и не сровнял их с землей. Сами жилые дома и прочие сооружения давно рассыпались. Много лет назад, оставив после себя потрескавшиеся, изломанные, пожелтевшие каменные блоки. Отсюда они неплохо смотрелись.

Видны были снующие в развалинах ребятишки. Любимое место для игр. Сэмми тоже частенько там пропадает. Подвалы стали пещерами. Склепами. Наверное, Марго права: рано или поздно кто-нибудь там задохнется или заразится столбняком, оцарапавшись ржавой проволокой.

«А мы сидим здесь, — думал Рэгл. — Загораем на солнышке. В то время как Марго пытается положить муниципалитет на лопатки, принести пользу обществу».

— Что ж, нам пора, — обратился он к Джуни. — Мне еще надо оформить ответ.

«Это моя работа, — иронически подумал он. — А Вик сейчас надсаживается в своем супермаркете, а Билл — в водоканале».

От таких мыслей еще больше захотелось пива. Когда под рукой банка пива, его ничто не может вывести из себя. И щемящее беспокойство ощущается не так остро.

— Слушай, — сказал Рэгл, поднимаясь. — Я пройдусь вверх по холму и взгляну, нет ли у них пива. Все может быть.

— Только оденься.

— Ты что-нибудь будешь? Безалкогольное пиво? Кока-колу?

— Нет, спасибо, — ответила Джуни подчеркнуто вежливо.

Пробираясь к киоску по заросшему травой склону, он думал

о том, что рано или поздно ему придется столкнуться с Биллом Блэком. В схватке.

Трудно представить, как поведет себя Билл, когда узнает. Может, он из тех, кто без разговоров хватает охотничье ружье двадцать второго калибра и палит по ступившему на священное Елисейское поле, где, кроме него, смеет

прогуливаться лишь сам Господь Бог.

Рэгл вышел на цементированную дорожку, вдоль которой стояли деревянные скамейки. На них отдыхали люди, в основном пожилые — любовались склоном горы и бассейном внизу. Одна толстенькая старушка ему улыбнулась.

«Она что, знает?» — спросил он себя. То, что она видела там, внизу, — не счастливое весеннее заигрывание, а грех. Почти измена.

— Добрый день, — радушно сказал Рэгл.

Старушка так же радушно закивала в ответ.

Порывшись в карманах, он нашел немного мелочи. У киоска с прохладительными напитками выстроились в очередь ребятишки. Они стояли за пончиками. Кроме того, продавали пироги, эскимо и апельсиновый сок.

Вокруг было спокойно и тихо.

Неожиданно Рэгл испытал острый приступ отчаяния. Как все-таки бездарно он провел жизнь. Полюбуйтесь, в сорок шесть лет человек целыми днями сидит дома и разгадывает дурацкие конкурсные задания из газеты. Ни приличной уважаемой работы. Ни детей. Ни жены. Ни собственного дома. Валяет дурака с соседской женой.

Бессмысленная жизнь. Вик прав.

«Собственно, я могу и бросить этот конкурс, — подумал Рэгл. — Податься куда-нибудь. Попотеть в нефтеносных краях в пробковом шлеме. Или складывать цифры за конторкой в какой-нибудь страховой компании. Или заняться недвижимостью.

Все что угодно будет солиднее. Ответственнее. А так я все больше застреваю в затянувшемся детстве. Хобби... Все равно что клеить модели самолетиков».

Стоящий впереди ребенок получил свою конфетку и ускакал. Рэгл выложил пятьдесят центов.

— Пиво у вас есть?

Фраза прозвучала неожиданно смешно. Голос Рэгла был тонким и далеким. Продавец в белом фартуке и колпаке замер и уставился на него. Ничего не происходило. И звуки пропали. Дети, машины, ветер — все затихло.

Пятидесятицентовая монета провалилась сквозь дерево, упала и исчезла.

Умираю, подумал Рэгл. Или еще хуже.

Ужас охватил его. Он попытался что-нибудь сказать, но губы не двигались.

«Только не это! — подумал Рэгл. — Только не это опять! Со мной снова происходит то же самое».

Киоск с прохладительными напитками распался на куски. На молекулы. Он видел эти молекулы — бесцветные, вообще никакие; раньше они образовывали киоск. Потом сквозь киоск проступил возвышающийся позади него холм, деревья и небо. Рэгл увидел, как киоск с напитками просто исчез вместе с продавцом, кассовым аппаратом, огромной колбой апельсинового сока, кружочками под кока-колу и безалкогольное пиво, шеренгой заиндевевших бутылок, джемом для бутербродов, грилем для сосисок, банками с горчицей, полками со стаканчиками и целым рядом круглых металлических крышек, под которыми помещались различные сорта мороженого.

На месте всего этого лежал листочек бумаги. Рэгл протянул руку и взял его. Крупными буквами было напечатано:

КИОСК
С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

Повернувшись, Рэгл неуверенно пошел назад мимо играющих детей, мимо скамеек со старухами. По дороге сунул руку в карман пиджака и нащупал металлическую коробочку. Потом

остановился, открыл ее и взглянул на лежавшие

там листки. Добавил к ним еще один.

Итого шесть. Шесть раз.

Ноги подкашивались, на лице выступил ледяной пот. Он стекал за воротник, за зеленый шерстяной галстук.

Рэгл побрел вниз по склону, к Джуни.

ГЛАВА 4

После захода солнца Сэмми Нильсон еще целый час носился по развалинам. Вместе с Батчем Кляйном и Лео Тарски они натаскали такую кучу черепицы, что она тянула на серьезную оборонительную позицию. Ее можно было удерживать практически бесконечно. Теперь оставалось только набрать комьев грязи, желательно с длинными пучками травы, чтобы вести обстрел.

Подул вечерний ветер. Дрожа от холода, Сэмми присел за бруствер. Окоп, конечно, следовало углубить. Увидев торчащую из земли доску, он изо всех сил навалился на нее. Доска вывернула из земли несколько кирпичей, кучу золы, корни, траву и грязь. Внизу оказался проем между двумя бетонными плитами, служившими ранее либо фундаментом, либо частью водопровода.

Страшно подумать, что тут может храниться!.. Упав на живот, Сэмми принялся горстями выгребать штукатурку и куски бетона с торчащей проволокой. Руки саднило, но он продолжал лихорадочно работать.

Напрягая зрение, Сэмми разглядел торчащий

из расщелины желтый том. Телефонная книга. А за ней — вымоченные дождем журналы.

Он принялся за дело с удвоенной энергией.

Перед обедом в гостиной Рэгл попросил Вика уделить ему несколько минут. Увидев мрачное лицо зятя, Вик спросил:

— Хочешь, чтобы я закрыл дверь?

— Не надо, — сказал Рэгл.

— Это касается конкурса?

— Я решил добровольно из него выйти. Для меня это слишком. Напряжение и... Слушай! — Он наклонился к Вику, глаза налились кровью. — Вик, у меня нервный срыв. Марго ничего не говори. — Его голос задрожал. — Я хочу с тобой посоветоваться.

Вик растерянно молчал.

— Это из-за конкурса, — произнес он наконец.

— Может быть. — Рэгл сделал неопределенный жест.

— И давно?

— Уже несколько недель. Два месяца. Не помню.

Он замолчал, уставившись в пол.

— А ты говорил с людьми из газеты?

— Нет.

— Они же поднимут шум.

— Меня это не волнует! Я не могу продолжать. Мне нужно куда-нибудь уехать. Может быть, за границу.

— Дела, — выдохнул Вик.

— Я вымотался вконец. Отдохну полгодика, авось поможет. Могу заняться физическим трудом. Пойду на конвейер. Или поработаю где-нибудь на воздухе. Я хочу поговорить с тобой о финансовой стороне дела. За прошедший год я вносил в среднем около двухсот пятидесяти долларов в месяц на расходы.

— Да, — кивнул Вик. — Я знаю.

— Сможете вы с Марго обойтись без этой суммы? Платить за дом, за машину, за все остальное?

— Конечно, — ответил Вик. — Думаю, сможем.

— Я тебе выпишу чек на шестьсот долларов. На всякий случай. Если возникнет необходимость — используй его. Но лучше сделай вклад. Чеки действуют месяц или около того, а так будешь получать свои четыре процента.

— Ты еще не говорил Марго?

— Пока нет.

В дверях появилась Марго:

— Обед почти готов. Чего это вы сидите тут такие мрачные?

— Дела, — бросил Вик.

— Можно послушать?

— Нет, — сказали они одновременно.

Не говоря ни слова, она вышла.

— Продолжим, — сказал Рэгл, — если ты не против. Я, может быть, лягу в военный госпиталь. Я все-таки ветеран и имею право на медицинское обслуживание. Правда, сомневаюсь, что это по их части. Кроме того, думаю, не использовать ли закон о военнослужащих? Поступить в университет?

— На какой факультет?

- Ну, скажем, на философский.

Вику показалось это странным.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что философия — убежище и утешение.

— Не знаю. Может, когда-то и была. Для меня философия — нечто имеющее отношение к теории сверхчувствительной реальности и смыслу жизни.

— Ну и что тут плохого? — упрямо спросил Рэгл.

— Да ничего, если ты уверен, что это поможет.

— Я кое-что прочел в свое время, — сказал Рэгл. — Епископ Беркли. Идеалисты. Ну, например, — он махнул рукой в сторону стоящего в углу

пианино, — откуда мы знаем, что это пианино существует?

— Мы этого не знаем, — ответил Вик.

— Может быть, его и нет.

— Ты прости, — смущенно проговорил Вик, — но для меня это все игра слов.

Услышав это, Рэгл побелел как стена, челюсть его отвисла. Уставившись на Вика, он стал медленно подниматься из кресла.

— С тобой все в порядке? — не выдержал Вик.

— Я должен подумать, — с трудом выговорил Рэгл. Он наконец встал. — Ты меня извини. Мы как-нибудь потом поговорим еще. А сейчас обед или что там...

Рэгл вышел из комнаты.

«Бедняга, — подумал Вик. — Похоже, конкурс его доконал. Еще бы, сидеть целый день в одиночестве... бесцельно».

— Помочь тебе накрыть на стол? — спросил он жену.

— Все готово, — откликнулась Марго.

Рэгл прошел через столовую и скрылся в ванной.

— Что с ним? — поинтересовалась Марго. — Рэгл сегодня не в себе. Какой-то несчастный. Его не исключили из конкурса? Он бы, конечно, мне

сказал, но...

— Потом объясню.

Вик обнял и поцеловал жену. Она нежно к нему прижалась.

«Если бы у Рэгла была семья, ему было бы легче, — додумал Вик. — Семья. В этом мире нет ничего более важного. И никто не сможет этого отнять».

За обеденным столом Рэгл сидел глубоко погруженный **в** свои мысли. Расположившийся напротив него Сэмми болтал о своем клубе и его мощной военной технике. Рэгл не слушал.

Слова, думал он.

Центральная проблема философии. Отношение между словом и вещью... Что есть слово? Условный знак. Но мы живем словами. Наша реальность — это слова, а не вещи. Не может быть вещи самой по себе. Это уловка сознания. Слово более реально, чем вещь, которую оно обозначает.

Слово не представляет реальность; слово и есть реальность. Во всяком случае, для нас. Может быть, Бог имеет дело с предметами, мы — нет.

В его пиджаке, висящем сейчас в шкафу, лежала металлическая коробка, а в ней — шесть полосок бумаги.

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

ДВЕРЬ

ЗДАНИЕ ФАБРИКИ ШОССЕ

ПИТЬЕВОЙ ФОНТАНЧИК БУКЕТ ЦВЕТОВ

— Сколько можно тебе повторять: не играй там. — Громкий и резкий голос Марго сбил Рэгла с мысли. — Еще раз говорю, Сэмми, не смей! Я не шучу!

— Как продвигаются дела с петицией? — спросил Вик.

— Виделась с каким-то мелким чиновником. Он говорит, что сейчас у города нет средств. Просто зло берет, ведь в прошлый раз они утверждали, что уже заключили контракты и работы начнутся со дня на день. Их ничего не заставишь сделать! Ты просто беспомощен, любой человек против них беспомощен.

— Может, Билл Блэк сумеет затопить эти развалины?

— Ну да, — откликнулась она. — Значит лучше, если дети там утонут, вместо того чтобы свернуть себе шею?

После обеда, когда Марго мыла посуду на кухне, а Сэмми валялся перед телевизором, Рэгл и Вик продолжили разговор.

Попроси у организаторов конкурса отпуск, — предложил

Вик.

— Сомневаюсь, что они согласятся. — Рэгл достаточно хорошо знал правила.

— А ты попытайся.

— Может быть, — кивнул Рэгл, царапая пятно на столе.

— Надеюсь, ты не из-за меня расстроился?

— Нет, — покачал головой Рэгл. — Если кто и виноват, так это конкурс. И Джуни Блэк.

Теперь слушай, — сказал Вик. — Ты можешь найти кого-нибудь получше, чем Джуни Блэк. Речь идет даже не о личности, а о социальном статусе.

— Мне трудно думать о социальном статусе Билла и Джуни. И вообще, мне сейчас не до статусов.

— Объясни, что произошло.

— Ничего.

— Нет, объясни.

— Галлюцинация. — Рэгл пожал плечами. — Всего-навсего. Повторная.

— Можешь ее описать?

— Не хочу.

— Я не выведываю. Просто это тревожно. По-моему, тут что-то не так.

— Не так, — согласился Рэгл.

— Я не говорю о тебе, обо мне или еще о комлибо. Тут дело серьезнее.

— Время, — сказал Рэгл. — Похоже, оно свихнулось.

— Думаю, нам стоит сравнить ощущения.

— Я не стану рассказывать, что произошло со мной. Сейчас ты скорбно покиваешь головой, а завтра или через день будешь трепаться с покупателями, жевать резинку и ляпнешь что-нибудь такое... Поползут невероятные слухи. А с меня сплетен достаточно. Не забывай, я все-таки национальный герой.

— Себя ты всегда защитишь, — возразил Вик. — А так мы могли бы до чего-нибудь докопаться.

Рэгл промолчал.

— Нельзя вот так взять и замкнуться! — не выдержал Вик. — Я отвечаю за жену и сына. Ты что, уже не контролируешь себя? Ты сознаешь, что можешь натворить?

— Ну, на людей я бросаться не стану, — усмехнулся Рэгл. — Во всяком случае, у меня нет причин думать иначе.

— Мы все живем в одном доме, — настаивал Вик. — Представь, что я бы тебе сказал...

— Если почувствую, что становлюсь опасен, — перебил его Рэгл, — туг же уеду. В любом случае

уеду, может быть, даже через пару дней. Так что потерпи, и все будет нормально.

— Марго тебя не отпустит.

При этих словах Рэгл рассмеялся:

— Ей придется это сделать.

— А по-моему, главная причина — в твоей неудавшейся любви.

На этот раз Рэгл не ответил. Поднявшись из-за стола, он

прошел в гостиную, где Сэмми, улегшись перед телевизором, смотрел «Пушечный дым». Рэгл упал на диван и тоже уставился на экран.

С ним говорить нельзя, понял он.

Как плохо. Как чертовски плохо.

— Как тебе вестерн? — спросил он, когда фильм перебили рекламой.

— Классный, — бросил Сэмми. Из кармана его рубашки торчала скомканная бумага. Было видно, что она не раз побывала под дождем.

— Что это у тебя в кармане?

— А! — оживился Сэмми. — Это я строил укрепления в развалинах. Выкорчевал доску — а там целая стопка старых журналов, телефонная книга и еще много всякого.

Протянув руку, Рэгл вытащил бумагу из кармана мальчика — несколько волокнистых

листков. И на каждом из них крупными буквами напечатано по слову:

ЗАПРАВКА

КОРОВА

МОСТ

— Ты притащил это из развалин? — спросил Рэгл. Мысли его перепутались. — Ты что, выкопал это?

— Ага, — кивнул Сэмми.

— Можно я возьму?

— Нет.

Рэгл почувствовал ярость:

— Ладно. — Из последних сил он старался говорить убедительно. — Давай я тебе что-нибудь дам взамен. Или куплю.

— А зачем они тебе? — Сэмми оторвался от телевизора: — Они что, ценные, да?

— Я собираю такие, — честно ответил Рэгл. Он вышел в

коридор, вытащил из пиджака коробочку и принес ее в гостиную.

Сев рядом с мальчиком, он показал свои шесть листков.

— Десять центов каждый, — сказал Сэмми.

Всего у него было пять листков, но два оказались окончательно испорчены непогодой, и слова

совсем расплылись. Тем не менее Рэгл отдал пятьдесят центов, забрал все и ушел к себе думать.

Может быть, это розыгрыш, размышлял он. Я стал жертвой мистификации. Потому что я — «Знаменитый победитель первоклассного конкурса». Добился-таки славы.

Но это было бы глупо. Совсем глупо.

В полном недоумении Рэгл старательно разгладил все пять листков и положил их в коробку. В некотором смысле он сейчас чувствовал себя еще хуже, чем раньше.

Вечером он взял фонарь, надел темный плащ и отправился в сторону развалин.

Ноги еще ныли после прогулки с Джуни. По дороге Рэгл успел не раз усомниться в правильности своей затеи. Поначалу фонарь высвечивал только груды треснувшего бетона, ямы, наполовину затопленные весенними дождями, кучи досок и щебня. Некоторое время он бродил по развалинам, пытаясь высветить что-нибудь стоящее. Наконец, споткнувшись о проволоку, упал и уткнулся в сооруженное мальчишками укрытие из булыжников. Присев, Рэгл стал освещать землю вокруг сооружения. Удача! В одной из расщелин обнаружился

краешек желтой бумаги.

Рэгл сунул фонарь под мышку и принялся выкапывать находку двумя руками. Вскоре он извлек из земли растрепанный том. Сэмми оказался прав. Судя по всему, это действительно была телефонная книга, во всяком случае ее часть.

Кроме справочника, удалось выкопать остатки огромных глянцевых семейных журналов. Потом Рэгл сообразил, что светит в цистерну или канализационный люк. Слишком опасно, решил он. Лучше вернуться домой.

Какое заброшенное место! Неудивительно, что Марго пытается заставить городские власти навести здесь порядок. Они там, похоже, совсем свихнулись. Достаточно ведь одной сломанной руки, чтобы обратиться в суд.

Даже жилые дома рядом с развалинами казались темными и необитаемыми. Тротуары были почти полностью разрушены, все в ямах и трещинах.

Хорошенькое место для игр.

Придя домой, Рэгл притащил книгу и журналы на кухню.

Вик и Марго были в спальне, Сэмми уже спал. Расстелив на кухонном столе оберточную

бумагу, Рэгл осторожно выложил на него все, что принес.

Журналы совсем промокли. Он устроил их на батарее — сушиться. А сам приступил к изучению телефонной книги. Справочник был странный: шрифт более жирный и крупный, поля — непривычно большие. Похоже, это телефоны жителей какого-то небольшого городка.

Пригородные коммутаторы тоже оказались ему незнакомы. Флориан. Эдвардс. Лейксайд. Уолнат. Рэгл листал страницы без всякой цели, да и что можно было здесь найти? Разве что какая-нибудь необычная строчка сама бросится ему в глаза. По справочнику, например, нельзя было определить, какого он года. Прошлого? Десятилетней давности? Когда вообще начали печатать телефонные книги?

В кухню вошел Вик:

— Что это у тебя?

— Старый телефонный справочник.

Вик заглянул Рэглу через плечо. Потом открыл холодильник:

— Хочешь пирога?

— Нет, спасибо.

— Это тоже твое? — Вик кивнул в сторону сохнущих журналов.

— Да, — ответил Рэгл.

Вик вышел в гостиную, прихватив с собой два куска ягодного пирога.

Рэгл взял справочник и направился в холл к телефону. Там он присел на стул, набрал наугад номер. Спустя мгновение в трубке послышались щелчки и голос оператора произнес:

— Какой номер вы хотите набрать?

— Бриджлэнд 3-4465, — прочел Рэгл.

Последовала пауза.

— Пожалуйста, положите трубку и наберите еще раз, — бесстрастно предложила телефонистка.

Рэгл повесил трубку, немного подождал и повторил вызов.

На этот раз откликнулись немедленно.

— Какой номер вам нужен? — Голос в трубке был другой.

— Бриджлэнд 3-4465.

— Одну минуту, сэр.

Рэгл ждал.

— Прошу прощения, сэр. Пожалуйста, проверьте правильность номера.

— А в чем дело?

— Одну минуту, сэр, — сказала телефонистка, и в этот момент линия отключилась. На другом конце никого не было, он просто чувствовал

отсутствие живой субстанции. Рэгл ждал, но ничего не менялось.

Тогда он повесил трубку и через минуту повторил попытку.

На этот раз в трубке послышались резкие звуки, напоминающие сирену, пошел зуммер неправильно набранного номера. Сколько бы Рэгл ни крутил диск, в ответ звучал сигнал неправильного набора. Наконец он закрыл справочник, поколебался и вызвал оператора.

- Сэр?

— Я пытаюсь набрать Бриджлэнд 3-4465. — Рэгл не мог точно сказать, та ли это телефонистка. — Можете мне помочь? А то я все время получаю неправильный набор.

— Хорошо, сэр. Секундочку. — Долгая пауза. И потом: — Простите, сэр, какой вы назвали номер?

Рэгл повторил.

—

Этот номер отключен, — сказала телефонистка.

— Пожалуйста, наберите мне еще несколько номеров.

— Хорошо, сэр.

Он продиктовал ей несколько номеров со страницы. И все оказались отключены.

Конечно, старый справочник. Естественно. Так и должно быть. Старые номера отключаются. Рэгл поблагодарил телефонистку и повесил трубку.

Таким образом, ничего не удалось ни узнать, ни проверить. Могло быть и такое объяснение: номера относились к нескольким ближайшим городкам. Потом городки слились, и ввели новую систему номеров. Возможно, это произошло совсем недавно, год или два назад.

Рэгл вернулся на кухню, чувствуя себя совершенным дураком.

Журналы начали подсыхать. Он взял один из них и уселся в кресло. Края страниц обрывались, когда он пытался их переворачивать. Журнал был явно предназначен для семейного чтения, первая же статья оказалась о вреде курения и раке легких, затем шел материал о министре Даллесе и Франции. Потом статья о человеке, который поднялся по Амазонке вместе со своими детьми. Были также рассказы, вестерны, детективы и всевозможные приключения. Реклама, комиксы. Рэгл просмотрел комиксы и отложил журнал.

В следующем журнале было гораздо больше фотографий, и вообще он отдаленно напоминал «Лайф», хотя отпечатан был похуже. Обложка оторвалась, и Рэгл не мог сказать с уверенностью,

что это — «Лук» или «Кен».

Первая серия фотографий запечатлела жуткую железнодорожную катастрофу в Пенсильвании.

Следующая серия...

Очаровательная актриса скандинавского типа. Рэгл пододвинул лампу, чтобы лучше видеть страницу.

Лицо девушки обрамляла тяжелая копна волос, дивно расчесанных и довольно длинных. Она удивительно мило улыбалась, Рэгл не мог оторваться от этой наивной и доверчивой улыбки. Таких красивых лиц ему не приходилось видеть; кроме того, у нее была полная, чувственная шея, не такая, как у большинства актрис, а взрослая, зрелая шея и великолепные плечи. Ни малейшего намека на костлявость или дряблость. Смешение рас, решил Рэгл. Германские волосы. Швейцарская или норвежская шея.

Но по-настоящему его заворожила и повергла в состояние изумленного оцепенения фигура девушки.

Ну дела, сказал он себе. Как ей удалось? Такая невинная и такая развитая. А девушка, казалось, была просто счастлива демонстрировать свои прелести. Она слегка наклонилась вперед, при этом грудь ее вываливалась наружу — самая

мягкая, самая упругая и самая естественная грудь в мире. И очень теплая.

Имя девушки не сказало ему ничего. Рэгл решил, что лучшей матери для своего ребенка ему не сыскать.

— Вик, — крикнул он, переходя с журналом в гостиную, — взгляни-ка.

— Что там? — поинтересовалась Марго с другого конца комнаты.

— Тебе не понравится, — откликнулся Вик, отодвигая тарелку с пирогом.

— Она наклонилась, — заметил Рэгл.

— Что там, девушка? — спросила Марго. — Дайте взглянуть, не отберу.

Она подошла и встала рядом с Рэглом. Все трое разглядывали фотографию. Цветную, во всю полосу. Конечно, дождь изрядно подпортил страницу, но в том, что женщина уникальна, сомневаться не приходилось.

— У нее такое мягкое лицо, — прошептала Марго. — Такое утонченное и возвышенное.

— И чувственное, — добавил Рэгл.

Под фотографией стояла подпись: «Мэрилин Монро в Англии, во время съемок с сэром Лоренсом Оливье».

— Вы что-нибудь о ней слышали? — спросила

Марго.

Рэгл покачал головой.

— Наверное, это английская актриса, — предположил Вик.

— Да нет! — отмахнулась Марго. — Здесь же написано: «в Англии во время съемок». И имя скорее американское.

Они перешли к статье.

— О ней пишут как о знаменитости, — сказала Марго. — Толпы людей. Запруженные улицы.

— Это там, — заметил Вик. — В Англии.

— Вот, смотри, пишут о клубах ее поклонников в Америке.

— Откуда это у тебя? — спросил Вик.

— Из развалин. Из тех, которые вы так хотите расчистить.

— Наверное, журнал очень старый, — предположила Марго. — Но Лоренс Оливье еще жив. Я смотрела в прошлом году по телевизору «Ричарда Третьего».

Они переглянулись.

— Может быть, расскажешь теперь о своей галлюцинации? — спросил Вик.

— Что за галлюцинация? — вырвалось у Марго. Она переводила взгляд с одного на другого. — Так вот о чем вы шептались и не хотели, чтобы я

слышала?

После паузы Рэгл произнес:

— Да, дорогая, у меня была галлюцинация. — Он попытался ободряюще улыбнуться, но лицо сестры окаменело. — Только не смотри так, — взмолился Рэгл. — У меня возникла проблема со словами.

Сестра тут же перебила его:

— Трудности с произношением? О Господи, то же самое было с президентом Эйзенхауэром после удара.

— Нет, — отмахнулся Рэгл. — Совсем не то.

Вик и Марго ждали, но теперь, когда он захотел все объяснить, это оказалось почти невозможно.

— Я имею в виду, — проговорил он, — что вещи не являются тем, чем кажутся.

— Прямо как у Салливана, — заметила Марго.

— Все, — махнул рукой Рэгл. — Лучше я объяснить не умею.

— Значит, ты не думаешь, что сходишь с ума, — сказал Вик. — Ты же не считаешь, что проблема в тебе. Она снаружи. В самой природе вещей. Как моя история с выключателем на шнуре.

Рэгл долго молчал, наконец кивнул:

— Да, может быть.

По непонятным причинам ему не хотелось

увязывать
собственные ощущения со случаем Вика. Они отнюдь не казались ему равноценными.

«А может, это просто снобизм с моей стороны?» — подумал он.

Страшным, напряженным голосом Марго произнесла:

— Вам не кажется, что кто-то нас дурачит?

— Не понимаю, — нахмурился Рэгл.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Вик.

— Не знаю, — пробормотала Марго. — Но в «Дайджесте потребителя» советуют остерегаться мошенничества, ложных объявлений, недовесов и тому подобного. Мне кажется, эта статья о Мэрилин Монро — такая же «липа». Решили из заурядной статистки сделать звезду, якобы все ее знают. Теперь даже тот, кто впервые ее увидит в кино, скажет: как же, знаменитая актриса! А я, кроме пухлого вымени, ничего в ней не нахожу.

Марго замолчала и некоторое время сердито подергивала себя за ухо. Морщины на ее лбу стали глубже.

— Хочешь сказать, что это — фотомонтаж? — рассмеялся Вик.

— Нас опять одурачили, — поддержал его Рэгл. И туг же где-то глубоко внутри услышал

звон колокольчика. — Может быть, я не уеду, — добавил он.

— Ты что, собирался уезжать? — встревожилась Марго. — Никто не считает необходимым посвящать меня в свои дела!.. Так-таки собраться и уехать? Пришли хоть открытку с Аляски.

От горечи в тоне сестры Рэглу стало неловко.

— Не надо, — сказал он. — Прости меня, сестренка. Тем более я остаюсь. Так что не волнуйся.

— Ты решил бросить конкурс?

— Пока не решил, — пробурчал Рэгл.

Вик молчал. Повернувшись к нему, Рэгл спросил:

— Что, по-твоему, нам надо сейчас делать? Как будем разбираться со всем этим?

— Я пас, — бросил Вик. — Это ты умеешь докапываться — папки, цифры, графики... Начни все записывать. Ты же общепризнанный гений отгадок. Найди закономерность.

— Закономерность, — повторил Рэгл. — Да, пожалуй. — Ему как-то не пришло в голову подумать в этой связи о своем таланте. — Пожалуй.

— Сведи все воедино. Собери информацию, четко ее зафиксируй и посмотри, что будет

вырисовываться.

— Невозможно, — покачал головой Рэгл. — У меня нет точки отсчета.

— Начни с несоответствий. Этот журнал со всемирно известной кинозвездой, о которой мы и слыхом не слыхивали. Несоответствие чистой воды. Надо его весь просеять, строчку за строчкой. Посмотрим, сколько еще вылезет противоречий с тем, что мы знаем.

— И телефонный справочник! — добавил Рэгл. — Желтые страницы, деловой раздел. И, может быть, развалины... может, там есть что-нибудь еще.

Точка отсчета. Развалины.

ГЛАВА 5

Билл Блэк припарковал свой «форд» на привычном месте у здания ОМХ — отдела муниципального хозяйства. Оттуда он вразвалку прошел по дорожке к парадному входу и дальше, мимо секретаря в приемной — в свой кабинет. Первым делом открыл окно, потом снял шарф, пальто и повесил в шкаф. Холодный утренний воздух хлынул в комнату. Билл глубоко вздохнул, несколько раз потянулся, после чего сел во вращающееся кресло и повернул его к столу.

На столе ждали две записки. В первой оказалась какая-то чушь: советы домашней хозяйке, как жарить цыплят в арахисовом масле. Он кинул рецепт в мусорную корзину, развернул вторую записку и прочел:

«Объект пытался позвонить из дома в Бриджлэнд, Шерман, Девоншир, Уолнат и Кентфилд».

Не может быть, подумал Блэк. Он сунул бумажку в карман, вылез из-за стола и надел пальто. Потом закрыл окно, выбрался из кабинета, прошагал по коридору мимо секретаря, вышел на дорожку и дальше, через стоянку направился к своей

машине. Спустя мгновение Билл был уже на главной улице и ехал по направлению к центру.

Что ж, не бывает, видно, чтобы все шло как по маслу, думал он, ведя машину по утреннему городу. Интересно, что все это значит?

Незнакомец с улицы заглянул в дом и попросил разрешения позвонить? Вот, значит, как? Самому не смешно?

Сдаюсь, наконец сказал себе Билл. Это один из тех чертовых случаев, которые не поддаются анализу. И ничего не попишешь, надо просто подождать и спокойно разобраться. Кто звонил, почему и как.

Ну и каша.

Он припарковался через дорогу от редакции «Газетт», вышел из машины, опустил десять центов в счетчик и вошел в здание «Газетт» с черного хода.

— Мистер Ловери на месте? — спросил он девушку за конторкой.

— Думаю, что его нет, сэр. Если хотите, можете подождать, я попрошу, чтобы его нашли.

— Спасибо. Скажите, что здесь Билл Блэк.

Девушка набрала несколько номеров:

— Мне очень жаль, мистер Блэк, но мистер Ловери еще не вернулся. Будете ждать?

— Буду, — мрачно бросил Билл. Он сел в кресло, закурил, потом сцепил руки.

Спустя пятнадцать минут в холле раздались голоса, распахнулась дверь и на пороге появилась высокая фигура Стюарта Ловери в мешковатом твидовом костюме.

— А, мистер Блэк, рад вас видеть!

— Угадайте, что я нашел в кабинете.

Билл Блэк протянул бумажку. Ловери внимательно ее прочел.

— Вот это да! Я удивлен, — проговорил он наконец.

— Непредвиденный случай, — сказал Блэк. — Один шанс из миллиона. Скажем, кто-нибудь взял и выписал себе телефоны хороших ресторанов, сунул листок в шляпу, потом сел в один из грузовиков доставки, и при разгрузке листок из шляпы выпал. — Идея увлекла его. — Например, при разгрузке капусты. А Вик Нильсон заносил кочан в хранилище, увидел листок и решил, что он может пригодиться. Список хороших ресторанов. Принес его домой и прилепил над телефоном.

Ловери неуверенно улыбнулся.

— Интересно, догадался кто-нибудь записать номера, по которым он звонил? — спросил Билл

Блэк.

— Сдается мне, кому-то из нас придется идти в дом, — задумчиво промолвил Ловери. — Я до конца недели вообще-то не планировал. А ты можешь пойти сегодня.

— Допускаешь, что нас кто-то предал?

— Очень может быть. — Ловери кивнул.

— Вот и я так думаю.

— Давай прикинем, что тут можно сделать.

— Я зайду к ним сегодня, — сказал Блэк. — После обеда. Что-нибудь покажу Рэглу и Вику. И попутно попробую разведать... — Билл Блэк собрался уходить, затем передумал: — Как он справился с вечерним заданием?

— Вроде нормально.

— Рэгл снова не в себе. Все признаки. У заднего крыльца целый мешок пустых пивных банок. Как он может поглощать столько пива и еще работать? Три года я за ним наблюдаю и в толк не возьму.

— В этом-то и весь секрет, — невозмутимо произнес Ловери. — Дело вообще не в Рэгле, а в пиве.

Кивнув на прощание, Блэк вышел из помещения «Газетт».

Одна мысль не давала ему покоя. Все можно

уладить. Внести соответствующие поправки. Все... кроме одного. Если РэгЛ придет в норму.

Вечером после работы Блэк выехал из муниципалитета и остановился возле аптеки. Он выбрался из машины и зашел

внутрь. Внимание привлекли стоящие пучком шариковые ручки. Выдернув несколько штук, он направился к выходу.

— Эй, мистер! — окликнул его продавец.

— Простите, — сказал Блэк, — просто забыл.

Это было правдой, ибо на мгновение у него вылетело из головы, что надо еще совершить кое-какие формальности. Он вытащил из кошелька деньги, получил сдачу и поспешил к машине.

Билл решил прийти к Нильсонам с этими ручками, якобы в муниципалитет по почте прислали бесплатные образцы, но служащим не разрешили ими пользоваться.

Может, вам, ребята, пригодятся эти ручки? Вик? Рэгл?

Билл несколько раз проиграл сценку сам с собой.

Лучший метод — всегда самый простой.

Остановившись

у дома, он взбежал по ступенькам и распахнул дверь. Джуни, свернувшись в клубочек на

кушетке, пришивала пуговицу к блузке. При его появлении она замерла и испуганно подняла глаза. По полному вины и лести взгляду Билл догадался, что она опять гуляла с Рэглом. При этом они держались за руки и обменивались вздохами.

— Привет.

— Привет, — откликнулась Джуни. — Как на работе?

— Все то же самое.

— Угадай, что сегодня случилось?

— А что сегодня случилось?

— Я пошла в прачечную за твоими вещами, — заторопилась Джуни, — и столкнулась с Бернис Уилкс. Ну, заговорили о школе — мы с ней учились в Кортезе, — а потом она подвезла меня на своей машине, мы перекусили и сходили в кино. **Я** только что вернулась. Так что на обед у нас два куска замороженного пирога.

Она испытующе на него посмотрела.

— Обожаю мясной пирог, — сказал Билл.

Джуни поднялась с дивана. В длинной юбке с оборками, сандалиях, в блузке с низким вырезом и с огромными, как медали, пуговицами она выглядела очаровательно. Волосы были искусно уложены и собраны на затылке в классический

узел.

— Ты просто прелесть, — прощебетала она. — А я думала, ты придешь в ярость и расшумишься.

— Как Рэгл?

— Я не видела Рэгла сегодня.

— Ладно, — Билл согласно кивнул. — Д как он выглядел, когда ты видела его в последний раз?

— Надо вспомнить, когда я видела его в последний раз.

— Ты видела его вчера, — напомнил Билл.

— Нет. — Джуни моргнула.

— Так ты мне сказала вчера вечером.

— Да? — пролепетала она. — Разве?

Эти моменты доставали его больше всего. Бог с ними, пусть они с Рэглом творят что угодно, но зачем потом придумывать нелепые истории, которые противоречат одна другой и все еще больше запутывают? А самое главное, ему действительно надо знать о состоянии Рэгла.

Идиотизм совместного проживания с женщиной, выбранной за приветливый нрав...

Джуни могла совершить глупейший промах, а могла поступить правильно. Если же ее спрашивали о происшедшем, тут же срабатывала внутренняя установка на ложь во спасение, и все безнадежно стопорилось. Нужна была женщина,

способная творить непристойности, а потом их спокойно обсуждать. Однако уже ничего не изменить.

— Расскажи мне о старине Рэгле Гамме, — попросил Билл Блэк.

— Я знаю, что ты меня подозреваешь, но это лишь отражение твоей собственной извращенной психики. У невротиков так все время.

— Ты просто расскажи мне, пожалуйста, — едва сдерживаясь, произнес Билл, — как Рэгл чувствовал себя эти дни. Меня не волнует, чем вы с ним занимались.

Это подействовало.

— Так вот слушай! — Безумный голос Джуни разносился по всему дому. — Чего ты от меня добиваешься? Хочешь, чтобы **я** призналась, что у нас с Рэглом что-то было, да? Я, кстати, целый день сидела и думала — знаешь, о чем?

— Не знаю.

— О том, что я, наверное, оставлю тебя, Билл. Мы с Рэглом куда-нибудь уедем.

— Вдвоем? Или возьмете Зеленого Человечка?

- Намекаешь на его способ зарабатывать деньги? Хочешь сказать, он не обеспечит нас двоих?

— Ну тебя к черту, — махнул рукой Билл Блэк и пошел в соседнюю комнату.

Джуни преградила ему дорогу:

— Ты презираешь меня за то, что я не такая образованная!

По лицу ее текли слезы, оно распухло и покраснело. Теперь

Джуни не выглядела привлекательной.

Прежде чем Билл успел ответить, звякнул колокольчик на входной двери.

— Дверь, — сказал Блэк.

Джуни уставилась на него, потом повернулась и вышла из комнаты. Он слышал, как она открыла, слышал ее возбужденный, срывающийся голос, отвечающий другой женщине.

Любопытство заставило его выглянуть в прихожую.

На пороге стояла крупная, робкая на вид дама средних лет. В руках она держала кожаную папку, на рукаве была повязка.

Гостья монотонно бормотала, одновременно копаясь в бумагах.

— Гражданская оборона, — пояснила Джуни.

Видя, что она слишком расстроена, чтобы вести разговор, Билл подошел к двери и занял ее место.

— В чем дело?

Женщина еще больше оробела, прокашлялась и ответила тихим голосом:

— Простите, что беспокою вас во время обеда, но я ваша соседка, живу рядом на этой улице. По поручению комитета обхожу все дома. Гражданской обороне очень нужны добровольцы в дневное время. Может быть, кто-нибудь из вас сможет помочь нам подежурить часок-другой в течение этой недели...

— Не думаю, — перебил ее Блэк. — Моя жена не работает, но у нее много других обязанностей.

— Понятно, — кивнула женщина. Она записала что-то в своем блокнотике, потом застенчиво улыбнулась. Судя по всему, ей отказали впервые. — В любом случае благодарю вас. — Она неуверенно замешкалась в дверях, не зная, как уйти. — Меня зовут миссис Кейтелбайн. Кей Кейтелбайн. Мой дом на углу. Двухэтажный старый дом.

— Хорошо, — сказал Билл, слегка прикрывая дверь. Вернулась Джуни, прижимая к лицу носовой платок.

— Может быть, — голос ее все еще дрожал, — вам помогут в соседнем доме. Там живет мистер Гамм, он часто свободен. Рэгл Гамм.

— Спасибо, миссис... — женщина благодарно закивала.

— Блэк, — подсказал Билл. — Всего доброго.

Он закрыл дверь и включил свет на крыльце.

— Вот так целый день, — всхлипнула Джуни. — Коммивояжеры, торговцы щетками и прочей дребеденью... — Она сумрачно посмотрела на мужа и сложила платок по-новому.

—

Я вовсе не хотел ссориться, — примирительным тоном произнес Билл.

Толку от нее не добиться. Вот они, интриги, неизбежно

порождаемые

домашним затворничеством. Домохозяйки в этом смысле еще хуже политиков.

— Пойду посмотрю пирог, - сказала Джуни, направляясь на кухню.

Засунув руки в карманы, Билл побрел следом, все еще намереваясь извлечь из жены какую-нибудь информацию.

Кей Кейтелбайн прошла с тротуара на дорожку, ведущую к соседнему дому.

Дверь

ей открыл высокий, полный, добродушный человек в белой рубашке и темных неглаженных

брюках.

— Простите, вы — мистер Гамм?

— Нет, я Виктор Нильсон. Но Рэгл дома. Заходите. — Он придержал дверь, и женщина вошла. — Присядьте, — сказал Вик. — Я его сейчас позову.

— Большое спасибо, мистер Нильсон.

Посетительница расположилась на стуле у двери, держа на

коленях папку с брошюрами. В доме было тепло и уютно. Пахло обедом. Не очень удачное время для посещений, подумала она. Самое обеденное время.

Со своего места миссис Кейтелбайн видела столовую: есть еще не садились. Приятная женщина с каштановыми волосами расставляла тарелки. Она внимательно посмотрела на гостью, и миссис Кейтелбайн кивнула в ответ.

И тогда в холл вышел Рэгл Гамм.

Благотворительность, определил он с первого взгляда.

— Да? — сказал Рэгл, внутренне цепенея.

Невзрачная испуганная женщина поднялась со стула.

— Мистер Рэгл Гамм, — начала она, — простите, что беспокою вас, но я здесь по поручению

комитета гражданской обороны.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

Потом она объяснила, что живет по этой же улице, ближе к центру. Слушая, он не переставал удивляться, почему она выбрала его, а не Вика. Может, из-за известности. Он привык к бесчисленным предложениям по почте пожертвовать свои выигрыши делу, которое его переживет.

— Да, в течение дня я дома, — признался Рэгл, когда посетительница замолчала. — Но я работаю. У меня есть занятие.

— Речь идет о часе или двух в неделю, — настаивала миссис Кейтелбайн.

Броде бы немного.

— А что нужно делать? — спросил Рэгл. — Машины у меня нет, если вас интересуют водители.

Как-то раз к нему приходили из Красного Креста, искали добровольцев-водителей.

— Нет-нет, мистер Гамм, — засуетилась миссис Кейтелбайн, — у нас устные беседы на тему бедствий.

Вот это попали в точку.

— Здорово придумано! — воскликнул Рэгл.

— Простите?

— Занятия по бедствиям. Звучит хорошо. Какие-нибудь особые бедствия?

— Гражданская оборона имеет дело с бедствиями в результате наводнений или ураганов. Конечно, всех волнуют водородные бомбы, особенно сейчас, когда Советский Союз создал новое оружие. Мы хотим обучать жителей, как надо действовать в критический момент. Оказание первой помощи, эвакуация, умение отличать зараженную пищу от незараженной. Вот, например, мистер Гамм, мы советуем каждой семье иметь в доме семидневный запас еды и питьевой воды.

Все еще сомневаясь, Рэгл сказал:

— Хорошо, миссис, оставьте мне свой телефон, я подумаю.

Миссис Кейтелбайн прямо на рекламном листке написала

карандашом свое имя, адрес и телефон.

— Вас порекомендовала ваша соседка, миссис Блэк, — сообщила она.

— Вот как! — воскликнул Рэгл. До него тут же дошло, что Джуни придумала новый способ встречаться. — Значит, живущие поблизости тоже будут посещать эти занятия? Пожалуй, я согласен.

— Чудесно! — обрадовалась миссис Кейтелбайн. — Будем надеяться, что люди придут.

— Запишите меня, — попросил Рэгл. — Уверен, что час или два я всегда найду.

Миссис Кейтелбайн удалилась, рассыпаясь в благодарностях.

Дверь за ней закрылась.

Джуни-то — молодец, сказал он про себя. А сейчас — обед.

— Хочешь сказать, что ты записался? — спросила Марго, когда все сели за стол.

— Почему бы и нет? — ответил Рэгл. — Это разумно и патриотично.

— Но ты же по горло загружен своим конкурсом.

— Два часа в неделю ничего не решают, — возразил он.

— Теперь я буду чувствовать себя виноватой, — вздохнула Марго. — Мне целыми днями нечего делать, а ты работаешь. Может, я запишусь вместо тебя?

— Нет, — вздрогнул Рэгл. Вот уж что будет некстати. — Тебя они не приглашают. Пойду я.

— Как-то несправедливо получается, — заметил Вик. — Что, женщины не могут проявить свой патриотизм?

— Я тоже патриот! — вмешался Сэмми. — У нас на заднем дворе самый крупный ядерный полигон США, отрабатывается вариант удара по Москве. — Он изобразил атомный взрыв.

— Как твой детекторный приемник? — поинтересовался Рэгл.

— Классно, я его закончил.

— Поймал что-нибудь?

— Пока ничего, — ответил Сэмми. — Но вот-вот поймаю.

— Расскажешь потом нам, — предложил Вик.

— Надо только самую малость допаять, — сказал Сэмми.

Когда Марго убрала тарелки и подала десерт, Вик спросил;

— Тебе что-нибудь удалось, Рэгл?

— Остановился на шести; — ответил тот. — Как обычно.

— Я о другом.

Фактически Рэгл ничего и не делал. Работа над заданием заняла все время.

— Начал выписывать из журналов отдельные факты, — сказал он. — По разделам. Хотя, по-моему, это мало что дает.

Он выбрал двенадцать разделов: политика, экономика, кино, искусство, преступления, мода,

наука и т. д.

— Я просмотрел раздел автомобильных компаний и названия фирм, — добавил Рэгл. — «Шевроле», «Плипут», «де Сото». Все на месте, кроме одной.

— Какой же? — поднял брови Вик.

— «Такер».

— Странно.

— Может быть, представитель фирмы работает под своим личным именем, — предположил Рэгл. — Что-то вроде «Норман Г. Селкирк, представитель фирмы “Такер”». Как бы то ни было, вот тебе информация к размышлению.

— Почему Селкирк? — спросила Марго.

— Да просто так. Первое попавшееся имя.

— Просто так ничего не бывает, — возразила она. — Фрейд доказал, что всему есть психологическое объяснение. Подумай об этом имени. Что тебе напоминает слово «Селкирк»?

Рэгл задумался.

— Возможно, я натолкнулся на него, когда листал телефонный справочник. — Проклятые ассоциации, подумал он. Словно в этих ключах к заданиям. Как бы человек ни старался, контролировать ассоциации невозможно. Они все равно нами управляют. — Понял! —

воскликнул он вдруг. — Так звали героя книги «Робинзон Крузо». Александр Селкирк.

— Не знал, что эта история основана на реальном событии.

— Именно так, — подтвердил Рэгл. — Один моряк пережил кораблекрушение на необитаемом острове.

— Интересно, почему ты его вспомнил, — сказала Марго. — Человек провел несколько лет на острове, создал вокруг себя свой собственный мир. Все необходимое, одежду...

— Потому что, — прервал ее Рэгл, — я сам два года провел на таком острове во время второй мировой войны.

— У тебя уже есть какая-нибудь теория? — спросил Вик.

— Насчет того, что все не так? — Рэгл незаметно кивнул в сторону Сэмми.

— Все нормально, — Вик махнул рукой. — Он в курсе всех дел. — Скажи-ка ном, что не так, Сэмми!

— Они пытаются нас одурачить, — ответил мальчик.

— Это он от меня услышал, — пояснила Марго.

— Кто пытается? — спросил Вик.

— Ну... враги, — ответил Сэмми, подумав.

— Какие враги? — спросил Рэгл.

Сэмми снова задумался и сказал:

— Те, которые нас окружают со всех сторон. Я не знаю, как их назвать. Но они везде. Может быть, это красные.

— А как у них это выходит? — спросил Рэгл.

Доверительно к нему наклонившись, Сэмми прошептал:

— У них одурачивающие пушки. Бьют прямой наводкой.

Все засмеялись. Сэмми покраснел и принялся смущенно

ковырять пустое блюдце.

— Атомные пушки? — переспросил Вик.

— Я уже не помню, атомные или нет, — пробормотал мальчик.

— Мы здорово от него отстали, — заметил Рэгл.

После обеда Сэмми ушел в свою комнату. Марго принялась за посуду на кухне, а мужчины прошли в гостиную. И почти сразу раздался звонок в дверь.

— Наверное, вернулась твоя приятельница, миссис Кейтелбайн, — бросил Вик, направляясь к двери.

На пороге стоял Билл Блэк.

— Привет, — сказал он, входя. — У меня для вас

что-то есть, ребята. — Он кинул Рэглу сверток, и тот поймал его. Шариковые ручки, и, судя по виду, неплохие. — Пара штук там для тебя, — обратился Блэк к Вику. — Прислала одна фирма с севера, но мы их взять не можем. Представителям городских властей запрещено принимать подарки. Любой подарок надо в тот же день съесть, выпить или выкурить, а хранить нельзя.

— Их вполне можно отдавать нам, — предложил Вик, разглядывая ручки. — Что ж, спасибо, Билл. Они хорошо мне послужат в магазине.

«Интересно, — подумал Рэгл, — не рассказать ли обо всем Блэку?» Он перехватил взгляд Вика. Ему показалось, что тот одобрительно кивнул, и Рэгл спросил:

— У тебя есть свободная минута?

— Думаю, да, — удивленно ответил Блэк.

— Мы хотим тебе кое-что показать.

Вик уже собрался идти за журналами, когда Рэгл неожиданно сказал:

— Подожди. — Повернувшись к Биллу, он спросил: — Ты что-нибудь слышал о Мэрилин Монро?

Лицо Блэка как-то странно напряглось:

— А что?

— Так слышал или нет?

— Конечно, слышал.

— Да он хитрит! — воскликнул Вик. — Думает, что это розыгрыш, и боится клюнуть.

— Скажи честно, — попросил Рэгл. — Это не розыгрыш.

— Ну конечно, я о ней слышал, — сказал Блэк.

— Кто это?

— Она... — Блэк посмотрел, слышат ли его Сэмми и Марго из соседней комнаты. — Это секс-бомба. Актриса из Голливуда.

«Будь я проклят!» — подумал Рэгл.

— Подождите. — Вик вышел и вернулся с иллюстрированным журналом. Держа его так, чтобы Блэк ничего не видел, он спросил: — Какая ее картина считается самой лучшей?

— Ну, это дело вкуса, — Блэк пожал плечами.

— Тогда назови любую.

— «Укрощение строптивой».

Рэгл и Вик вдвоем просмотрели всю статью, но шекспировская пьеса не упоминалась ни разу.

— Назови еще одну. Такой здесь нет.

— Зачем все это? — Блэк раздраженно взмахнул рукой. — Я редко хожу в кино.

— Судя по тому, что здесь пишут, — продолжил Рэгл, — она вышла замуж за видного драматурга. Как его зовут?

— Артур Миллер, — не задумываясь, ответил Блэк.

Ну вот, подумал Рэгл. Теперь будем выяснять.

— Почему же тогда мы ее не знаем? — спросил он Блэка.

— Только не вините в этом меня, — презрительно фыркнул Блэк.

— А давно она знаменита?

— Нет, не очень. Помните Джейн Рассел? В «Изгнаннике»?

— Нет, — сказал Вик. Рэгл тоже покачал головой.

— Как бы то ни было, — Блэк был явно смущен, хотя изо всех сил старался этого не показать, — из нее сделали звезду в течение суток.

Он замолчал и подошел ближе к журналу.

— Что это? Можно посмотреть?

— Валяй, — разрешил Рэгл.

Полистав журнал, Билл Блэк пожал плечами:

— Да ему несколько лет! Думаю, эта актриса уже исчезла из виду. Но когда я ухаживал за Джуни, еще до свадьбы, мы частенько заглядывали в кинотеатры, и я помню именно этот фильм, «Джентльмены предпочитают блондинок». Здесь про него пишут.

Вик крикнул в сторону кухни:

— Слышишь, Марго, дорогая, Билл Блэк ее знает!

Марго вошла в комнату, продолжая протирать тарелку с голубым китайским рисунком.

— Да? Ну, это все проясняет.

— Что проясняет? — спросил Блэк.

— Мы предполагаем, что над нами экспериментируют, — сказала Марго.

- Кто?

— Нам троим кажется, что происходит нечто странное.

— Где происходит? — переспросил Блэк. — Не пойму, о чем идет речь.

Никто ему не ответил.

— Что вы еще мне покажете? — поинтересовался он.

— Ничего, — ответил Рэгл.

— Они нашли телефонную книгу, — пояснила Марго. — Вместе с журналами. Часть телефонной книги.

— Где вы все это берете?

— А тебе, черт побери, какое дело? — не выдержал Рэгл.

— Мне до этого дела нет, — ответил Блэк. — Только я вижу, что вы тут совсем рехнулись. — Он раздражался все больше. — Дайте-ка взглянуть

на эту книгу.

Вик взял справочник и протянул Блэку. Тот сел в кресло и принялся листать его с хмурым выражением лица.

— Ну и что? Справочник откуда-то с севера штата. Этими номерами уже не пользуются.

Билл захлопнул книгу и швырнул на стол:

— Вы меня удивляете, все трое. Особенно ты, Марго. — Он протянул руку, взял справочник и пошел к двери. — Через день-другой я вам его верну. Хочу полистать. Может, удастся найти кое-кого из Джуниных одноклассников в Кортесе. Она многих не может разыскать. В основном девчонок. Наверное, все повыходили замуж.

Было слышно, как за ним захлопнулась входная дверь.

— Он очень расстроился, — сказала Марго после паузы.

— Даже не знаю, что и подумать. — Вик пожал плечами.

Рэгл хотел было пойти за Биллом и вернуть книгу, но понял, что это сейчас совершенно бесполезно.

Взлетев на крыльцо, Билл, как сумасшедший, рванул дверь и промчался мимо жены к телефону.

— Что случилось? — вскинулась Джуни. — Ты что, подрался с ними? С Рэглом? Я хочу знать, что он сказал. Если он сказал, что между нами что-то было, он лжец.

— Перестань, — взмолился Билл. — Пожалуйста, Джуни. Ради Бога. Это по работе.

Он долго смотрел на нее, пока она не повернулась и не ушла.

— Алло? — прозвучал в трубке голос Ловери.

Билл присел на корточки и прижал трубку ко рту, чтобы Джуни не слышала.

— Я был у них. Им попалась телефонная книга, действующая. Сейчас она у меня. Сам не знаю, как мне удалось ее выцарапать.

— Ты выяснил, откуда она у них?

— Нет, — признался Блэк. — Честно говоря, просто растерялся. Слушай, мне, правда, стало не по себе, когда я зашел, а они говорят: «Блэк, ты знаешь такую актрису — Мэрилин Монро?» А потом выволокли пару покоробленных журналов и чуть не швырнули мне в лицо. Я пережил несколько отвратительнейших минут.

Билл до сих пор дрожал, пот выступил у него на лбу и на висках. Удерживая трубку плечом, он изловчился и вытащил из кармана сигарету с зажигалкой. Зажигалка выскользнула и

укатилась. Билл обреченно проследил за ней взглядом.

— Понятно, — сказал Ловери. — У них же нет Мэрилин Монро... Это портит всю игру.

— Еще как. — Блэк поморщился.

— Ты. говоришь, журналы и телефонная книга были покороблены?

— Да. Очень сильно.

— Значит, они нашли их в гараже или на улице. А может, в развалинах разбомбленных военных складов. Мусор, кстати, все еще там. Вы его так и не убрали.

— А при чем здесь мы? — завелся Блэк. — В конце концов, это собственность округа, пусть они и убирают! К тому же там ничего нет. Одни бетонные блоки и система отвода радиоактивных отходов.

— Возьмите в муниципалитете грузовик, несколько человек и зацементируйте чертовы развалины. Поставьте забор.

— Мы пытались получить разрешение из округа, — выпалил Блэк. — В любом случае, я не думаю, чтобы они нашли все это там. А если и так, — я говорю если! — то лишь потому, что кто-то унавозил почву.

— Лучше сказать — обогатил.

— Да, парочкой самородков.

— Может быть.

— А значит, когда мы зацементируем развалины, те, кто это сделал, переберутся поближе к дому. С чего бы вообще Вик или Марго туда полезли? Пройти полмили через весь город... — И тут он вспомнил про петицию Марго. Кажется, все становится на свои места. — Впрочем, ты, возможно, прав, — сказал он.

А может, подумал Блэк, это Сэмми понатаскал? Неважно. Главное — книга здесь.

— Ты не думаешь, что они что-нибудь пронюхали, пока телефонный справочник был у них? — спросил Ловери. — Кроме номеров, по которым пытались позвонить?

Блэк понял, что имелось в виду.

— Люди никогда не ищут в справочниках свой номер, — ответил он. — Это просто не приходит в голову.

— Книга у тебя?

— Да.

— Прочти, что он мог найти.

Придерживая телефон, Билл Блэк принялся листать покоробленные, грязные страницы, пока не дошел до Р.

Рэгл Гамм, глава корпорации.

Двадцать пятое отделение: Кентвуд 6-0457 с пяти вечера до восьми утра: Уолнат 4-3965 Морской отдел: Рузвельт 2-1181 Первая площадка: Бриджфилд 8-4290 Вторая площадка: Бриджфилд 8-4291 Третья площадка: Бриджфилд 8-4292 Канцелярия: Уолнат 4-3882 В экстренных случаях: Шерман 1-9000

— Интересно, что бы он сделал, если бы открыл эту страницу? — вслух подумал Блэк.

— Одному Богу известно. Скорее всего впал бы в кому.

Блэк попытался вообразить разговор Рэгла Гамма с любым из абонентов двадцать пятого отделения корпорации Рэгла Гамма.

Жуткий получился бы разговорчик. Такой, что и представить себе невозможно.

ГЛАВА 6

На следующий день, придя из школы, Сэмми Нильсон отнес в сарай свой барахлящий детекторный приемник. Дверь украшала дощечка из отцовского магазина:

ФАШИСТАМ, НАЦИСТАМ, КОММУНИСТАМ, ФАЛАНГИСТАМ,
ПЕРОНИСТАМ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ГЛИНКИ И БАХА ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

И отец, и дядя посчитали, что это — лучшая вывеска, и он прикрепил ее над входом. Мальчик отпер дверь и втащил в сарай приемник. Потом запер дверь на засов и зажег керосиновую лампу. Вынул заглушки из смотровых щелей и некоторое время наблюдал, не следят ли за ним враги.

Никого не было видно. Только пустой двор. Белье на веревке. Серый дым из ящика для сжигания мусора.

Мальчик сел за стол, надел наушники и начал двигать контактную пружину по кристаллу. Затрещали разряды. Передвигал ее, пока не услышал (или ему показалось, что услышал) слабые, тонкие голоса. Тогда он остановил

пружину и начал

медленно менять частоту колебательного контура, перемещая контакт по настроечной катушке. Один голос вырвался из треска, мужской и едва слышный — слов не разобрать.

Наверное, не хватает антенны, подумал Сэмми. Нужно больше проволоки.

Выйдя из сарая и заперев за собой дверь, он принялся бродить по двору. Заглянул в гараж: там у дальней стенки отец оборудовал небольшую мастерскую. Сэмми тщательно обследовал полку и нашел большой круг неизолированной стальной проволоки. Она бы сгодилась для крепления картины к стене или для развешивания белья. Мальчик решил, что возражать никто не будет.

Он оттащил проволоку к сараю, взобрался на крышу и прикрепил ее к антенне своего приемника. Получилась одна огромная — во весь двор — антенна.

Наверное, будет лучше, если ее поднять повыше, решил Сэмми. Во дворе валялся длинный шест, к нему мальчик и прикрепил другой конец проволоки, после чего затащил шест на крышу. Тут оказалось, что проволока провисает и ее надо натягивать.

Тогда он вернулся в дом и поднялся на второй этаж, откуда был выход на крышу.

Снизу донесся голос матери:

— Сэмми, уж не собираешься ли ты вылезти на крышу?

— Нет! — крикнул Сэмми. Уже вылез, добавил он про себя, производя между тем сложные вычисления. Если лечь на живот и подползти к самому краю, то можно дотянуться до торчащего с крыши сарая конца шеста. Только к чему потом привязать проволоку? Разве что к телевизионной антенне...

Сказано — сделано. Сэмми удовлетворенно вздохнул и побежал вниз, в сарай. Усевшись за столом перед приемником, он взялся за контакт.

На этот раз мужской голос в наушниках звучал отчетливо. То и дело его заглушали другие — целое море голосов. Сэмми настраивал приемник, дрожа от возбуждения. Наконец остановился на самом громком голосе.

— ...они длинные и похожи на хлебные батончики. Кусая, вы рискуете сломать себе зубы. Не знаю, для чего их делают. Скорее всего — для свадеб, где всегда много незнакомых людей, а закуски, как правило, не хватает.

Человек говорил неторопливо, делая большие

паузы между словами.

— ...и так везде. Даже в шоколадных. Есть такой сорт, белый, с орехами. Мне они напоминают выбеленные черепа в пустыне, черепа гремучих змей, североамериканских зайцев. Как вам такое понравится? Сломать зубы о череп гремучей змеи... — Человек захохотал так же размеренно и неторопливо, как и говорил: — Ха-ха-ха! Ну что, Леон, пожалуй, все. Да, чуть не забыл. Ты помнишь, твой брат Джим утверждал, что в жару муравьи ползают быстрее? Так вот, я проверял и не могу с ним согласиться. Спроси его, уверен ли он сам в том, что говорит. Потому что после нашего последнего разговора я не поленился и несколько часов наблюдал за муравьями — в самое пекло они ползали ничуть не быстрее обычного.

— Что-то непонятное, — пробурчал Сэмми.

Он настроился на другой голос. Этот человек говорил очень быстро:

— Си Кью, вызываю Си Кью, Дабл-ю 3840 вызывает Си Кью, Дабл-ю 3840 вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, слышите меня? Дабл-ю 3840 вызывает Си Кью, Дабл-ю 3840 вызывает Си Кью, ответьте Дабл-ю 3840-му...

И так без конца. Сэмми продолжил поиск.

Следующий голос звучал так протяжно, что он сразу же пошел дальше.

— Нет... нет... еще... что? Нет... я так не считаю...

Отмороженный какой-то, разочарованно подумал Сэмми.

Но приемник работал!

Значит, надо искать еще.

Несколько раз Сэмми вздрагивал от резкого свиста и шипения. Потом пошли отчаянные точки-тире. Он знал, что это азбука Морзе. Может быть, с тонущего корабля в Атлантике... экипаж пытается пробиться на шлюпках сквозь горящую на воде нефть.

Одна из частот оказалась интереснее:

— ...ровно в 3.36. Я проведу. — Долгая пауза. — Да, проведу с этого конца. А вы держите курс. — Молчание. — Держите курс. — Молчание. — Хорошо, ждите. Что? — Очень долгое молчание. — Не больше чем 2.8. Вы поняли? Северо-восток. Хорошо. Правильно.

Сэмми посмотрел на свои часы с Микки-Маусом. Было как раз 3.36.

И тут в небе над сараем раздался оглушительный гул, от которого мальчик вздрогнул. А в наушниках зазвучал голос:

— Вы приняли? Да, я вижу, он меняет

направление. Хорошо, на сегодня все. Да. Хорошо. Конец связи.

Все затихло.

— Ну дела! — выдохнул Сэмми. — Интересно, что скажут папа и дядя Рэгл, когда услышат такое?

Сбросив наушники, он выскочил из сарая и побежал к дому.

— Мам! Где дядя Рэгл? Работает в гостиной?

Марго возилась на кухне с посудой.

— Пошел отправлять ответ, — сказала она. — Сегодня он рано закончил.

— Ну надо же! — в отчаянии воскликнул Сэмми.

— А что случилось? — поинтересовалась мать.

— Я поймал по детекторному приемнику космический корабль или что-то такое. Хотел, чтобы он послушал. — Сэмми затоптался кругами, не зная, чем заняться.

— Хочешь, я послушаю? — спросила мать.

— Давай, — неуверенно сказал мальчик и пошел в сарай. Марго последовала за ним.

— Только совсем недолго, — предупредила она. — До обеда у меня еще масса дел.

В четыре часа Рэгл отправил с почты конверт с ответами. «На два часа раньше срока, — подумал

он. — Могу, значит, если захочу». Домой он поехал на такси, однако вышел на углу возле старого серого двухэтажного дома с покосившимся крыльцом. Здесь нас Марго не застукает. Дальше соседнего двора она не ходит.

Поднявшись на крыльцо, Рэгл позвонил в один из трех медных звонков. За кружевными шторами в конце длинного высокого коридора раздался мелодичный звон.

Мелькнул силуэт. Дверь открылась.

— А, это вы, мистер Гамм! — воскликнула миссис Кейтелбайн. — Я вам забыла сказать, когда начинаются занятия.

— Ничего страшного, — улыбнулся Рэгл. — Я проходил мимо и решил подняться и спросить.

— Занятия у нас два раза в неделю. Во вторник в два, в четверг в три. Легко запомнить.

Рэгл осторожно поинтересовался:

— Как прошла запись? Вы довольны?

— Не скажу, чтобы был оглушительный успех, — улыбнулась миссис Кейтелбайн. Сегодня она не выглядела такой усталой. На ней был серо-голубой халат и домашние тапочки. Исчезла болезненность, она уже не походила на старую деву, обожающую своего кастрированного кота и поглощающую детективы. Скорее уж на

активную прихожанку, из тех, что проводят благотворительные распродажи. Размер дома, количество

звонков и почтовых ящиков указывали на то, что немалую часть своих доходов миссис Кейтелбайн получает от домовладения. Дом, очевидно, был разделен на отдельные квартиры.

— Вы не могли бы, — спросил Рэгл, — припомнить кого-нибудь из записавшихся? Я буду чувствовать себя уверенней, если в группе окажутся знакомые люди.

— Мне надо посмотреть списки. Может быть, зайдете?

— Конечно.

Миссис Кейтелбайн пошла по коридору и скрылась в одной из дверей в самом конце. Подождав немного, Рэгл пошел следом.

Размер комнаты поразил его. Она больше походила на огромную, продуваемую всеми сквозняками аудиторию. Камин был переделан в газовый обогреватель. В дальнем углу комнаты напротив высокого окна и непонятного назначения желтой двери располагались несколько стульев. Миссис Кейтелбайн стояла у полки с огромной книгой, какими обычно пользуются бухгалтеры.

— Не могу найти. — Она обезоруживающе улыбнулась и захлопнула свой гроссбух. — Список у меня есть, но в этом беспорядке... — Женщина обвела рукой неприбранную комнату. — Мы сейчас готовимся к первому занятию. Вот, например, стулья. Их нам не хватает. Кроме того, нужна доска. Правда, средняя школа пообещала одну... — Неожиданно миссис Кейтелбайн взяла его за руку. — Послушайте, мистер Гамм, в подвале есть тяжелая дубовая столешница, я целый день ищу, кто бы помог Вальтеру, моему сыну, поднять ее наверх. Вы не откажетесь?.. Вальтер считает, что вдвоем можно справиться за несколько минут. Я как-то пыталась ее приподнять, но не смогла.

— С удовольствием, — ответил Рэгл. Он снял пиджак и перекинул его через спинку стула.

В комнату легкой походкой вошел долговязый улыбающийся подросток в белом свитере, джинсах и черных спортивных туфлях.

— Добрый день, сказал он смущенно.

Миссис Кейтелбайн представила их друг другу и повела по немыслимо крутой лестнице в сырой бетонный подвал, где Рэгл увидел лишенную изоляции проводку, пустые банки, затянутую паутиной ветхую мебель, матрасы и старинную

раковину для посуды.

Дубовый стол уже подтащили к самой лестнице.

— Прекрасный старинный стол, — заметила миссис Кейтелбайн. — Он принадлежал моему отцу — деду Вальтера.

Ломающимся голосом Вальтер сказал:

— Он весит около ста пятидесяти фунтов. Можно взять его снизу, я сперва повернусь спиной и подниму, а потом вы подхватите, хорошо?

Юноша опустился на колени и взялся за низ стола.

За годы военной службы Рэгл привык гордиться своими физическими возможностями, но сейчас, приподняв стол до уровня пояса, он запыхтел как паровоз и едва не выронил ношу, когда Вальтер стал поворачиваться к нему лицом.

Трижды пришлось опускать стол на ступеньки: один раз, чтобы отдохнул Рэгл, и два раза потому, что дубовый монстр просто не пролезал в проемы и приходилось вертеть его то так, то этак. Наконец стол был водворен в огромную комнату со сквозняками. Тут он со стуком выскользнул из рук, и этим все кончилось.

— Я очень вам благодарна, — сказала миссис Кейтелбайн, выключив свет на лестнице. —

Надеюсь, вы не ушиблись: стол оказался тяжелее, чем я думала.

Ее сын выглядел так же смущенно, как и вначале.

— Вы тот самый мистер Гамм — победитель конкурса?

— Да, — ответил Рэгл.

— Может быть, — юноша находился в явном замешательстве, — мне не следует задавать таких вопросов, но я всегда мечтал поговорить с человеком, зарабатывающим кучу денег на конкурсах... Вы рассматриваете свой заработок как удачу или как большой гонорар? Ну, скажем, один адвокат получает больше других, потому что у него котелок варит получше. Или вот старые художники, чьи картины идут сейчас за миллионы...

— Для меня это тяжелый труд, — сказал Рэгл. — Так я его и рассматриваю. А работаю я, бывает, и по восемь, и по десять часов в сутки.

— Ну да, — кивнул юноша. — Я понимаю.

— А как все началось? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Сам не знаю, — признался Рэгл. — Увидел газету с заданием и послал ответ. Это было почти три года назад. Так и втянулся. Я с первого раза

прислал правильный ответ.

— А я нет, — сказал Вальтер. — Ни разу не угадал, а посылал раз пятнадцать.

— Мистер Гамм, — обратилась к Рэглу миссис Кейтелбайн, — прежде чем вы уйдете, я бы хотела кое-что вам дать. Для поддержки.

Она быстро вышла в соседнюю комнату.

«Сейчас принесет пирожное, — подумал Рэгл. — Или два». Но женщина вернулась с яркой наклейкой.

— Это для вашей машины. — Она протянула наклейку
Рэглу. — На заднее стекло. Самоклеющаяся. Опустите в теплую воду — и прямо лепите. Бумага слезет, эмблема останется.

— У меня нет сейчас машины, — заметил Рэгл.

— А! — разочарованно протянула она.

— Тогда ее можно приклеить сзади на пиджак. — Вальтер заржал как жеребец, но вполне дружелюбно.

— Очень жаль, — смущенно пробормотала миссис Кейтелбайн. — В любом случае, спасибо вам большое. Очень хотелось вас отблагодарить, теперь прямо не знаю как. Постараюсь сделать занятие как можно более интересным, хорошо?

— Отлично! — сказал Рэгл. Он взял пиджак

и направился к выходу. — Мне пора. Значит, увидимся во вторник, в два.

В углу комнаты у окна стояла модель какой-то штуки. Рэгл остановился, чтобы лучше рассмотреть.

— Мы этим будем пользоваться, — сообщила миссис Кейтелбайн.

— А что это? — поинтересовался Рэгл.

Вещица весьма походила на макет военного укрепления. Квадратное сооружение, внутри которого можно было разглядеть несущих службу солдат. Макет был выкрашен в коричнево-зеленый и серый цвета. Рэгл потрогал торчащий из крыши пулеметный ствол и обнаружил, что он вырезан из дерева.

— Как настоящий!

— Мы таких сделали несколько штук. На занятиях по гражданской обороне для младших групп. В прошлом году, когда мы еще жили в Кливленде. А мама их привезла сюда. Да они, наверное, никому больше и не нужны. — Вальтер снова громко засмеялся. Смех был скорее нервный, чем невежливый.

— Это копия мормонского форта, — объяснила миссис Кейтелбайн.

— Черт побери, я этим интересуюсь! —

воскликнул Рэгл. — Вы знаете, я ведь принимал участие во второй мировой на тихоокеанском театре.

— Да, припоминаю, я читала о вас что-то подобное, — сказала миссис Кейтелбайн. — Вы ведь знаменитость. Время от времени про вас пишут в журналах. Вы, кажется, удерживаете рекорд как самый долговечный лидер всех известных телевизионных и газетных конкурсов?

— Что-то вроде этого, — подтвердил Рэгл.

Вы видели крупные сражения на Тихом океане? — спросил Вальтер.

— Нет, — честно ответил Рэгл. — Меня и еще одного парня забросили на безымянную кучу грязи в океане, где, кроме нескольких кокосовых пальм, ржавой железной будки, передатчика и метеоприборов, ничего не было. Напарник следил за погодой, а я передавал сводки на военно-морскую базу в двухстах милях к югу от нас. Это занимало около часа. Остальное время я развлекался тем, что пытался предсказать погоду. Это не входило в мои обязанности, мы должны были передавать данные приборов, прогнозы составляли на базе. Но у меня хорошо получалось. Достаточно мне было взглянуть

на небо и на приборы, чтобы почти всегда дать точный прогноз.

— Я думаю, для флота и армии очень важно знать погодные условия, — заметила миссис Кейтелбайн.

— Шторм, — сказал Рэгл, — может сорвать операцию по высадке морского десанта, разбросать конвой грузовых судов. И изменить ход войны.

— Может быть, там вы и научились угадывать, — предположил Вальтер. — Ставили на погоду.

Рэгл рассмеялся:

— Да, именно этим мы и занимались. Заключали пари, какая будет погода. Я, например, говорил, что в десять пойдет дождь, а напарник утверждал, что нет. Так и скоротали пару годков. И еще пили пиво. Когда нам завозили продовольствие, то оставили запас пива, рассчитанный, я думаю, на взвод. Единственная проблема заключалась в том, что мы не могли его охладить. Теплое пиво день за днем...

«Что-то я ударился в воспоминания», — подумал Рэгл. Двенадцать, нет, тринадцать лет назад... Ему тогда было тридцать три. Работал в паровой прачечной, когда однажды в почтовый ящик опустили повестку.

— Слушай, мама! — возбужденно воскликнул Вальтер. — Есть идея! А что, если мистер Гамм расскажет на занятиях о своем боевом опыте? Это создаст эффект присутствия... Он наверняка еще не забыл и курс боевой подготовки: личная безопасность при обстреле, действия в критических ситуациях...

— Вряд ли я смогу рассказать больше, чем написано в уставе, — сказал Рэгл.

— Но вы же помните всякие случаи, которые произошли с другими солдатами, — настаивал Вальтер. — Необязательно говорить о том, что случилось именно с вами.

Мальчики все одинаковы, подумал Рэгл. Этот рассуждает так же, как Сэмми. Сэмми — десять, Вальтеру, наверное, уже шестнадцать. Но они оба ему нравились. И он воспринимал их слова как комплимент.

«Вот она, слава, — усмехнулся про себя Рэгл. — Моя награда за то, что я самый великий в истории победитель газетного конкурса. Мальчикам от десяти до шестнадцати кажется, что я — личность».

Это его развлекло. И он сказал:

— Во вторник я приду в полной генеральской форме.

Глаза мальчика расширились, он оцепенел.

— Вы шутите? Четырехзвездный генерал?

— Именно так, — как можно торжественнее ответил Рэгл. Миссис Кейтелбайн улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

В половине шестого, после закрытия магазина, Вик Нильсон собрал всех кассиров.

— Послушайте. — Вик обдумывал это целый день. Шторы на окнах были опущены, посетители разошлись. Помощники кассиров подсчитывали выручку и заряжали ленты на следующий день. — Я прошу вас о небольшой услуге. Речь идет о психологическом эксперименте. Займет это тридцать секунд. Хорошо? — Он обращался к Лиз, она была лидером коллектива; если она скажет «да», остальные тоже согласятся.

— А завтра нельзя этого сделать? — воскликнула Лиз. Девушка уже надела плащ и переобулась в туфельки на каблуках. В них она смотрелась как красотка с рекламы ананасового сока.

На это Вик ответил:

— Моя жена уже приехала и ждет меня. Если я не выйду

через минуту, она за мной зайдет. Так что много времени мы не потратим.

Трое других кассиров, низкорослые мужчины,

выжидающе смотрели на Лиз. Они по-прежнему оставались в белых фартуках, с карандашами за ухом.

— Ну ладно. — Девушка погрозила Вику пальцем. — Валяй. Только без хитростей. Давно пора двигать отсюда.

Вик подошел к продуктовой полке, вытряхнул фасоль из бумажного пакетика и принялся его надувать. Лиз и кассиры мрачно следили за его действиями.

— Я хочу, чтобы вы сделали вот что, — начал Вик, подняв над головой пакет. — Сейчас я хлопну и выкрикну команду. Мне надо, чтобы вы исполнили все в точности. Ни о чем не

думайте, просто сделайте то, что я скомандую. Я хочу, чтобы вы отреагировали мгновенно. Понятно?

Жуя резинку, добытую из ящика с конфетами, Лиз процедила:

— Да, все понятно. Давай хлопай и кричи.

Все четверо повернулись к Вику, встав спиной к широкой стеклянной входной двери. Это была единственная дверь, через которую входили и выходили из магазина.

— Ну... — Вик поднял пакет над головой и крикнул: — Бегите! — и тут же хлопнул пакет.

От его крика все вздрогнули, но, когда с оглушительным треском разорвался мешок, кассиры бросились бежать, как зайцы.

Ни один человек не побежал к двери. Всей группой они кинулись влево, к колонне. Шесть, семь, восемь шагов... Кассиры остановились, злые и запыхавшиеся.

— Ну и что? — Лиз пришла в себя. — Для чего это было надо? Ты сказал, что вначале хлопнешь, но сперва закричал. Почему?

— Спасибо, Лиз, — сказал Вик. — Отлично получилось. Можешь идти на свидание.

Выходя из магазина, кассиры смотрели на него с сочувствием.

Помощник кассира, возившийся с выручкой и кассовым аппаратом, спросил:

— Мне тоже надо было бежать?

— Нет, — машинально ответил Вик, размышляя над экспериментом.

— А я попытался было спрятаться под кассу, — сказал помощник.

— Спасибо, — пробормотал Вик. Выйдя из магазина, он закрыл за собой дверь и направился к «фольксвагену».

В машине оказалась огромная черная немецкая овчарка. Она внимательно следила за

приближающимся Виком. На переднем бампере была глубокая вмятина. И грязь по всей машине.

Вот тебе и психологический эксперимент. Машина-то не моя. Просто «фольксваген» заехал на стоянку в то самое время, когда обычно приезжала Марго. А все остальное — уже результат работы подсознания.

Вик развернулся и побрел к магазину. Когда он приблизился, стеклянная дверь распахнулась, высунулся помощник кассира и сказал:

— Виктор, вас спрашивают. Жена.

— Спасибо. — Он придержал дверь, вошел внутрь и направился к телефону.

— Дорогой, — начала Марго, — извини, что не заехала, ты все еще ждешь? Может, сегодня поедешь автобусом? Если ты устал, я, конечно, примчусь, но, думаю, на автобусе будет просто быстрее.

— Хорошо, — ответил Вик.

— Я была у Сэмми в сарае, он мне дал послушать свой приемник. Это потрясающе.

— Ну хорошо, — оборвал Вик, собираясь вешать трубку. — Пока.

— Мы слушали самые разные станции и...

Попрощавшись с помощником кассира, Вик пошел к остановке автобуса. Вскоре он уже

ехал домой вместе с продавцами и служащими, старушками и школьниками.

Курить в общественных местах запрещалось, но он так разволновался, что все-таки закурил, выпуская дым в окно, чтобы не беспокоить соседку.

Эксперимент удался, подумал он. Сработал даже лучше, чем я предполагал. Казалось бы, кассиры должны разбежаться в разные стороны: один — к двери, другой — к стене, третий — от двери. Это подтвердило бы его предположение, что смоделированная ситуация оказалась для них случайной. И что большая часть их жизни прошла в другом месте, где-то еще, а где именно — никто из них и не помнит.

Но… у каждого должны были сработать собственные рефлексы. Индивидуальные. А кассиры все бросились в одну сторону. Бежать туда было бессмысленно, но они действовали одинаково. Они отреагировали как группа, а не как отдельные личности.

Значит, прошлый жизненный опыт был у всех одинаков.

Как могло такое произойти?

Его теория это не объясняла.

Стараясь не надымить в автобусе, Вик мысленно

нащупывал новую гипотезу, но с ходу ничего не выходило.

Разве что, подумал он, существует какое-нибудь простенькое объяснение, вроде того, что все четверо посещали какое-нибудь заведение, жили вместе в общежитии, несколько лет подряд питались в одном кафе или ходили в одну школу...

В окружающей реальности есть трещины и щели, в которые она утекает, а внутрь просачивается другая.

Капелька здесь, две-три в том углу. Мокрое пятно проступило на потолке. Но где-то они смыкаются... И что все это значит?

Вик решил рассуждать логически. Во-первых, давай разберемся, как ты к этому пришел, сказал он себе. Переел ласэни, бросил игру с хорошими, кстати, картами и побежал в ванную принять таблетку.

Было ли что-нибудь до этого?

«Пожалуй, нет, — решил он. — До этого был солнечный мир. Дети бегали, коровы мычали, собаки виляли хвостами. По воскресеньям хозяева подстригали лужайки и слушали спортивные репортажи по телевизору. Так мы могли жить вечно.

Ничего не замечая.

Правда, была еще галлюцинация Рэгла. А что, собственно говоря, за галлюцинация? Рэгл так толком и не рассказал. Каким-то образом она совпадает с моими ощущениями, — размышлял Вик. — Рэгл, выходит, тоже заглянул за грань реальности. Расковырял дырочку. Или она сама раскрылась перед ним, может, даже разорвалась с треском, зазияла провалом.

Мы можем свести воедино все известные факты, но это ничего не даст, кроме осознания, что здесь что-то не так. А это было нам известно с самого начала. Догадки не дают решения, они лишь показывают, как далеко простирается неправильность мира.

И все же, — думал Вик, — мы ошиблись, когда позволили Биллу Блэку уйти с нашей книгой.

А
что делать сейчас? Продолжать эксперименты?

Не стоит. Хватит и одного. Того, что он непроизвольно поставил в ванной. Даже последний эксперимент принес больше вреда, чем пользы — ничего не подтвердилось, зато суматохи вышло предостаточно.

Хватит морочить себе голову, — решил он. — С меня довольно! Что я, собственно, знаю?

Наверное, Рэгл прав и нам стоит начать с серьезных философских книг, скажем, с Беркли и всех остальных, как их там...

Может быть, — подумал Вик, — если я вот сейчас изо всех сил зажмурю глаза, так, чтобы осталась только щелочка света, если изо всех сил сосредоточусь на этом проклятом автобусе, на уставших, отупевших домохозяйках с полными сумками, на щебечущих школьницах, клерках, уткнувшихся в вечерние газеты, водителе с красной шеей... может, все они просто исчезнут. Поскрипывающее сиденье подо мной, выхлопы дыма каждый раз, когда автобус трогается с места, рывки, покачивание, реклама над окнами. Может, все это возьмет и исчезнет?»

Зажмурившись, он попытался отключиться от автобуса и пассажиров. Через десять минут голова пошла кругом. Пупок, тупо соображал Вик. Надо сконцентрироваться на одной точке. Он выбрал кнопку на противоположной стене автобуса. Круглый белый звонок. Ну давай, внушал Вик. Исчезай.

Исчезай.

Исче...

Ис...

И...

Вздрогнув, Вик проснулся. Оказывается, он задремал. Укачало, как и многих в автобусе. Головы пассажиров равномерно покачивались в такт движению. Влево-вправо. Вперед. Вбок. Вправо. Влево. Автобус остановился на перекрестке. Головы застыли под прямым углом.

Откинулись назад, когда автобус тронулся с места.

Наклонились, когда автобус затормозил.

Исчезайте.

Исчеза...

Ис...

И вдруг сквозь полуприкрытые глаза Вик увидел, что пассажиры исчезли.

Ну, подумал он, получилось!

Нет. Не так.

Ни автобус, ни пассажиры ни капельки не исчезли. Но все внутри начало странным образом изменяться — как и в эксперименте с кассирами, выходило совсем не то, чего ожидал Вик.

Черт бы вас взял! Исчезайте!

Стены автобуса вдруг стали прозрачными. Он увидел сквозь них тротуар и магазин. Тонкие опорные стойки, скелет автобуса. Металлические ребра жесткости пустого пространства. Без сидений. Только условная линия посадки, поверх

которой застыли, будто чучела, бесформенные тени. Неживые. Чучела наклонялись вперед и назад, вперёд и назад. Впереди, как и прежде, сидел водитель. Водитель ничуть не изменился. Та же красная шея. Сильная, широкая спина. За рулем пустотелого автобуса.

С пустотелыми людьми. Вик был единственным человеком в автобусе. Он и водитель. А автобус двигался. Ехал по городу из деловой его части в жилые районы. Водитель вез его домой.

Когда Вик снова открыл глаза, качающиеся пассажиры были на месте. Продавцы. Клерки. Школьники. Шум, запах и болтовня

Все экспериментируешь, подумал Вик. А если бы провалился сквозь пол и вылетел на улицу? Или перестал бы существовать, как остальные? Мысль наполнила его страхом.

Может быть, это видел Рэгл?

ГЛАВА 7

Когда он приехал, дома не было ни души. На мгновение его охватила паника.

— Марго!

Вик метался по комнатам, отчаянно пытаясь взять себя в руки.

Наконец он заметил открытую дверь на задний двор. Вышел и огляделся. По-прежнему никаких признаков домашних. Ни Рэгла, ни Марго, ни Сэмми — никого.

Вик пошел по дорожке мимо бельевых веревок, мимо клумбы с розами к прилепившемуся к забору сарайчику Сэмми.

Как только он постучал, открылась смотровая щель и блеснули глаза сына.

— Привет, папа!

Засов вытащили, и дверь распахнулась. В сарае с наушниками на голове сидел за столом Рэгл. Рядом с ним перед большой стопкой бумаги — Марго. Оба что-то строчили, покрывая лист за листом торопливыми записями.

— Что происходит? — спросил Вик.

— Ведем радиоперехват, — ответила Марго.

— Это я вижу. Но что вы принимаете?

Не снимая наушников, Рэгл повернулся к нему. Глаза его блестели.

— Ловим их радиостанции.

—

Чьи? — воскликнул Вик. — Чьи радиостанции?

— Рэгл говорит, могут потребоваться годы, чтобы это узнать, — сказала Марго. Она была необычайно оживлена. Сэмми вообще застыл в экстазе. Вик никогда не видел их в таком состоянии.

— Мы научились на них настраиваться, на их волну, — продолжала Марго. — И уже приступили к записи. Вот, посмотри. — Она пододвинула к нему кипу бумаги. — Мы записываем, что они говорят.

— Радиолюбители? — переспросил Вик.

— Да, — Рэгл кивнул, — а также переговоры между кораблями и базой. База, очевидно, где-то поблизости.

— Кораблями... — повторил Вик. — Ты имеешь в виду морские суда?

Вместо ответа Рэгл показал наверх.

О Боже, подумал Вик. И тут он почувствовал их возбуждение и нервозность. Их безумие.

— Когда они проходят над нами, — стала объяснять Марго, — звук ясный и чистый.

Примерно одну минуту. Потом затухает. Мы слышим их разговоры, не просто обмен позывными, а разговоры. Они много шутят.

— Да, очень много, — подтвердил Рэгл. — Прямо хохмачи какие-то.

— Дайте послушать, — попросил Вик.

Он сел за стол, и Рэгл надел на него наушники.

Радиообмен продолжался. Кто-то передавал информацию. Вик немного послушал.

— Расскажите, что вы тут выяснили. — Он был слишком возбужден, чтобы воспринимать гудящий в наушниках голос. — Вы можете что-нибудь объяснить?

— Пока ничего, — сказал Рэгл, но в голосе его звучало удовлетворение. — Неужели ты не понимаешь? Мы знаем, что они есть.

— Мы и раньше это знали, — заметил Вик. — Каждый раз когда они пролетали.

Рэгл и Марго, да и Сэмми вроде, тоже несколько разочаровались. Возникла пауза, Марго посмотрела на брата. Рэгл произнес:

— Это трудно объяснить...

Снаружи послышались голоса. Марго предостерегающе подняла руку. Все замерли.

Кто-то был во дворе и искал их. Вик услышал шаги на дорожке. Снова, на этот раз совсем

близко, раздался голос:

— Есть тут кто-нибудь?

— Это Билл Блэк, — негромко сказала Марго.

Сэмми приоткрыл смотровую щель.

— Да, — прошептал он. — Это мистер Блэк.

Отодвинув сына в сторону, Вик приник к щели. Билл Блэк стоял посередине дорожки, озираясь в поисках хозяев. Он выглядел растерянным и озабоченным. Ясно, что он только что побывал в доме и обнаружил его незапертым и пустым.

— Интересно, что ему надо? — посетовала Марго. — Давайте сидеть тихо, и он уйдет. Думаю, он пришел пригласить нас на обед или прогулку.

Они подождали.

Билл Блэк бродил по двору, пиная траву.

— Эй, люди! — крикнул он. — Да куда вы делись, черт побери!

Тишина.

— Я себя буду по-дурацки чувствовать, если он найдет нас здесь, — нервно рассмеялась Марго. — Как будто мы — дети... А он ужасно смешон. Представляю, как он вытягивает шею, пытаясь нас разглядеть. Неужели думает, что мы прячемся в траве?

На стене сарая висела игрушечная лазерная винтовка, подаренная Сэмми к Рождеству. Вся

в грозных насадках и прицелах. На коробке было написано: «Бластер для поражения ракет и роботов. Оружие двадцать третьего века. Способно разрушать скалы». Несколько недель Сэмми носился по дому, разя все подряд, потом наступила весна, и бластер был водворен на стену, как трофей, устрашающий одним своим видом.

Вик снял винтовку с крюка. Открыл дверь сарая и вышел наружу.

На дорожке, спиной к нему, стоял и кричал Билл Блэк:

— Эй, люди, где вы?

Вик присел, наставил ствол на Блэка и произнес:

— Ну, теперь тебе конец.

Билл резко повернулся, увидел оружие и побледнел. Потом медленно поднял руки. И лишь тогда разглядел сарайчик, Рэгла, Марго и Сэмми, выглядывающих из двери, яркую эмаль игрушки и все ее насадки, рожки и кольца. Руки опустились, и он сказал:

— Ха-ха!

— Ха-ха, — ответил ему Рэгл.

— Что вы делаете? — спросил Блэк.

Из дверей дома Нильсонов показалась Джуни

Блэк. Она медленно спустилась с крыльца, подошла к мужу и положила руку ему на плечо; оба стояли нахмурившись.

— Привет, — сказала Джуни.

Из сарая вышла Марго.

— И чем вы, интересно, здесь занимаетесь? — спросила она Джуни таким тоном, от которого у женщин идут мурашки по коже. — Бродите по нашему дому, как по собственному?

Блэки опешили.

— Что ж, — продолжила Марго, скрестив руки. — Не стесняйтесь.

— Слушай, успокойся, — остановил ее Вик.

— Ну да! — Марго резко повернулась к мужу: — Они просто взяли и зашли к нам в дом. Прошлись по комнатам. Ну и как, понравилось? — Она снова переключилась на Джуни: — Кровати заправлены? Шторы не пыльные? Нашли что-нибудь интересное?

Рэгл и Сэмми вышли из сарая и подошли к Вику и его жене. Вчетвером они смотрели на Джуни и Билла Блэков.

Наконец Блэк сказал:

— Извините. Мы всего-навсего хотели пригласить вас вечером поиграть в кегли.

Джуни глупо улыбалась, стоя рядом с мужем.

Вику стало ее жаль. Очевидно, ей и в голову не приходило, что таким образом можно кого-нибудь обидеть, а о неприкосновенности частной собственности она, похоже, вообще не слышала. В свитере и синих брюках, со схваченными в узел волосами, она походила сейчас на забавного ребенка.

— Вы не имели права вламываться в чужой дом, — не унималась Марго: — И ты это прекрасно знаешь, Джуни.

Джуни вздрогнула, попятилась и окончательно растерялась:

— Я...

— Я же сказал, что мы просим прощения, — перебил ее муж. — Чего вам еще надо, ради всего святого? — Он тоже сильно смутился.

Вик шагнул вперед и протянул руку. Инцидент был исчерпан.

— Ты, если хочешь, оставайся, — сказал Вик Рэглу, — а мы пойдем в дом, подумаем насчет обеда.

— Что вы там делали? — спросил Блэк. — То есть, конечно, это не мое дело, можете не отвечать, но на вас лица нет.

— Вам в сарай нельзя, — вмешался Сэмми.

— Почему? — спросила Джуни.

— Вход только членам клуба.

— Разве мы не можем вступить?

— Нет.

— Почему?

— Не можете, и все, — сказал Сэмми, глядя на отца.

— Да, это так, — Вик кивнул. — Вы уж извините.

Он, Марго и Блэки направились в дом.

— Мы еще не обедали. — Марго никак не могла преодолеть враждебность.

— Да мы и не собирались играть в кегли прямо сейчас, — затараторила Джуни. — Мы только хотели поймать вас, пока вы не придумали чего-нибудь другое. Слушайте, ребята, если вы еще не садились за стол, может, пообедаем у нас? Будет ножка ягненка, компот из груш, кроме того, Билл купил по дороге целую кварту мороженого. — Голос у нее дрогнул, она повернулась к Марго и спросила: — Ну что, согласны?

— Спасибо, — ответила Марго. — Как-нибудь в другой раз.

Билл Блэк, казалось, еще не успокоился, он держался несколько в стороне, с холодным достоинством.

— Мы всегда рады видеть вас у себя, — сказал

он, подталкивая жену к выходу. — Захотите поиграть в кегли — ждем к восьми, нет — воля ваша, мы не в обиде.

— Ну пока, увидимся, — прощебетала Джуни, когда Билл выводил ее из дома. — Надеюсь, вы придете.

Она умоляюще улыбнулась, и дверь за ними захлопнулась.

— Да, — проговорила Марго. — Мы им устроили холодный душ.

— Можно разработать целую психологическую теорию, изучая поведение людей, когда они испуганы и еще не пришли в себя, — заключил Вик.

Накрывая на стол, Марго заметила:

— А Билл Блэк вел себя разумно. Поднял руки, когда увидел оружие, и опустил, когда разглядел, что оно игрушечное.

— Почему он пришел именно в этот момент? — спросил Вик.

— Должен же он был когда-нибудь зайти?

— Пожалуй, — согласился Вик.

Запершись в сарае, Рэгл Гамм слушал радио и время от времени делал пометки в тетради. За годы участия в конкурсе он выработал собственную систему скорописи и сейчас не

просто фиксировал то, что слышал, но успевал записывать свои комментарии и соображения. Шариковая ручка, подарок Билла Блэка, летала по бумаге.

Наблюдавший за ним Сэмми не выдержал:

— Ну и быстро же ты пишешь, дядя Рэгл! А прочитать потом сможешь?

— Смогу, — ответил Рэгл.

Сигналы, вне всякого сомнения, шли с расположенного неподалеку аэродрома. Рэгл уже узнавал оператора по голосу. Теперь он хотел разобраться, что за воздушные суда то и дело садились на летное поле, потом снова взлетали. Они проносятся над головой с умопомрачительной скоростью. С какой? И почему никто в городе не знает об этих полетах? Или это секретные военные базы для новых экспериментальных моделей? Разведывательные ракеты... следящие корабли...

— Уверен, что ты рассекретил японский код времен войны, — сказал Сэмми.

После слов мальчика Рэгла вдруг опять охватило ощущение полной бессмысленности происходящего. Заперся в детском сарае, напялил наушники и часами слушает сделанный школьником детекторный приемник... Поймал

станцию наведения и рад...

«Наверное, я спятил, — подумал Рэгл. — Разве так ведет себя бывший военный? Мне сорок шесть, молодость давно позади. А я целыми днями слоняюсь по дому и зарабатываю на жизнь ответами на вопрос “Где теперь появится Зеленый Человечек?” Решаю конкурсные задачки в газете, в то время как у других уже жены, дети, свой дом и работа.

Я недоразвитый. Психически отсталый. А эти галлюцинации? Все правильно. Ненормальный. Инфантильный лунатик. Ну чего я здесь сижу? Бред — это в лучшем случае. Фантазирую о ракетах, армии и секретности. Параноик.

Это параноидальный психоз, когда кажется, что ты — точка приложения огромных усилий миллионов мужчин и женщин, миллиардных затрат и сложнейшей техники... Когда вся Вселенная вращается вокруг тебя. От меня исходят важные сигналы... к звездам. Рэгл Гамм — цель всего космического процесса, от первоначального взрыва до конечной энтропии. Смысл существования материи и духа — во взаимодействии со мной».

— Дядя Рэгл, а ты сможешь расшифровать? Это японцы?

— Тут нечего расшифровывать. Диспетчер сидит в башне радиолокационного наблюдения и наблюдает за посадкой военных самолетов. — Он повернулся к мальчику, не сводящему с него горящих глаз: — Это обыкновенный человек, парень лет тридцати. Ходит раз в неделю в бассейн и смотрит телевизор. Такой же, как мы.

— Только он враг, — сказал Сэмми.

— Что за глупости? — Рэгл рассердился. — С чего ты взял? Это все выдумки.

«Моя вина, — тут же подумал он. — И выдумки мои».

Голос в наушниках произнес:

— ...я понял, ЛФ-3488. Принял правильно. Продолжайте полет. Сейчас вы прямо над нами.

Сарайчик задрожал.

— Вот он, проходит! — возбужденно зашептал Сэмми.

В наушниках звучал голос:

— ...совершенно чисто. Нет, все отлично. Сейчас вы над ним.

Над ним, подумал Рэгл.

— ...там внизу, — продолжал голос. — Да, прямо под вами сам Рэгл Гамм. Хорошо, мы приняли. Давайте.

Вибрация затихла.

— Улетел, — выдохнул Сэмми. — А может, приземлился.

Рэгл Гамм снял наушники и поднялся.

— Послушай немного, — сказал он.

— А ты? — спросил Сэмми.

— Пойду прогуляюсь.

Рэгл распахнул дверь сарая и вышел на свежий, прохладный вечерний воздух.

Свет на кухне... Сестра и зять сейчас там. Готовят обед.

«Все, уезжаю, — сказал он себе. — Я давно собирался. Больше ждать нельзя».

Рэгл тихо обогнул дом и приблизился к парадному крыльцу. Потом вошел внутрь и осторожно пробрался в свою комнату. Ни Вик, ни Марго его не слышали. Там он извлек все деньги из ящиков стола, карманов, конвертов, взял мелочь из вазочки. Надев пальто, через парадную дверь вышел наружу и быстро зашагал по тротуару.

Где-то через квартал показалось такси. Рэгл махнул рукой, и машина остановилась.

— Довезите до междугородной автостанции, — попросил он водителя.

— Хорошо, мистер Гамм, — ответил шофер.

— Вы меня знаете?

Вот она, паранойя. Кажется, будто все только обо мне и думают.

— Конечно, знаю, — сказал водитель, трогаясь с места. — Вы — победитель конкурса. Я вас видел в газете и как раз подумал — надо же, этот человек живет в нашем городе: Может, когда-нибудь я его подвезу.

«Если меня опознают таксисты, — решил Рэгл, — к сознанию это не имеет отношения. Вот когда разверзнутся небеса и ко мне по имени обратится Господь... это уже психоз.

А вообще отличить трудно».

Такси мчалось по темным улицам мимо домов и магазинов. Наконец у пятиэтажного здания в центре города машина остановилась.

— Приехали, мистер Гамм!

Водитель выскочил из машины и открыл ему дверцу. Рэгл выбрался на тротуар, роясь в карманах в поисках кошелька. Пока таксист пересчитывал деньги, Рэгл взглянул на здание.

В свете фонарей оно показалось ему знакомым, узнаваемым даже ночью.

Это была редакция «Газетт».

Рэгл снова сел в машину:

— Мне надо на междугородную автостанцию.

— Как? — Водитель застыл, словно пораженный

громом. — На автостанцию? Ну конечно, черт меня побери!

Он прыгнул за руль и завел мотор.

— Конечно, я же помню! Мы разговорились об этом конкурсе, и я стал думать про газету. — Он ехал, оглядываясь на Рэгла и улыбаясь ему: — Вы так прочно ассоциируетесь с «Газетт »... вот такой я растяпа.

— Все в порядке.

Они ехали очень долго. Постепенно Рэгл перестал
различать улицы. Он уже не представлял, где находится. Справа чернели силуэты фабричных зданий; несколько раз ему показалось, что такси миновало железнодорожный переезд. Вокруг простирались безжизненные промышленные районы, не горело ни огонька.

«Интересно, — подумал Рэгл, — а что он скажет, если я попрошу вывезти меня из города?»

Он наклонился и похлопал водителя по плечу:

— Эй!

— Да, мистер Гамм?

— Как насчет поездки за город? Про автобус забудем.

— Простите, сэр, — сказал водитель, — я не могу выезжать на междугородную трассу. Это

запрещено. Мы возим по городу и не имеем права конкурировать с автобусной линией. Таковы правила.

— Вы же должны иметь возможность зашибить немного на стороне?.. Давайте, сорок миль, со счетчиком, держу пари, не впервой будет.

— Нет, — водитель покачал головой, — я этим не занимаюсь. Другие — может быть, а я — нет. Не хочу терять работу. Если дорожная полиция заметит на трассе городское такси, его тут же остановят. А еще с пассажиром... Все, прощай, лицензия. А она стоит пятьдесят долларов.

«Пытаются помешать мне уехать из города, — думал между тем Рэгл. — Это входит в их заговор.

Я точно спятил.

Или нет?

Как же узнать? Какие у меня доказательства?»

Посреди бескрайнего ровного поля сияла неоновая вывеска. Такси остановилось.

— Приехали, — объявил водитель. — Автостанция.

Рэгл открыл дверь и вышел из машины. Но вывеска была другая. Вместо ожидаемой «ГРЕЙХАУНД» Рэгл увидел «АВТОБУСНЫЕ ЛИНИИ НОНПАРЕЛЬ».

— Эй! — воскликнул он встревоженно. — Я же просил «Грейхаунд»!

— Это то же самое. Такая же автобусная компания. А «Грейхаунда» у нас вообще нет. По законам штата в таком маленьком городке, как наш, может действовать только одна автобусная компания. «Нонпарель» здесь давно, уже несколько лет. «Грейхаунд» хотел перекупить, но они не согласились. Тогда «Грейхаунд»...

— Ну хорошо, — перебил его Рэгл. Он заплатил по счетчику, оставил чаевые и пошел к прямоугольному коричневому зданию — единственному на многие мили вокруг. Со всех сторон здание окружала дикая трава. Сорняки, битые бутылки и обрывки бумаги. Заброшенная окраина. Вдали виднелись огни заправки. Больше ничего. Рэгл поежился от ночной прохлады и толкнул деревянную дверь зала ожидания.

В лицо ударила волна спертого воздуха и приглушенный гомон. Скамейки были заняты спящими матросами, унылыми, измученными беременными женщинами, стариками в пальто, командированными с портфелями, коммивояжерами с образцами товаров, детьми, которые ерзали и пищали.

К окошку кассы выстроилась огромная очередь.

Даже не входя внутрь, Рэгл понял, что очередь не движется. Он закрыл за собой дверь и встал в конец.

Никто не обратил на Рэгла внимания. «Сейчас, пожалуй, было бы неплохо, чтобы мой психоз стал реальностью, — подумал Рэгл. — Хотел бы я, чтобы они все вокруг меня забегали. По крайней мере, можно было бы пробиться к окошку.

Любопытно, часто ли ходят автобусы?.. — Он закурил и попытался расслабиться. Прислонившись к стене, несколько разгрузил ноги. Это мало помогло. — Интересно, сколько я здесь проторчу?»

За полчаса очередь продвинулась на несколько сантиметров, причем от окошка никто не отошел. Рэгл вытягивал шею, пытаясь увидеть кассира. Не получалось. Окошко заслонила толстая пожилая тетка в черном пальто. Вначале Рэгл думал, что она покупает билет. Но она все не отходила от кассы. Передача денег длилась бесконечно. Стоявший сзади нее тощий человек средних лет в двубортном костюме уныло грыз зубочистку. За ним, поглощенные собой, мурлыкали двое влюбленных. После них очередь сливалась в одно целое, Рэгл уже не мог никого различить и видел только бесконечные спины.

Спустя сорок пять минут он по-прежнему стоял на том же месте. «Может ли помешанный чокнуться? — размышлял Рэгл. — И сколько же надо простоять за билетом на “Нонпарель”? Выберусь ли я вообще отсюда? — Он ощутил нарастающий страх. — А может, я простою здесь до самой смерти? Неизменная реальность... тот же человек впереди, тот же молодой солдат сзади, те же несчастные женщины с пустыми глазами на скамейках вокруг...»

Солдат позади него завозился, толкнул Рэгла и пробормотал:

— Извини, дружище.

Рэгл проворчал что-то в ответ.

Солдат сцепил руки и хрустнул костяшками. Потом облизнул губы и сказал, обращаясь к Рэглу:

— Послушай, будь другом, предупреди, что я за тобой.

Прежде чем Рэгл успел ответить, солдат повернулся к стоящей позади него женщине:

— Простите, миссис, мне надо выйти посмотреть, как там мой приятель. Запомните, что я здесь стою, хорошо?

Женщина кивнула.

— Спасибо.

Солдат проталкивался через толпу в самый угол зала ожидания. Там, широко расставив ноги, уронив голову и бессильно свесив руки, сидел его товарищ. Наклонившись, солдат принялся трясти его и что-то возбужденно объяснять. Сидящий поднял голову, и Рэгл увидел мутный взгляд и перекошенный, безвольный рот пьяного. Вот бедолага, так нализаться! Сходил в увольнение... Рэгл вспомнил, как во время службы несколько раз уезжал в тяжелом похмелье с автостанции, торопясь попасть на базу.

Солдат поспешно вернулся в очередь. Снова нервно облизнул губы, посмотрел на Рэгла и сказал:

— Ну и очередь, слушай. Совсем не движется. Я здесь, наверное, с пяти вечера. — У солдата было гладкое молодое лицо, искаженное тревогой. — Мне надо вернуться на базу. Фил и я должны быть к восьми, иначе нас посчитают самовольщиками.

Рэгл решил, что ему лет восемнадцать—девятнадцать. Светловолосый, несколько худощавый, серьезный. Конечно, из них двоих за все проблемы отвечал он.

— Да, не повезло. А далеко до базы?

— Там, на трассе, есть аэродром. Собственно

говоря, ракетная база. Аэродром был раньше.

О Господи, подумал Рэгл, вот откуда летают эти штуки.

— Прошлись, значит, по барам? — как можно безразличнее спросил он.

— Да нет, будь проклят этот город, — с нескрываемым отвращением ответил ему солдат, — Разве здесь найдешь хоть одно приличное заведение? У нас был недельный отпуск, мы добираемся с побережья. На машине.

— На машине, — повторил Рэгл. — Почему же тогда вы здесь?

— За рулем Фил, — объяснил молодой солдат. — Я не умею водить. А он пьян. К тому же у нас настоящая развалина — «додж» тридцать шестого года, ему цена пятьдесят зеленых. И шину надо менять.

— Если бы нашелся человек, умеющий вести машину, вы бы поехали? — спросил Рэгл.

Солдат тупо уставился на Рэгла:

— А шина?

— Вхожу в долю. — Рэгл схватил солдата за руку и потащил его через зал ожидания к осевшему приятелю. — Может, не будем его трогать, пока не подгоним машину? — спросил Рэгл. Было видно, что Фил не только не сможет идти, но и

вообще вряд ли поднимется. Похоже, он даже не понимал, где находится.

— Слушай, Фил. Этот парень поведет машину. Дай ключи.

— Это ты, Уэйд? — тупо пробормотал Фил.

Уэйд склонился над товарищем и принялся выворачивать его карманы.

— Вот они. — Он протянул ключи Рэглу и сказал, обращаясь к Филу: — Слушай, ты остаешься здесь. Мы пойдем к машине и все сделаем. Потом заедем сюда за тобой. Ты понял? Понял или нет?

Фил кивнул.

— Пошли, — сказал Уэйд Рэглу. Они толкнули дверь и оказались на темной, холодной улице. — Лишь бы этот скот не ударился в панику и не пошел нас искать.

Как все-таки темно вокруг! Рэгл едва различал потрескавшийся, поросший сорняками тротуар.

— Задвинули станцию к черту на кулички, — проворчал Уэйд. — Если город большой и имеет свои трущобы, автостанцию всегда размещают в трущобах, а если городишко маленький — ее непременно загонят в тартарары.

Они то и дело сбивались с пути, и тогда приходилось пробираться сквозь завалы и заросли.

— Хоть глаз выколи, — пожаловался солдат. — У них что, один фонарь на две мили?

Хриплый крик заставил обоих остановиться. Рэгл обернулся. В свете неоновой вывески автобусных линий «Нонпарель» метался другой солдат: вывалился из зала ожидания и теперь пытался определить, в каком направлении ушел его друг. Потом бросил на землю чемодан и отчаянно завопил.

— О Господи, — простонал Уэйд. — Придется возвращаться. Иначе он свалится где-нибудь — и конец.

Он зашагал назад, и Рэглу ничего не оставалось, как повернуть следом. Когда они подошли, солдат вцепился в руку Уэйда и, навалившись на него, зашептал:

— Вы, парни, решили меня бросить, да?

— Ты должен подождать здесь, — сказал ему Уэйд. — Присмотри за багажом, а мы сходим за машиной.

— Вести буду я, — пробормотал Фил.

Уэйд принялся снова объяснять ему ситуацию. Рэгл стоял и думал, сможет ли он все это вынести. Наконец Уэйд подхватил один чемодан и решительно направился к машине.

— Все, пошли, — бросил он Рэглу. — Бери второй

чемодан, иначе Фил его где-нибудь бросит.

— Меня как будто катали по земле, — тупо бормотал Фил, ковыляя сзади.

Они все шли и шли. Рэгл уже давно не ориентировался
ни во времени, ни в пространстве. Впереди появился уличный фонарь, он приближался, некоторое время заливал их ярким желтым светом, постепенно тускнел и исчез. А впереди начинал светиться следующий. Путники вышли на стоянку возле квадратного здания какой-то фабрики и принялись бродить среди грузовиков. Фил прислонился к забору, уперся головой в согнутую руку, пытаясь уснуть.

Одна из машин привлекла внимание Рэгла.

— Не эта? — спросил он.

Солдаты уставились на машину.

— Похоже, — возбужденно проговорил Уэйд. — Эй, Фил, что скажешь, это наша машина?

— Конечно, наша, — кивнул Фил.

Машина просела на одну сторону. Шина была спущена. Все правильно. Нашли.

— Теперь надо отыскать шину, — сказал Уэйд, забрасывая чемоданы на заднее сиденье. — Нужен домкрат, снимем колесо и посмотрим, в чем дело.

Пока они рылись в багажнике, Фил отошел в сторону и, запрокинув голову, уставился в звездное небо.

— Теперь целый час так проторчит, — ворчал Уэйд, поднимая машину домкратом. — Здесь рядом есть заправка, там можно поменять шину.

Он довольно умело снял колесо и откатил его в сторону. Рэгл выпрямился.

— Где Фил? — спросил Уэйд, оглядываясь. Того не было видно. — Черт бы его побрал. Опять забрел куда-нибудь!

— Слушай, давай пойдем на эту заправку. У меня нет времени торчать здесь всю ночь, да и у вас, я думаю, тоже, — сказал Рэгл.

— Факт. — Уэйд кивнул. — Ладно, — добавил он философски, — придет и подождет нас в машине, что с ним станется. — С этими словами Уэйд покатил колесо.

Заправка, когда они туда добрались, была погружена в кромешную тьму. Видимо, владелец все запер и ушел домой.

— И дурак же я, — пробормотал Уэйд.

— Может, тут есть другая заправка? — спросил Рэгл.

— Не помню, — пробурчал Уэйд. — Ну как тебе это, а?

Он выглядел окончательно убитым и неспособным на дальнейшие действия.

— Пошли, — сказал Рэгл. — Надо что-то делать.

Они долго брели в темноте, пока впереди не замаячил красно-бело-голубой квадрат государственной заправки.

— Аминь, — выдохнул Уэйд. — Знаешь, — он повернулся к Рэглу, — я шел и молился, как чокнутый. И вот, видишь...

Солдат катил колесо быстрее и быстрее, выкрикивая победные возгласы и подбадривая Рэгла.

Чистенький подстриженный юноша в накрахмаленной униформе встретил их без всякого интереса.

— Эй, дружище, — с порога начал Уэйд, — продай-ка нам вот такую шину. Давай выноси.

Заправщик отложил таблицу, в которой что-то чертил, взял из пепельницы сигарету и поднялся.

— Это от чего? — спросил он Уэйда.

— От седана «додж» тридцать шестого года.

Юноша посветил на шину, пытаясь разобрать номер. Потом вытащил огромную амбарную книгу и принялся листать пронумерованные страницы. Рэглу казалось, что каждую страницу

он просматривает раза по четыре, листая книгу туда и обратно. Наконец он ее захлопнул и сказал:

— Ничем не могу помочь.

— Ну и что вы предлагаете? — терпеливо спросил Рэгл. — Этот солдат и его приятель должны попасть на базу, иначе их посчитают самовольщиками.

Парень почесал кончик носа:

— Есть еще ремонтная мастерская в пяти милях отсюда.

— Мы не можем идти пять миль, — сказал Рэгл.

— Ладно, — заправщик махнул рукой. — Вон там стоит мой «форд-пикап». Один из вас вместе с колесом останется здесь, а другой пусть едет. Мастерская у самого моря. На первом перекрестке. Привозите покрышку, и я вам ее здесь поставлю. За шесть долларов. — Он взял связку автомобильных ключей и протянул ее Рэглу. — Да, раз уж будете в той стороне, там через дорогу есть круглосуточный ресторан. Возьмите мне жареного мяса, сандвич с сыром и солодовый напиток.

— Какой именно? — уточнил Рэгл.

— Пожалуй, ананасовый.

—

Я остаюсь, — сказал Уэйд. — А ты поторопись!

Через несколько минут Рэгл уже выводил пикап на пустынную улицу. Потом развернулся и поехал в указанную заправщиком сторону.

Показались огни трассы.

Ну и ситуация, подумал Рэгл.

ГЛАВА 8

Молодой человек в шортах и безрукавке встал и закрепил конец пленки в прорези бобины. Потом подкрутил, чтобы пленка шла внатяжку, и включил изображение. Засветился шестнадцатидюймовый экран. Молодой человек присел на кровать.

На экране возникло шестиполосное шоссе с разделительной полосой посередине, поросшей травой и кустами. По обе стороны шоссе стояли рекламные щиты. По белому бетонному покрытию мчались машины. Одна поменяла полосу движения, другая притормозила, пытаясь съехать на обочину.

Появился желтый «форд-пикап».

Голос с экрана произнес:

— Это «форд-пикап» пятьдесят второго года.

— Вижу, — сказал сидящий перед экраном человек.

«Форд» показали сбоку, потом снова спереди. Стемнело.

Грузовичок включил фары. Камера показала его спереди, сбоку, сзади; особо внимательно молодой человек осмотрел задние фонари.

На экране снова был день. Грузовик ехал, освещаемый солнцем. Поменял полосу движения.

— Правила требуют подать сигнал рукой при перемене полосы движения, — произнес голос.

— Знаю, — откликнулся молодой человек.

Грузовик остановился на усыпанной гравием обочине.

— Правила требуют дать сигнал рукой перед остановкой, —

назидательно объявил голос.

Молодой человек встал и перемотал пленку.

«Это я усвоил», — подумал он и поставил другую бобину. В это время зазвонил телефон. Не сходя с места, молодой человек ответил:

— Алло!

Звонок

оборвался, и незнакомый приглушенный голос сказал из стены:

— Он все еще стоит в очереди.

— Хорошо.

Телефон отключился.

На экране возник человек в форме. Сапоги, коричневые бриджи, кожаный ремень, пистолет в кобуре, тяжелая коричневая куртка, форменная фуражка, темные очки. Он повернулся, показывая

себя со всех сторон. Потом сел на мотоцикл, завел двигатель и с ревом уехал.

На экране появилось изображение мотоциклиста на трассе.

— Отлично, — сказал молодой человек в шортах, достал электробритву и принялся бриться, продолжая смотреть на экран.

Патрульный полицейский начал преследовать машину. Очень скоро он настиг ее и жестом приказал водителю остановиться. Не прекращая бриться, молодой человек внимательно следил за выражением лица патрульного.

Полицейский сказал:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Молодой человек повторил:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Дверь машины открылась, вылез средних лет мужчина в белой рубашке и мятых брюках.

— А в чем дело, офицер?

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — спросил полицейский.

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — повторил молодой

человек.

— Ну да, — водитель пожал плечами, — я и ехал сорок пять, как стояло на знаке. — Он протянул документы полицейскому. Тот взял их и принялся изучать.

На экране возникло водительское удостоверение крупным планом. Изображение держалось долго — молодой человек кончил бриться, побрызгал на лицо лосьоном, прополоскал освежителем рот, протер дезодорантом под мышками и принялся искать рубашку.

— Ваше удостоверение просрочено, мистер, — сказал полицейский.

Снимая рубашку с кресла, молодой человек повторил:

— Ваше удостоверение просрочено, мистер.

Раздался телефонный звонок. Молодой человек остановил ленту и ответил:

— Алло!

Приглушенный голос из стены сообщил:

— Сейчас он говорит с Уэйдом Шульманом.

— Хорошо.

Лента пришла в движение, стала перематываться вперед.

Когда снова включилось нормальное воспроизведение, полицейский обходил машину и говорил женщине за рулем:

— Нажмите, пожалуйста, на тормоз.

— Только я не пойму, зачем все это, — ответила она. — Я спешу, а вы причиняете мне новые неудобства. Я немного разбираюсь в законах.

Молодой человек надел галстук, застегнул тяжелый кожаный ремень с кобурой и пистолетом.

— Сожалею, мистер, — сказал он, надевая форменную фуражку, — но ваши стоп-сигналы не работают. Вам придется поставить машину на стоянку. Кстати, покажите права.

Когда он надевал плащ, телефон зазвонил снова.

— Алло! — отозвался молодой человек, разглядывая себя в зеркале.

— Он идет к машине. С ним Уэйд Шульман и Филипп Бернес, — сообщил приглушенный голос.

— Отлично.

Подойдя к пульту, молодой человек вернул изображение полицейского — крупным планом, вид спереди, — потом сравнил со своим отражением в зеркале. Нет слов, очень похоже,

решил он.

— Подходят к заправке, — сказал приглушенный голос. — Приготовьтесь.

— Готов, — ответил молодой человек, закрыл за собой дверь и прошел по темной бетонной дорожке к мотоциклу.

Потом завел его, выехал на дорогу. Мотоцикл с ревом помчался вперед. Напряженная посадка выдавала неопытного водителя. Только когда мотоцикл набрал скорость, молодой человек немного расслабился. На первом перекрестке повернул направо, к трассе.

И лишь выехав на шоссе, понял, что все идет не так, как задумано. Забыта какая-то деталь. Что-то из формы.

Очки.

Надевает ли их полицейский ночью?

Проносясь мимо грузовиков и легковых автомобилей, молодой человек пытался сообразить, ездит ли полицейский ночью в темных очках. Может, они защищают от света встречных машин? Держа руль одной рукой, он принялся ощупывать карманы. Вот. Он вытащил очки и надел их.

Дорога тут же погрузилась во тьму. Некоторое время вообще ничего не было видно. Наверное, это

ошибка.
Он снял очки и немного поэкспериментировал, поднося их к глазам и пытаясь разглядеть сквозь них дорогу.

Слева на одной с ним скорости двигался грузовик. Поначалу мотоциклист не обратил на него внимания. Трейлер как трейлер. Прибавил скорость, чтобы обогнать его. Трейлер тоже прибавил скорость.

Проклятье, подумал молодой человек. Вот что он забыл — перчатки. Обнаженные кисти рук — одна на руле, другая с очками — онемели от холода.

Успею, если вернусь? Нет.

Желтый «форд-пикап» вот-вот должен появиться на трассе.

Идущий слева трейлер прибавил скорость и вышел чуть вперед, постепенно переходя на его полосу.

Сорвав очки, мотоциклист попытался перестроиться в правый ряд. Резкий сигнал остановил его — правый ряд был занят. Он вернулся назад, и в это время трейлер стал надвигаться на него. Рука непроизвольно потянулась к сигналу. Какого черта? Разве на полицейских мотоциклах есть сигналы? На них

ставят тумблеры сирены! Как только молодой человек на него нажал, трейлер подвинулся, машина справа тоже освободила ему больше места.

Он несколько успокоился.

А когда впереди появился желтый «форд-пикап», мотоциклист понял, что работа ему нравится.

Услышав сирену полицейского мотоцикла, Рэгл сообразил: его намерены задержать. Он не стал сбрасывать скорость. Но и

не прибавил: хотел убедиться, что его преследует именно мотоцикл, а не машина.

«Вот и настал час применить чувство времени и пространства, — сказал он себе. — Мой знаменитый талант».

Он прикинул схему движения всех автомобилей сзади себя, их положение друг относительно друга и скорость. Когда картина вырисовалась, Рэгл резко взял влево, пройдя между двумя автомашинами. Одной пришлось притормозить — выбора не было. Быстро, но без суеты пикап лавировал в тесном транспортном потоке. Рэгл менял полосы движения до тех пор, пока не обогнал огромный фургон с прицепом, за которым стал невидим для всех едущих сзади. Все

это время позади слышался рев сирены. Теперь он не мог с точностью сказать, где находится патрульный мотоцикл. И полицейский, Рэгл был в этом уверен, тоже потерял его из виду.

Позади шел фургон, впереди — седан, таким образом, его габаритные огни были полностью скрыты от глаз. А в темноте полицейский мог ориентироваться только по габариткам.

Мотоцикл совершенно неожиданно возник справа. Полицейский внимательно оглядел Рэгла, но приблизиться не смог. Водители не могли понять, кого преследует патрульный, и думали, что ему просто надо проехать.

Пусть меня ловит, решил Рэгл и немедленно поменял полосу движения, уводя «форд» на крайнюю левую полосу. Он снизил скорость, вынуждая едущих сзади переходить в другой ряд, делая тем самым движение еще более плотным.

На мгновение на правой обочине мелькнул патрульный мотоцикл. Полицейский пристально вглядывался в поток транспорта, но желтый «форд» не разглядел. Теперь Рэгл был в безопасности. Ему повезло. Он прибавил скорость и начал обгонять другие машины.

Вскоре показался нужный перекресток. Но огней прибрежной станции видно не было.

Странно, подумал Рэгл. Надо уходить с трассы, решил он. Иначе опять привяжутся. Что-нибудь окажется не так: задний отражатель не того цвета... Любой предлог, чтобы придраться и задержать.

«Ясно, что это психоз, — твердил себе Рэгл, — но все равно — не хочу, чтобы меня поймали».

Показав рукой поворот, он съехал с трассы. Грузовичок влез в мокрый чернозем и замер. Рэгл выключил мотор и фары. «Теперь не сцапают... Только вот где я, черт побери? И что теперь делать?»

Вытягивая шею, он тщетно пытался разглядеть огни станции. Примыкающая к трассе дорога уходила в темноту, освещенными были только первые сто ярдов. И больше ничего.

Второстепенная дорога. А это междугородная трасса.

Далеко впереди на шоссе виднелась неоновая вывеска.

Подъеду, решил Рэгл. Он подождал, пока вдали показалась сплошная цепочка огней, и выскочил на трассу за долю секунды до первой машины. Теперь, даже если и попадется полицейский, ему нелегко будет выделить его габаритки из общего потока.

Спустя несколько секунд Рэгл уже мог разглядеть неоновую вывеску придорожной закусочной. Светящиеся стрелки указывали подъезд к автостоянке. Высокие прямые буквы извещали: «ЖАРЕНОЕ МЯСО И НАПИТКИ ФРЭНКА». В одноэтажном оштукатуренном пятиугольном здании светились окна. Рядом стояло несколько машин.

Рэгл съехал с трассы к стоянке, в темноте чуть не врезался в стену закусочной. От всего происходящего его начала бить дрожь. Он перешел на низшую передачу, медленно поехал вокруг здания, высматривая место, где машину нельзя было бы увидеть с дороги, и наконец остановился среди мусорных баков и штабелей ящиков. Здесь, очевидно, разгружались хозяйственные машины.

Спрыгнув с подножки, Рэгл еще раз удостоверился, что с трассы пикап не виден. Во всяком случае — с проезжающих машин. А если его все-таки заметят, он открестится от этого грузовичка. Не мой — и точка. Пусть докажут, что это он на нем приехал. Пришел пешком. Или доехал на попутке. Проголосовал на перекрестке.

Толкнув дверь закусочной, Рэгл зашел внутрь.

«Похоже, здесь мне дадут стакан молока и сандвич с жареным мясом».

Ну да, так и есть. Людей порядочно: как на автостанции. Все идет по той же схеме.

Большинство уютных столиков были заняты парочками. У стойки в центре зала ели и пили несколько мужчин. В помещении пахло жареным мясом, в углу гремел патефон.

Количество машин на стоянке никак не предвещало такой толпы внутри.

Пока никто его не заметил, Рэгл тихонько выскользнул, прикрыв за собой дверь. Потом быстро прошел к своему пикапу.

Слишком
большое здание. Слишком современное. Чересчур яркий свет. И очень много людей... «Похоже, это последняя стадия моего помешательства. Я избегаю людей за то, что они

собираются вместе и весело проводят время. А я их подозреваю. Как извращенец. Стремлюсь в темноту».

Рэгл нашел свою машину, завел двигатель и, не включая фар, тронулся с места. У выезда на трассу немного постоял, дожидаясь просвета в потоке машин. И вот он опять на дороге, мчится прочь от города в чужой машине. Украденной, осознал

вдруг Рэгл. А что еще оставалось?

«Я-то знаю, что они против меня сговорились. Два солдата, заправщик, таксист — все заодно. Никому нельзя доверять. Специально подсунули мне этот грузовичок, чтобы первый же полицейский меня задержал. Может, сзади вообще светится надпись “РУССКИЙ ШПИОН”.

Настоящая паранойя. Есть такой синдром: “пни меня”.

Ну да, — думал Рэгл. — Я человек, на спине которого написано “пни меня”. И как ни старайся, все равно не удастся обернуться так быстро, чтобы самому прочитать надпись. Но интуиция подсказывает, что она есть. Кроме того, ясно ведь, как реагируют окружающие! Они выстраиваются в очередь, чтобы его пнуть.

Я уже не показываюсь в ярко освещенных местах. Не завожу разговоров с незнакомыми людьми. Собственно, по-настоящему незнакомых и нет, так или иначе, все меня знают. Они либо друзья, либо враги...

Друзья... — задумался Рэгл. — Интересно, кто? Где? Сестра? Зять? Соседи? Я доверяю им больше, чем другим. Но этого мало».

Он вел машину дальше. Неоновые вывески исчезли. По обе стороны шоссе простиралось

темное, безжизненное пространство. Движение стихло. Лишь изредка попадались встречные машины, на мгновение ослепляя его светом фар.

Одиночество.

Рэгл осмотрелся и обнаружил, что в приборную доску вмонтирован радиопередатчик. Он разглядел ручку настройки.

Если я включу его, то услышу, как они говорят обо мне.

Он протянул руку, помедлил и наконец включил приемник. Салон наполнился звуками, в основном статическими помехами.

— ...после того, — прорвался скрипучий голос.

— ...нет, — ответил другой.

— ...все, что в моих силах.

— ...хорошо.

Вызывают всех подряд, подумал Рэгл. Тревога в эфире. Сбежал Рэгл Гамм! Рэгл Гамм ускользнул!

— ...более опытных, — проскрипел голос.

В следующий раз пришлют более опытных, догадался Рэгл. Жалкие дилетанты.

— ...с тем же успехом... больше нет смысла...

С тем же успехом можно прекратить поиск, догадался Рэгл. Искать его нет смысла. Он слишком умен. Слишком изворотлив.

Приемник просипел:

— Так сказал Шульман.

«Значит, командующий — Шульман, — сообразил
Рэгл. — Верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил со штаб-квартирой в Женеве. Вырабатывают совершенно секретную стратегию по координации усилий всех стран в обнаружении грузовика типа “пикап”. В мою сторону разворачиваются флоты. Готовится ядерная атака».

Скрипучий голос начал действовать ему на нервы. Рэгл выключил радио. Как мыши, визжащие мыши. Снуют туда-сюда и скрипят. У него даже мурашки пошли по коже.

Судя по спидометру, позади миль двадцать — приличное расстояние. И ни городов, ни огней. А теперь нет даже машин. Только дорога, и разделительная полоса слева. Бетон в свете фар.

Темнота и бескрайняя плоская равнина. Высоко наверху — звезды. Неужели нет даже фермерских домиков?

«О Боже! — подумал Рэгл. — Не дай мне только здесь поломаться. Где я? Может, уже нигде?

А может, я и не еду? Попал в какой-нибудь провал во времени? Колеса вращаются, вращаются без всякой пользы, и так будет всегда.

Иллюзия движения. Мотор гудит, шины шуршат, фары освещают бетон... На одном месте».

И все же Рэгл не решался остановиться. Вылезти и осмотреться. К черту! Здесь, в машине, он по крайней мере в безопасности. Здесь его хоть что-то окружает. Кабина из металла. Приборная доска перед глазами. Снизу — сиденье. Датчики, руль, педали.

Это лучше, чем пустота снаружи.

Неожиданно далеко справа он увидел огни. А немного погодя фары высветили указатель: пересечение со второстепенной дорогой. Она уходила вправо и влево от трассы.

Рэгл повернул направо. В полосе света — узкая, разбитая колея. Грузовик дернуло и закачало. Заброшенная дорога, ее и не ремонтируют. Передние колеса попали в яму, Рэгл перешел на вторую передачу, и машина почти остановилась, Так можно и подвеску потерять... Приходилось ехать, напряженно вглядываясь в дорогу. Она петляла и шла на подъем.

Вокруг были холмы и заросли, под колесами хрустели ветки. Вдруг в свете фар заметалось какое-то существо с белым мехом. Рэгл резко повернул, и колеса заскользили по жиже. Рэгл в ужасе крутил руль. Перед ним замаячил

пережитый несколько мгновений назад кошмар — застрять, забуксовать и утонуть в этой грязи.

Он включил первую передачу, и грузовик пополз на невообразимо крутой холм. Дорога превратилась в сплошное месиво, обрамленное кустарником. В свете фар мелькнули листва и крутой обрыв, и Рэгл едва успел свернуть влево.

А следующий поворот он пропустил. Правые колеса влетели в кустарник, машину развернуло поперек дороги, мотор заглох. Грузовик накренился, и Рэгл почувствовал, как сползает с сиденья. Он судорожно нащупывал ручку двери. Пикап с отчаянным скрипом скользнул вниз и наконец замер, едва не перевернувшись.

Вот и все, подумал Рэгл.

Спустя несколько мгновений ему удалось открыть дверь и выбраться наружу.

Фары освещали кусты и деревья. Вверху простиралось небо. Ни города, ни иного жилья видно не было.

Он побрел вперед, определяя дорогу больше на ощупь. Когда его правая нога попадала в заросли, он принимал влево. Как радар, подумал Рэгл.

Неожиданно Рэгл оступился и чуть не упал. Дорога пошла вниз. Оказывается, он поднялся на вершину.

Справа горели огоньки. Там был домик. Там жили люди. В окнах горел свет.

Утопая в грязи, Рэгл добрел до забора, ощупью нашел ворота. С большим усилием ему удалось отворить их. Поскользнувшись еще несколько раз, он наконец натолкнулся на каменные ступеньки.

Вытянув руки, Рэгл поднялся на крыльцо. Пальцы нашарили старинный колокольчик.

Он позвонил и замер, задыхаясь и дрожа от ночного холода. Дверь открыла средних лет темноволосая женщина. На ней были темно-коричневые бриджи, клетчатая бурая рубашка и высокие рабочие ботинки.

Миссис Кейтелбайн, всплыло в сознании. Она. Нет.

Рэгл и женщина уставились друга на друга.

— Вам что-нибудь нужно? — Позади нее выглядывал еще один человек, кажется, мужчина.

— У меня сломалась машина, — ответил Рэгл.

— О, входите! — Женщина распахнула дверь. — Вы не ранены? Вы один? — Она вышла на крыльцо посмотреть, есть ли еще кто-нибудь.

— Я один.

Мебель из клена... низкое кресло, столик,

письменный стол с пишущей машинкой. Камин.

— Хорошо, — сказал Рэгл, подходя к камину.

Мужчина держал в руках книгу.

— Вы можете от нас позвонить, — предложил он. — Далеко вам пришлось идти?

— Не очень.

У мужчины было открытое, чистое, будто у мальчишки, лицо. Он выглядел гораздо моложе женщины; возможно, это был ее сын. Как Вальтер Кейтелбайн, подумал Рэгл. Удивительное совпадение. На какую-то секунду...

— Вам повезло, что вы нас нашли, — сказала женщина. — Здесь, на холме, живем только мы. Остальные разъехались до лета.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

— Мы здесь круглый год, — заметил молодой человек.

— Меня зовут миссис Кессельман, — сказала женщина. —

А это мой сын.

Рэгл пораженно вскинул глаза.

— В чем дело? — спросила женщина.

— Я... мне показалось, что я вас знаю, — пробормотал он.

Что бы это могло значить? Женщина определенно не была

миссис Кейтелбайн. Так же, как и молодой человек не был Вальтером. Их сходство — случайность.

— Что вас сюда привело? — спросила миссис Кессельман. — В забытый Богом и людьми уголок… Согласна, в моих устах это звучит странно, поскольку я здесь живу.

— Искал приятеля, — ответил Рэгл.

Это удовлетворило любопытство хозяев. Оба кивнули.

— Моя машина потеряла управление и перевернулась на одном из поворотов.

— О Боже! — воскликнула миссис Кессельман. — Какое невезение. Она что, сорвалась в обрыв?

— Нет. Но ее все равно надо вытаскивать. Я боюсь в нее садиться. В любой момент она может соскользнуть.

— Ни в коем случае к ней не подходите! — сказала миссис Кессельман. — У нас уже были случаи, когда машины падали вниз. Позвоните своему приятелю, пусть не тревожится.

— Не помню его номера.

— Можете посмотреть в телефонной книге, — посоветовал молодой мистер Кессельман.

— Дело в том, что я не знаю его имени. Даже не знаю, мужчина это или женщина.

И есть ли он вообще, добавил Рэгл про себя.

Кессельманы доверительно заулыбались. Очевидно, решили, что он шутит.

— Может, хотите вызвать тягач? — спросила миссис Кессельман, но сын перебил ее:

— Бесполезно. Мы как-то пытались связаться с несколькими гаражами — никто и не пошевелился.

— Да, он прав. — Миссис Кессельман кивнула. — Господи, это действительно серьезная проблема. Мы всегда боялись, что сами угодим в подобный переплет. Пока проносило. Ну и, конечно, за эти годы мы хорошо изучили дорогу.

Молодой Кессельман предложил:

— *Я* с удовольствием довезу вас до вашего друга, если вы знаете, как туда ехать. А хотите, могу подбросить до трассы или до города. — Он посмотрел на мать, и она согласно кивнула.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Рэгл.

Уезжать ему не хотелось. Он стоял у камина и наслаждался

теплом и покоем. Приятный дом: гравюры на стенах, тишина, никакой лишней ерунды. Во всем чувствовался вкус: в подборе книг, в мебели и даже в занавесках. Обстановка вполне

соответствовала врожденному чувству порядка, приверженности Рэгла к системе. Здесь создано настоящее эстетическое равновесие, решил он. Поэтому так спокойно.

Миссис Кессельман ждала, когда он скажет что-нибудь. Однако Рэгл молча стоял у камина, и она спросила:

— Может, выпьете?

— Да, — кивнул Рэгл, — с удовольствием.

— Пойду посмотрю, что у нас есть, — сказала миссис Кессельман. — Извините.

Она вышла из комнаты, а сын остался.

— Холодает помаленьку, — заметил он.

— Верно, — согласился Рэгл.

Несколько неловко молодой человек протянул руку.

— Меня зовут Гаррет. — Они обменялись рукопожатиями. — Я дизайнер.

Вот и объяснение изысканной обстановки.

— У вас очень уютно, — сказал Рэгл.

— А вы чем занимаетесь? — поинтересовался Гаррет Кессельман.

— Я работаю в газете.

— Вот это здорово! — воскликнул Гаррет. — В школе я два года изучал журналистику.

Миссис Кессельман вернулась с подносом, на

котором стояли три низких бокала и обычной формы бутылка.

— Кукурузное виски из Теннесси. Старейшего разлива. Марка «Черный Джек Дэниэлс».

— Никогда о таком не слышал, — признался Рэгл. — Но звучит хорошо.

— Великолепное виски, — Гаррет протянул Рэглу бокал. — Наподобие канадского.

— Обычно я пью пиво, — сказал Рэгл, попробовал кукурузного виски и добавил: — Отлично!

Все замолчали.

— Неудачное время для поисков приятеля, — начала миссис Кессельман, когда Рэгл налил себе еще. — На эту гору люди стараются заезжать исключительно днем.

Она сидела напротив Рэгла. Сын примостился на спинке кресла.

— Я поссорился с женой. Больше не мог этого вынести. Вот и поехал.

— Вам не позавидуешь, — посочувствовала миссис Кессельман.

— Даже не собрал вещи, — продолжал Рэгл. — Не знал, куда поеду. Потом вспомнил про этого друга и решил: может, удастся какое-то время у него перекантоваться, пока все не образуется. Я его несколько лет не видел. Может, он вообще

давно отсюда уехал... Как мерзко, когда рушится семейная жизнь. Будто конец света.

— Да. — Миссис Кессельман кивнула.

— Могу я у вас переночевать? — спросил Рэгл.

Мать и сын переглянулись. Потом, смутившись, одновременно заговорили. Общий смысл сводился к отказу.

— Мне надо где-то переночевать, — настаивал Рэгл. Он вытащил из кармана кошелек, открыл его и пересчитал деньги. — Здесь у меня около двухсот долларов. Я вам заплачу за причиненные неудобства.

— Нам надо посоветоваться, — сказала миссис Кессельман.

Поднявшись, она кивнула сыну, и оба вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Отсюда нельзя уходить, подумал Рэгл. Он налил себе еще виски и вернулся к камину. Этот пикап с приемником, наверное, тоже принадлежит им, иначе в нем не было бы радио. И заправщик тоже один из них.

Вот и доказательство, сам себе сказал Рэгл. Радио — это доказательство. Не выдумка, а факт.

По плодам вашим узнают вас, подумал он. Их плоды — это радио. Они общаются по радио.

Дверь открылась, вошли миссис Кессельман

и ее сын.

— Мы посоветовались, — начала она, присев на краешек дивана. — Мы понимаем, что с вами случилась беда. — Сын стоял рядом с ней и хмурился. — Разрешаем вам остаться, поскольку вы в безвыходном положении. Мы не хотим знать всю правду. Ваша ситуация сложнее, чем вы рассказываете.

— Вы правы, — произнес Рэгл.

Кессельманы переглянулись.

— Я ехал с намерением покончить с собой, — продолжал Рэгл. — Разогнаться и крутануть руль. Но не смог. Нервы.

Кессельманы в ужасе уставились на гостя.

— Только не это. — Миссис Кессельман подошла к Рэглу. — Мистер Гамм...

— Я не Гамм, — запротестовал Рэгл, но было ясно, что его узнали. Причем с самого начала.

Весь мир меня знает. И нечему тут удивляться.

— Я сразу поняла, кто вы, — сказала миссис Кессельман. — Просто не хотела вас смущать, раз вы по какой-то причине не назвались.

— Прошу прощения, — не выдержал Гаррет, — но кто вы, мистер Гамм? Я понимаю, что должен вас знать, однако не припомню, где слышал ваше имя.

— Мистер Гамм, дорогой, это человек, который постоянно побеждает в конкурсе «Газетт», — ответила ему мать. — Помнишь, на прошлой неделе мы смотрели про него фильм по телевизору? — Повернувшись к Рэглу, она добавила: — Я почти все о вас знаю. В 1937-м Я принимала участие В конкурсе «Старое золото». И дошла до самого конца. Разгадала все до последней головоломки.

— Да, только ты мошенничала! — Сын улыбнулся.

— Это правда, — призналась миссис Кессельман. — Мы с подружкой бегали к старому газетчику, и он за пять долларов просовывал нам под прилавком шпаргалку.

— Надеюсь, — сказал Гаррет, — вы не станете возражать, если мы предложим вам веранду. Собственно говоря, это даже не веранда, а дополнительная квартира. Несколько лет назад мы ее полностью переделали. Теперь там есть туалет и ванная. Обычно мы предлагаем ее гостям, которые задерживаются допоздна и не рискуют ехать через гору.

— Вы ведь больше не собираетесь... покончить с собой, нет? — спросила миссис Кессельман. — Вы правда выбросили это из головы?

— Не собираюсь, — ответил Рэгл.

Женщина облегченно вздохнула:

— Ну **и** слава Богу. Я ведь тоже участвую в конкурсе **и** желаю вам дальнейших побед.

— Подумать только! — воскликнул Гаррет. — Мы войдем в историю как люди, которые удержали... — он запнулся, — мистера Гамма от импульса самоуничтожения. Нас будут вспоминать в связи с его именем. Это слава!

— Слава, — повторил Гамм.

Разлили еще по одной порции кукурузного виски. Три человека сидели в гостиной, пили виски и смотрели друг на друга.

ГЛАВА 9

Звякнул дверной колокольчик. Джуни Блэк отложила журнал и пошла открывать.

— Телеграмма мистеру Уильяму Блэку, — объявил молоденький почтальон в форме «Вестерн Юнион». — Здесь распишитесь, пожалуйста.

Он протянул ей карандаш и блокнотик. Джуни расписалась, взяла телеграмму и, закрыв дверь, пошла к мужу.

— Тебе.

Билл Блэк развернул бланк так, чтобы она не могла прочитать написанного.

«Мотоцикл упустил грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход».

Поручили мальчику мужское дело, подумал Билл Блэк. Он посмотрел на часы: десятый час, вечер.

— Что там? — спросила Джуни.

— Ничего.

«Интересно, найдут они его или нет? — подумал Блэк. — Хорошо, если найдут. Потому что иначе завтра в это время многие из нас будут мертвы. Один Бог знает, сколько сотен

тысяч трупов. Наши жизни зависят от Рэгла Гамма. От него и от проклятого конкурса».

— Что-то страшное? — Джуни не унималась. — Да? Я вижу по твоему лицу.

— Дела, — ответил Блэк. — Муниципальные проблемы.

— Муниципальные? — усомнилась Джуни. — Слушай, не лги мне. Я знаю, это связано с Рэглом.

Неожиданно она выхватила у него телеграмму и выскочила из комнаты.

— Ну да! Я так и знала! Что ты задумал? Нанял кого-нибудь убить его? Я знаю, что он пропал, я звонила Марго, она говорит...

— Ты понятия не имеешь, о чем идет речь! — Билл отобрал телеграмму, едва контролируя себя.

— Не волнуйся, имею! Когда Марго мне сказала, что Рэгл исчез...

— Рэгл никуда не исчезал, — Билл сдерживался из последних сил. — Он просто ушел.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, потому что ты в этом виноват.

«В каком-то смысле она права, — подумал Билл. — Я действительно виноват. Решил, что они с Виком шутили, когда с винтовкой выскочили

из сарая».

— Хорошо. Виноват я.

Глаза Джуни изменили цвет. Зрачки почти исчезли.

— Как же я тебя ненавижу, — процедила она, тряся головой. — Так бы и перерезала тебе горло.

— Давай. — Билл кивнул. — Может, это лучший выход.

— Я иду к соседям.

— Зачем?

— Расскажу Вику и Марго, что это ты во всем виноват. Она кинулась к выходу, но Билл догнал ее и схватил за руку. — Отпусти! — завизжала Джуни. — Я им скажу, что мы с Рэглом любим друг друга, и если твой мерзкий план провалится...

— Уймись, — взмолился Билл Блэк. — Успокойся, слышишь?

И вдруг он опять вспомнил, что Рэгла нет и разгадывать завтрашнее конкурсное задание некому. Его охватил животный ужас, на какое-то время он окончательно потерял над собой контроль.

— Мне надо в туалет, — сказал он жене. — Нет, я хочу спуститься в подвал. Зарыться в землю.

— Детский комплекс вины, — насмешливо проговорила Джуни.

— Это страх, — ответил Билл. — Просто страх.

— Тебе стыдно.

— Нет. Детский страх... Взрослый страх.

— Взрослый страх! — фыркнула Джуни. — Такого не бывает.

— Еще как бывает, — сказал Билл Блэк.

Гаррет принес мыло, повесил на спинку стула свежее полотенце, рядом бросил коврик для ванной.

— Ванная здесь. — Он распахнул дверь, и Рэгл увидел узкий коридор, как на корабле, ведущий в крошечную, наподобие каморки, ванную.

— Отлично, — Рэгл кивнул. Его клонило в сон. — Спасибо за все. Спокойной ночи.

— Тут много книг и журналов, так что можете читать, если вам не спится. Есть шахматы и другие игры. Правда, они не для одного человека.

Гаррет удалился. Рэгл слышал, как он поднялся по лестнице, как закрылась дверь наверху.

Сев на кровать, Рэгл скинул туфли, огляделся, куда бы их поставить. Вдоль стены тянулась полка, на ней стояли лампа, механические часы и белый пластмассовый радиоприемник.

Увидев радио, Рэгл надел туфли, застегнул рубашку и выскользнул на лестницу.

Они чуть не обвели меня вокруг пальца. Но

все-таки выдали себя. Прошло не больше минуты с того момента, как вышел молодой Кессельман. Рэгл замер в коридоре, прислушиваясь. Откуда-то доносился голос миссис Кессельман.

Связывается с ними: звонит по телефону или передает по радио. Одно из двух. Стараясь ступать как можно тише, Рэгл пошел на голос. Дверь в конце темного коридора была полуоткрыта. За ней горел свет. Приблизившись, Рэгл выглянул в столовую.

В платье и шлепанцах, перехватив волосы ленточкой, миссис Кессельман кормила из миски маленькую черную собачку. И она, и собачка вздрогнули, когда Рэгл толкнул дверь. Собачонка звонко и отрывисто залаяла.

— Уф! — вздохнула миссис Кессельман. — Как вы меня испугали. — В руках она держала коробочку с собачьим печеньем. — Вам что-нибудь нужно?

— Там, внизу, в моей комнате, радиоприемник, — сказал Рэгл.

— Ну да, — ответила женщина.

— Это их способ общения.

- Чей?

— Их. Я не знаю, кто они такие, но они повсюду. Преследуют меня.

«И ты с сыном тоже с ними, — подумал Рэгл. — Я едва не попался. Хорошо, что они забыли спрятать радио. Или не успели».

В столовую вошел Гаррет.

— Все в порядке? — спросил он встревоженно.

Повернувшись к нему, мать сказала:

— Будь добр, закрой дверь, я хочу поговорить с мистером Рэглом наедине.

— Пусть останется, — потребовал Рэгл. Он подошел к Гаррету; тот заморгал и попятился, руки его беспомощно повисли. Закрыв дверь, Рэгл продолжил: — У меня нет возможности проверить, сообщили ли вы им, что я здесь. Надеюсь, еще не успели.

«Все равно я не знаю, куда идти, — подумал он. — Тем более ночью».

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Кессельман. Пожав плечами, она опять принялась кормить собачку. Та, тявкнув еще пару раз в сторону Рэгла, стала есть. — Вы утверждаете, что вас преследуют какие-то люди и мы входим в их число. Значит, про самоубийство вы придумали?

— Придумал.

— Почему они вас преследуют? — спросил Гаррет.

— Потому, что я — центр Вселенной. Во

всяком случае, они меня в этом убедили своими действиями. Мне ничего не остается, как продолжать. Им стоило большого труда выстроить вокруг меня искусственный мир, чтобы я не волновался. Дома, автомобили... целый город. Очень похоже, только все не настоящее. Не могу понять, зачем они придумали конкурс.

— О, — воскликнула миссис Кессельман, — ваш конкурс!

— Ясно, что для них принципиально важен именно конкурс, — вслух размышлял Рэгл. — Но здесь я не в силах разобраться. Может быть, вы знаете?

— Я знаю не больше вашего, — испуганно проговорила миссис Кессельман. — Конечно, я слышала, что все крупные конкурсы связаны с махинациями, но ведь это только слухи...

— Я имею в виду другое, — перебил ее Рэгл. — Знаете ли вы, что на самом деле означает этот конкурс?

Все замолчали. Занятая собакой, миссис Кессельман повернулась к Рэглу спиной. Гаррет сел в кресло, скрестил ноги и закинул руки за голову, стараясь казаться безмятежным.

— Чем я на самом деле занимаюсь каждый день? Неужели просто сижу и высчитываю,

где теперь появится Зеленый Человечек? Здесь заложен какой-то другой смысл. И они его знают, а я нет.

Кессельманы молчали.

— Вы связывались с ними? — спросил Рэгл.

Гаррет поежился. Миссис Кессельман вздрогнула, но продолжала кормить собаку.

— Могу я осмотреть дом?

— Да, конечно. — Миссис Кессельман выпрямилась. — Послушайте, мистер Гамм. Мы сделали все, чтобы вам было удобно. Но... — Женщина взмахнула рукой, и ее прорвало: — Но знаете, мы уже ничего не понимаем. Мы вас ни разу в жизни раньше не видели. Вы что, ненормальный? Наверное, это так; во всяком случае, ведете вы себя странно. Я теперь жалею, что вы вообще к нам попали, лучше бы... — Она запнулась. — Лучше бы вы сорвались в обрыв с вашей машиной — вот что я хотела сказать! Мы не заслужили таких оскорблений!

— Да-да, — пробормотал Гаррет.

«Неужели я ошибаюсь?» — подумал Рэгл.

— Тогда объясните, почему здесь радио, — сказал он вслух.

— Тут нечего объяснять, — ответила миссис Кессельман. — Обыкновенный пятиламповый

приемник, купленный после войны. Я даже не знаю, работает ли он. — Теперь она выглядела сердитой. Ее руки дрожали, лицо осунулось от усталости и раздражения. — В каждом доме есть радиоприемник. Даже по два или три.

Рэгл открыл все двери столовой. Одна из них вела в небольшой чуланчик, заставленный банками на полках.

— Я хочу осмотреть дом, — повторил Рэгл. — Зайдите сюда, чтобы я не волновался, чем вы занимаетесь, пока я все проверяю.

В двери чулана торчал ключ.

— Умоляю вас, — с трудом выговорила миссис Кессельман, не сводя с Рэгла глаз.

— Всего на несколько минут.

Кессельманы переглянулись, мать согласно кивнула, и они полезли в чулан. Рэгл повернул ключ и задвинул шпингалет.

Теперь он чувствовал себя спокойнее.

Черная собачка уставилась на него, не отходя от миски. «Почему она на меня смотрит?..» Потом Рэгл заметил, что миска пуста; собака, очевидно, ждет добавки. Коробка с печеньем лежала на длинном обеденном столе, где ее оставила миссис Кессельман. Он подбросил в миску печенья, и собака принялась за еду.

Из чулана донесся голос Гаррета:

— Надо быть осторожнее, он сумасшедший.

— Я не сумасшедший! — крикнул Рэгл. — Я давно слежу, как обстановка накаляется.

— Послушайте, мистер Гамм, — обратилась к нему из чулана миссис Кессельман, — вы, безусловно, верите в то, что говорите. Убеждены, что все против вас, и тем самым действительно всех против себя настраиваете.

— Нас, например, — вставил Гаррет.

В их словах был смысл. Рэгл пробормотал:

— У меня нет выбора.

— Вы должны хоть кому-нибудь поверить, — сказала миссис Кессельман. — Иначе не выживете.

— Я все-таки осмотрю помещение и тогда решу, — ответил Рэгл.

Женщина продолжала ровным, спокойным голосом:

— Во всяком случае, позвоните домой и скажите, что все в порядке. Там, наверное, не знают, что и думать. Или, может быть, мы позвоним? Успокоим ваших родных, чтобы не обращались в полицию.

Рэгл вышел из столовой. Сперва осмотрел гостиную. Все, казалось, было в порядке. Что он

хотел найти? Старая история: мог бы ответить — если бы нашел.

На стене над маленькими клавикордами висел телефон — ярко-розовая пластмассовая трубка и шнур. А справа на книжной полке стоял телефонный справочник, — точно такой же, как нашел Сэмми в развалинах. Рэгл открыл книгу. Свободная первая страница была исписана именами и телефонами. Писали карандашом, красным фломастером, шариковой ручкой. Адреса, пометки о встречах, даты, события... Обычная телефонная книга, какая и должна быть в таком доме, у таких людей. Номера в Уолнате, Шермане, Кентфилде, Девоншире.

На самой трубке значился кентфилдский номер.

Теперь понятно.

Взяв с собой книгу, Рэгл вернулся в столовую, вытащил ключ и открыл чулан, широко распахнув дверь.

Чулан был пуст. В задней стенке была аккуратно вырезана дыра, сквозь которую виднелась одна из спален. Пол был усыпан еще теплыми древесными и пластиковыми опилками. За несколько минут хозяева успели проделать проход. На полу валялись два сверла. Одно

погнутое и поломанное, видно нагрузка оказалась слишком велика. Другим, похоже, вообще не пользовались, очевидно, нашли третье, нужного размера, и мгновенно все сделали. Кессельманы так спешили, что побросали инструменты.

Разглядывая лежащие на ладони сверла, Рэгл вдруг сообразил, что ничего подобного ему видеть не приходилось. За всю свою жизнь.

Значит,
спокойно и рассудительно разговаривая с ним через дверь, они все это время сверлили заднюю стенку...

«Я безнадежный неудачник, — подумал Рэгл. — Изгой. С тем же успехом можно было сразу сдаться».

Он стал бесцельно бродить по комнатам. От порывов ветра хлопала задняя дверь. Хозяева ушли. Оставили ему весь дом. Пустота: только он и собака. Нет, собака тоже куда-то исчезла. Ушла с ними.

Выбираться на дорогу? Если повезет, он успеет уйти далеко, прежде чем Кессельманы вернутся с подкреплением. В крайнем случае, можно до рассвета укрыться в лесу, потом добраться до шоссе или идти вниз по холмам в другую сторону...

Рэгла передернуло от одной этой мысли. Идти он не мог. Не было сил.

Или... остаться в доме и постараться выяснить все, что возможно? Как можно больше, прежде чем они его схватят.

Последний вариант показался ему самым подходящим. Рэгл вернулся в гостиную. На этот раз он проверил все шкафы и выдвижные ящики, не обошел вниманием и столь обычный предмет, как телевизор в углу. На телевизоре стоял магнитофон. Рэгл нажал клавишу, и магнитофон заработал. Бобина с пленкой начала вращаться. Пленка, очевидно, предназначалась как для прослушивания, так и для просмотра. Через секунду или две экран засветился.

На экране телевизора появился Рэгл Гамм. Вначале вид спереди, потом сбоку. Рэгл Гамм шел по тенистой дорожке мимо лужаек и припаркованных машин. Потом — крупным планом одно лицо.

Из динамика раздался голос:

— Это Рэгл Гамм.

Теперь на экране Рэгл Гамм сидел в шезлонге во дворе дома, на нем были шорты и гавайская рубашка с короткими рукавами.

— Сейчас вы услышите его голос. Обратите

внимание на манеру разговора, — объявил динамик. И Рэгл услышал собственный голос: «...если приду домой раньше вас, то сделаю сам. А нет, отложите все на завтра. Договорились?»

У них есть все про меня. Черным по белому. И даже в цвете.

Он остановил пленку. Картинка на экране застыла. Тогда Рэгл нажал на выключатель, и изображение сжалось в яркую точку, которая медленно погасла.

«Теперь ясно, почему меня все узнают. Их специально тренируют.

Когда я начну думать, что схожу с ума, я вспомню эту пленку. Эту тренировочную программу по узнаванию меня.

Интересно, сколько таких пленок заряжено сейчас в магнитофоны? В скольких домах? На какой территории? Они есть в каждом доме, где я бываю. На каждой улице. Наверное, во всех городах.

Во всем мире?»

Послышался далекий шум мотора. Это его подстегнуло.

Рэгл открыл парадную дверь, и шум усилился. В темноте внизу мигнули и погасли фары.

«Зачем все это? — подумал Рэгл. — Кто они?

Как все обстоит на самом деле? Я должен разобраться».

Он снова кинулся в дом и принялся осматривать предмет за предметом. Мебель, книги, личные вещи в ящиках стола, одежда в шкафах... Что еще? Стиральная машина, швабра возле вешалки, упаковка голландского мыла, кипа журналов, газет. Рэгл выдернул несколько штук, роняя остальные, открыл наугад.

Увидев дату на газете, он понял, что искать дальше нет смысла. Вот.

10 мая 1997 года.

Будущее. Взгляд почти на сорок лет вперед.

Рэгл пробежал заголовки. Бессмысленный набор не связанных между собой банальностей: убийство, призыв к увеличению дотаций на строительство автостоянок, смерть знаменитого ученого, беспорядки в Аргентине.

Почти в самом низу заголовок:

РУДНИКИ НА ВЕНЕРЕ -СНОВА РАЗНОГЛАСИЯ

Тяжба в международной ассоциации юристов по поводу собственности на Венере... Рэгл читал с максимальной быстротой, потом отшвырнул газету и схватил журналы.

«Таймс» от 7 апреля 1997 года. Свернув журнал, он сунул его в карман брюк. Открыл наугад

другой, пытаясь сразу проглотить всю статью, уловить и запомнить хоть что-нибудь. Мода, мосты, картины, медицина, хоккей — весь будущий мир, изложенный выверенной прозой. Краткие выжимки из всех областей жизни, которая еще не наступила...

Уже наступила. Протекает сейчас. Журнал-то периодический. На дворе стоял 1997 год. Не 1959-й.

Возле дома остановилась машина. Рэгл вздрогнул и схватил оставшиеся журналы, сколько смог... Он попытался выскочить через выходящую во двор дверь.

Голоса. Там, во дворе, были люди. Мелькнул луч фонаря. Журналы зацепились за дверь и полетели на крыльцо. Опустившись на колени, Рэгл принялся их собирать.

— Вот он, — раздался голос, и луч фонаря уперся в Рэгла, на мгновение ослепил его. Он повернулся спиной к свету, не отрываясь от обложки одного из журналов.

Там рядом с датой — 14 января 1996 года — была его фотография. Цветная. И подпись внизу:

РЭГЛ ГАММ - ЧЕЛОВЕК ГОДА

Присев на ступеньки, Рэгл открыл журнал на нужной статье. Его детские фотографии. Мать и

отец. Он в начальной школе... Рэгл лихорадочно листал страницы. Он после второй мировой или какой-то там войны, в которой он участвовал, в военной форме, улыбается в объектив.

Женщина, которая была его первой женой.

Потом на развороте — острые шпили и напоминающие
минареты башни промышленного района.

Журнал вырвали из рук. Рэгл поднял голову и с изумлением увидел на волочащих его с крыльца людях знакомые серые комбинезоны.

— Следи за воротами, — сказал один из них.

Рэгл видел черные деревья, видел бегущих по клумбам людей, пляшущие по каменистой дорожке лучи фонаря. А на дороге — грузовики с включенными двигателями и фарами. Темно-зеленые грузовики-полуторки. Тоже хорошо знакомые. Как и серые комбинезоны. Городские грузовики и люди из муниципальной службы.

Один из них поднес к лицу Рэгла пластиковый пузырек — и тут же раздавил его пальцами. Пузырек лопнул и окутал лицо Рэгла дымом. Зажатому с двух сторон, ему ничего не оставалось,

как вдохнуть. Фонарь продолжал слепить его сквозь желтое облако, и Рэгл закрыл глаза.

— Поосторожней, — проворчал кто-то. — Его надо беречь.

Материал грузовика был холодным, мокрым на ощупь. Как

в рефрижераторе, подумал Рэгл. Деревенский продукт, который необходимо доставить в город. И завтра продать на рынке.

ГЛАВА 10

Щедрое солнечное утро заливало спальню белым светом. Рэгл прикрыл глаза рукой, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Я опущу жалюзи, — проговорил кто-то. Рэгл узнал голос и открыл глаза. Возле окна, опуская жалюзи, стоял Виктор Нильсон.

— Я вернулся, — сказал Рэгл. Он вспомнил, как бежал, как продирался вверх по холму сквозь кустарник. — Я залез высоко. Почти на вершину. А потом меня скатили вниз.

Интересно, кто? — подумал Рэгл. И спросил вслух:

— Кто вернул меня сюда?

— Здоровенный таксист, не меньше трехсот фунтов веса, — ответил Вик. — Дотащил тебя до крыльца и усадил на скамейку. — Немного помолчав, Вик добавил: — Это обойдется тебе — или мне, смотря кому придет счет, — в

одиннадцать долларов.

— Где меня нашли?

— В баре.

— В каком баре?

— Никогда о нем не слышал. Где-то на другом конце города. В северной части. Там, где промышленная зона, железнодорожные пути и грузовые верфи.

— Постарайся вспомнить название, бара, — попросил Рэгл. Это казалось ему важным, только он не мог понять почему.

— Можно спросить Марго. Она не спала, мы оба не спали. Подожди.

Вик вышел из комнаты. Спустя мгновение к кровати подошла Марго:

— Бар назывался «Жареное мясо и напитки Фрэнка».

— Спасибо, — пробормотал Рэгл.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

— Приготовить тебе что-нибудь легкое?

— Нет. спасибо.

— А ты здорово нагрузился, — заметил Вик. — И не пивом. Напихал в карманы кучу мелочи.

— Что там было еще? — спросил Рэгл. Он помнил, что заталкивал в карманы что-то ценное,

то, что он хотел сохранить и взять с собой.

— Была еще салфетка из «Жареного мяса», — сказала Марго. — Остальное — мелочь. По двадцать пять и десять центов. Ты что, собирался звонить?

— Да, — ответил Рэгл. — Собирался. — Что-то было связано с телефоном... — Я помню одно имя, — добавил он.— Джек Дэниэлс.

— Так звали таксиста, — сказал Вик.

— Откуда ты знаешь? — спросила Марго.

— Рэгл так его называл.

— А грузовики из муниципальной службы? Откуда взялись они? — спросил Рэгл.

— О них ты ничего не говорил, — ответила Марго. — Но очень легко объяснить, почему они пришли тебе на ум.

— Почему?

Марго подняла жалюзи:

— Стоят здесь с самого утра. Приехали еще до семи. Шум воздействовал на подсознание и определил ход мыслей.

Рэгл заставил себя подняться и подойти к окну. У противоположного тротуара стояли два темно-зеленых грузовика муниципальной службы. Бригада рабочих в серых комбинезонах долбила канаву, и Рэгл сообразил, что давно слышит

грохот отбойных молотков.

— Похоже, они тут надолго, — сказал Вик. — Наверное, прорвало трубу.

— Я всегда нервничаю, когда перекапывают улицу, — откликнулась Марго. — Каждый раз боюсь, что они все перекопают и уедут, не закончив.

— Они свое дело знают, — успокоил Вик. Махнув на прощание рукой, он отправился на работу.

Позже Рэгл Гамм, пошатываясь, выбрался из постели, умылся, побрился, натянул на себя одежду и прошел на кухню. Там налил себе стакан томатного сока, сварил яйцо и сел за стол.

Есть не хотелось. С улицы доносился треск отбойных молотков. Интересно, долго это продлится? — подумал Рэгл.

Он закурил и взял утреннюю газету. Кто-то уже принес ее и положил на стол.

Вид газеты вызвал у него отвращение. Было противно даже держать ее в руках.

Рэгл открыл газету на странице конкурса. Там, как обычно, печатали Имена победителей. И его имя — в специально придуманном оформлении. Во всей красе.

— Как тебе сегодняшнее задание? — поинтересовалась Марго из соседней комнаты.

— Да как обычно, — пробормотал Рэгл. Вид собственного имени на странице газеты наполнил его тревогой и беспокойством, вернулось утреннее ощущение тошноты.

— Веселенькое дело, — сказал он сестре. — В один прекрасный день ты видишь свое имя напечатанным и испытываешь нервное потрясение. Шок.

— Я своего имени никогда не видела напечатанным, — откликнулась Марго. — Разве что пару раз в статьях о тебе.

«Да, — подумал Рэгл. — В статьях обо мне».

— Я важная птица, — сказал он вслух и отложил газету.

— Конечно, — согласилась Марго.

— У меня такое чувство, — продолжал Рэгл, — что от моих действий зависит судьба человечества.

Сестра выпрямилась и отложила тряпочку, которой протирала телевизор.

— Ты говоришь странные вещи. Я, собственно, не вижу... В конце концов конкурс — это всего-навсего конкурс.

Рэгл прошел в свою комнату и принялся раскладывать графики, схемы, таблицы и придуманные им устройства. Спустя час он был полностью поглощен разгадыванием очередного

задания.

Около полудня Марго постучала в запертую дверь.

— Рэгл! — крикнула она. — Тебя можно потревожить? Если нет, так и скажи.

Он распахнул дверь, довольный перерывом.

— Джуни Блэк хочет с тобой поговорить. Клянется, что всего на одну минуту.

Из гостиной вышла Джуни Блэк.

— Вырядилась как на праздник, — заметила Марго, оглядев ее.

— Еду в центр за покупками, — ответила Джуни. На ней был красный вязаный шерстяной костюм, чулки, туфли на каблуках, на плечи наброшено коротенькое пальто, волосы тщательно уложены. Подкрашенные глаза приобрели почти театральную выразительность.

— Закрой дверь, — попросила она Рэгла, едва войдя в комнату. — Нам надо поговорить.

Он закрыл дверь.

— Слушай, у тебя все в порядке?

— Да, — Рэгл кивнул.

— Я знаю, что с тобой произошло. — Она положила руки ему на плечи, потом вздрогнула и отстранилась. — Будь он проклят! Я ему сказала, если что-нибудь с тобой случится, я его оставлю.

— Билла? — спросил Рэгл.

— Это он во всем виноват. Организовал за тобой слежку, нанял частных детективов. — Джуни нервно прошлась по комнате. — Тебя били, да?

— Нет, — ответил Рэгл. — Не думаю.

Джуни задумалась.

— Может, они просто хотели тебя припугнуть?

— Вряд ли это вообще имеет отношение к твоему мужу, — задумчиво произнес Рэгл. — И к тебе тоже.

Джуни покачала головой:

— А я знаю, что имеет. Я видела телеграмму, которую он получил. Когда ты пропал, ему пришла телеграмма. Он не хотел, чтобы я ее видела, а я выхватила ее у него из рук. Речь шла о тебе. Донесение.

— Что все-таки там было? — спросил Рэгл.

Джуни напрягла память и выпалила:

— Обнаружен пропавший грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход.

— Ты уверена?

— Уверена. — Она кивнула. — Я успела выучить телеграмму наизусть, прежде чем Билл ее отобрал.

Грузовики муниципалитета, подумал Рэгл. Там, на улице, до сих пор торчали темно-зеленые

грузовики. Рабочие продолжали разделываться с тротуаром, получилась уже приличная канава.

— У Билла есть контакт с ремонтниками? — спросил
Рэгл. — Он распоряжается муниципальным транспортом?

— Я понятия не имею, чем он там распоряжается в своем водоканале, — ответила Джуни. — И мне на это наплевать. Рэгл, ты слышишь, мне на это наплевать. Я не хочу иметь с ним ничего общего.

Она неожиданно подбежала к Рэглу, обняла его и громко зашептала ему на ухо:

— Рэгл, я все решила. Эта история... то, что он способен на такие ужасные, преступные дела... последняя капля. Между нами все кончено. Смотри.

Джуни стащила с левой руки перчатку и помахала кистью перед его лицом.

— Видишь?

— Что?

— Обручальное кольцо. Я его не ношу... Помнишь, когда мы вместе лежали в траве и ты сказал, что любишь меня?

— Помню.

— Мне все равно, что говорят Марго и другие. Сегодня в полтретьего я встречаюсь со своим

адвокатом. Хочу проконсультироваться насчет развода. А потом мы сможем быть вместе до конца жизни, и никто нам слова не скажет. А если он хоть раз попробует применить свои уголовные методы, я обращусь в полицию.

Взяв сумочку, она распахнула дверь.

— Ты уходишь? — Рэгл несколько растерялся, снова почувствовав себя в водовороте событий.

— Мне надо в центр. — Оглядев холл, Джуни послала ему страстный воздушный поцелуй и прошептала: — Я тебе позвоню позже и расскажу о визите к адвокату.

Рэгл услышал, как ее каблучки застучали по ступенькам крыльца. Затем взревел мотор машины... Уехала.

— Что там еще? — спросила Марго из кухни.

— Джуни расстроена, — рассеянно ответил Рэгл. — Поссорилась с Биллом.

— Если ты так важен для человечества, мог бы выбрать кого-нибудь и получше.

— Ты говорила Блэку, что я уходил?

— Нет, только Джуни. Она примчалась сразу же, как ты исчез. Я ей сказала, что меня больше волнует, куда ты запропастился, а не ее болтовня. Собственно, теперь ясно, что со мной она и не собиралась разговаривать.

Вытирая руки бумажным полотенцем, Марго добавила:

— А она прехорошенькая. Можно сказать, даже красивая. Но слишком юная. С такими девчонками водится Сэмми.

Рэгл почти не слышал сестру. Голова раскалывалась, он чувствовал себе еще хуже, чем раньше. Эхо прошедшей ночи...

За окном муниципальная бригада побросала лопаты и устроила перекур. Казалось, им просто надо было находиться возле дома.

«Они что, следят за мной?» — подумал Рэгл.

Он почувствовал к этим людям инстинктивное отвращение, граничащее со страхом. Откуда оно? Рэгл попытался восстановить прошлое. Темно-зеленые грузовики... Где-то там он пытался от них спрятаться. И еще: он нашел что-то ценное, но потерял, или у него отобрали...

ГЛАВА 11

Джуни Блэк позвонила на следующее утро:

— Ты работаешь?

— Я всегда работаю, — ответил Рэгл.

— Ну, — начала Джуни, — я посоветовалась с мистером Хемпкином, это мой адвокат... — По интонации Рэгл понял, что она намерена выложить все подробности. — До чего хлопотное дело, — Джуни вздохнула.

— Расскажи. — Рэглу хотелось поскорее вернуться к заданию. Но он, как всегда, попал под гипноз Джуни, оказался втянутым в ее запутанные проблемы. — И что адвокат? — спросил Рэгл. Как бы то ни было, к этому делу следовало относиться серьезно. Если дойдет до суда, его неизбежно вызовут свидетелем.

— О Рэгл, — простонала она. — Мне так хочется тебя увидеть. Хочу, чтобы ты был со мной. Рядом. Это настолько сложно...

— Что сказал адвокат?

— Все зависит от Билла. Ты представляешь? Когда мы увидимся? Я боюсь приходить к тебе. Марго так на меня смотрит, что я теряюсь. Неужели она думает, что мне нужны твои

деньги?

— Джуни, что сказал адвокат?

— Я не хочу по телефону. Почему бы тебе не заскочить ко мне ненадолго? Или ты боишься, что Марго заподозрит? Знаешь, Рэгл, теперь, когда я решилась, мне стало легче. Теперь я буду сама собой, перестану терзаться сомнениями. Это самый важный момент в жизни. Для меня это свято. Я, когда проснулась сегодня утром, почувствовала себя словно на богослужении, все вокруг такое возвышенное...

— Как насчет гражданской обороны? — спросил Рэгл.

— Гражданской обороны? Думаю, это очень нужно.

— Ты пойдешь туда?

— Нет. Зачем?

— Я тоже думаю, что туда нужно пойти.

— Рэгл, — воскликнула Джуни с отчаянием, — ты иногда такой загадочный, *я* просто не могу уследить за твоими мыслями!

Теперь до него дошло, что он совершил ошибку. Идею с гражданской обороной надо отбросить. Бессмысленно ей объяснять, что он имел в виду и о чем думал, когда к нему обратилась миссис Кейтелбайн.

— Послушай, Джуни, я очень хочу тебя видеть, так же, как и ты меня, а может быть, и сильнее. Но мне надо выполнить это проклятое задание.

— Я знаю, — ответила она. — У тебя есть обязательства. — Слова насчет обязательств прозвучали решительно. — А если вечером, после того как ты отправишь ответ?

— Попробую тебе позвонить. — Он знал, что ее муж будет дома и ничего не выйдет. — Я надеюсь справиться пораньше. С утра шло хорошо.

— Ой, сегодня не получится. Я обедаю со старинной подругой. Знаешь, я так много хочу тебе сказать, так много сделать вместе. У нас впереди вся жизнь.

Джуни говорила что-то еще, он слушал. Наконец она попрощалась, и Рэгл повесил трубку, чувствуя себя подавленным.

Как все-таки тяжело с ней общаться.

Когда Рэгл поднялся и побрел к себе, телефон зазвонил снова.

— Хочешь, чтобы я ответила? — крикнула Марго из соседней комнаты.

— Не надо. Скорее всего это меня.

Он поднял трубку, ожидая услышать Джуни, но раздался глухой неприятный женский голос:

— Пригласите мистера Гамма.

— На проводе, — буркнул Рэгл от разочарования грубо.

— Мистер Гамм! Вы еще не забыли о занятиях по гражданской обороне? Это миссис Кейтелбайн.

— Я вас узнал, — сказал Рэгл. — Здравствуйте. — Стараясь говорить твердо, он добавил: — Миссис Кейтелбайн, мне очень жаль, но...

— Сегодня, — перебила она его. — Сегодня же вторник. В два часа.

— Я не смогу прийти. Погряз в своем конкурсе. Как-нибудь в другой раз.

— О Боже! — воскликнула она. — Я уже всех известила, что вы придете. Люди хотят послушать о второй мировой войне.

— Мне очень жаль, — буркнул Рэгл.

— Это катастрофа, — проговорила миссис Кейтелбайн отчаянным голосом. — Может, вы придете — не будете выступать, просто посидите, ответите на вопросы... Неужели у вас не найдется чуть-чуть времени? Вальтер за вами заедет, а после отвезет домой. Занятия длятся около часа, так что самое большее вы потратите час пятнадцать.

— Зачем за мной заезжать? До вас всего полквартала.

— Верно. Мы живем на одной улице. Тогда вы

тем более должны постараться, пожалуйста, мистер Гамм, как личное одолжение.

— Хорошо, — согласился он. — В конце концов час ничего Не решает.

— Большое вам спасибо. — Облегчение и благодарность переполняли ее голос. — Я очень ценю вашу доброту.

Повесив трубку, Рэгл немедленно принялся за задание. До отправки оставалось несколько часов. Сознание того, что ответ необходимо отослать вовремя, как всегда, подавляло все остальное.

В два часа он поднялся на некрашенное покосившееся крыльцо дома Кейтелбайнов и позвонил. Дверь распахнула миссис Кейтелбайн.

— Входите, мистер Гамм!

За ее спиной он смутно различил группу женщин
в ярких платьях, среди которых затерялись несколько тщедушных и неприметных мужчин. Все ожидающе смотрели в сторону двери, и Рэгл понял, что ради него они и пришли, теперь можно начинать занятие. «Даже здесь я самая значительная персона», — подумал Рэгл. Никакого удовлетворения он, однако, не ощутил. Единственный важный для него человек отсутствовал. До Джуни Блэк его намек так и не

дошел.

Миссис Кейтелбайн провела гостя к столу, массивному старому деревянному столу, который они с Вальтером поднимали из подвала. Стул она поставила так, чтобы Рэгл оказался лицом к аудитории.

— Прошу вас, садитесь здесь.

К занятиям она приоделась. Глядя на ее длинную шелковую, похожую на мантию юбку, на блузку с кружевами и ленточками, Рэгл вспомнил школьные экзамены и уроки музыки.

— Прежде чем задавать вопросы, мы обсудим кое-какие аспекты гражданской обороны, просто чтобы больше к ним не возвращаться. — Хозяйка похлопала Рэгла по руке. — Вы первая знаменитость на наших занятиях.

Улыбаясь, она заняла свое место и постучала карандашом по столу, призывая к тишине.

Неразличимые леди и джентльмены затихли. Говор смолк. Первые ряды принесенных Вальтером складных стульев были заняты. Сам Вальтер, в галстуке, сидел у двери. Он чинно кивнул Рэглу с другого конца комнаты.

Надо было надеть пиджак, подумал Рэгл. В рубашке он чувствовал себя неловко.

— На прошлом занятии, — миссис Кейтелбайн

скрестила руки на столе, — кто-то поднял вопрос о невозможности перехвата всех вражеских ракет в случае неожиданного массированного удара по Америке. Это действительно так. Мы знаем, что все ракеты

сбить не удастся. Определенный процент их неизбежно прорвется. Такова ужасная правда, и мы вынуждены с ней считаться.

Лица находящихся в комнате мужчин и женщин приняли мрачное выражение.

— Если разразится война, — продолжала миссис Кейтелбайн, — в лучшем случае нам грозят страшные разрушения. Десятки миллионов погибших и умирающих. Лежащие в руинах города, радиоактивные осадки, зараженные поля, непоправимо нарушенный генетический код будущих поколений. Нам придется столкнуться с невиданной катастрофой. Фонды, выделяемые правительством на оборону, которые мы сейчас воспринимаем как непосильное и тяжкое бремя, окажутся каплей в море.

Все так и будет, подумал Рэгл. Слушая миссис Кейтелбайн, он видел картины смерти и страдания: почерневшие сорняки в развалинах городов, бескрайние пустыни, усеянные ржавым металлом и костями. Ни жизни, ни звука...

И вдруг на него обрушилось тоскливое чувство опасности. Ее близость и реальность наполнили душу ужасом. Рэгл застонал и чуть не вскочил со стула. Миссис Кейтелбайн осеклась. Все одновременно повернулись в его сторону.

«Теряю время, — подумал Рэгл. — Разгадываю головоломки в газете. Как я мог так далеко уйти от реальности?»

— Вам нехорошо? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Все в порядке, — ответил Рэгл.

Кто-то поднял руку.

— Если Советы пошлют свои ракеты одной большой группой, смогут ли наши средства ПВО перехватить большее их количество, чем в случае нескольких последовательных атак? Из того, что вы говорили на прошлой неделе...

— Вопрос поставлен правильно, — перебила миссис Кейтелбайн. — В самом деле, мы можем израсходовать наши ракеты-перехватчики в первые же несколько часов войны, а потом выяснится, что противник и не планировал разделаться с нами одним массированным ударом, наподобие японской атаки на Пирл-Харбор, а, напротив — решил победить этаким «атомным покусыванием», рассчитанным, может

быть, не на один год.

Поднялась еще одна рука.

— Слушаем вас.

Из зыбкой безликой массы выделилась женщина:

— А способны ли Советы провести столь длительную атаку? Разве во время второй мировой войны нацисты не столкнулись с тем, что их экономика не выдержала ежедневных потерь тяжелых бомбардировщиков в ходе круглосуточных бомбежек Лондона?

Миссис Кейтелбайн повернулась к Рэглу:

— Может быть, мистер Гамм ответит на этот вопрос?

Некоторое время Рэгл не мог сообразить, к кому обращаются. Потом заметил, что миссис Кейтелбайн ободряюще кивает ему головой.

— Что? — спросил он.

— Расскажите, как повлияла на нацистов потеря большого числа бомбардировщиков во время бомбежек Лондона.

— Я находился на Тихоокеанском театре, — произнес Рэгл. — Извините, но о войне в Европе я ничего не знаю.

Он действительно не мог припомнить ничего касающегося боевых действий в

Европе, настолько его переполнило чувство непосредственной угрозы. Оно вытеснило все остальное и опустошило его. «Чего ради я сижу здесь? — подумал Рэгл. — Я должен быть... Где я должен быть?»

Бродить по деревенским лугам с Джуни Блэк, стелить одеяло на сухом горячем склоне, вдыхать аромат травы и жаркого солнца? Неужели этого уже не будет? Останутся пустые каркасы вместо реальных вещей: и солнце не светит, и день не теплый, а холодный — серый, ровный, мелкий дождик и отвратительная сажа оседают на всем. Травы нет, из потрескавшейся земли торчат обугленные пни. Озера с зараженной водой...

— Я полагаю, — сказала миссис Кейтелбайн в ответ на вопрос, — что еще тяжелее, чем потеря самолетов, на Германии сказалась потеря опытных летчиков. Заменить сбитые самолеты они еще могли, а вот на подготовку пилотов уходили месяцы. Это, кстати, один из сюрпризов, которые обрушатся на нас в следующей, первой ядерно-водородной войне. Потеря ракет не означает гибели опытных летчиков. Ракеты не перестанут летать оттого, что больше некому их вести. Атаки не прекратятся, пока будет идти производство ракет.

На столе перед ней лежал машинописный листок. Рэгл догадался, что миссис Кейтелбайн им пользуется. Предложенная правительством программа.

Значит, это голос правительства, подумал Рэгл, а не обыкновенной женщины средних лет, болтающей в свое удовольствие. Это факты, а не частное мнение.

Это реальность.

— Мы вам покажем несколько макетов, — продолжала миссис Кейтелбайн. — Их изготовил мой сын Вальтер... Образцы некоторых жизненно важных объектов.

Она подала сыну знак, и он подошел ближе.

— Чтобы наша страна пережила следующую войну, — начал Вальтер юношеским тенором, — нам необходимо освоить новый способ производства. Заводы в том виде, как мы их знаем, будут стерты с лица земли. Нужна широко разветвленная сеть подземных промышленных предприятий.

На мгновение он исчез из виду, вышел в соседнюю комнату. Все с любопытством ожидали его возвращения. Вальтер вернулся с огромной моделью, которую установил на столе.

— Вот образец хорошо защищенной фабрики.

Она строится на глубине около мили и недосягаема для ракетного удара.

Все поднялись, чтобы лучше разглядеть. Рэгл повернул голову и увидел на столе квадрат из башенок и шпилей, контуров зданий, минаретов индустриального пейзажа. Как знакомо, подумал Рэгл. И эти двое, миссис Кейтелбайн и Вальтер, склонились над конструкцией… все это уже происходило когда-то. В прошлом.

Журнал. Там была фотография — только не макета, а оригинала.

Значит, такая фабрика существует?

Заметив проявленный им интерес, миссис Кейтелбайн сказала:

— Не правда ли, очень убедительный макет, мистер Гамм?

— Да, — ответил он.

— Вам приходилось видеть подобные?

В комнате воцарилась тишина. Безликие силуэты застыли в ожидании.

— Да.

— Где же?

Он вспоминал. Он был почти уверен в ответе.

— А что, по-вашему, может производить такая фабрика? — спросила одна из женщин. — Как вы думаете, мистер Гамм?

— Возможно, это завод по производству алюминия. — Ответ Рэгла прозвучал вполне правдоподобно. — Или по обработке каких-либо минералов для промышленности, пластмассы или древесного волокна.

— Я горжусь этим макетом, — сказал Вальтер.

— Им можно гордиться, — поддержала его женщина.

«Я знаю там каждый дюйм, — подумал Рэгл. — Каждое здание и холл. Каждый кабинет. Я был там, внутри. Много раз».

После занятий по гражданской обороне он не пошел домой. Вместо этого сел на автобус и поехал в центр, в торговые кварталы. Немного прошелся пешком. Неожиданно прямо через дорогу он увидел огромную автостоянку и вывеску: «СУПЕРМАРКЕТ “ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ”». До чего же тут про-сторно, подумал Рэгл. Продается все, кроме, может быть, океанских буксиров. Он перешел через дорогу и зашагал к задним дверям магазина, где размещался высокий складской ангар.

У ангара стояли четыре грузовика-фургона. Грузчики в матерчатых фартуках ставили на тележки картонные ящики с консервами, клети с фруктами и овощами, мешки с мукой и сахаром.

По роликовому конвейеру с грузовиков в склад скатывались ящики поменьше.

Наверное, это интересно, подумал Рэгл. Ставишь ящик на ролики и видишь, как он летит вниз, в открытую пасть склада. А там, вне всякого сомнения, кто-то их снимает и укладывает в ряды. Незримый процесс на другом конце... приемщика не видно, но он работает.

Рэгл закурил и пошел дальше.

Колеса грузовиков в диаметре почти равнялись его росту. Наверное, чувствуешь себя силачом, гоняя такую фуру из штата в штат. Через Скалистые горы, соляную равнину Юты и пустыню Невады... снег в горах, раскаленный воздух на равнине. Жуки бьются о ветровое стекло. Тысячи придорожных забегаловок, мотелей, заправочных станций, указателей. А впереди холмы. Изнуряющая монотонность дороги.

Но как хорошо просто все время куда-нибудь ехать. Перемещаться. Каждую ночь — другой город.

Приключения.

Роман с одинокой официанткой в придорожном кафе. Голубоглазая блондинка с ровными зубами и роскошной гривой, вскормленная и выросшая

в спокойной деревенской обстановке.

«У меня уже есть официантка. Джуни Блэк. Собственное приключение, сомнительная романтика флирта с чужой женой. В тесных маленьких домиках, где машину ставят под окнами кухни, а белье развешивают во дворе; откуда не вырваться из-за тысячи мелких дел, которых все равно не переделать.

Значит,
мне этого не хватает? Я не удовлетворен?

Может, отсюда и. тревога? Предчувствие, что появится Билл Блэк с пистолетом и пристрелит меня за шашни с его женой. Застукает средь бела дня, когда мы сольемся в объятиях — если улучим момент между стиркой, стрижкой газонов и магазином.

Сублимация... Фантазии о возмездии — плата за грехи. Которые, впрочем, яйца выеденного не стоят.

Во всяком случае, — подумал Рэгл, — так сказал бы любой психиатр. И все домохозяйки, начитавшиеся Гарри Стэка Салливана, Карин Хорни и Карла Меннингера. А может, это моя враждебность по отношению к Блэку. Не находящая выхода враждебность сублимируется в тревогу. Мои личные проблемы на мировом

экране».

Обойдя супермаркет, Рэгл приблизился к парадному входу. Сработал электрический глаз, дверь распахнулась. За кассами продуктового отдела у корзины с луком стоял Вик Нильсон. Он вытаскивал из корзины испорченные луковицы и выбрасывал их в круглое цинковое ведро.

— Привет, — сказал Рэгл, подойдя к нему.

— О, привет! — откликнулся Вик, не отрываясь от дела. — Закончил сегодняшнее задание?

— Оно уже в почтовом ящике.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше, — ответил Рэгл. Несколько покупателей еще находились в магазине, и он спросил: — Ты можешь выйти?

— На пару минут.

— Надо переговорить.

Вик снял фартук и кинул его на цинковое ведро. Они вышли из магазина, пересекли стоянку.

— Заглянем в «Обед по-американски»? — предложил Вик.

— Отлично.

Рэгл последовал за ним через улицу. Вик, как всегда,
отчаянно лавировал между проносившимися мимо двухтонными грузовиками.

— Тебя еще не сбивали? — поинтересовался Рэгл.

— Пока нет, — ответил Вик, держа руки в карманах.

Едва они вошли в кафе, как Рэгл увидел неподалеку
темно-зеленый грузовик муниципальной службы.

— В чем дело? — спросил Вик, заметив перемену в лице зятя.

— Посмотри, — Рэгл указал на грузовик.

— Ну и что?

— Я их ненавижу. — Наверное, копающая канаву бригада проследила, как он зашел к Кейтелбайнам.—К черту кофе. Поговорим в магазине.

— Как хочешь. — Вик пожал плечами. — Мне все равно туда возвращаться. — Когда они опять пересекали улицу, он добавил: — А что, собственно, ты имеешь против муниципальной службы? Это связано с Биллом Блэком?

— Может быть.

— Марго рассказала, как Джуни прибегала вчера после моего ухода на работу. Вся разодетая. Говорила что-то про адвоката.

Не отвечая, Рэгл вошел в магазин.

— Где мы можем поговорить?

— Здесь.

Вик открыл ключом клетушку в дальнем конце магазина, где продавались напитки. Внутри, кроме двух табуреток, ничего не было. Вик запер дверь изнутри и сел.

— Все закрыто, нас никто не слышит. Что ты хотел рассказать?

— К Джуни это отношения не имеет. — Рэгл сел напротив зятя. — Мрачных откровений у меня для тебя нет.

— Слава Богу, — вздохнул Вик. — Ты сильно изменился с тех пор, как тебя привез таксист. Мы с Марго говорили про тебя перед сном.

— К чему пришли?

— К тому, что ты стал совсем подавленный.

— Ну да.

— Или равнодушный.

— Только не равнодушный.

— Тебя там не били? В том баре?

— Нет, — ответил Рэгл.

— Это первое, что мне пришло в голову, когда Дэниэлс — таксист — уложил тебя на скамейку. Синяков на тебе, правда, не было. И вообще, если бы тебя били, ты бы это запомнил. Мне тоже как-то раз накостыляли, пару лет назад. Так я

несколько месяцев не мог отойти. Такое не сразу забывается.

— Я почти вырвался, — сказал Рэгл.

— Откуда?

— Отсюда. От них.

Вик поднял голову.

— Я добрался почти до самого края и увидел мир, как он есть. Не такой, каким его соорудили для нас. Меня тут же поймали и привезли обратно. Причем сделали так, что я толком ничего не помню. Но...

— Что «но»?

— Я не мог девять часов провести в закусочной Фрэнка. Может быть, подходил к ней... Это я припоминаю. Я был очень далеко, в другом месте, в домике. Общался с людьми. Именно там я получил доказательство того, как все обстоит на самом деле. Но больше ничего не помню. Остальное пропало навсегда. Сегодня на занятии показали один макет, а мне кажется, что в том доме я видел фотографию оригинала. Потом дом окружили грузовики муниципалитета...

Рэгл замолчал. Воцарилась тишина.

Наконец Вик произнес:

— Может быть, ты просто боишься, что Билл Блэк узнает про тебя и Джуни.

— Нет, — отрезал Рэгл. — Точно.

— Хорошо.

— Эти огромные фургоны, гоняющие из штата в штат... Они ведь покрывают огромные расстояния, а? Наверное, больше, чем любые другие транспортные средства?

— Ну, не больше, чем самолеты крупных авиакомпаний или поезда дальнего следования. Но, бывает, делают по две тысячи миль.

— Достаточно далеко, — заметил Рэгл. — Гораздо дальше, чем я проехал в ту ночь.

— На них тоже можно выбраться?

— Думаю, что да.

— А как же твой конкурс?

Рэгл пожал плечами.

— Разве ты не должен продолжать?

— Должен.

— Проблем **у** тебя хватает, — произнес Вик.

— Да, но я все равно хочу попытаться еще раз. Только теперь я знаю, что просто так мне уйти не дадут. Каждый раз они будут возвращать меня обратно.

— И как ты себе это представляешь? Спрячешься в бочку, и тебя отправят вместе с негодным товаром на переработку?

— Может, ты предложишь что-нибудь? Ты здесь

каждый день торчишь на погрузке. А я раньше в глаза их не видел.

— Мне известно только, что фургоны привозят продукты из тех мест, где их производят или выращивают. Но как проверяются грузы, часто ли открывают двери и вообще сколько тебе придется просидеть взаперти — обо всем этом я понятия не имею. Может оказаться, что грузовик застрянет где-нибудь на месяц. А может, их дезинфицируют перед выездом.

— Ты знаешь кого-нибудь из водителей?

Вик задумался.

— Нет, пожалуй, — ответил он наконец. — Разве что по именам: Боб, Майк, Пит, Джон.

— Я ни о чем не могу думать, — признался Рэгл. «Хочу попытаться еще раз, — добавил он уже про себя. — Хочу увидеть эту фабрику — не фотографию, не макет... Ту самую вещь-в-себе, как говорил Кант». — Жалко, что ты не интересуешься философией, — сказал он Вику.

— Отчего же, — возразил Вик. — Ты имеешь в виду проблему сути вещей? Как-то вечером, возвращаясь с работы на автобусе, я

рассмотрел, каковы вещи на самом деле. Я разглядел иллюзию. Взглянул сквозь нее. Пассажиры оказались обыкновенными чучелами

на подставках. А сам автобус, — Вик взмахнул рукой, будто стряхивая что-то, — пустотелая оболочка: несколько ребер жесткости да два сиденья — мое и водителя. Водитель, кстати, был настоящий. И по-настоящему вез меня домой. Меня одного.

Рэгл вытащил из кармана металлическую коробку, которую всегда носил с собой. Открыл ее и дал Вику.

— Что это?

— Реальность, — сказал Рэгл. — Я тебе даю реальность.

Вик достал листок:

— Здесь написано «питьевой фонтанчик». Что это значит?

— Основа всего, — ответил Рэгл, — слово. Возможно, слово Господа. Логос. «Вначале было слово». Я не могу этого понять, знаю только то, что происходит со мной. Думаю, мы живем не в том мире, который видим вокруг себя. На какое-то время я понял, каков тот, другой, настоящий мир. Но потом утратил это знание.

Вернув Рэглу коробочку, Вик махнул рукой в сторону окошка, выходящего на торговый зал:

— Посмотри-ка, вот та, в черном свитере... Какая грудь, а?

— Я ее видел раньше, — откликнулся Рэгл. — Да, тут есть на что посмотреть. — Девушка перебирала регистры аппарата, при этом она весело улыбалась — широкая, открытая улыбка, белые зубы. — Ты нас даже вроде знакомил.

— Послушай, — продолжал Вик, — я вполне серьезно. Может, это прозвучит нелепо, но не кажется ли тебе, что твой проблемы надо решать именно таким путем? Лиз не глупа, во всяком случае, куда сообразительнее Джуни Блэк. При этом весьма привлекательна. И не замужем. У тебя много денег, ты достаточно известен, чтобы ее привлечь. Остальное приложится. Своди ее куда-нибудь пару раз, а потом вернемся к нашему разговору.

— Не думаю, что это поможет.

— Но отказываться от идеи не стоит.

— Я никогда не отказываюсь от таких идей.

— Ладно, — сказал Вик. — Бог с ним. Ты что, хочешь захватить грузовик?

— А сможем?

— Попробуем.

— Поедешь со мной?

— Поеду. Я тоже хочу посмотреть, что там, снаружи.

— Тогда думай, как завладеть машиной. Здесь я

полагаюсь на тебя.

В пять часов Билл Блэк услышал, как грузовики муниципальной службы заезжают на стоянку под его окнами. Одновременно загудел селектор, и секретарша доложила:

— К вам мистер Нерони.

— Пусть войдет.

Спустя мгновение появился высокий мускулистый темноволосый человек, еще не снявший серого комбинезона и рабочих ботинок.

— Входи, — сказал ему Блэк. — Рассказывай, что сегодня было.

— Я распорядился вести постоянную запись. — Нерони выложил на стол кассету с пленкой. — Есть еще видеозапись, но она не готова. Телефонисты докладывают, что около десяти ему звонила ваша жена. Ничего важного, разве что, судя по разговору, он собирается пойти на занятия по гражданской обороне. Она ему сказала, что встречается с подругой в центре города. Потом звонила женщина из гражданской обороны, миссис Кейтелбайн, напомнила, что занятия в два часа.

— Не Кейтелбайн, — поправил Блэк. — Кессельман.

— Женщина средних лет, с сыном.

— Ну да, — сказал Блэк, вспоминая, как несколько лет назад встречался с Кессельманами. Тогда все еще только начиналось. А совсем недавно он видел миссис Кессельман с брошюрами по гражданской обороне в руках. — Ну и что, ходил Рэгл на эти занятия?

— Да. Отправил ответ и пошел.

Блэку ничего не говорили о занятиях по гражданской обороне, он не имел ни малейшего представления о том, в чем их смысл. В его отделе не давали Кессельманам такого указания.

— Кто-нибудь прикрывает эти занятия?

— Понятия не имею, — ответил Нерони.

— Ладно, неважно. Она сама их ведет?

— Насколько я знаю, да. Когда Рэгл позвонил, открыла она. — Нерони нахмурился и добавил: — Вы уверены, что мы говорим об одном человеке? Миссис Кейтелбайн?

— Вроде так.

Билл почувствовал, что дошел до ручки. Последние несколько дней Рэгл Гамм выводил его из себя: с момента его возвращения Блэка не покидало чувство, что шаткое равновесие, кото

рого с таким трудом удалось достичь, развалится со дня на день.

«Теперь уже ясно, что он решил уйти, — подумал Блэк. — И мы его потеряем, несмотря ни на что. Рэгл постепенно возвращается к нормальному состоянию, реализует свои замыслы, а мы узнаем все слишком поздно. Не исключено, что в следующий раз мы его вообще не найдем. А если не в следующий, то через день. Рано или поздно.

Тогда я не спрячусь в чулане, подумал Блэк. Не зароюсь в одежду, в темноту, чтобы не было видно... Ничего тогда не поможет».

ГЛАВА 12

Подъехав к стоянке у магазина, Марго не увидела своего мужа. Заглушив мотор, она некоторое время смотрела на стеклянную дверь супермаркета. Обычно в это время он уже свободен...

Немного посидев, она направилась ко входу.

— Марго! — окликнул ее Вик. Он появился с другого конца магазина, где находились склады. По походке и напряженному лицу Марго поняла — что-то случилось.

— У тебя все в порядке? — спросила она. — Уж не согласился ли ты выйти в воскресенье?

Спор о работе по выходным тянулся уже несколько лет.

Вик взял ее за руку и повел назад к машине.

— Сегодня я с тобой не поеду. — Открыв дверцу, он втолкнул жену внутрь, потом сел рядом и поднял стекла.

Со стороны склада к ним приближался фургон с прицепом.

«Что будет, если такое чудовище на нас наедет? — подумала Марго. — Одно касание переднего бампера — и ни от нас, ни от машины ничего не

останется».

— Что он делает? — заволновалась Марго. — По-моему, парень вообще впервые сел за руль. К тому же этот выезд не для грузовиков, разве нет? Ты сам говорил...

— Послушай, — оборвал ее Вик. — Там, в грузовике, — Рэгл.

Марго вытаращила глаза. Потом вгляделась. Рэгл едва заметно махнул ей рукой из кабины.

— Вы что, решили ехать домой на этой штуке? И парковать ее возле дома? — В сознании Марго пронеслась картина: чудовище стоит у крыльца, и все соседи узнают, что ее муж работает в овощном магазине. — Слушай, этого нельзя делать. Я серьезно.

— Я не собираюсь ехать на нем домой. Мы с твоим братом решили немного покататься. — Вик обнял ее и поцеловал. — Когда вернемся, не знаю. Не переживай за нас. Я бы хотел, чтобы ты кое-что сделала...

— Вы оба едете? — перебила Марго. Она ничего не могла

понять. — Объясни, наконец, что происходит!

— Главное, что ты должна сделать, — это сказать Биллу Блэку, что Рэгл и я задержались в магазине. Больше ничего. Поняла? Когда бы ни

появился Блэк, ты ему скажешь, что Рэгл только что звонил из магазина. Даже если будет два часа ночи. Дескать, я попросил помочь провести инвентаризацию на случай неожиданной проверки.

— Ответь хоть на один вопрос. — Марго уже поняла, что многого от Вика не добьешься. — В ту ночь, когда Рэгла привез таксист, он был с Джуни Блэк, да?

- Нет.

— Ты хочешь увезти Рэгла, чтобы Блэк не нашел и не убил его?

Вик взглянул на жену:

— Ты заблуждаешься, дорогая. — Он еще раз поцеловал ее, потрепал по плечу и открыл дверцу машины. — Попрощайся за нас с Сэмми... Что? — крикнул он, высунувшись из машины. Потом добавил жене: — Рэгл просит передать Ловери из газеты, что он нашел конкурс, где платят больше.

Улыбнувшись, Вик побежал к грузовику, его лицо появилось в кабине рядом с лицом Рэгла.

— Пока! — крикнул Рэгл. Он и Вик замахали руками. С диким ревом, выпуская из трубы клубы черного дыма, трейлер выехал со стоянки. Движение остановилось. Трейлер неуклюже

повернул направо и исчез за магазином. Некоторое время до Марго доносился рев набиравшего обороты двигателя.

Они спятили, обреченно подумала Марго. Она машинально повернула ключ в замке зажигания, мотор завелся. Его жужжание окончательно заглушило гул фургона.

Вик пытается спасти Рэгла, увезти его в безопасное место. Джуни говорила, что обращалась к адвокату. Неужели они собираются пожениться? Но Билл может отказать в разводе. Не приведи Бог иметь золовкой Джуни… Размышляя над всем этим, Марго медленно ехала домой.

Трейлер влился в транспортный поток вечернего города.

— Ты не боишься, что эти фургоны исчезают в миле от города? — спросил Вик.

— Им надо завозить еду. Ну, как в зоопарк. — Очень похоже, подумал Рэгл. — Мне кажется, что эти парни, разгружающие коробки с креветками в рассоле и бумажными полотенцами, — связные между нами и реальным миром.

— Надеюсь, он еще дышит, — сказал Вик, вспомнив про водителя.

Они дождались, пока на стоянке останется один

трейлер. Улучив момент, когда Тед, водитель, укладывал внутри фургона коробки на погрузчик, они с Рэглом закрыли и задвинули засовом тяжелые металлические двери. Потом кинулись в кабину прогревать мотор. На все ушло не больше минуты. Как раз в этот момент приехала Марго.

— Будем надеяться, что это не рефрижератор, — заметил Рэгл.

— А не лучше ли было оставить его в магазине? В складские помещения никто не заглядывает.

— Я интуитивно чувствую, что с ним все в порядке, — сказал Рэгл. — Не спрашивай, каким образом.

Вик промолчал. Он посмотрел на дорогу. Центральная часть города осталась позади, машин стало меньше. Магазины уступили место роскошным виллам, маленьким современным домикам в один этаж с огромными телемачтами. У подъезда стояли дорогие автомобили, за высокими выкрашенными под красное дерево заборами сушилось белье.

— Интересно, где нас остановят? — спросил Рэгл.

— Может, нигде.

— Остановят, но мы к тому времени, надеюсь, пересечем границу.

Дома попадались все реже. Грузовик мчался мимо заправок, шумных кафе, киосков с мороженым, мотелей. Утомительный парад мотелей... «Словно мы уже проехали тысячу миль и вот въезжаем в незнакомый город, — подумал Рэгл. — Нет ничего более чужого и неприветливого, чем вывески заправок и мотелей на окраине родного города. Ты их не узнаешь, а вроде бы должен к ним что-то испытывать.

Но мы больше не собираемся здесь жить. Мы уезжаем. Навсегда».

Они уже выехали в открытое поле. Последний перекресток, железнодорожная колея... Вдали показался бесконечно длинный товарный поезд. Над фабричными трубами застыли клубы дыма.

— С этим ничто не сравнится. Особенно на закате, — сказал Вик. — Кстати, вон твое жареное мясо.

Справа Рэгл увидел вывеску «Жареное мясо и напитки Фрэнка». Достаточно современно, чисто, новые машины на стоянке. Трейлер промчался мимо. Закусочная осталась позади.

— Ну вот, на этот раз ты выбрался дальше, — заметил Вик.

Дорога уходила в гряду холмов. «Я шел вверх, — вспомнил

Рэгл. — Захотелось погулять? Неужели я мог так нагрузиться?»

Они ехали и ехали. Бесконечные поля и холмы, дорога с редкими знаками — все слилось в монотонный, однообразный пейзаж. Вдруг, совершенно неожиданно холмы исчезли и трейлер вылетел на длинный и плавный спуск.

— Фу ты, — выдохнул Рэгл. — Аж мороз по коже. Вести такую махину под уклон... — Он уже перешел на низшую передачу, достаточную, по его расчетам, чтобы удержать трейлер. «Хорошо, что мы без груза, — подумал он. — Пожалуй, справлюсь». Пока прогревался двигатель, Рэгл успел изучить табличку переключения передач. — Зато у нас чертовски мощный сигнал.

Он пару раз нажал на кнопку, и Вик чуть не подпрыгнул. В конце спуска виднелся черно-желтый указатель, рядом можно было различить несколько наспех построенных ангаров. Выглядело все довольно мрачно.

— Ну вот, — проговорил Вик. — Ты это имел в виду?

Возле ангаров уже стояли в линию несколько трейлеров,

возле них ходили люди в форме. Над дорогой качался на ветру знак:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИНСПЕКЦИЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКТОВ
ГРУЗОВОМУ ТРАНСПОРТУ ДВИЖЕНИЕ ПО ПРАВОМУ РЯДУ ЧЕРЕЗ ВЕСЫ

— Это нам, — прошептал Вик. — Весы. Нас будут взвешивать. Если они все проверяют, то обязательно откроют фургон. — Он посмотрел на Рэгла. — Может, придумаем что-нибудь с Тедом?

Поздно, подумал Рэгл. Инспектора их уже увидели. У первого ангара две черные полицейские машины стояли так, чтобы в любой момент выскочить на шоссе. «От них мы не уйдем», — решил Рэгл. Ничего не оставалось, кроме как проследовать на весы. Он сбросил скорость и хотел уже остановиться, когда инспектор в отутюженных темно-синих брюках и голубой рубашке с бляхой показал, чтобы они проезжали.

— Нам не надо останавливаться, — возбужденно прошептал Рэгл. — Это все для видимости! — Он помахал инспектору в

ответ,

Вик сделал то же самое. Тот уже повернулся к ним спиной. — Они не останавливают фургоны, только машины с пассажирами. Мы проскочили!

Ангары и знак остались позади. «Мы

действительно выбрались», — думал Рэгл. Ни одна другая машина здесь бы не прошла. А эти фургоны целыми днями мотаются туда-сюда... В зеркало он увидел, как мимо инспектора проехали еще три трейлера. Стоящие в линию у ангара грузовики оказались макетами, как и все прочее.

— Ни один, — сказал Рэгл. — Ни один из них не остановился.

— Ты был прав. — Вик откинулся на спинку сиденья. — Думаю, если бы мы поехали на «фольксвагене», нам бы сказали, что некая разновидность насекомых поразила обивку машины. Японские жуки... Необходимо, мол, вернуться, все опрыскать и пройти повторный осмотр через месяц. И так до бесконечности.

Рэгл заметил, что после контрольного пункта изменилась сама дорога. Теперь она разделилась на две, по шесть полос в каждой, стала абсолютно прямой и ровной. И под колесами уже не бетон. Он не мог определить, по какому покрытию они сейчас едут.

«Это уже снаружи, — думал Рэгл. — Внешняя дорога, которую мы никогда не должны были увидеть».

Грузовики сзади и спереди. Одни везут

продовольствие в город, другие идут порожняком обратно. Муравьиные дорожки — взад и вперед. Бесконечное движение. И ни одной легковой машины. Только рев дизельных трейлеров.

Вдруг Рэгла осенило: исчезли рекламные щиты.

— Зажги фары, — сказал Вик. На равнину и холмы опустилась вечерняя мгла. У идущего навстречу тяжеловоза фары уже горели. — Надо соблюдать правила. Какими бы они ни были.

Рэгл включил свет. Вечер казался спокойным и грустным. Низко над землей пронеслась птица, в воздухе мелькнул четкий силуэт крыльев.

— Как у нас с топливом? — спросил Рэгл.

Наклонившись, Вик разглядел показания прибора.

— Полбака. Честно говоря, я не представляю, на сколько ему хватает одной заправки. Без груза мы должны уйти на приличное расстояние. Многое зависит и от рельефа. Тяжелые машины много топлива тратят на подъемы, часто застревают или ползут на самой низкой передаче со скоростью десять миль в час.

— Наверное, пора выпустить Теда, — сказал Рэгл. До него вдруг дошло, что здесь могут оказаться бесполезными их деньги. — Нам

надо покупать топливо и еду, а мы не знаем где. И вообще не знаем, сможем ли мы тут что-нибудь купить. При нем должны быть кредитные карточки. И действующие деньги.

Вик вывалил на колени кучу бумаг из бардачка.

— Кредитные карточки, маршрутные листы, талоны на питание. А денег действительно нет. Посмотрим, что можно сделать с кредитными карточками. Обычно ими пользуются в мотелях. Если они здесь есть. Как ты думаешь, попадется нам мотель?

— Не знаю, — ответил Рэгл.

Тьма поглотила ландшафт по обе стороны дороги; междугородные трассы не освещались, и подсказки ждать не приходилось. Одна плоская равнина до самого горизонта. Там небо окрашивалось в сине-черный цвет. Появились звезды.

— Мы можем дождаться утра? Или надо ехать всю ночь?

— Не знаю, — упрямо процедил Рэгл.

На повороте фары высветили кусок забора и какие-то вьющиеся растения. Такое чувство, будто все это уже было, подумал Рэгл.

Вик продолжал изучать добытые бумаги.

— Что ты на это скажешь?

Он вытащил яркую длинную полоску бумаги. Рэгл прочел: ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР

На люминесцентных концах ленты в форме буквы были нарисованы змеи.

— Она прилипает с изнанки, — сказал Вик. — Наверное, наклеивается на бампер. — Спустя мгновение Вик тихо пробормотал: — Рэгл, давай я подержу руль. Рассмотри ее получше. — Он взялся за руль и передал ленту Рэглу. — Внизу. Мелким шрифтом.

Подняв ее к лампочке в потолке кабины, Рэгл прочел:

—

«Федеральный закон запрещает передвижение без данной ленты». — Он вернул ее Вику. — Нам придется столкнуться со

многим, чего мы не понимаем.

Ленточка его встревожила. Это как мандат. Она должна быть на бампере или где-нибудь еще.

— Да их здесь много. — Вик вытащил из бардачка целый клубок. — Наверное, приклеивают каждый раз, когда делают ходку. А при въезде в город срывают.

На ровном участке дороги, где не было других грузовиков, Рэгл съехал на обочину, остановил

машину и поставил ее на ручной тормоз.

— Пойду взгляну, хватает ли ему воздуха. — Открыв дверь кабины, он добавил: — Заодно спрошу про ленточку.

— Сомневаюсь, что он ответит, — нервно сказал Вик.

В темноте Рэгл осторожно дошел до конца фургона, там поднялся по металлической лестнице и постучал в дверь.

— Тед! Тед, или как там тебя! Все в порядке?

Из фургона раздался хрипловатый голос:

— Да! Все в порядке, мистер Гамм!

«Даже здесь, — подумал Рэгл. — На обочине пустого шоссе между двумя городами. Меня опять узнали».

— Послушайте, мистер Гамм! — Водитель прижался ртом к двери. — Вы же не представляете, что здесь, верно? Вы и понятия не имеете. Послушайте, у вас нет ни малейшего шанса избежать неприятностей для себя и всех остальных. Поверьте мне на слово. Я вас не обманываю! Придет время, вы меня вспомните. И скажете спасибо. Вот, возьмите.

В щель между створками двери просунулся квадратик белой бумаги и полетел к земле. Рэгл поймал его. Карточка, на обратной стороне

которой водитель написал номер.

— Ну и что?

— Когда доедете до следующего города, оставьте машину и позвоните по этому телефону.

— Далеко до следующего города?

После паузы водитель сказал:

— Я не уверен, но должно быть близко. Отсюда, знаете ли, не очень удобно следить за расстоянием.

— Тебе хватает воздуха?

— Хватает. — Водитель отвечал покорным, но странно взволнованным голосом. — Мистер Гамм, вы должны мне верить. Мне все равно, сколько вы меня здесь продержите, однако в течение часа или двух вам придется вступить с кем-нибудь в контакт.

— Почему? — спросил Рэгл.

— Не могу сказать. Послушайте, вы достаточно хорошо все продумали. Значит, кое-какие представления у вас есть. И вы должны понимать, что это не чья-то прихоть — выстроить все эти дома, улицы и навезти туда старых машин.

Продолжай, подумал Рэгл.

— Вы даже не знаете, как управлять фургоном с прицепом. А если попадется затяжной спуск? Эта штука берет сорок пять тысяч фунтов; сейчас,

конечно, она столько не весит. Но вас может занести. Кроме того, не под всякую эстакаду можно проехать без риска. Вы скорее всего и не подозреваете, какие у нее габариты, не знаете, какую передачу включать на спуске, и все такое.

Водитель замолчал.

— Для чего нужны клейкие ленточки? — спросил Рэгл.

С девизом и змеей?

— Слушайте, мистер Гамм, — взревел водитель, — если лента все еще не приклеена, вас могут в любую минуту разнести в клочья! Видит Бог, я говорю правду.

— Как ее надо клеить?

— Выпустите меня, тогда покажу. Я не буду вам объяснять. — С водителем начиналась истерика. — Откройте, и я приклею сам, иначе, клянусь Господом, вы не разминетесь с первым же танком.

Танки, подумал Рэгл. Ему стало не по себе. Он спрыгнул с лестницы и пошел к кабине.

— Наверное, придется его выпустить, — сказал он Вику.

— Я слышал, — ответил Вик. — Его так или иначе надо выпускать, мы уже выбрались.

— Он мог бы ехать с нами.

— Я бы не стал рисковать.

Рэгл вернулся, поднялся по лестнице и выдернул засов. Дверь распахнулась, и водитель, все еще бормоча ругательства, тяжело спрыгнул на землю.

— Вот лента, — сказал Рэгл. — Что нам еще надо знать?

— Вам лучше бы знать все, — с горечью произнес водитель. Опустившись на колени, он наклеил ленту на задний бампер и разгладил ее кулаком. — Как вы собираетесь заправляться?

— По кредитной карточке, — ответил Рэгл.

Водитель со смехом выпрямился:

— Эта кредитная карточка годится для... — Он замолчал. — Для города. Это имитация обычной карточки «Стандарт Ойл». Ими не пользуются уже двадцать лет... Все ограничено, и керосин для грузовиков тоже.

— Керосин, — повторил Рэгл. — Я думал, он на дизельном топливе.

— Нет. — Водитель помолчал, потом нехотя выдавил: — Это не дизель. Труба ложная. На самом деле здесь турбина. Тягач потребляет керосин. Но вам его не продадут. Вас мгновенно раскроют. А вы... — его голос снова поднялся до зловещего крика, — вы не можете рисковать. Не

имеете права!

— Сядешь в кабину? — спросил Рэгл. — Или останешься здесь? Решай сам. — Ему хотелось быстрее поехать.

— А ну вас к черту!

Водитель развернулся и пошел по обочине, засунув руки в карманы и наклонив корпус вперед.

Когда его силуэт растворился во мгле, Рэгл подумал, что это он во всем виноват. Не надо было открывать дверь. «Теперь уже ничего не поделаешь, я не могу догнать его и ударить по голове. В драке он справится с нами обоими».

Как бы то ни было, толком он ничего не объяснил. Мы не за этим ехали.

Рэгл вернулся к кабине:

— Сбежал. Хорошо что хоть с монтировкой не кинулся.

— Нам лучше трогать. — Вик поежился.— Хочешь, я поведу? Он наклеил ленточку?

— Наклеил.

— Интересно, скоро он нас заложит?

— Его так или иначе пришлось бы отпустить, — ответил Рэгл.

В течение часа им не попалось ни одного признака жилья

или какой-либо деятельности человека. Затем совершенно неожиданно за крутым поворотом и спуском замелькали яркие голубые огоньки.

— Ну вот, — сказал Вик. — Что будем делать? Если мы остановимся...

— Попробуй не остановись.

Рэгл уже разглядел перегородившие дорогу автомобили и людей в форме.

К трейлеру, покачивая фонариками, шли несколько человек. Один из них скомандовал:

— Заглуши мотор. Свет оставь. Выходи.

Выбора не было. Рэгл открыл дверцу и спустился, Вик последовал за ним. Человек с фонариком был в форме, но в темноте Рэгл не мог ничего разобрать. Он осветил лица Рэгла и Вика и приказал:

— Откройте фургон.

Рэгл повиновался. Человек в форме и двое его помощников забрались внутрь. Потом спрыгнули на землю.

— Все в порядке. — Один из них вручил Рэглу лист бумаги — какой-то стандартный бланк.

— Можете проезжать.

— Благодарю.

Рэгл и Вик молча залезли в кабину, завели мотор и тронулись с места. Спустя некоторое

время Вик произнес:

— Давай посмотрим, что он тебе дал.

Рэгл вытащил из кармана бланк. «Сертификат пограничной зоны. Проход 3.4.98».

— Вот тебе и дата! — воскликнул Рэгл. — Третье апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

— Они вроде остались довольны, — сказал Вик. — Во всяком случае, того, что они ищут, у нас нет.

— Они были в форме.

— Да, похоже на армию. Один с автоматом, но я не разобрал с каким. Наверное, идет война или что-то в этом роде.

Военная диктатура, подумал Рэгл.

— Они рассмотрели наклейку на бампере? — спросил Вик. — В этой нервотрепке я даже не обратил внимания.

— Я тоже, — признался Рэгл.

Немного погодя впереди показались огни города. Самые разные: ровные ряды фонарей — должно быть, улицы, — неоновые вывески и надписи...

— Через пограничный пункт мы прошли нормально, — заметил Вик. — Если нам это удалось, значит, мы вполне можем зайти в

закусочную и взять пару бутербродов. Я так и не ел после работы. — Он отвернул рукав и взглянул на часы. — Десять тридцать. Не ел с двух часов.

— Мы остановимся, — сказал Рэгл. — Попытаемся заправиться, если не получится — бросим грузовик.

Стрелка показывала, что бак почти пуст. Топливо кончилось на удивление быстро, хотя и проехали они немало. Несколько часов непрерывной езды.

Едва начался город, как Рэгл почувствовал, что чего-то не хватает. Заправок. Когда шоссе приближается к городу, даже небольшому, первое, что бросается в глаза, — это вереница заправочных станций по обе сторонц дороги.

— Паршиво, — пробормотал Рэгл. Хотя, впрочем, не было и движения. Ни машин, ни бензозаправок — или керосиновых, если у них так принято. Неожиданно Рэгл сбросил скорость и свернул с главной дороги. У обочины он остановился.

— Правильно, — одобрил Вик. — Лучше пойдем пешком. Мы слишком мало знаем, чтобы разъезжать на этой штуке по городу.

Они вылезли из машины и растерянно остановились под тусклым уличным фонарем: Дома вроде бы были обычные — небольшие,

одноэтажные, квадратные, с черными в ночной темноте лужайками. Дома, подумал Рэгл, не очень изменились с тридцатых. Особенно когда смотришь ночью.

— Что будем делать, если нас остановят? — спросил Вик. — Вдруг они потребуют удостоверения? Надо договориться заранее.

— Как мы можем договариваться, если не знаем, что у нас спросят? — Слова водителя не выходили у Рэгла из головы. — Там видно будет.

Первые же огни оказались придорожным кафе. Внутри у стойки ели двое мальчиков. Светловолосые, с виду — старшего школьного возраста. Прически одинаковы: высоко торчащие гребни с воткнутыми перьями. На обоих были сандалии, яркие голубые халаты, напоминающие тоги, на руках металлические браслеты. Когда один наклонил голову, отхлебывая из чашки, Рэгл увидел на щеках татуировку. И уже совсем не веря глазам, Рэгл понял, что у него подпилены зубы.

За стойкой стояла официантка средних лет в обычной кофточке и с обычной прической. Но подростки... Рэгл и Вик разглядывали их через окно, пока официантка не подняла голову.

— Давай лучше войдем, — сказал Вик.

Дверь при их приближении открылась.

Молодые люди пристально следили, как вошедшие усаживаются за столик в нише. Интерьер кафе, обстановка, надписи и освещение показались Рэглу обычными. Меню тоже. Но вот в ценах было не разобраться: 4.5, 6.7, 2.0. Понятно, что это не доллары и центы. Рэгл огляделся, словно пытаясь определиться с выбором. Официантка взяла свой блокнот.

Один из парней кивнул начесанной головой в сторону Вика и Рэгла и проговорил подчеркнуто громко:

— А у парней в галстуках — жим-жим.

Его товарищ захохотал.

Официантка подошла к столику.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — пробормотал Вик.

— Я вас слушаю.

— А что бы вы посоветовали? — спросил Рэгл.

— Смотря насколько вы голодны.

Деньги, подумал Рэгл. Проклятые деньги.

— Значит, так, — сказал он, — ветчина, сандвич с сыром и кофе.

— Мне то же самое, — попросил Вик. — И пирог а ля мод.

— Простите?

— Пирог с мороженым.

— О! — Официантка кивнула и отошла к стойке.

Один из парней сказал отчетливо:

— Ребята в галстуках раскатали губу. Тебе не кажется... — Он заткнул уши большими пальцами, и второй опять захохотал.

Когда официантка принесла сандвичи с кофе и отошла, один из парней крутанулся на стуле и сел лицом к ним. Рэгл заметил, что татуировка на щеках соответствует рисунку на браслетах. Он разглядывал причудливые линии, пока не догадался — сюжеты с античных ваз: Афина с совой, Кора поднимается с Земли.

На этот раз молодой человек обратился непосредственно к ним:

— Эй, вы, лунатики!

По шее Рэгла побежали мурашки. Он сделал вид, что занят своим сандвичем; напротив склонился над тарелкой бледный и потный Вик.

— Эй!

— Хватит, или выставлю за дверь! — вмешалась официантка.

— Ребята в галстуках, — сказал ей парень и снова заткнул уши большими пальцами. На нее это, однако, не произвело впечатления.

«Нет, — подумал Рэгл, — так я здесь не выживу. Водитель был прав».

— Пойдем, — бросил он Вику.

— Да, время.

Вик поднялся, прихватив сандвич, и нагнулся допить кофе.

«Теперь расчет, — подумал Рэгл. — Мы обречены».

— Нам пора, — сказал он официантке. — Посчитайте и пирог. Сколько всего?

— Одиннадцать девять. — Официантка протянула счет.

Рэгл открыл кошелек. Все внимательно следили за его действиями. Увидев банкноты, официантка воскликнула:

— О Боже! Сколько лет я не видела бумажных денег! Думаю, они еще в ходу. Ральф, — обратилась она к первому парню, — государство еще принимает бумажные деньга?

Тот кивнул.

— Подождите, надо пересчитать... Получается 1.40. Только сдачу я дам в жетонах. Если не возражаете.

— С извиняющимся видом официантка взяла из кассы несколько пластмассовых кружочков, шесть из которых отдала Рэглу, получив от него

пять долларов. — Спасибо.

Когда Рэгл с Виком ушли, она снова склонилась над помятой книжкой в обложке.

— Ну и ну, — бормотал Вик, ковыляя рядом с Рэглом по темной улице. — Вот так испытание. — Они дожевывали остатки своих сандвичей. — Ну и детки... Ублюдки чертовы!

«Лунатики, — подумал Рэгл. — Они что, узнали нас?»

— Какие планы? — спросил Вик. — Нашими деньгами,
во всяком случае, можно рассчитываться. К тому же у нас теперь есть немного местных. — Он щелкнул зажигалкой, чтобы получше рассмотреть жетоны. — Из пластмассы. Вероятно, экономят металл. Очень легкие. Как продовольственные жетоны во время войны.

Да, подумал Рэгл. Продовольственные жетоны. Монетки из какого-то непонятного сплава, не из меди. А теперь жетоны. Талоны.

— Никакой светомаскировки, между прочим. Везде свет.

— Все-таки здесь все по-другому, — начал Вик. — Свет горит, когда... — Он вдруг замолчал. — Слушай, я не понимаю. Я помню вторую мировую войну. Но вообще-то я ее не должен помнить! Она

же была пятьдесят лет назад. До моего рождения. И я не жил ни в тридцатых, ни в сороковых. И ты не жил... Может, хватит с нас? Выбрались. Увидели все это. — Его передернуло. — У них подпилены зубы.

— И говорят они на каком-то варварском жаргоне.

- Ну.

— Раскрашены как африканские дикари, носят украшения... — «А мне тем не менее сказали “лунатик”», — подумал Рэгл. — Они знают, — сказал он вслух. — Знают про меня. Но им все равно. — Ему почему-то стало не по себе. — Зрители. Циничные, насмешливые молодые лица.

— Странно, что они не в армии, — заметил Вик.

— Может, скоро попадут.

Рэглу эти мальчишки показались совсем юными. Лет шестнадцать или семнадцать.

Они" все еще стояли на углу, когда по пустынной улице раздались шаги.

— Эй ты, лунатик! — Из темноты ленивой походкой вышли два парня, скрестив руки, остановились в свете фонаря, равнодушные и безразличные. — Ну-ка, ребята, стоп-стоп.

ГЛАВА 13

Тот, что стоял слева, полез в карман своего балахона и вытащил кожаную коробочку. Из нее извлек сигару и крохотные золотые ножницы; отрезав кончик сигары, он сунул ее в

рот. Напарник исполнил тот же ритуал, достав украшенную камнями зажигалку.

Парень с сигарой сказал:

— Ребята в галстуках носят мертвые бабки. Официантка малость дур-дур.

Деньги, понял Рэгл. Официантка не должна была их брать. Мальчишки знали, что эти деньги незаконны.

— Ну и?.. — отрывисто спросил Вик, пытаясь подражать их жаргону.

— Много бабок — все класс. Вот. — Парень с зажигалкой вытянул руку. — Ребята башляют, и все класс. Ребята в галстуках отстегивают бабки.

— Дай ему жетоны, — сдавленно произнес Вик.

Рэгл отсчитал в раскрытую ладонь четыре жетона из шести.

Парень низко поклонился, пук волос коснулся тротуара. Его напарник стоял не шевелясь, никак не реагируя на происходящее, будто истукан.

— Может, ребята в галстуках хотят заторчать? — бесстрастно спросил парень с зажигалкой. — А то совсем отмороженные...

Оба молодых человека кивнули. Теперь они приняли какой-то торжественный вид, словно речь зашла о важном предмете.

— Есть хлоп-хлоп, — продолжил тот, что с зажигалкой. — Хороший хлоп-хлоп для ребят в галстуках. — Он действительно хлопнул несколько раз в ладоши, как тюлень ластами.

Вик и Рэгл с изумлением следили за его действиями.

— Конечно, — согласился Вик.

Молодые люди пошептались. Затем, выпустив клуб дыма и нахмурившись, парень сказал:

— За мертвые бабки можно классно заторчать. Будет хлоп-

хлоп. Для ребят в галстуках хороший хлоп-хлоп. — Он вытянул руку. — Мертвые бабки.

Рэгл достал кошелек.

— Один. — Он положил на ладонь парня долларовую бумажку. — Это много.

Парни опять пошептались, и тот, что с сигарой, выкинул два пальца.

— Ладно, — сказал Рэгл. — У тебя есть по одному? — спросил он Вика.

Роясь в карманах, тот пробурчал:

— Ты уверен, что нам это надо?

Альтернатива состояла в том, чтобы остаться здесь, на углу, не имея ни малейшего понятия, в какую сторону идти.

— Давай рискнем, — ответил Рэгл, передавая парню доллар Вика. — Теперь, — обратился он к парням, — хороший хлоп-хлоп.

Парни закивали, поклонились и исчезли в темноте. Поколебавшись, Рэгл и Вик двинулись следом.

Путь пролегал по пахнущим сыростью кривым улочкам. Наконец, миновав заборчик, вся компания поднялась по ступенькам и остановилась у двери. Один из парней постучал.

— Тут два типа в галстуках, их надо быстро в комнату, — прошептал он в открывшуюся дверь.

Помещение заливал дрожащий коричневый свет. Рэглу показалось, что это обычная, скудно обставленная квартира.

Маленький коридорчик вел на кухню с раковиной, столом, плитой и холодильником. Две другие двери были закрыты. В комнате сидели несколько парней, на полу. Обстановка состояла из торшера, стола, телевизора и стопки книг. Кое-кто из сидящих был в тоге и сандалиях,

остальные — в однобортных костюмах, белых рубашках и кроссовках. Все уставились на Рэгла и Вика.

— Здесь заторчим, — сказал парень с сигарой. — Вы давайте, надо сидеть. — Он показал на пол.

— Что? — переспросил Вик, а Рэгл предложил:

— Может, мы возьмем хлоп-хлоп с собой?

— Нет. Садитесь и нюхайте.

Приведший их парень с сигарой исчез на кухне. Спустя некоторое время он вернулся и вручил Рэглу бутылку. Все внимательно наблюдали. Рэгл извлек пробку и тут же понял, что внутри. Вик тоже понюхал.

—

Это же самый натуральный тетрахлорметан!

— Да, — подтвердил Рэгл. Значит, они сидят здесь и балдеют от тетрахлорметана. Это и есть хлоп-хлоп.

— Нюхай, — приказал кто-то.

Рэгл нюхнул. За свою жизнь ему приходилось пару раз вдыхать четыреххлористый углерод, и, кроме головной боли, никаких ощущений он не испытывал. Он передал бутылку Вику.

— Нет, спасибо.

Парень в костюме сказал высоким голосом:

— Ребята в галстуках ломаются.

Все заулыбались.

— Это девушка, — пробормотал Вик. Посмотри.

Оказалось, что все, кто в костюмах, рубашках и кроссовках —

девушки с выбритыми наголо головами. От парней их отличали разве что более хрупкие и маленькие фигуры. Косметикой они не пользовались. Если бы девушка не заговорила, Рэгл и Вик никогда бы не догадались.

— Торчковый хлоп-хлоп, — сказал Рэгл, — но слабенький.

Наступила тишина.

Одна из девушек попросила кого-то:

— Сыграй странную песню.

Лица парней потемнели. Потом один поднялся и прошел в угол комнаты, где стояла высокая кожаная сумка. Он вытащил из нее пластмассовую трубку с дырочками. Один конец засунул в нос, прикрыл дырочки пальцами и заиграл. Носовая флейта.

— Классная флейта, — сказала одна из девушек.

Парень опустил инструмент, вытащил из рукава яркую цветную тряпочку, вытер нос и спросил, обращаясь к Вику и Рэглу:

— Как оно, быть лунатиком?

Значит, могут говорить и не на жаргоне, подумал Рэгл.

— Лунатиком? — робко переспросила одна из девушек. — Что, действительно?

— Ну да, — подтвердил парень. — Ребята в галстуках — лунатики. — Он засмеялся, хотя явно испытывал некоторую неуверенность. — Я не прав?

Рэгл ничего не ответил, Вик тоже промолчал.

— Вы одни? — спросил другой парень. — Или есть еще ваши?

— Только мы, — ответил Рэгл. Все уставились на него с недоверием. — Да, это правда, — продолжал Рэгл. Похоже, иначе завоевать их доверие не удастся. — Мы лунатики.

Никто из подростков не пошевелился. Все замерли. Потом один рассмеялся.

— Ребята в галстуках — лунатики. Ну и что? — Пожав плечами, он взял свою флейту.

— Еще играть-играть, — попросила девушка.

— Мы теряем здесь время, — буркнул Рэгл. — Пошли.

Он уже был на пороге, когда один из парней сказал:

— Эй, ребята, за вами военная полиция. Шаг за дверь — и вас заметут.

Парень снова заиграл. Остальные кивнули.

— Вы знаете, что военная полиция делает с лунатиками? — спросила девушка. — Им вкатывают дозу К. Л.

— Это что? — спросил Вик.

Все рассмеялись. Никто не ответил, флейта продолжала играть.

— Ребята в галстуках побледнели, — сказал парень, вдохнув из бутылочки.

Пол задрожал. Кто-то поднимался по лестнице. Мелодия оборвалась. Стук. Вот и все, подумал Рэгл.

— Черт бы вас побрал, щенки! — раздался грубый голос. На пороге стояла тучная пожилая женщина в шелковом халате. На ногах у нее были меховые тапочки. — Я же предупреждала, после десяти — никаких флейт! А это кто? — Полуприкрытые глаза старухи остановились на Рэгле.

Сейчас ей скажут, и она в панике кинется на улицу. Через минуту возле дома будут танки, или что-нибудь этакое, на чем здесь ездит военная полиция. Тед, водитель, наверное, тоже не терял времени. И официантка. Все, конец.

«Как бы то ни было, мы выбрались, мы узнали, что сейчас не 1959-й, а 1998 год, идет война,

подростки говорят и одеваются как аборигены Западной Африки, девушки носят мужскую одежду и бреют головы. И деньги в нашем понимании исчезли. Вместе с дизельными грузовиками».

С неожиданной тоской Рэгл подумал, что они так и не разобрались в главном. Зачем нужен был поддельный город со старыми автомобилями и улицами. К чему было годами дурачить их...

— Кто эти джентльмены? — настаивала старуха.

После паузы одна из девушек ответила с недоброй улыбкой:

— Ищут жилье.

— Что? — недоверчиво переспросила старуха.

— Ну да, — подтвердил парень. — Зашли и спросили, не сдается ли комната. Ходили по всей округе. У вас разве не горит свет на крыльце?

— Нет. — Женщина вытащила платок и вытерла мягкий, морщинистый лоб. — Я его выключила. — Повернувшись к Рэглу и Вику, она представилась: — Меня зовут миссис Мак Фи. Этот дом принадлежит мне. Какие комнаты вас интересуют?

Прежде чем Рэгл успел ответить, Вик сказал:

— Любые подойдут.

— Что ж, — хозяйка развернулась в дверях, — пойдемте, я покажу. Хотите одну на двоих? — Внимательно их оглядев, она добавила: — Вначале пройдемте ко мне, расскажите, чем вы занимаетесь, и все такое.

Старуха
поползла вниз, ступенька за ступенькой.

Внизу со стонами и причитаниями она нащупала выключатель. Замигала голая лампочка, освещая ведущую к парадному входу дорожку вдоль стены. На крыльце стояло старомодное плетеное кресло-качалка. Старомодное даже с их точки зрения. Есть вещи, которые не меняются, подумал Рэгл.

— Вот сюда, — указала миссис Мак Фи. — Если не передумали.

Она скрылась в доме. Рэгл и Вик шагнули следом, очутившись в темной, захламленной и душной гостиной, забитой всякой всячиной: стульями, лампами, покосившимися картинами на стенах, коврами. Сверху, вышитый или вытканный цветными нитками, висел вымпел со словами:

ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР НЕСЕТ СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

— Я бы хотела узнать, — миссис Мак Фи тяжело

опустилась в кресло, — имеете ли вы постоянную работу? — Наклонившись, она сдвинула со стола на колени огромный гроссбух.

— Конечно, — ответил Рэгл.

— И что это за работа?

— Торгуем овощами, — сказал Вик. — Я заведую секцией в супермаркете.

— Что? — От изумления старуха открыла рот. Черно-желтая птица непонятного вида резко закричала в клетке. — Успокойся, Дуайт!

— Овощи и фрукты, — повторил Вик. — Розничная продажа.

— Какие овощи?

— Всякие, — ответил он раздраженно.

— И где вы их берете?

— Привозят фургоны.

— Ага, — прокряхтела старуха. — А вы, — она повернулась к Рэглу, — скорее всего инспектор.

Рэгл промолчал.

— Не верю торговцам овощами, — сказала миссис Мак Фи. — Тут приходил один на прошлой неделе, я не утверждаю, что это вы, хотя все может быть... И вроде бы неплохие овощи, но, видит Бог, я бы померла на месте, если бы их съела. На них просто написано, что они р.а. Я сразу вижу. Конечно, он клялся, что они выращены

в шахтах. Показывал даже этикетку, якобы они растут глубоко под землей. А я по запаху чувствую — р.а.

Радиоактивность, подумал Рэгл. Все, что растет на поверхности, поражено осадками. Значит, были бомбовые удары. Эта мысль пронзила его. Он вдруг отчетливо увидел длинный ряд фургонов, груженных выращенной под землей едой. В шахтах. Рисковый они выбрали себе бизнес — торговать зараженными помидорами и дынями.

— Наш товар без р.а., — заверил Вик. — Радиоактивность, — прошептал он Рэглу. — Мы очень издалека. Приехали сегодня вечером.

— Я вижу, — заметила миссис Мак Фи.

— Мы оба болели, — добавил Вик. — Расскажите, что происходит.

— То есть? — Женщина перестала листать свой гроссбух и надела очки в роговой оправе. Теперь ее глаза остро поблескивали из-за стекол.

— Что происходит? — повторил Рэгл. — Расскажите о войне. Пожалуйста.

— Странно, что вы не слышали о войне.

— Расскажите! — сдавленно произнес Вик. — Ради Христа.

— Вы добровольцы? — спросила миссис Мак

Фи.

— Нет, — сказал Рэгл.

— Я — патриотка, но добровольцев в своем доме не потерплю. Слишком с ними хлопотно.

«Толку мы от нее не добьемся, — подумал Рэгл. — Бесполезно. Можно даже не пытаться». На столе стояли несколько потемневших фотографий в рамках. На всех был изображен молодой человек в форме. Рэгл склонился над фотографиями.

— Кто это?

— Мой сын, — ответила миссис Мак Фи. — Служил на ракетной базе в Анверсе. Не видела его уже три года. С начала войны.

Значит, недавно, подумал Рэгл. Примерно в это время они построили...

Тогда же начался и конкурс «Где теперь появится Зеленый Человечек?». Почти три года...

— Были попадания? — спросил Рэгл.

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Мак Фи.

Рэгл встал и бесцельно прошелся по комнате. Большая дверь темного блестящего дерева вела в столовую: стол, несколько стульев, полки на стенах, стеклянный шкаф с чашками и тарелками. Пианино. Подойдя к инструменту, Рэгл поднял несколько исписанных нотными знаками листков. Дешевые шлягеры про солдат и девушек.

Одна песенка называлась «Предупреждение лунатикам».

Рэгл прихватил листок и передал его Вику:

— Посмотри.

Они вместе прочли написанный под нотами текст.

Ах, до чего же глупа Круглая эта луна!

Против Единого Общего Мира Вылезла эта Луна!

Думала, раз высоко,

Думала, раз далеко,

Можно напасть на Единую Землю,

НО!

Не забывай, что с Землей шутки плохи,

Залп и — бай-бай! — разлетится на крохи ЛУНА!

— Играете на пианино, мистер? — спросила женщина.

— Враги находятся на Луне, да? — в ответ спросил Рэгл.

Небо, подумал он. Луна. Селена. Значит, военная полиция

охотится не за ним с Виком. Она охотится за врагом. И война идет между Землей и Луной. И если эти пацаны приняли их за лунатиков, значит, лунатики — это люди. Скорее всего —

колонисты.

Гражданская война.

«Теперь я понял, чем занимаюсь. Что означает этот конкурс и кто я такой. Я — спаситель планеты. Угадывая, где появится Зеленый Человечек, я предсказываю, где и когда будет нанесен следующий удар. И в этот квадрат бросают средства перехвата. В указанное мной время и место. И все, таким образом, остаются в живых: подростки со своими носовыми флейтами, водитель Тед, мой зять, Билл Блэк, Кессельманы и Кейтелбайны...

Об этом миссис Кейтелбайн и ее сын начали мне рассказывать. Гражданская оборона. Модели из 1998 года, чтобы я вспомнил.

Но как я мог забыть?»

Повернувшись к миссис Мак Фи, Рэгл спросил:

— Вам что-нибудь говорит имя Рэгл Гамм?

— Нет. — Старуха рассмеялась. — Абсолютно ничего. Клоун-неваляшка. Потому что один человек никогда с этим не справится. Это целый коллектив, но его всегда называют Рэгл Гамм. Я поняла с самого начала.

Вик глубоко и прерывисто вздохнул:

— Боюсь, что вы не правы, миссис Мак Фи. Такой человек есть, и он действительно все делает сам.

— И никогда не ошибается? — лукаво спросила старуха.

— Никогда, — ответил Рэгл, и Вик кивнул.

— Рассказывайте! — протянула она скрипучим голосом.

— У него талант, — сказал Рэгл. — Он видит закономерности.

— Слушайте, — перебила миссис Мак Фи. — Я ведь постарше вас, ребята. И помню этого Рэгла Гамма простым модельером, придумывавшим безобразные шляпы у мисс Адонис.

— Шляпы... — повторил Рэгл.

— У меня даже сохранилась одна. — Застонав, хозяйка поднялась с кресла и поковыляла к шкафу. — Вот. — В руках у нее был котелок. — Обыкновенная мужская шляпа. Как ему удалось заставить женщин ходить в котелках, непонятно. Но залежавшиеся мужские шляпы мгновенно разошлись.

— И много он на этом заработал? — спросил Вик.

— Эти модельеры заколачивают миллионы. Все до единого. А ему еще и везло. Просто везло, и ничего больше. Потом он занялся производством алюминия. — Миссис Мак Фи задумалась. — Вернее, алюминиевых сплавов. И опять удача.

Дьявольски везучий парень, хотя до конца его не хватило. Удача изменила ему. — Авторитетным тоном она добавила: — Но от нас это скрывают. Поэтому никто больше не видит Рэгла Гамма. Фортуна отвернулась, и он покончил с собой. Это не слухи — факт. Жена моего знакомого работала в военной полиции, так вот она говорит, что так все и было. Гамм покончил с собой несколько лет назад. С тех пор ракеты предсказывает то один, то другой.

— Понятно, — сказал Рэгл.

Торжествующим тоном старуха продолжала:

— Они сами от него отказались, когда он согласился
приехать в Денвер и там предсказывать ракетные удары. Но это уже был блеф, и его раскусили. Он решил не допустить позора и...

— Нам пора, — перебил ее Вик.

— А как же комнаты? Я ведь вам ничего не показала.

— Спокойной ночи, — сказал Рэгл. Они спустились по лестнице на крыльцо, а оттуда на тротуар.

— Вернетесь? — крикнула с крыльца миссис Мак Фи.

— Позже, — бросил Вик. Они быстро пошли

прочь от дома.

— Я забыл, — сказал Рэгл. — Я все это забыл.

«Но все равно продолжал предсказывать, — думал он. — Так или иначе, но я это делал. И, значит, все остальное не имеет значения, раз я продолжал свою работу».

— Никогда не думал, что можно что-то узнать из популярной песенки, — произнес Вик. — И ошибался.

До Рэгла неожиданно дошло, что он не корпит в своей комнате над очередным заданием, а значит, завтра их всех могут стереть с лица земли. «Теперь понятно, почему Тед, водитель, так умолял меня. Почему “Таймс” дал мою фотографию как Человека Года».

— Я вспомнил. — Рэгл остановился. — В ту ночь У Кессельманов. Там была фотография моего алюминиевого завода.

— Мы можем вернуться, — сказал Вик. — Мы обязаны вернуться. Ты, во всяком случае. Им требовалось, чтобы с тобой кто-то был, для естественности. Они взяли Марго, меня, Билла Блэка. Помнишь, я искал в ванной шнур от выключателя? Это был условный рефлекс. Наверное, здесь у них шнуры. Во всяком случае, мой выключатель работал от шнура. И когда

мои продавцы отреагировали как одна группа... Наверное, здесь они работали в каком-нибудь магазине. Может, даже в овощном отделе. Все то же самое, только сорок лет спустя.

Впереди показались огни.

— Попробуем зайти.

Рэгл ускорил шаги. Он все еще хранил карточку Теда, водителя. Скорее всего с номером военной полиции. Снова назад... Но почему?

— Почему я должен возвращаться? — спросил Рэгл. — Почему я не могу заниматься этим здесь? Почему я должен жить там, воображая, что это 1959 год и я разгадываю газетный конкурс?

— Спроси кого-нибудь другого, — сказал Вик. — Я не знаю.

Огни постепенно превращались в слова. Цветная неоновая

вывеска извещала: «Западная аптека».

— Аптека, — прочел Вик. — Отсюда можно позвонить.

Они вошли в крошечную, уютную и ярко освещенную комнату с полочками и витринами. Ни посетителей, ни служащих не было, и Рэгл осмотрелся в поисках телефона. А может, телефонов уже нет, подумал он.

— Чем могу помочь? — раздался женский

голос.

— Нам надо позвонить, — ответил Рэгл. — Очень срочно.

— Будет хорошо, если вы заодно покажете, как обращаться с аппаратом, — попросил Вик. — А еще лучше — наберете нам номер.

— Ну конечно, — сказала аптекарша, выскальзывая из-за стойки в белоснежном халате. Она улыбнулась им, женщина средних лет в туфлях на низком каблуке. — Добрый вечер, мистер Гамм.

Он узнал ее.

Миссис Кейтелбайн.

Кивнув Рэглу, миссис Кейтелбайн прошла мимо него к двери, закрыла ее и опустила шторы. Только после этого она повернулась к Рэглу.

— Какой номер?

Он дал ей карточку.

— О, понятно! Это армейский коммутатор в Денвере. И внутренний 62. Скорее всего, — миссис Кейтелбайн нахмурилась, — кто-то из противоракетной обороны. Если вы их застанете в это время, значит, они просто там живут. Как будто от этого что-то зависит. — Она вернула карточку Рэглу: — Много вспомнили?

— Довольно много, — ответил Рэгл.

— Помогло, что я показала вам модель вашего завода?

— Да, очень.

— Тогда я довольна.

— Вы ходили вокруг да около, по кусочкам восстанавливая мою память. Значит, вы представляете армию?

— Да, — ответила она. — В некотором роде.

— Как могло получиться, что я все забыл?

— Вас заставили забыть. Точно так же, как вас заставили забыть все, что произошло, когда вы поднялись на холм и встретились с Кессельманами.

— Меня подобрали грузовики муниципальной службы.

А на следующее утро люди из муниципалитета начали копать канаву. Следить за мной. Значит, это они построили город и управляют им? Это они заставили меня все забыть?

— Да, — кивнула миссис Кейтелбайн.

— А вы хотели, чтобы я вспомнил.

— Потому что я — лунатик. Я из тех, за кем гоняется военная полиция. Вы ведь решили перейти на нашу сторону, мистер Гамм. Уже упаковали чемоданчик. Но что-то произошло, и до нас вам добраться не удалось. Вас оставили в

живых, потому что Рэгл Гамм им нужен. Усадили за газетный конкурс — чтобы вы служили им своим талантом, не испытывая нравственных мук.

Миссис Кейтелбайн по-прежнему улыбалась веселой профессиональной улыбкой; в этом белом халатике она напоминала медсестру из стоматологического
кабинета, рекламирующую новые средства для ухода за полостью рта. Энергичная и деловая. И, подумал Рэгл, убежденная, преданная.

— Почему я решил перейти на вашу сторону?

— Вы не помните?

— Нет.

— Тогда я вам дам кое-что почитать. Вроде пособия по ориентации. — Она сделала шаг назад и вытащила из-под прилавка плоский малиновый конверт. — Первое, — начала миссис Кейтелбайн, — номер «Таймс» от 14 января 1996 года с вашим фото на обложке и биографией внутри. Достаточно подробной для широкой публики.

— Что они знают? — спросил Рэгл, думая о миссис Мак Фи и ее сплетнях.

— Что вы страдаете заболеванием дыхательных путей, из-за чего живете отшельником в Южной

Америке, в заброшенном перуанском городке под названием Айакучо. А вот еще. — Миссис Кейтелбайн извлекла небольшую книжку. — Официальный учебник по современной истории для школ ЕДИНОГО СЧАСТЛИВОГО МИРА.

— Объясните мне этот лозунг — «Единый Счастливый Мир».

— Это не лозунг. Это официальное название организации, убежденной, что межпланетные путешествия не имеют будущего. Единый Счастливый Мир хорош сам по себе; он гораздо лучше, чем бесконечные безжизненные пустоты, которые Господь никогда не предназначал человеку. Вам, конечно, известен смысл слова «лунатик»?

— Колонист на Луне.

— Не совсем. Но в книге это все есть, наряду с обзором начала войны. И еще. — Миссис Кейтелбайн вытащила из конверта памфлет под названием «Борьба с тиранией».

— Что это? — спросил Рэгл.

Брошюра вызвала у него странное чувство, он испытывал потрясение от узнавания давно забытого, включались старые ассоциации...

— Этот памфлет распространялся среди тысяч рабочих корпорации Рэгла Гамма. На

ваших многочисленных заводах. Вы до сих пор удерживаете сильные позиции в экономике и вызвались работать на правительство за чисто символическое вознаграждение, жест патриотизма. Посвятили свой талант спасению людей от ракетных ударов с Луны. Но через несколько месяцев все изменилось — вы всегда, лучше других угадывали тенденции развития.

— Я могу это взять в город? — спросил Рэгл. Он уже думал о завтрашнем задании. Привычка вошла в его плоть и кровь.

— Нет, — возразила миссис Кейтелбайн. — Они знают, что вы вырвались. И если вы вернетесь, снова попытаются стереть вашу память. Лучше читайте здесь. Сейчас около одиннадцати. Время есть. Я понимаю, вы думаете о завтрашнем задании.

— Здесь не опасно? — спросил Вик.

— Нет.

— А если нагрянет военная полиция?

— Посмотрите в окно.

Рэгл
и Вик подошли к окну аптеки и выглянули.

Улица исчезла. Вокруг простирались темные безжизненные поля.

— Мы за городом, — сказала миссис Кейтелбайн.

— Как только вы вошли, мы тронулись с места. И до сих пор едем. Вот уже месяц, как мы научились проникать в Старый город. Так его назвали те, кто построил. — Помолчав, она добавила: — Вы никогда не интересовались, где живете? Как называется город? Страна? Штат?

— Нет, — ответил Рэгл, чувствуя себя дураком.

— Мы в западном Вайоминге, недалеко от границы с Айдахо. Ваш город был построен на месте нескольких поселений, снесенных в первые дни войны. Они довольно удачно все воссоздали, основываясь на старинных описаниях и картинках. Руины, которые пытается расчистить Марго, — это подлинные развалины бывшего Кеммерера, старинные оружейные склады. Туда-то мы и подбросили телефонную книгу, листки со словами и журналы.

Присев к столу, Рэгл погрузился в чтение собственной биографии.

ГЛАВА 14

Страницы журнала шелестели, раскрывая перед ним реальный мир. Имена, лица, ощущения наплывали на него и вновь оживали. На этот раз не было людей в серых комбинезонах, угрожавших ему из ночной тьмы, и Рэгл сидел, вцепившись в журнал и впитывая каждую строчку. «Вперед с Морагой»... Он вспомнил избирательную кампанию 1987 года. Еще был лозунг «Победим с Вольфом»... Кстати, и победили.

Фотография худого, тщедушного профессора из Гарварда. Рядом с ним — человек, ставший вице-президентом. Какой контраст, подумал Рэгл. Они так отличались друг от друга, что и конце концов довели страну до гражданской войны. И оба на одном бюллетене. Каждый хотел завоевать все голоса.

Профессор права из Гарварда и бывший работник железной дороги. Специалист по римской и английской юриспруденции и человек, швырявший мешки с солью.

— Помнишь Джона Морагу? — спросил Рэгл.

На лице Вика промелькнула растерянность:

— Естественно.

— Даже смешно, что образованный человек оказался таким легковерным. А может, и слишком наивным. — Чересчур много теории и мало практики, подумал Рэгл.

— А я не согласен, — с несвойственной ему решительно

стью заявил Вик. — Это был человек, который жаждал осуществить свои принципы на практике, вопреки любым препятствиям.

Рэгл взглянул на него с изумлением. Он вспомнил споры до хрипоты в ночных барах: «Я лучше сдохну, чем меня увидят с салатницей из лунных пород». «Не покупайте ничего с Луны». Полный бойкот. И все ради принципов.

— Покупайте земные породы, — сказал он.

— Покупайте только дома, — без колебания откликнулся Вик.

— Но почему? — спросил Рэгл. — Какая разница? Для тебя что, Антарктида — дом?

Он действительно не понимал. Лунные породы, земные породы... Порода есть порода. Между тем спор все больше принимал политическую окраску. «Луна никогда не будет представлять для нас экономического интереса. О ней можно забыть».

В 1993 году президент Морага провел в Конгрессе закон, положивший конец американской экономической экспансии на Луне. Ура! Гип-гип!

Торжественные парады на Пятой авеню.

И вдруг восстание.

— Победим с Вольфом, — сказал Рэгл.

— А по-моему, — горячо возразил Вик, — это шайка предателей.

Миссис Кейтелбайн молча слушала их спор.

— В законе ясно сказано, — в свою очередь возразил Рэгл, — что в случае недееспособности Президента его обязанности исполняет вице-президент. При чем тут предатели?

— Исполняющий обязанности — еще не Президент. Он всего-Навсего должен следить за исполнением президентской воли. Никто не давал ему права разваливать внешнюю политику. Воспользовался болезнью шефа. Возобновил субсидирование лунных проектов, лишь бы угодить кучке калифорнийских либералов с розовым туманом в голове и без малейшей доли здравого смысла. — Вик задохнулся от негодования. — Логика подростков, которым не терпится погонять на скоростных машинах с форсированными двигателями. В очередной раз заглянуть за горизонт...

— Ты же все это вычитал в газетах, —остановил его Рэгл. — Это не твои мысли.

— Про это еще Фрейд писал: подавленные сексуальные желания. На Луне делать нечего. Вся эта болтовня о «сияющей цели человечества»... Чушь собачья. Кроме того, — Вик ткнул в него пальцем, — это незаконно.

— Если это незаконно, — сказал Рэгл, — то при чем тут фрейдистские комплексы? — Готов что угодно поставить с ног на голову. Лишь бы возразить. — И почему, собственно, ты так против лунных исследований? Чувствуешь враждебный запах? Боишься заражения? Или сочащегося в щели песка?

Радиоприемник вдруг выкрикнул:

— Тяжело страдающий от болезни почек Президент Джон Морага, находящийся на своей вилле в Южной Каролине, заявил, что, лишь тщательно взвесив все возможности и уделяя максимальное внимание интересам нации...

Поди ж ты, «тщательно», подумал Рэгл. При болезни почек лучше сказать «мучительно». Бедный парень.

— Чертовски хороший Президент, — произнес Вик.

— Идиот, — откликнулся Рэгл.

Миссис Кейтелбайн кивнула.

Обосновавшиеся на Луне колонисты объявили, что они не намерены возвращать полученные фонды, после чего федеральные службы возбудили против них дело. ФБР объявило всех арестованными по обвинению в корыстном использовании федеральных средств, а в тех случаях, когда дело касалось оборудования, — в незаконном владении федеральной собственностью.

Нашли предлог, подумал Рэгл Гамм.

В спустившихся сумерках огонь автомобильного приемника освещал часть приборной доски, его колено, колено девушки рядом с ним. Они лежали, обнявшись, было жарко, выступили капельки пота. Время от времени то он, то она дотягивались до коробки с картофельными чипсами, застрявшей в складках ее юбки. Один раз он поднялся, чтобы глотнуть пива.

— Почему люди так хотят жить на Луне? — пробормотала девушка.

— Хронически недовольные, — сонно ответил он. — Нормальному человеку это не надо. Его устраивает жизнь как она есть. — Он прикрыл глаза и слушал танцевальную музыку по радио.

— А там красиво, на Луне? — спросила девушка.

— О Боже, там просто ужасно. Ничего, кроме камней и пыли.

— Когда мы поженимся, — сказала она, — я бы хотела жить в Мехико-Сити. Цены там высокие, но все космополиты.

Статья в журнале напомнила Рэглу Гамму о возрасте. Сорок шесть лет. Много воды утекло с тех пор, как он валялся в машине с этой девчонкой, слушая музыку по радио. Чудная была девушка, подумал он. Почему они не дали ее фотографии? Наверное, просто не знали о ней. «Эта часть моей жизни их не интересовала. Она не влияла на судьбу человечества...»

В феврале 1994 года произошло вооруженное столкновение на Первой Базе, столице Лунной колонии. Колонисты атаковали ракетную базу, ожесточенный бой длился пять часов. В ту же ночь специальные транспортные корабли начали переброску войск на Луну.

Ура! — подумал он. — Гип-гип!!

Через месяц шла полномасштабная война.

— Все ясно. — Рэгл закрыл журнал.

— Самое страшное — это гражданская война, — сказала миссис Кейтелбайн. — Брат на брата, отец

на сына. Экспансионистам... — она запнулась, — лунатикам на Земле пришлось туго. Они воевали в Калифорнии, Нью-Йорке и нескольких крупных городах Старого Света. Но уже к концу первого года войны Единый Счастливый Мир полностью контролировал положение на Земле. — Миссис Кейтелбайн улыбнулась своей отработанной, профессиональной улыбкой. — Время от времени боевики лунатиков перерезают телефонные линии и взрывают мосты. Но большинство из тех, кому удается при этом уцелеть, получают свою долю К Л. Концентрационных лагерей в Неваде и Орегоне.

— Но у вас же есть Луна, — заметил Рэгл.

— О да. И сейчас мы полностью себя обеспечиваем. У нас есть ресурсы, оборудование, персонал.

— А земляне не наносят ракетных ударов?

— Ну, Луна, как вы знаете, повернута к Земле только одной стороной.

Да, сообразил Рэгл. Конечно. Идеальная военная база. У Земли нет такого преимущества. Каждая ее часть в свой черед становится уязвимой для удара с Луны.

— Весь наш урожай выращивается с помощью гидропоники, в подземных резервуарах. Так мы

избегаем заражения радиоактивными осадками. К тому же на Луне нет атмосферы. Благодаря слабому притяжению большая часть пыли при взрывах сама собой уносится в космическое пространство. Все наши

объекты спрятаны очень глубоко. Дома и школы. И, — она улыбнулась, — мы дышим консервированным воздухом. Так что на нас нельзя воздействовать и бактериологическим оружием. Мы полностью защищены. Даже если нас останется совсем немного. Пусть даже несколько тысяч.

— А вы бомбите Землю, — сказал Рэгл.

—

У нас есть план боевых действий. Наступательная доктрина.

Мы помещаем боеголовки в транспортные корабли и расстреливаем ими Землю. Раз или два в неделю... плюс незначительные заряды, которые мы посылаем в ракетах-разведчиках, которых у нас предостаточно. Кроме того, есть спутники связи и ракеты технического обеспечения, их вполне хватает на несколько ферм или фабрику. На Земле не находят себе места, потому что никогда не знают, идет ли на них полноценный грузовой транспорт с ядерной боеголовкой или

какая-нибудь мелочь. Это отравляет им всю жизнь.

— А я все это предсказываю, — сказал Рэгл.

— Да.

— Насколько хорошо у меня получается?

— Не так точно, как вам говорит Ловери.

— Понятно... — прошептал Рэгл.

— Но и не так плохо. Мы периодически меняем схему ударов, иногда предоставляя выбор случаю... потому что ряд кораблей вы перехватили, особенно тяжелые грузовые. Из-за этого у нас возникла небольшая паника — транспортных кораблей совсем немного. Мы стали менять все схемы. У вас ведь талант на угадывание тенденций. Взять хоть те же женские шляпки. Что будут носить в следующем году? Загадка. Но только не для вас.

— Почему ты решил перейти к ним? — спросил Вик. — Они же бомбят нас, убивают наших женщин и детей...

— Теперь он знает почему, — перебила его миссис Кейтел байн. — Я видела по его лицу, когда он читал. Он вспомнил.

— Да, — Рэгл кивнул. — Я вспомнил.

— Почему ты перешел к ним? — повторил вопрос Вик.

— Потому, что они правы. А изоляционисты — нет.

— И Рэгл Гамм это понял, — сказала миссис Кейтелбайн.

Открыв дверь и увидев на темном крыльце Билла Блэка, Марго сказала:

— А их нет. Они в магазине, проводят срочную инвентаризацию. Что-то вроде неожиданной проверки.

— Может, я все-таки войду? — спросил Блэк. Марго отошла в сторону, Билл вошел и прикрыл за собой дверь.

— Я знаю, что их нет. — Он говорил бесцветным, подавленным голосом. — Кстати, их нет и в магазине.

— Там я их видела в последний раз, — Марго стало неловко от собственной лжи. — И так они мне сказали. — «Сказали чтобы я так сказала», — подумала она.

— Они вырвались. Мы подобрали водителя грузовика. Они отпустили его, проехав около сотни миль по трассе.

— Откуда ты знаешь? — спросила она и вдруг ощутила дикую ярость. Она ничего не понимала, но интуиция подсказывала, что во многом виноват Блэк. — Ты и твоя ласэнь. — Она

задыхалась от негодования. — Таскаешься сюда и что-то вынюхиваешь. Присылаешь свою жену-вертихвостку, чтобы она к нему подлизалась.

— Это не моя жена, — устало проговорил Блэк. — Ее взяли, потому что мне надо было устроиться по соседству.

Марго нахмурилась:

— А она знает?

— Нет.

— Дела-а, — протянула Марго. — Ну и что? Ты, значит, можешь стоять и ухмыляться, потому что тебе известно, что происходит?

— Я не ухмыляюсь, — сказал Блэк. — Я как раз думаю о том, что был, наверное, шанс его вернуть. Скорее всего это Кессельманы. Одни и те же люди. Похожее звучание фамилий. Интересно, кто все это придумал? Я всегда плохо запоминал имена. Наверное, они это учли. Но когда тебе надо держать в голове тысячу шестьсот фамилий...

— Тысячу шестьсот, — повторила Марго. — Что ты имеешь в виду?

Она все острее чувствовала неладное. Ограниченность окружающего мира давила на нее все сильнее. Улицы, дома, магазины, люди. Тысяча шестьсот человек, стоящих посреди сцены. А вокруг — бутафорская мебель, кухни,

машины, еда. А за всей этой бутафорией — плоский раскрашенный задник. Нарисованная панорама уходящих вдаль домов. Людей. Улиц. В стены вмонтированы динамики, раздаются звуки. Сэмми, сидящий один в классе. И даже учитель не настоящий. Вместо него — набор магнитофонных записей.

— Мы хоть узнаем, зачем все это? — спросила она.

— Рэгл уже знает.

— Потому у нас нет радио?

— По радио вы могли многое услышать.

— Мы и так многое услышали.

Билл поморщился:

— В конце концов это был вопрос времени. Раньше или позже. Мы только надеялись, что он все равно будет заниматься своим делом.

— Но вмешался кто-то еще, — сказала Марго.

— Да, двое. Сегодня мы выслали по их адресу наших людей, в большой старый дом на углу, но они исчезли. Там никого нет. Оставили все свои модели. Он прослушал у них курс гражданской обороны. И принял решение.

— Если тебе больше нечего сказать, — заявила Марго, — уходи.

— Я останусь здесь, — ответил Билл Блэк. — На

всю ночь. Может быть, он решит вернуться. Я подумал, что лучше если я приду без Джуни. Я могу лечь в гостиной и сразу замечу, когда он войдет. — Открыв дверь, Билл внес в комнату небольшой чемоданчик. — Здесь зубная щетка, пижама и кое-какие личные вещи, — он говорил все тем же потухшим, безжизненным голосом.

— У тебя из-за этого неприятности?

— У нас у всех теперь неприятности. — Блэк поставил чемоданчик на стул и принялся выкладывать свои пожитки.

— Кто ты? — спросила Марго. — Ты не Билл Блэк!

— Я Билл Блэк. Майор Уильям Блэк. Из штаба стратегического планирования. Раньше я работал с Рэглом, вычислял ракетные удары. В некотором роде я был его учеником.

— Значит, ты не работаешь в муниципалитете? В отделе водоснабжения?

Передняя дверь распахнулась. На пороге стояла в пальто Джуни Блэк. В руках она держала часы. Лицо ее распухло и покраснело, было видно, что она плакала.

— Ты забыл часы. — Она протянула часы Блэку. — Почему ты решил спать здесь? — спросила она дрожащим голосом. — Это из-за меня, да? — Она

перевела взгляд на Марго. — У вас что-то было? Правда? Все это время?

Никто ей не ответил.

— Пожалуйста, объясните мне.

— Ради всего святого, — взмолился Блэк. — Иди домой!

Она шмыгнула носом.

— Ладно. Тебе виднее. Завтра приедешь, или это у вас надолго?

— На одну ночь, — ответил Блэк.

Дверь за Джуни захлопнулась.

— Как она меня достала, — сказал Билл Блэк.

— Все еще верит, что она твоя жена.

— Джуни будет в это верить, пока ее не перепрограммируют. И ты тоже. Будешь по-прежнему видеть то, что видишь сейчас. Программа действует на уровне подсознания. Она затрагивает все системы.

— Это ужасно, — едва вымолвила Марго.

— Не знаю. Есть вещи и похуже. Это, во всяком случае, была попытка спасти ваши жизни.

— И Рэгл запрограммирован? Как мы все?

— Нет. — Билл Блэк выложил на стол пижаму. Марго обратила внимание на кричащие тона, яркие цветы и листья. — Рэгл находился в ином состоянии. Он, собственно, и придумал все это.

Поставил себя перед дилеммой, и единственным выходом оказался психоз вытеснения.

Значит, он сумасшедший, подумала Марго.

— Он ушел в вымышленный мир. — Блэк завел принесенные Джуни часы. — Вернулся в довоенный период. В детство. Конец пятидесятых, когда он был ребенком.

— Не верю, — с трудом прошептала Марго.

— Мы придумали, как сделать, чтобы он жил в своем лишенном стрессов мире. Относительно лишенном, конечно. И при этом продолжал предсказывать ракетные удары, не ощущая непосильного бремени ответственности за судьбу человечества. Для него все превратилось в игру, в газетный конкурс. Он сам дал нам подсказку. Однажды в Денвере, когда мы пришли к нему домой, он встретил нас словами: «Я почти разгадал сегодняшнюю головоломку». Спустя неделю у него окончательно закрепилась иллюзия ухода.

— Он в самом деле мой брат?

Поколебавшись, Блэк сказал:

— Нет.

— Мы как-нибудь с ним связаны?

— Нет, — ответил он с неохотой.

— Вик — мой муж?

— Н-нет.

— А вообще, хоть кто-нибудь с кем-нибудь здесь связан?

Нахмурившись, Блэк сказал:

— Я... — Он закусил губу и закончил: — Так получилось, что мы с тобой женаты. Но по типу личности ты больше подходила к семье Рэгла. Все надо было делать на серьезной основе.

После этого оба надолго замолчали. Марго неуверенной походкой прошла на кухню и опустилась на стул. «Билл Блэк — мой муж. Майор Билл Блэк».

В гостиной ее муж расстелил на диване одеяло, бросил подушку и приготовился ко сну.

Вернувшись в комнату, она сказала:

— Можно тебя спросить?

Он кивнул.

— Ты знаешь, где был тот шнур, который Вик искал тогда в ванной?

— Вик имел овощной магазин в Орегоне. Там вполне мог быть этот шнур. Или у него дома.

— Давно ли мы женаты?

— Шесть лет.

— А дети?

— Две девочки. Четырех лет и шести.

— А Сэмми?

Сэмми безмятежно спал за закрытой дверью.

— Он тоже здесь ничей? Просто взяли где-то ребенка как актера на роль, так?

— Сэмми — сын Виктора. Виктора и его жены.

— А кто его жена?

— Ты ее не знаешь.

— Не та здоровая девка из Техаса?

Блэк рассмеялся:

— Нет. Ее зовут Бетти или Барбара. Я сам ее ни разу не видел.

— Ну и каша.

- Да.

Она вернулась на кухню и снова села. Позже она услышала, как он включил телевизор, и потом около часа играла музыка. Потом Билл Блэк выключил телевизор, погасил свет и забрался под одеяло. Еще чуть позже Марго тоже задремала, облокотившись на кухонный столик.

Она проснулась от телефонного звонка. Билл Блэк метался по комнате, пытаясь найти аппарат.

— В холле, — сказала она хрипло.

— Алло! — ответил Блэк.

Часы над кухонной раковиной показывали три тридцать. О Господи, подумала Марго.

— Хорошо. — Блэк положил трубку и вернулся

в гостиную. Она слышала, как он одевается, запихивает вещи обратно в чемоданчик, потом открылась и захлопнулась входная дверь. Он ушел.

Не стал ждать, подумала Марго. Она терла глаза, пытаясь окончательно проснуться. Было холодно, она окоченела. Вся дрожа, подошла к камину.

Значит, Рэгл не вернется, решила Марго. Иначе бы Блэк не ушел.

Из спальни донесся голос Сэмми:

Мама! Мама!

Она отворила дверь:

— Что случилось?

Сэмми сидел на кровати.

— Кто это звонил?

— Никто. — Она вошла в комнату и поправила одеяло. — Ложись спать.

— Папа не вернулся?

— Еще нет.

— Ну и ну. — Сэмми откинулся на подушку, мгновенно засыпая. — Может, они утащили чего-нибудь... и теперь скрываются...

Она осталась в детской, присела на край кровати и закурила, изо всех сил стараясь не уснуть.

Скорее всего они не вернутся, подумала она. Но я все-таки подожду. На всякий случай.

— Что значит «они правы»? — вскипел Вик. — Хочешь сказать, это правильно — бомбить города, больницы и церкви?

Рэгл Гамм помнил тот день, когда впервые услышал о вооруженном нападении лунных колонистов, уже тогда называемых лунатиками, на федеральные войска. Никто этому особо не удивился. Лунатики в основной массе состояли из недовольных и неустроенных молодых семей, честолюбивых и хватких парней и их жен. Кое у кого были дети, но ни у кого не было ни собственности, ни ответственности.

Первой реакцией Рэгла было пойти и драться. Но по возрасту он уже не проходил. Кроме того, оказалось, что его участия требовали дела поважнее. Он взял на себя предсказывание ракетных ударов, составление схем и графиков, проведение статистических исследований. Билл Блэк служил при нем офицером по особым поручениям. Весьма способный человек, он искренне стремился постигнуть секреты разгадывания. Первый год Рэгл сработал отлично, но потом его просто раздавила огромная ответственность. Сознание того, что от него

зависит жизнь всех людей. На этом этапе армейское руководство приняло решение увезти Рэгла с Земли. Посадить на корабль и отправить на один из оздоровительных курортов Венеры, куда частенько наведывались правительственные чиновники. Климат, минеральный состав воды, сила притяжения, а может, все вместе способствовало излечению от рака и болезней сердца.

Впервые в жизни Рэгл покинул Землю. Межпланетный
перелет в космическом пространстве. Отсутствие притяжения — извечного бремени всего живого, первозданной силы, сделавшей Вселенную такой, какой мы ее знаем. По мере того как корабль удалялся от Земли, Рэгл все больше забывал это состояние, отдаваясь безграничной свободе. Полет удовлетворил затаенную потребность, о которой Рэгл никогда не подозревал. А она существовала всю его жизнь. Не находящее выхода стремление к путешествиям. К перемене мест.

Его предки постоянно мигрировали. Они пришли на Запад из Азии — кочевники, собиратели, но не земледельцы. У Средиземного моря они остановились, ибо это был край света и

дальше идти было некуда. Спустя сотни лет до них стали доходить сведения, что есть и другие места. Земли за морем. Они никогда не передвигались по воде, если не считать нескольких неудачных попыток достичь Северной Африки. Переход на лодках казался им страшным риском. Они все же предприняли его и, не имея понятия, куда плывут, достигли другого континента. Там на некоторое время остановились, потому что опять достигли края света.

Но с этим перелетом не могло сравниться ничто. Через леденящее душу пространство, с одной планеты на другую... В созданных своими руками кораблях. Потребность в движении присуща всем формам жизни. Универсальное, всеобщее свойство. Но потомки пращуров Рэгла дошли до конца. Остальные расы остановились гораздо раньше.

Это не имело никакого отношения к ископаемым, ресурсам и научным разработкам. И даже к науке и богатству. Все это были лишь поводы. Причина лежала за пределами сознания. Рэгл не мог сформулировать эту потребность, он лишь отчетливо ее ощущал. Это был инстинкт, первобытная тяга и вместе с тем — самый благородный порыв.

Смешно, думал Рэгл, когда люди утверждают, что Бог не предназначал человека для космических путешествий. Лунатики правы, они поняли, что межпланетные перелеты не связаны с перспективами разработок рудных месторождений далеко от Земли. Мы только делали вид, что нас интересуют лунные шахты, не более того. Это не политический и не этический вопрос. Просто, когда тебя спрашивают, надо что-то отвечать. Сделать вид, что ты знаешь ответ.

Неделю Рэгл плескался в Горячих Родниках Рузвельта на Венере. Потом его вернули на Землю. Вскоре после этого он стал упорно вспоминать и думать о своем детстве. О мирных днях, когда отец сидел в гостиной с газетой, а дети смотрели по телевизору Капитана Кенгуру. Мать тогда ездила на новом «фольксвагене», в выпусках новостей по радио говорили не о войне, а о запуске искусственных спутников и надежде на получение термоядерной энергии. Неиссякаемого источника.

Еще не пришло время великих потрясений, депрессии и гражданского разлада.

Это были его последние воспоминания. Как он сидел и мечтал о пятидесятых годах. Потом, совершенно неожиданно, он оказался

в пятидесятых. Свершившееся показалось ему чудом. Захватывающим дух волшебством. В одно мгновение исчезли сирены, концлагерные бараки, конфликты, ненависть, наклейки на бампер с надписью: «ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР». Исчезли солдаты, целыми днями слонявшиеся вокруг, страх перед следующим ракетным ударом, напряжение и тяжесть, а главное — сомнение, которое терзало их всех. Кошмарная вина гражданской войны, которую заглушают все большим ожесточением. Брат на брата. Семья на самое себя.

Подъехал и остановился «фольксваген». Женщина с чудной улыбкой вышла и спросила:

— Готов ехать домой?

Отличную все-таки машину они приобрели, подумал он. Удачная покупка. Всегда можно продать дороже.

— Почти, — ответил отец матери. — Мне надо кое-что взять в аптеке, — добавил он и захлопнул дверцу.

Рэгл смотрел, как отец удаляется в сторону аптечного отдела в торговом центре Эрни. Мальчик знал, что там, помимо всего прочего, скупают старые электробритвы. Семь пятьдесят за вашу старую бритву независимо от ее состояния.

И никаких сложностей, взаимная радость сделки. Вверху над головой — сияющие вывески. Цветные огни бегущей рекламы. Яркость и роскошь.

Он вышел побродить по автостоянке среди длинных пастельного цвета машин, задирал голову на вывески, разглядывал рекламу в витринах. Кофе, 69 центов за фунт, да, вот это покупка!

Глаза мальчика впитывали зрелище: продавцы, машины, прохожие, киоски! Как много вокруг интересного! — думал он. Как много всего можно изучить. Целая ярмарка. В бакалейном отделе продавщица бесплатно угощала образцами сыра. Он подошел к ней. На подносе лежали ломтики желтого сыра. Женщина протягивала его всем желающим. Даром. Хоть что-то, но даром. Общее возбуждение. Гул и говор. Он протянул руку за своим бесплатным ломтиком, дрожа от удовольствия. Улыбнувшись, женщина спросила:

— Что надо сказать?

— Спасибо.

— Любишь побродить по магазинам, пока родители делают покупки?

— Конечно, — проговорил он с набитым ртом.

— Потому что видишь, что здесь есть все, что

может тебе понадобиться, да? Супермаркет — это целый мир.

— Наверное, так, — признался он.

— Ну, значит, бояться нечего, — сказала женщина. — Расслабься. Здесь хорошо и спокойно.

— Да, — согласился он, устав от расспросов, и еще раз посмотрел на поднос с сыром.

— В каком ты сейчас отделе? — спросила женщина.

Он
огляделся и увидел, что это фармацевтический отдел. Вокруг были тюбики с зубной пастой, журналы, солнцезащитные очки и бутылочки с лосьоном для рук.

«Но я же был в продуктовом отделе, — с удивлением подумал мальчик, — там, где дают бесплатно попробовать. А может, у них и тут дают что-нибудь на пробу, резинку, например, или конфеты? Вот было бы здорово!»

Вокруг бурлила воскресная толпа. Повезло, подумал он. Золотой век. Самое удачное время для жизни, всегда бы так.

Отец уже давно махал ему из «фольксвагена». Куча свертков на сиденье.

— Поехали, — сказал отец.

— Поехали, — протянул Рэгл, все еще удивляясь окружающему и очень жалея, что сейчас он отсюда уедет.

В угол автостоянки нанесло ветром целую кучу цветных бумажек. Оберток, картонок, смятых сигаретных пачек, пакетов из-под молока. Он просчитал все варианты: там, в глубине, должно быть что-то ценное. Скомканный доллар. Его занесло туда вместе с мусором.

Он нагнулся и вытащил бумажку. Точно, долларовая банкнота. Кто-то потерял ее, возможно, очень, очень давно.

— Смотрите, что я нашел! — закричал он отцу с матерью и побежал к машине. Тут же завязалась дискуссия.

— Я считаю, его нельзя брать. Это неправильно. — Мать по-настоящему разволновалась.

— Мы все равно не установим владельца, — сказал отец, — пусть берет себе. — Он потрепал мальчика за волосы.

— Но он его не заработал, — возразила мать.

— Я его нашел! — воскликнул Рэгл Гамм, сжимая свой доллар. — Я вычислил, где он может быть, я знал, что он в этом мусоре.

— Тебе повезло, — заметил отец. — Мне приходится встречать парней, которые постоянно

находят деньги, каждый день. Я никогда так не умел. Наверное, за всю жизнь не нашел и цента.

— А я могу, — сказал Рэгл Гамм. — Я могу вычислить, я знаю, как это сделать.

Вечером на диване отец рассказывал о второй мировой войне, как он воевал на Тихоокеанском театре. Мать мыла посуду на кухне. Спокойствие родного дома...

— Что ты сделаешь со своим долларом? — спросил отец.

— Куда-нибудь вложу, — ответил Рэгл Гамм. — Чтобы получить больше.

— Крупное дело, а? Не забудь о налогах на корпорации.

— У меня много останется, — сказал Рэгл уверенно и откинулся на спинку дивана на манер отца: руки за головой, локти расставлены в стороны.

Он перебирал в памяти счастливейшие моменты своей жизни.

— Но почему такая неточность с «такером»? — спросил он миссис Кейтелбайн. — Это дьявольская машина, но...

— Вы как-то на ней ездили.

— Да. По крайней мере, мне так кажется. Еще ребенком. — Он вдруг почти физически ощутил

эту машину. — В Лос-Анджелесе, — сказал Рэгл, — у друга отца была одна из моделей.

— Ну вот и объяснение.

— Но ведь их так и не пустили в серийное производство.

Все осталось на уровне экспериментальных образцов.

— Машина была нужна вам. И для вас ее сделали.

— А «Хижина дяди Тома»? — спросил Рэгл, хотя в свое время ему показалось совершенно естественным, что Вик принес эту брошюру из клуба «Книга месяца». — Она же была написана за целое столетие до меня! Поистине древняя вещь!

Миссис Кейтелбайн протянула ему журнал.

— Детская доверчивость, — сказала она. — Постарайтесь вспомнить.

В журнальной статье упоминалась и эта книга. Теперь он вспомнил, что у него действительно была такая и он перечитывал ее снова и снова. Тисненый черно-желтый переплет, иллюстрации углем, увлекательные, как сама история. Он даже ощутил книгу в руках, ее вес, шершавый, запыленный картон и бумагу, вспомнил, как он прятался в тишину и тень двора, уткнувшись в текст. На ночь он забирал книгу в свою

комнату, а утром снова перечитывал. В ней была стабильность, она не менялась. Книга давала ощущение определенности. Он чувствовал, что на нее можно положиться, там все останется так, как было вчера. Даже карандашные пометки на первой странице, где он нацарапал свои инициалы.

— Все было сделано в соответствии с вашими запросами, — сказала миссис Кейтелбайн. — Воссоздали все, что вам требовалось для ощущения безопасности и комфорта. Стоило ли придерживаться ненужной точности? Если «Хижина дяди Тома» занимала так много места в вашем детстве, ее просто включили в список.

Как в мечте, подумал Рэгл. Сохранили все хорошее. Исключили неприятное.

— Все карты могло спутать радио, и радиоприемники просто убрали, — сказала миссис Кейтелбайн. — Во всяком случае, должны были убрать.

А ведь такая привычная вещь, подумал Рэгл. Забывая, что в созданной специально для Рэгла иллюзии радиоприемникам нет места, они постоянно совершали мелкие промахи. Типичная ошибка при претворении мечты в жизнь — очень тяжело быть последовательным. Играя с нами в

покер, Билл Блэк видел детекторный приемник и тут же забыл о нем. Это действительно слишком привычная вещь, он не обратил на него внимания, занятый более важными вопросами.

Миссис Кейтелбайн продолжала:

— Итак, вы поняли, что они создали для вас безопасную, контролируемую обстановку, где бы вы могли заниматься своим делом, ни в чем не сомневаясь, не отвлекаясь ни на что постороннее. Не терзаясь тем, что вы защищаете неправое дело.

— Неправое?! — яростно вмешался Вик. — Не правы те, кого атакуют?

— В гражданской войне, — заметил Рэгл, — все не правы. Тут до истины не докопаться. И все — жертвы.

В периоды просветления, прежде чем его забрали из кабинета и перевезли в Старый город, Рэгл успел разработать план. Он аккуратно собрал все бумаги и записи, уложил вещи и приготовился к побегу. Через подставных лиц ему удалось связаться с группой калифорнийских лунатиков, помещенных
в один из концентрационных лагерей Среднего Запада. Программа перевоспитания еще не успела дать своих плодов, и ему удалось получить

кое-какие сведения. Предполагалось, что в назначенное время он в условленном заранее месте встретится с находящимися на свободе лунатиками из Сент-Луиса. Но туда Рэгл так и не добрался. За день до встречи перехватили его связного. На допросах тот рассказал все.

Это был конец. В концентрационных лагерях лунатики подвергались систематическому промыванию мозгов, хотя называлось это, конечно, по-другому. Перевоспитание по новой методике избавляло от предрассудков, невротической одержимости и навязчивых идей. Лунатикам помогали прозреть. Оттуда они выходили другими людьми.

Аналогичной процедуре подвергли и тех, кому предстояло поселиться в Старом городе. Брали только добровольцев. К Рэглу Гамму применили особую методику по закреплению ухода в прошлое.

«У них получилось, — признал Рэгл Гамм. — Я заглянул в прошлое, а они плотно задраили выход».

— Ты лучше хорошенько подумай, — оборвал его размышления Вик. — Это не шутки — перейти на другую сторону.

— Он уже перешел, — заметила миссис

Кейтелбайн. — Он сделал это три года назад.

— Я с тобой не пойду, — отрезал Вик.

— Я знаю.

— Ты собираешься порвать с Марго, с родной сестрой?

-Да.

— Порвать со всеми?

- Да.

— Хочешь, чтобы они разбомбили и поубивали нас?

— Нет.

В Денвере Рэгл получил доступ к информации, предназначенной
только
для высокопоставленных правительственных чиновников. От публики эти данные хранили в строжайшем секрете. В первые же дни войны колонисты согласились пойти на переговоры. Они выдвигали лишь два условия: умеренное финансирование Землей лунных программ и гарантия безопасности для лунатиков после прекращения боевых действий. Если бы не Рэгл Гамм, правительство в Денвере пошло бы на уступки по этим пунктам. Слишком сильна была угроза ракетного удара с Луны. Вместе с тем, общественное мнение еще не было в такой

степени настроено против лунатиков, три года войны и лишений были еще впереди.

— Предатель! — Вик гневно уставился на зятя.

«Кстати, он мне даже не зять, — подумал Рэгл. — Я вообще его не знал до Старого города. Нет, — сообразил он, — знал. Я покупал у него свежие фрукты и овощи. Он постоянно хлопотал в белом халате возле ларей с картофелем, улыбался покупателям, сокрушался из-за порчи товара». На Этом уровне они и были знакомы.

«И сестры у меня нет. Но я, — думал Рэгл, — все равно буду считать ее с Сэмми моей семьей, ибо за эти два с половиной года мы по-настоящему сроднились. Так же, как Билл Блэк и Джуни стали соседями. Я порву с ними — родственниками, соседями и друзьями. Это и есть гражданская война. Эта война требует наибольшего героизма, неимоверных жертв и не дает никакой выгоды.

Я поступаю так, потому что убежден, что так — правильно. Прежде всего — долг. Все остальные, кстати, — Билл Блэк и Виктор Нильсон, Марго и Ловери, миссис Кейтелбайн и миссис Кессельман — тоже исполнили свой долг, не изменили тому, во что верили.

И я поступлю так же».

— Прощай, — он протянул Виктору руку.

Тот сделал вид, что не заметил. Лицо его окаменело.

— Вернешься в Старый город? — спросил Рэгл.

Вик кивнул.

— Может, еще увидимся, — сказал Рэгл. — После войны. — Он был убежден, что теперь она долго не продлится. — Вряд ли они сохранят Старый город, — добавил он. — Без меня он вовсе не нужен.

Вик резко повернулся и пошел к дверям.

— Как отсюда выйти? — громко спросил он, не оборачиваясь.

— Вас выпустят, — сказала миссис Кейтелбайн. — Мы высадим вас на шоссе, откуда вы без труда доедете до города.

Вик остался у двери.

«Стыдно, — подумал Рэгл Гамм. — Но именно так теперь все обстоит. Ничего нового».

— Ты бы убил меня? — спросил он Вика. — Если бы мог?

— Нет, — ответил Вик: — Всегда есть шанс, что ты перейдешь обратно, на нашу сторону.

— Пора, — напомнил Рэгл миссис Кейтелбайн.

— Ваше второе путешествие, — сказала она. — Вы снова покидаете Землю.

— Да. — Рэгл кивнул. — Еще один лунатик присоединяется к своим.

За окном аптеки темный размытый силуэт ракеты уже принял стартовое положение.

Из днища белыми клубами валил пар. Вверху разошлись фермы крепления. В середине корабля открылся люк. Человек, стоявший за ним, несколько раз моргнул, пытаясь разглядеть что-то в черноте ночи. Потом он зажег цветной фонарь. Человек с фонарем поразительно походил на Вальтера Кейтелбайна. Собственно говоря, это и был Вальтер Кейтелбайн.

СДВИГ ВРЕМЕНИ ПО-МАРСИАНСКИ

СДВИГ ВРЕМЕНИ ПО-МАРСИАНСКИ

ГЛАВА 1

Сквозь толщу фенобарбитуратной драмы до Сильвии Болен донесся чей-то зов. Резко прорвав напластования, в которых она утопала, зов мгновенно разрушил идеальное состояние несамости.

— Мам, — снова позвал сын с улицы.

Приподнявшись на кровати, она отпила из стакана воды,

опустила босые ноги на пол и с трудом встала. На часах было девять тридцать. Отыскав халат, она двинулась к окну.

«Надо завязывать. Лучше сдаться на милость шизофрении, присоединившись ко всем остальным».

Сильвия подняла штору, и ее ослепил солнечный свет привычного красновато-пыльного оттенка. Она прикрыла глаза рукой:

— В чем дело, Дэвид?

— Мам, приехал объездчик канала!

Значит, сегодня среда. Она кивнула и, повернувшись, направилась неуверенным шагом на кухню, где ей удалось поставить на

плиту добротный старый глиняный кофейник.

«Что я должна? Для объездчика все готово. Так или иначе, Дэвид проследит». Она включила воду и побрызгала себе на лицо. Вода была мутной и неприятной, и Сильвия закашлялась. «Надо спустить воду в баке. Вычистить, добавить хлорки, проверить, сколько засорилось фильтров; возможно засорились все. Неужели объездчик не может?.. Нет, это не его дело».

— Я тебе нужна? — спросила Сильвия, открывая заднюю дверь. Вокруг вихрем закружился холодный воздух, забивая легкие мелким песком. Она отвернулась, прислушиваясь к ответу сына. Его воспитание требовало отказаться от помощи.

— Думаю, нет, — проворчал мальчик.

Позднее, сидя в халате за кухонным столом и попивая кофе с тостами и яблочным пюре, Сильвия наблюдала, как приближается объездчик в плоскодонке, которая не спеша тарахтела вверх по каналу, тем не менее появляясь всегда точно по расписанию. Стоял 1994 год, вторая неделя августа. Они уже ждали одиннадцать дней и теперь наконец получат свою порцию воды из большого канала, который пролегал вдоль цепочки домов.

Объездчик пришвартовался к воротам шлюза и, захватив папку с застежками, в которой хранились его записи и инструменты, спрыгнул на землю. На нем была серая форма, забрызганная грязью, и высокие сапоги, почти доверху покрытые коричневым илом. Немец, что ли? Но когда он повернул голову, Сильвия увидела плоское славянское лицо, а над козырьком фуражки — красную звезду. Теперь очередь русских; она уже сбилась со счета.

И, судя по всему, не она одна потеряла нить последовательных смен, осуществлявшихся руководством Объединенных Наций. На крыльце соседнего дома появилось все семейство Стайнеров, намеревающееся идти к объездчику: все шестеро — отец, тяжеловесная мамаша и четверо белокурых пухленьких и шумных девочек.

Именно им отключал воду объездчик.

— Bitte, mein Herr, — начал Норберт Стайнер, но, увидев красную звезду, прикусил язык.

Сильвия улыбнулась и про себя подумала: «Да, не повезло».

Через заднюю дверь в дом поспешно вошел Дэвид:

— Мам, ты знаешь? У Стайнеров вчера ночью

протек бак, и они лишились половины своей воды! Так что теперь у них не хватит воды для сада, и мистер Стайнер говорит, что тот погибнет.

Сильвия кивнула, доедая последний кусочек тоста и закуривая сигарету.

— Ну разве это не ужасно, мама? — настаивал Дэвид.

— И Стайнеры хотят, чтобы объездчик перекрыл им воду попозже, — произнесла Сильвия.

— Мы не можем допустить, чтобы их сад погиб. Помнишь, когда у нас были неприятности со свеклой? Мистер Стайнер поделился с нами химикалиями, которые он привез из Дома, и все жуки передохли. А мы собирались поделиться с ними свеклой, да так и не поделились, забыли.

Верно.

Она вздрогнула от внезапно нахлынувшего чувства вины: мы обещали… а они даже не напомнили, хотя сами наверняка не забыли об этом. И Дэвид всегда играет у них.

— Пожалуйста, выйди, поговори с объездчиком, — упрашивал Дэвид.

— Думаю, воду в конце месяца мы им дадим, — ответила Сильвия. — Мы же можем протянуть рукав в их сад. Но вот насчет утечки я не верю

— им всегда не хватает своей доли.

— Знаю, — откликнулся Дэвид, опустив голову.

— Они не заслуживают больше, чем остальные, Дэвид. Все должны получать одинаковое количество.

— Они просто не умеют управляться с хозяйством, — заметил Дэвид. — Мистер Стайнер ничего не понимает в инструментах.

— Значит, сами виноваты.

Сильвия почувствовала раздражение и попыталась объяснить его тем, что еще не совсем проснулась. Нужен дексамин, иначе глаза у нее не раскроются до самого вечера, когда наступит время для очередного фенобарбитурата. Аптечка находилась в ванной, и, вынув бутылочку с маленькими зелеными таблетками в форме сердечка, она пересчитала их: осталось всего двадцать три штуки, вскоре придется сесть на огромный гусеничный автобус и пересечь пустыню, чтобы пополнить запасы в городе.

Над головой раздалось громкое гулкое бульканье — огромный жестяной бак на крыше начал заполняться. Объездчик закрывал ворота шлюза, мольбы Стайнеров были напрасны.

Ощущая себя все больше виноватой, Сильвия налила в стакан воды, чтобы запить утреннюю

таблетку. «Если бы Джек чаще бывал дома; как без него одиноко, — подумала она. — До какой мелочности мы дошли — просто какое-то варварство. К чему все эти пререкания, нервозность, неусыпная тревога о каждой капле воды, которые пронизывают нашу жизнь? Неужели только это и ничего больше... Нам ведь столько обещали вначале».

Из соседнего дома внезапно громко завопило радио: танцевальная музыка, а потом реклама какой-то сельскохозяйственной техники.

«Глубина и угол вспашки, — разглагольствовал диктор, и ею голос отзывался эхом в холодном, бодрящем утреннем воздухе, — саморегулировка и автоматический контроль обеспечат даже неопытному владельцу быстрое...»

Продолжение заглушила музыка — приемник настроили на другую волну.

Донеслась детская перебранка. И так целый день? Интересно, удастся ли ей вынести это? Да еще Джека не будет до конца недели — словно она и не замужем. Неужели ради этого она покинула Землю?.. Прижав руки к ушам, Сильвия попыталась заглушить вопли радио и крики детей.

«Надо вернуться в постель, нечего было и

подниматься», — подумала она наконец, начав одеваться для дня, который предстояло прожить.

Джек Болен, сидя в кабинете своего шефа в Банчвуд-парке, беседовал по радиотелефону с отцом, который находился в Нью-Йорке. Связь, пролегавшая через систему спутников и покрывавшая миллионы миль безвоздушного пространства, как всегда не отличалась высоким качеством; но как бы то ни было, за звонок платил Лео Болен.

— Что ты называешь горами Франклина Рузвельта? — громко спрашивал Джек. — Ты, наверно, ошибся, папа, — там ничего нет, это совершенно пустынная местность. Можешь справиться у любого агента по недвижимости.

— Нет, Джек, я узнавал, — донесся слабый голос отца. — Хочу приехать посмотреть и обсудить все с тобой. Как Сильвия и мальчик?

— Отлично. Но послушай, не ввязывайся в это — всем известно, что на Марсе земельные участки на продажу расположены вдали от работающей сети каналов. Запомни, функционирует только одна десятая их часть. Это же чистое надувательство.

Поразительно,
каким образом отец с его многолетним опытом, особенно в инвестировании необработанных

земель, легко попался на крючок. Неужели за эта годы так постарел! Джеку стало страшно. По письмам ни о чем нельзя было судить: отец диктовал их стенографисткам компании.

Или, может, время течет по-разному на Земле и на Марсе — он читал статью, посвященную этой гипотезе в каком-то психологическом журнале. И когда его отец появится здесь, он будет напоминать трясущиеся седовласые мощи. Неужели никак не отвертеться от этого визита?.. Хотя Дэвид будет рад деду, да и Сильвия его любит.

Тем временем слабый голос издалека сообщал Джеку Болену нью-йоркские новости, не представлявшие для него никакого интереса. Все это казалось Джеку совершенно нереальным.

Десять лет назад в результате титанического усилия ему удалось вырваться с Земли, и он не желал ничего о ней слышать.

И все же связь с отцом сохранялась, а в ближайшем будущем она еще и укрепится в результате первого путешествия старика за пределы Земли; он всегда хотел слетать на другую планету, пока не поздно. Другими словами — до своей смерти. Лео был настроен решительно. Несмотря на усовершенствование

крупных межпланетных кораблей, путешествие оставалось рискованным, но его это не волновало. Ничто не могло ему помешать; на самом деле он уже зарезервировал себе место.

— Господи, отец, это же замечательно, что ты готов к такому трудному пути! Надеюсь, ты справишься, — смирился Джек.

С противоположной стороны стола на него взирал шеф. мистер И, в руках сжимавший лист желтой бумаги со служебным запросом. Тощий длинный И в однобортном костюме и галстуке бабочкой... китайский стиль одежды прекрасно укоренился здесь, на чужой почве, смотрелся так же естественно, как если бы И вел дело в Кантоне.

И указал на листок бумаги, после чего молча изобразил, что в нем содержится: сначала он слегка подрожал, потом продемонстрировал, как переливает что-то из одной руки в другую, а затем утер лоб и расстегнул воротничок, будто изнемогая от жары. Потом поднял костлявое запястье и уставился на часы. Полетела холодильная установка на какой-то молочной ферме — понял Джек Болен. Причем дело срочное — если не поспешить, молоко испортится на дневной жаре.

— Ладно, пап, буду ждать от тебя сообщений. — Джек попрощался и повесил трубку. — Извините, что так долго, — сказал он шефу и взял у него листок.

— Пожилому человеку не стоило бы ехать сюда, — спокойно, но категорично заметил И.

— Ему хочется взглянуть, как мы тут живем, — ответил Джек.

— И чем он сможет помочь, если ваши дела окажутся не настолько хороши, как ему хотелось бы? — презрительно улыбнулся И. — Может, он предполагал, что вы тут разбогатеете? Так сообщи ему, что здесь нет алмазов. Их успели прикарманить Объединенные. Нации. Что касается вызова по поводу холодильной установки, то согласно записям мы уже чинили ее два месяца назад, та же самая неисправность. Там что-то с источником питания или изоляцией. Время от времени двигатель начинает барахлить, пока не выскакивает предохранитель.

— Я посмотрю, что у них еще подключено к генератору, — ответил Джек.

«Работать на И нелегко», — думал он, поднимаясь на крышу, где стояли вертолеты компании. Все поставлено на рациональную основу. И выглядел и вел себя словно механизм.

Шесть лет тому назад — ему тогда было двадцать два — он высчитал, что более доходно вести дело на Марсе, где крайне нуждались в ремонте и профилактике разнообразной техники, так как стоимость перевозки новых деталей с Земли была непомерно высока. Старый тостер, безрассудно выкидывавшийся
на Земле, на Марсе подлежал починке. И была симпатична сама идея сохранения вещей. Будучи воспитан в пуританской атмосфере всеобщей бережливости Народного Китая, он не одобрял расточительства. А работая инженером в провинции Хэнань, приобрел необходимый опыт. Таким образом он спокойно и методично подошел к решению, которое большинству людей грозило катастрофическим эмоциональным стрессом. И готовился к расставанию с Землей словно собирался нанести визит дантисту для вставления пары нержавеющих челюстей. Он рассчитал до' последнего доллара сумму накладных расходов при открытии своего дела на Марсе. Предприятие выглядело не слишком прибыльным, зато требовало высокого профессионализма. За шесть лет, начиная с 1988 года, дело настолько разрослось, что в неотложных случаях обращались только к

мастерам его компании — а что нельзя считать неотложным случаем в колонии, которая с трудом выращивает себе редиску и охлаждает мизерные надои молока?

Джек Болен захлопнул дверцу, завел мотор и начал подниматься над зданиями Банчвуд-парка в подернутое дымкой тусклое небо, отправляясь на свой первый вызов.

Вдалеке справа совершал посадку огромный корабль с Земли, опускаясь на широкий базальтовый круг посадочной площадки для пассажирского транспорта. Вскоре к кораблю поспешат автоматы с дистанционным управлением, которые продезинфицируют пассажиров, избавив их от всевозможных вирусов, бактерий, насекомых и приставших семян сорняков; пассажиры выйдут голенькими, словно новорожденные, и пройдут через химические ванны, где им предстоит плескаться в течение восьми часов всевозможных проверок. А когда будет обеспечена безопасность колонии, их выпустят на свободу, чтобы самостоятельно заботиться о собственной жизни. Возможно, некоторых даже отправят назад на Землю — тех, у кого в результате трудного путешествия проявятся генетические дефекты.

Джек подумал, что его отец терпеливо перенесет иммиграционную процедуру. «Так нужно, мальчик, — скажет он. — Так
необходимо».
Задумчивый старик с сигарой во рту... философ, все образование которого свелось к семи классам нью-йоркской общеобразовательной школы, да еще в самый тяжелый ее период. Каким-то образом отец всегда чувствовал, как надо себя вести, причем не в социальном плане, а в более глубоких, неизменных отношениях. «Он приспособится к этой жизни, — решил Джек. — Даже за короткое посещение он акклиматизируется лучше, чем мы с Сильвией. Почти как Дэвид...»

Они подружатся, дед и внук. Оба умные и практичные и в то же время неуемные романтики — чем еще объяснить неожиданное желание отца купить землю где-то в горах Франклина Рузвельта? Это была последняя вспышка надежды, вечно питавшей отца: земля, продающаяся почти за бесценок, не имеющая покупателей, на границе обитаемых областей Марса.

Внизу Джек заметил канал имени сенатора Тафта и выровнял вертолет по нему. Канал

приведет его к молочной ферме Мак-Олифа с тысячами акров засохшей травы и когда-то призовым стадом джерсиек, теперь лишь отдаленно напоминавших своих предков. Таков был обитаемый Марс — паутина расходящихся и пересекающихся каналов, которые едва поддерживали жизнь, не более того. Канал сенатора Тафта, оказавшийся непосредственно под вертолетом, являл собой отвратительную зелень: здесь воду еще не отфильтровали и не пропустили сквозь шлюзы, она содержала в себе все вековые наносы — донный ил, песок и грязь, делавшие ее непригодной для питья. Одному Господу известно, какие щелочи поглощает здешнее население. Однако оно продолжало жить. Эта желто-коричневая мутная жижа не смогла погубить их. А к западу лежат земли, все еще ожидавшие, когда наука человечества явит им свое чудо.

Археологические экспедиции, прибывшие на Марс в начале 70-х, бойко рисовали этапы отступления старой цивилизации, которую должно было заменить человечество. Она так и не сумела как следует освоить пустыню. Вероятно, подобно земной цивилизации Тигра и Евфрата, аборигены жались к источникам

орошения. Даже в пору своего расцвета старая марсианская культура занимала лишь пятую часть планеты, предоставив остальным землям пребывать в первозданном состоянии. Например, дом Джека Болена, находившийся невдалеке от слияния каналов Уильяма Батлера Йитса и Геродота, стоял почти на границе земель, которые культивировались в течение последних пяти тысяч лет. Болены считались недавно прибывшими, хотя одиннадцать лет назад никто не предполагал, что эмиграция так резко прекратится.

В радиопередатчике зазвучали шумы, которые внезапно прервал металлический голос И:

— Джек, у меня есть для тебя дополнительный вызов. Представитель Объединенных Наций сообщил о неполадках в общеобразовательной школе, а собственного мастера у них сейчас под рукой нет.

Джек взял микрофон:

— Простите, мистер И, мне кажется, я уже говорил вам — моя квалификация не распространяется на школьные приборы. Лучше попросите заняться этим Боба или Пита. («Я-то точно знаю, что говорил», — добавил он про себя.)

Но логика шефа оставалась непробиваемой:

— Это необходимо, и мы не можем отказываться, Джек. Мы никогда не отказывались от ремонтных работ. У тебя неправильное отношение к делу. Я вынужден настаивать, чтобы ты принял вызов. При первой возможности я пошлю к тебе в школу еще одного мастера. Спасибо, Джек. — И повесил трубку.

«И вам спасибо», — ядовито заметил Джек Болен про себя.

Теперь внизу показалось второе поселение — Льюистаун, столица союза водопроводчиков колонии. Организованный на планете одним из первых, союз объединял ремонтных рабочих. И не имел к нему никакого отношения. Если работа у И станет совсем уж невыносимой, Джек Болен всегда может перебраться в Льюистаун, вступить в союз и работать, получая даже еще большую зарплату. Однако ему не по душе были последние политические события в союзе водопроводчиков. Арни Котта избрали президентом местного отделения работников водного хозяйства только в результате очень своеобразной предвыборной кампании с явными нарушениями при голосовании. И установленный им режим не вызывал у Джека никакого желания

становиться его подчиненным: то, что он видел, сильно напоминало тиранию раннего средневековья с оттенком семейственности. Тем не менее с экономической точки зрения колония процветала. В ней осуществлялась передовая программа общественных работ, а налоговая политика позволяла собрать огромную сумму наличных средств. Колония была не только богата, но и могла обеспечить приличной работой всех своих обитателей. За исключением израильского поселения на севере, она являлась самой жизнеспособной на всей планете. Главным козырем израильтян были ударные сионистские бригады, которые расселялись в пустыни для осуществления всевозможных проектов — от выращивания апельсинов до очистки химических удобрений. Новый Израиль в одиночку поднял чуть ли не треть пустынных земель. Более того, это было единственное марсианское поселение, в любых количествах экспортирующее свою продукцию на Землю.

Столица водопроводчиков — Льюистаун — пропала из виду, внизу проплыл памятник Алджеру Хиссу — первому мученику Объединенных Наций,

и снова началась пустыня. Джек откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Из-за настырных подгоняний И он забыл взять термос с кофе, отсутствие которого теперь очень угнетало. Глаза у Джека слипались. «Им не заставить меня работать в школе, — заметил он про себя; впрочем, в этом замечании было больше злости, чем убеждения. — Брошу все». Но он знал, что не бросит. Он отправится в школу, повозится там около часа, делая вид, что занят починкой, а потом приедет Боб и все сделает. Репутация фирмы будет спасена, и все будут довольны, включая И.

Джеку доводилось несколько раз бывать в школе с сыном. Но это было совсем другое. Дэвид учился лучше всех в классе, занимаясь с самыми совершенными обучающими машинами. Он засиживался допоздна, выполняя почти всю университетскую программу, которой так гордились Объединенные Нации... Джек взглянул на часы — десять утра. Сейчас, как он помнил из своих посещений и рассказов Дэвида, тот занимается с Аристотелем, изучая основы философии, логики, грамматики, поэтики и архаической физики. Из всех обучающих машин Дэвид, похоже, больше всего получал

от Аристотеля, что радовало — многие дети предпочитали
более лихих преподавателей: сэра Фрэнсиса Дрейка (английская история и основы мужской вежливости) или Авраама Линкольна (история Соединенных Штатов, основы современного ведения войны и государства), а иногда и таких мрачных персонажей, как Юлий Цезарь и Уинстон Черчилль. Сам Джек родился слишком рано, чтобы воспользоваться преимуществами нынешней системы автоматического обучения, мальчиком ему приходилось сидеть в одном классе с шестьюдесятью ребятами, а в старших классах — и в тысячной аудитории, слушая преподавателя, выступавшего на телеэкране. Однако, если бы ему довелось попасть в современную школу, он быстро бы выбрал себе любимого учителя: при посещении школы с Дэвидом, в первый же родительский день, он увидел обучающую машину Томас Эдисон, и больше ему уже ничего не требовалось. Дэвид потратил почти целый час, пытаясь оттащить отца от машины.

Внизу, под вертолетом, пустыня уступала место прериям, поросшим редкой травой. Ограда из колючей проволоки отмечала

владения Мак-Олифа и одновременно область, находящуюся под управлением Техаса. Отец Мак-Олифа был техасским нефтяным миллионером и финансировал полеты на Марс собственных кораблей; он обскакал даже союз водопроводчиков.

Джек вынул изо рта сигарету и начал опускаться, пытаясь отыскать в слепящих солнечных лучах здания фермы.

Небольшое стадо коров шарахнулось от шума вертолета и галопом бросилось врассыпную. Лучше бы Мак-Олиф — низкорослый мрачный ирландец — не заметил этого. Мак-Олиф не без оснований нервничал по поводу своих коров: ему казалось, что весь уклад марсианской жизни направлен против них, что все заставляет их худеть, болеть и уменьшать надои.

Джек включил передатчик и произнес в микрофон:

— Это мастер из компании И, Джек Болен по вашему вызову. Прошу посадки.

Он подождал, пока с ранчо не донесся ответ:

— О'кей, Болен, площадка готова. Конечно, бессмысленно спрашивать, что вас так задержало, — сварливо добавил Мак-Олиф.

— Сейчас буду, — скорчив гримасу, откликнулся

Джек. Он уже различал впереди здания, белевшие на фоне песка.

— У нас здесь пятнадцать тысяч галлонов молока, — продолжал Мак-Олиф. — Если вы в ближайшее время не почините этот чертов холодильник, все испортится.

— Мигом сделаем. — Джек зажал уши большими пальцами и скорчил рожу громкоговорителю.

ГЛАВА 2

Бывший водопроводчик, президент марсианского союза работников водоснабжения Арни Котт поднялся с постели в десять утра и сразу же по обыкновению направился в парилку:

— Привет, Гус.

— Привет, Арни.

Его все называли по имени, и правильно. Арни Котт кивнул Биллу, Эдди и Тому, когда они поздоровались с ним. Пар оседал у его ног, стекал по изразцам, и влага выводилась наружу. Эта мелочь доставляла ему удовольствие: обычные ванны конструировались таким образом, чтобы воспрепятствовать утечке воды. У него же вода вытекала в раскаленный песок и исчезала навсегда. Кто еще мог себе позволить такое? «Хотелось бы мне посмотреть, кто из этих богатых евреев в Новом Иерусалиме имеет такие парилки», — ухмылялся он про себя.

Встав под душ, Арни Котт обратился к приятелям:

— До меня дошел слушок, который нужно как можно скорее проверить. Знаете картель

португальцев из Калифорнии, которые приобрели горный кряж Франклина Рузвельта и пытались там добывать железную руду, но содержание ее оказалось слишком невысоким по сравнению с затратами? Я слышал, они продали свои участки.

— Да, мы тоже слышали, — закивали присутствующие. — Интересно, сколько они на этом потеряли. Наверно страшные деньги.

— Нет, — возразил Арни, — говорят, они нашли покупателя, готового с лихвой возместить все убытки, так что они останутся даже в прибыли. Хотел бы я знать, что за сумасшедший покупает эту землю! У меня ведь есть кое-какие права на добычу минералов. Узнайте, кто купил землю и что там замышляется.

— Да, хорошо бы выяснить. — Все снова покивали, только Фред, выйдя из-под душа, заметил:

— Я узнаю, Арни, — и добавил, не оборачиваясь: — Займусь этим прямо сейчас.

Арни старательно намылился и обратился к оставшимся:

— Должен же я защищать свои права на добычу минералов! Я не потерплю, чтобы сюда явился какой-нибудь бездельник с Земли

и начал превращать эти горы, например, в национальный парк для пикников. Я говорю вам только то, что слышал. Мне известно, что около недели назад туда ездила группа коммунистических начальников из России и Венгрии — приглядывались. Вы думаете, проиграв в прошлом году, они сдались? Как бы не так! У них мозги как у насекомых, и как насекомые они всегда возвращаются к одному и тому же. Красным не терпится устроить коммунизм на Марсе; они там на Земле спят и видят это. Не удивлюсь, если выяснится, что португальцы из Калифорнии продали землю коммунистам и в ближайшем будущем они переименуют горы Франклина Рузвельта в горы Иосифа Сталина.

Все понимающе рассмеялись.

— А теперь меня ждут дела, — заключил Арни Котт, смывая мыльную пену под яростными струями горячей воды. — Надеюсь, остальное вы раскопаете сами. Например я тут ездил на восток, где у нас идет эксперимент с дынями. Похоже, нам удалось внедрить новоанглийский сорт и приспособить его к здешним условиям. Я-то знаю, как все любят кусочек мускус

ной дыни на завтрак.

— Верно, Арни, — согласились все.

— Но в голове у меня не только дыни. На днях нас посетили представители Объединенных Наций с протестом против нашего отношения к черномазым. Или мне не следует так говорить; наверное, я должен называть их, как эти ребята из Объединенных Наций — «остаточное местное население» или попросту — бликмены. Имелось в виду наше решение оплачивать труд занятых на шахтах бликменов ниже установленного уровня, я имею в виду — ниже минимальной ставки. Потому что даже эти ангелы из Объединенных Наций не могут всерьез рассчитывать, что мы станем платить им целую ставку. Как бы там ни было, перед нами стоит проблема: с одной стороны, мы не можем платить бликменам минимальную ставку, потому что они работают настолько плохо, что мы разоримся, а с другой — мы вынуждены использовать их в шахтах, потому что никто другой там дышать не может. Нам не по карману специальное оборудование в достаточных количествах. Кто-то Дома здорово наживается на кислородных баллонах, компрессорах и прочем. Это настоящий рэкет, и мы не дадим обвести себя вокруг пальца.

Все мрачно молчали.

— Ну так вот, нельзя позволить бюрократам из

Объединенных Наций диктовать нам, как нам жить в нашем поселении, — продолжил Арни. — Мы начали здесь трудиться еще до того, как они вкопали свой флаг в песок; у нас уже были дома, а им еще и писать было некуда.

— Верно, Арни, — закивали ребята.

— И тем не менее беда в том, что эти фрукты из Объединенных Наций контролируют каналы, а нам тоже нужна вода: она нужна нам для транспортировки грузов, как источник энергии, нужна для питья и для такого вот купания. Я хочу сказать, что эти гады в любой момент могут перекрыть воду; так что мы у них в руках.

Он вышел из-под душа и прошлепал по теплым влажным изразцам за полотенцем, которое наготове держал служитель. От мыслей об Объединенных
Нациях у Арни заболел живот, а с левой стороны заныла старая язва двенадцатиперстной кишки. «Лучше позавтракать», — подумал он.

Служитель помог ему облачиться в серые фланелевые брюки, футболку, ботинки из мягкой кожи и военно-морскую кепи. Арни вышел из парилки, пересек коридор и вошел в свою столовую, где Гелио, повар из бликменов, уже приготовил завтрак. Не раздумывая он сел за

стол, на котором ждали горячие

лепешки, бекон, кофе, стакан апельсинового сока и воскресный номер нью-йоркской «Таймс» за предыдущую неделю.

— Доброе утро, мистер Котт, — выглянула из приемной секретарша в ответ на нажатие кнопки — он еще не видел эту девушку.

«Не слишком симпатичная», — решил Арни, бросив на нее оценивающий взгляд, и вернулся к газете. К тому же еще и называет его «мистер Котт».

Он отхлебнул сок и прочитал статью о гибели межпланетного корабля с тремя сотнями пассажиров на борту, принадлежавшего японскому коммерсанту и транспортировавшего велосипеды. Это рассмешило его. Велосипеды в космическом пространстве, и все погибли. Жаль, на планете с такой маленькой массой, как Марс, где нет никаких источников энергии, если не считать систему грязных каналов, и где даже керосин стоит целое состояние, велосипеды представляли бы существенную экономическую ценность. Можно было бы совершенно бесплатно путешествовать на сотни миль, даже через пустыню. Единственные, кто мог себе позволить турбинный транспорт, работающий на керосине,

это жизненно важные службы: монтеры, команды технического обслуживания, ну и, конечно, официальные представители, такие как он сам. Разумеется, существовал и общественный транспорт — трассы гусеничных автобусов соединяли одно поселение с другим. Но автобусы ходили нерегулярно и зависели от доставки топлива с Земли. К тому же, что касается лично Арни, они вызывали у него приступы клаустрофобии — так медленно передвигались.

Чтение «Таймс» напомнило Арни Дом, и ему не надолго показалось, что он снова на Земле, в Южной Пасадене: его семья подписывалась на «Таймс», и он вспомнил, как мальчиком носил газету из почтового ящика, висевшего на улице, усаженной абрикосовыми деревьями. Теплая пыльная улочка, вдоль которой стояли аккуратные
одноэтажные домики с припаркованными машинами и еженедельно подстригавшимися газонами. Именно этих газонов ему и недоставало — с тачками удобрений, семенами, садовыми ножницами и сетчатой оградой для домашней птицы по ранней весне... и все лето напролет работающими разбрызгивателями, насколько это допускалось законом. На Земле тоже недостаток

воды. Как-то его дядю Пола даже оштрафовали за то, что тот мыл машину в день экономии воды.

Дальше в газете встретилась статья о приеме в Белом доме в честь миссис Лизнер, осуществившей восемь тысяч терапевти

ческих абортов в качестве представителя агентства по контролю за рождаемостью и давшей тем самым пример всему женскому населению Америки. «Что-то вроде медсестры, — решил Арни Котт. — Благородное занятие для женщин».

Он перевернул страницу.

Там крупным шрифтом на четверть страницы сияло приглашение эмигрировать на Марс, которое он сам помогал составлять. Арни откинулся на спинку кресла и сложил газету, испытывая истинную гордость, — на его взгляд, приложение выглядело прекрасно. Оно несомненно должно привлечь людей, если у тех еще осталась доля здравого смысла и искренняя страсть к приключениям, как говорилось в газете.

В приложении перечислялись все профессии, требующиеся на Марсе. Список был довольно длинным, отсутствовали там разве что проктологи да специалисты по разведению

канареек. Там указывалось также, насколько сложно получить работу на Земле лицу даже с магистерской степенью, в то время как на Марсе хватало высокооплачиваемых должностей и для бакалавров.

«Это должно пронять их», — подумал Арни. Он сам эмигрировал из-за своей бакалаврской степени. На Земле для него было все закрыто, поэтому он прилетел на Марс в качестве простого водопроводчика, а теперь, по прошествии нескольких лет, посмотрите, чего он достиг. На Земле водопроводчик-бакалавр мог рассчитывать только на уборку дохлой саранчи в Африке в составе американских рабочих бригад. Кстати, его брат Фил этим и занимался в настоящее время: он закончил Калифорнийский университет, но так и не смог найти работу лаборанта по анализу качества молока. Одновременно с ним университет выпустил еще сотню таких специалистов, и кому они нужны? На Земле для них работы, не осталось. «Летите на Марс, — заключил про себя Арни. — Здесь мы найдем вам применение. Стоит лишь поглядеть на дохлых коров с молочных ферм за городом. Вот пусть и тестируют им молоко».

Но приложение хитро умалчивало, что на

самом деле эмигрантам на Марс ничего не гарантировалось, даже возможность вернуться домой, так как полеты на Землю стоили гораздо дороже из-за неадекватных возможностей взлетных площадок. И уж конечно, никому ничего не гарантировалось с точки зрения занятости. А виноваты в этом крупные державы на Земле, такие как Китай, Соединенные Штаты, Россия и Западная Германия, которые, вместо того чтобы поддерживать планомерное развитие планет, занялись дальнейшими исследованиями. Они тратили время, мозги и деньги на звездные проекты, например, на полет к Центавре уже потрачены миллиарды долларов и человеко-часов. Арни Котт не видел никакого смысла в этих звездных проектах. Кто захочет четыре года лететь в другую систему, где и планет-то, наверное, нет?

Но в то же время Арни боялся, как бы космическая политика крупных земных держав не изменилась. Что, если в одно прекрасное утро они проснутся и пересмотрят свое отношение к колониям на Марсе и Венере? Что, если они отдадут себе отчет в их слаборазвитости и решат что-нибудь предпринять? Другими словами, что будет с Арни Коттом, если великие державы

образумятся? Тут есть над чем поразмыслить.

Впрочем, великие державы не проявляли признаков разумности. Они все еще были одержимы соперничеством и сейчас, к облегчению Арни, продолжали борьбу между собой на расстоянии двух световых лет от Марса.

Перелистывая газету, он наткнулся на небольшую заметку о женской организации в Берне, Щвейцария, которая в очередной раз выражала беспокойство по поводу колонизации.

Колониальный Комитет Безопасности встревожен состоянием посадочных площадок на Марсе.

В петиции, адресованной Колониальному департаменту Объединенных Наций, дамы снова высказывали свою обеспокоенность тем, что посадочные площадки на Марсе, на которые прибывали корабли с Земли, слишком удалены от мест поселений и системы водоснабжения. Иногда пассажирам, включая женщин, детей и стариков, приходится преодолевать сотни миль по пустынной местности. Колониальный Комитет Безопасности просил Объединенные Нации издать постановление, обязывающее корабли совершать посадку лишь на космодромы, находящиеся в радиусе двадцати пяти миль от

главного канала.

«Заботливые наши», — подумал Арни Котт, прочитав заметку. Вероятнее всего, никто из них никогда не покидал Землю: они узнали об этом из какого-нибудь письма, от какой-нибудь престарелой тети, живущей здесь на пенсию на бесплатных землях Объединенных Наций. Ну и, конечно, их сведения черпались у постоянного члена организации, обитательницы Марса, некоей миссис Энн Эстергази: она распространяла ксерокопии этого письма среди общественно активных дам в разных поселениях. Арни получал и читал ее информационный бюллетень «Заметки ревизора», название которого неизменно вызывало у него смех. Смешили его и вставки, состоявшие из одной-двух строк и публиковавшиеся между статьями:

Боритесь за высокое качество очистки питьевой воды! Общение с церковнослужителями гарантирует такую степень фильтрации, которой можно гордиться!

Суть некоторых статей «Заметок ревизора» Арни и вовсе не понимал — на таком странном жаргоне они были написаны. Однако совершенно очевидно, что этот бюллетень имел широкую аудиторию сторонниц, которые все серьезно

принимали к сердцу и предпринимали требующиеся от них акции. Можно было не сомневаться, что в настоящее время они присоединились к жалобам Колониального Комитета Безопасности на опасную отдаленность посадочных площадок на Марсе от источников воды и человеческих поселений. Они выполняли свою роль в очередной великой битве, и на этот раз Арни Котт был вполне доволен, так как из двадцати с небольшим посадочных площадок на Марсе лишь одна располагалась в двадцати пяти милях от главного канала и обслуживала она именно его поселение. Если каким-нибудь образом настойчивость Колониального Комитета увенчается успехом, все прибывающие с Земли пассажирские корабли станут совершать посадку у Арни Котта, и таможенные сборы будут поступать в его поселение.

То, что миссис Эстергази со своим бюллетенем и организацией на Земле боролась за экономически выгодное для Арни дело, было далеко не случайным. Энн Эстергази являлась бывшей женой Арни. Они и сейчас сохраняли дружеские отношения, совместно владея целым рядом предприятий, основанных или приобретенных ими за время брака. Они сотрудничали на

самых разных уровнях, несмотря на то что в личных отношениях никогда не могли найти общего языка. Арни считал ее агрессивной, властной и мужеподобной. Высокая и худая, она ходила широкими шагами в туфлях на низком каблуке, носила твидовый пиджак, темные очки и огромную кожаную сумку на ремне. Однако она была умна, интеллигентна и обладала прирожденными организаторскими способностями. Так что в деловой сфере Арни прекрасно с ней ладил.

То, что Энн Эстергази была его женой и они до сих пор сохраняли финансовые связи, не предавалось широкой огласке. Когда ему требовалось связаться с ней, он не пользовался услугами своих стенографисток. Вместо этого он наговаривал сообщение на диктофон, хранившийся у него в столе, и отправлял кассету с пленкой со специальным посыльным. Посыльный доставлял кассету в художественный магазин, который принадлежал Энн в Израильском поселении, а ее ответ, если в нем была необходимость, оставлялся в офисе цементно

го завода, которым владел зять Арни — Эд Рокингхэм, муж его сестры.

Год назад, когда Эд выстроил дом для себя,

Патриции и своих троих детей, он приобрел бесценное сокровище — собственный канал. Грубо нарушив закон, он вырыл канал для себя и теперь забирал воду из общественной сети. Даже Арни это привело в ярость. Но в то время иск не предъявили, и теперь канал, скромно названный в честь старшего сына Эда, катил свои воды на восемьдесят миль в открытую пустыню, так что Пат Рокингхэм могла позволить себе жить в прелестном уголке со своим газоном, бассейном и хорошо орошаемым цветником. В основном она выращивала большие кусты камелий, которые лишь ей удалось успешно культивировать на Марсе. Обрызгиватели вращались и поливали камелии целыми днями напролет, не давая им засохнуть и погибнуть.

Двенадцать огромных камелий, прямой вызов Арни Котту! У него были не слишком хорошие отношения с сестрой и Эдом. «И зачем они явились на Марс? — недоумевал он. — Чтобы тратить то, на что здесь идут неимоверные средства и усилия. Но для этого можно было оставаться и на Земле». Ему это представлялось абсурдным. Для Арни Марс был неизведанным местом, символизировавшим новый образ жизни. Вместе с другими поселенцами, и взрослыми и детьми,

ему пришлось в процессе адаптации к новой жизни ежеминутно приспосабливаться к новым условиям, так что теперь они превратились в совершенно новых существ. И дети их, рожденные на Марсе, тоже были особенными, странными и в некоторых отношениях загадочными даже для собственных родителей. Двое его сыновей — его и Энн — сейчас жили в лагере, в пригороде Льюистауна. И когда он навещал их, ему не удавалось найти с ними общий язык: парни смотрели на отца пустыми глазами, словно ожидая, когда же наконец он уедет. Насколько мог судить Арни, мальчики были абсолютно лишены чувства юмора. И тем не менее они тонко чувствовали: могли бесконечно говорить о животных, растениях, пейзаже. У обоих были свои любимцы — марсианские существа, которые приводили Арни в ужас: огромные насекомые вроде богомолов, но размером с осла. Чертовы твари назывались боксерами, так как частенько становились на задние лапы и принимались колотить друг друга в ритуальной битве, которая порой заканчивалась смертью и пожиранием побежденного. Но Берт и Нед выдрессировали своих боксеров, чтобы те не слишком усердствовали и не съедали друг друга.

И эти твари превратились в их друзей: дети на

Марсе чувствовали себя одиноко, отчасти потому, что их было еще очень мало, а отчасти... Впрочем, Арни не знал почему. В огромных детских глазах прятался страх, словно им чего-то не хватало. Они становились замкнутыми, при каждом удобном случае уходили в пустыню. Назад в поселения они приносили совершенно бесполезные вещи — кости и остатки старой марсианской цивилизации. Совершая полеты на вертолете, Арни иногда видел сверху фигурки детей: они углублялись в пустыню и копались в песке, будто стремясь вскрыть поверхность Марса и уйти вглубь...

Арни открыл нижний ящик стола, достал маленький диктофон и нажал кнопку записи.

— Энн, нам надо встретиться и поговорить, — начал он. — В комитете слишком много женщин, и он неправильно действует. Например, в последнем приложении к «Таймс» меня встревожило...

Он умолк, так как лента в диктофоне со скрипом остановилась. Арни поковырялся в нем — пленка медленно двинулась и снова замерла.

«Я-то считал, что все отрегулировано, — раздраженно подумал Арни. — Неужели эти

бездельники ничего не могут наладить? Неужели придется идти на черный рынок и покупать там новый за бешеные деньги?» Он даже вздрогнул от этой мысли.

Не слишком симпатичная секретарша, тихо сидевшая напротив в ожидании поручений, тут же откликнулась и достала карандаш и записную книжку.

— Обычно мне понятно, — принялся диктовать Арни, — как сложно содержать оборудование в рабочем состоянии при почти полном отсутствии запасных частей, учитывая местные климатические условия. И тем не менее я устал от постоянных просьб присылать компетентных мастеров для ремонта жизненно необходимых приборов, таких как, например, мой диктофон. Мне нужно, чтобы он работал, — вот и все. Так что если вы, ребята, не можете обеспечить его работу, я разгоню вас и лишу привилегий заниматься ремонтными работами в нашем поселении и в дальнейшем буду обращаться к сторонним компаниям. — Он кивнул, и девушка перестала писать.

— Отнести диктофон в мастерскую, мистер Котт?

— Нет, — прорычал Арни. — Занимайтесь

своим делом.

Как только она вышла, он снова взял «Таймс» и принялся

читать: Дома, на Земле, приобрести диктофон ничего не стоило; к тому же дома можно было... черт! Нет, вы только посмотрите, что они рекламируют: от старых римских монет до

шуб, походного оборудования, бриллиантов, космических кораблей и яда против сорняков. Господи Иисусе!

Впрочем, сейчас ему требовалось срочно связаться со своей бывшей женой. «Может, просто заскочить к ней? — подумал Арни. — Неплохой повод, чтобы выбраться из офиса».

Взяв телефонную трубку, он распорядился, чтобы на крыше приготовили вертолет, затем покончил с остатками завтрака, торопливо вытер рот и направился к лифту.

— Привет, Арни, — поздоровался с ним симпатичный молодой пилот, выглянув из кабины.

— Привет, сынок, — откликнулся Арни.

Пилот помог ему забраться в специальное кожаное кресло, которое было выполнено по заказу Арни в местной мастерской, занимавшейся обивкой и драпировкой. Пилот занял место

впереди, а Арни удобно откинулся на спинку и, положив ногу на ногу, распорядился:

— Поднимайся, а в воздухе я тебе скажу куда. И не волнуйся, я никуда не тороплюсь. Похоже, сегодня славный денек.

—

Действительно, хороший день, — откликнулся пилот, и лопасти вертолета начали вращаться. — Если не считать той дымки над грядой Франклина Рузвельта.

Не успели они взлететь, как в кабине включился радиопередатчик:

— Срочное сообщение. В открытой пустыне небольшая
группа бликменов, умирающих от голода и жажды.
Местонахождение по гирокомпасу — 4.65003. Всем воздухоплавательным приспособлениям к северу от Льюистауна немедленно направиться по указанным координатам и оказать помощь. Закон Объединенных Наций требует, чтобы откликнулись все коммерческие и частные корабли.

Сообщение было повторено еще раз холодным голосом диктора, говорившего с искусственного спутника Объединенных Наций где-то у них над

головой.

Арни, чувствуя, что пилот меняет направление полета, заметил:

— Лети дальше, мальчик.

— Я вынужден им подчиниться, сэр, — возразил пилот. — Таков закон.

«О Господи!» — с отвращением подумал Арни и отметил про себя, что парня надо уволить или по крайней мере отстранить от полетов, когда они вернутся.

Они летели над пустыней на приличной скорости, быстро приближаясь к месту, указанному в сообщений. «Черномазые

бликмены, — думал про себя Арни. — И мы должны все бросать, чтобы вызволить этих несчастных идиотов, — не могут перейти свою собственную пустыню. А что они тут пять тысяч лет делали без нас?»

Джек Болен уже садился на ферму Мак-Олифа, когда до него донеслось срочное сообщение со спутника Объединенных Наций. Болен неоднократно слышал такие сообщения, и каждый раз они заставляли его вздрагивать.

«...группа бликменов в открытой пустыне... — бесстрастно сообщил передатчик, — погибают от голода и жажды. Всем летательным аппаратам

к северу от Льюистауна...»

«Понял», — проговорил Джек Болен про себя, потом взял микрофон:

— Вертолет компании И поблизости с точкой 4.65003. Буду на месте через две-три минуты.

Он развернул вертолет к югу, прочь от фермы Мак-Олифа, ощутив несказанную радость при мысли о ярости Мак-Олифа, видящего, как он удаляется, и, вероятно, догадывающегося о причине. Меньше всего на свете бликмены были нужны крупным фермерам: обнищавшие кочевники, они то и дело являлись за пищей, водой, медицинской помощью, а то и просто по старинке просили милостыню. Казалось, ничто так не бесило преуспевающих фермеров, как то, что их использовали существа, землю которых они захватили.

Теперь откликнулся еще один вертолет.

— Мои координаты по гирокомпасу 4.78995, — говорил пилот. — Я на окраине Льюистауна. Скоро буду на месте. Имею на борту пищу и пятьдесят галлонов воды. — Сообщив принадлежность своего вертолета, он отключился.

Молочная ферма удалялась, а Джек Болен пристально всматривался в пустынную поверхность» пытаясь разглядеть группу

бликменов. Вот они, точно. Пятеро, в тени небольшой каменистой горки. Не шевелятся. Может, уже умерли? Обнаруживший их спутник Объединенных Наций ничем бликменам помочь не мог. «А мы, которые можем им помочь, — какое нам дело?» — подумал Джек. Так или иначе, бликмены вымирали, а оставшиеся впадали все в большее отчаяние. Объединенные Нации защищали их. «Хоть какая-то защита», — подумал Джек.

Но что можно сделать с вымирающим народом? Эпоха коренного населения Марса закончилась задолго до того, как в 60-х годах в их небе появился первый советский корабль с телекамерами. Никто не пытался аборигенов уничтожить — в этом просто не было необходимости. И все же вначале они вызывали огромное любопытство. Открытие этого народа оправдывало миллиарды долларов, затраченных на посещение Марса. Настоящая внеземная цивилизация!..

Джек приземлился на ровный песок рядом с бликменами, выключил винт, открыл дверь и вышел.

Жаркое утреннее солнце тут же обрушилось на него, пока он шел к неподвижным бликменам. Они были живы: глаза у них были открыты и

смотрели на него.

— Да хлынут дожди от меня на ваши бесценные особы, — произнес он классическое приветствие бликменов на их родном диалекте.

Подойдя ближе, Джек увидел, что группа состоит из двух морщинистых стариков, молодых мужчины и женщины, вероятно мужа и жены, и их ребенка. Очевидно, семья, пустившаяся пешком через пустыню в поисках воды и пищи; может, оазис, где они обитали, высох. Такие вынужденные переходы были типичны для бедственного состояния бликменов. Они лежали, не в силах двинуться дальше, иссохшие до такой степени, что напоминали груду овощной ботвы. В ближайшем будущем они, без сомнения, погибли бы, если бы их не заметил спутник Объединенных Наций.

Молодой бликмен медленно поднялся, преклонил колено и произнес слабым дрожащим голосом:

—

Дожди, пролившиеся от твоего благословенного присутствия, мистер, придают нам силу и возвращают к жизни.

Джек Болен бросил свой термос молодому бликмену, тут же опустившемуся на колени. Тот

отвинтил крышку и передал его неподвижно лежащим старикам. Старуха схватила термос и принялась пить.

Перемены в ней наступили мгновенно. Она на глазах возвращалась к жизни, с лица сходил грязно-серый оттенок смерти.

— Можно нам наполнить скорлупу? — спросил Джека молодой бликмен. На песке лежало несколько яиц пака — бледных пустых скорлупок. В этих сосудах бликмены переносили воду; уровень их технического развития был настолько низок, что у них не имелось даже глиняной посуды. «И тем не менее, — подумал Джек, — их предки создали великую систему каналов».

— Конечно. Сейчас прилетит еще один вертолет с водой. — Он вернулся к вертолету, взял свой ленч и передал его бликмену. — Еда, — объяснил он. Как будто они не знали. Старики уже вскочили на ноги и протягивали к нему руки.

За спиной Джека нарастал рев второго вертолета. Большая двухместная машина наконец опустилась, и вращение лопастей замедлилось.

— Я вам нужен? — крикнул пилот. — Если нет, полечу дальше.

— У меня не хватает для них воды,— ответил

Джек.

— Ладно. — Пилот выключил пропеллер. Соскочив вниз, он вытащил большую пятигаллоновую канистру. — Пусть берут.

Вместе с пилотом Джек наблюдал, как бликмены наполняют свои скорлупы водой. Имущество их было скудным: колчан с отравленными стрелами, по звериной шкуре на каждого, да ступки у женщин — единственная их ценность; женщина без ступки даже не считалась за женщину, в ступках бликмены готовили мясо и растирали зерна — все, что им удавалось добыть. Еще у них было несколько сигарет.

— Моему пассажиру не очень-то по душе такие распоряжения Объединенных Наций, — прошептал молодой пилот Джеку на ухо. — Он просто не понимает, что у них там наверху спутник, который регистрирует всех уклоняющихся от выполнения приказа. И штраф за это придется платить немалый.

Джек обернулся и посмотрел на вертолет. Внутри с самодовольным видом сидел плотный лысый мужчина. На хорошо упитанном лице было написано раздражение, и он не обращал никакого внимания на пятерых бликменов.

— Надо ладить с законом, — оправдывающимся тоном продолжил пилот. — Штраф-то наложат на меня!

Джек подошел к вертолету и обратился к лысому пассажиру:

— Вы разве не чувствуете удовлетворения, что спасли жизни пятерым людям?

— Вы хотели сказать — пятерым черномазым. — Лысый

взглянул на него сверху вниз. — Я не называю это спасением людей. А вы?

— А я называю, — ответил Джек. — И буду называть впредь.

— Ну давай-давай. — Побагровев, лысый бросил взгляд на вертолет Джека и прочел название фирмы, которую тот представлял. — Посмотрим, к чему это тебя приведет.

— Человек, с которым вы разговариваете, — Арни. Арни Котт, — поспешно подойдя к Джеку, зашептал пилот. — Можем лететь дальше, Арни! — крикнул он.

Пилот исчез в кабине, и лопасти винта пришли в движение.

Вертолет поднялся в воздух, оставив Джека наедине с бликменами. Они уже напились и теперь приступили к ленчу, который отдал

им Джек. Пустая канистра валялась в стороне. Яичная скорлупа пака была наполнена доверху. Бликмены даже не взглянули на поднимавшийся вертолет. Впрочем, на Джека они тоже не обращали внимания, что-то бормоча между собой на своем диалекте.

— Куда вы направляетесь? — спросил Джек.

Молодой бликмен назвал оазис, находившийся далеко к югу.

—

И вы надеетесь дойти до него? — поинтересовался Джек, указывая на стариков. — Они дойдут?

— Да, мистер, — ответил молодой бликмен. — Теперь, когда мы получили пищу и воду от вас и другого мистера, мы дойдем.

«Неужели им действительно это под силу? — подумал Джек. — Впрочем, они все равно не признаются, даже если сами понимают, что это невозможно. Расовая гордость».

— Мистер, — продолжил молодой бликмен, — мы хотим сделать вам подарок за то, что вы остановились. — И протянул что-то Джеку.

Пожитки их выглядели настолько бедными, что Джек был уверен — им нечего ему дать. Однако он протянул руку, и молодой бликмен вложил в нее маленький холодный предмет,

что-то сморщенное и сухое, напоминавшее древесный корень.

— Это — водяная ведьма, — заметил бликмен. — Она принесет вам воду, источник жизни, мистер, в любое время, когда понадобится.

— А вам она помогла? — спросил Джек.

— Помогла, мистер, — хитро улыбнулся бликмен. — Она привела вас.

— А что же вы будете делать без нее? — поинтересовался Джек.

— У нас еще есть. Мы сами делаем водяных ведьм, мистер. — Бликмен кивнул на пожилую пару. — Они — не простые люди.

Рассмотрев водяную ведьму повнимательнее, Джек обнаружил у нее лицо и что-то отдаленно напоминающее конечности. Это была мумия какого-то живого существа: он разглядел скрюченные ножки, уши и... вздрогнул. Выражение лица чем-то напоминало человека, на нем застыла маска страдания, словно смерть застала существо, когда оно взывало о помощи.

— А как она действует? — спросил Джек.

— Раньше, когда человеку нужна была вода, он просто мочился на нее, и она оживала. Но теперь мы так не делаем; вы, мистеры, научили нас, что мочиться нехорошо. Так что теперь мы

плюем на нее, и она откликается — открывает глаза, оглядывается, а потом открывает рот и призывает воду. Как призвала вас, мистер, и другого мистера, который сидел там и не вышел, большого мистера без волос на голове.

— Этот мистер — очень важный мистер, — заметил Джек. — Он глава поселения Союза водопроводчиков, ему принадлежит весь Льюистаун.

— Может быть, — откликнулся молодой бликмен. — Тогда мы не станем останавливаться в Льюистауне, потому что поняли: мы не понравились безволосому мистеру. Мы не дали ему водяную ведьму в благодарность за его воду, на самом деле он не хотел нам помочь: сердце его было не с ним, и руки его действовали не по доброй воле.

Джек попрощался с бликменами и вернулся в вертолет. Через мгновение он уже поднимался, а бликмены неторопливо махали ему снизу.

«Отдам водяную ведьму Дэвиду, — решил Джек. — Когда вернусь домой в конце недели. Пусть писает на нее или плюет, пусть делает с ней все что угодно».

ГЛАВА 3

Норберт Стайнер считал себя достаточно независимым
человеком, так как был сам себе начальник. В небольшом металлическом ангаре на окраинах Банчвуд-парка он производил диетическое питание, полностью изготовленное из земных растений и минералов без консервантов, химических препаратов и неорганических добавок. Фирма в Банчвуд-парке упаковывала продукцию в специальные ящики, коробки, бутылки и свертки, после чего Стайнер развозил их по Марсу, доставляя непосредственно покупателям.

Получаемая им прибыль была абсолютно честной, так как конкурентов у него не имелось: на Марсе он один занимался производством диетического питания.

Но, кроме этого, он занимался и побочным бизнесом, импортируя с Земли различные деликатесы для гурманов: трюфели, гусиный паштет, икру, суп из кенгуриных хвостов, датский голубой сыр, копченых кальмаров, перепелиные яйца, ром-бабы. Доставка всего этого на Марс была

запрещена — Объединенные Нации добивались, чтобы колонии перешли на самообеспечение. Эксперты Объединенных Наций утверждали, что транспортировка пищи в космическом пространстве небезопасна из-за вредного проникающего облучения. Но Стайнер знал, что истинная причина запрета связана с опасениями за судьбу колоний в случае военного конфликта на Земле. Поставки продовольствия прекратятся, и если колонии не смогут самостоятельно обеспечить себя, они просто погибнут от голода.

Восхищаясь их аргументацией, Стайнер совершенно не собирался прекращать свою деятельность. Несколько тайком вывезенных банок французских трюфелей не помешают фермерам производить молоко, разводить свиней, бычков и овец и бороться за то, чтобы их угодья приносили хоть какой-нибудь доход. Если в поселениях время от времени будут появляться стеклянные баночки икры по двадцать долларов за штуку, яблони, груши и абрикосовые деревья не прекратят выращивать, и это не повлияет на уход за ними и своевременную поливку.

Сейчас Стайнер находился на своем складе неподалеку от крохотной посадочной площадки в горах Франклина Рузвельта; он сам ее построил —

при помощи бликменов. Стайнер инспектировал партию халвы, прибывшую накануне вечером на автоматическом корабле. Халва прекрасно расходилась, особенно в Новом Израиле, и сейчас, проверяя целость товара, Стайнер прикинул, что сможет запросить за каждую порцию не менее пяти долларов.

Арни Котт в Льюистауне покупал любые сладости,
которые только мог предложить Стайнер, плюс сыры, всяческую консервированную рыбу, не говоря уже о канадском беконе и датской ветчине. Арни Котт вообще был его лучшим покупателем.

На незаконной посадочной площадке, где стоял прибывший накануне корабль, хлопотал техник Стайнера — сам Стайнер ничего не умел делать руками, — готовя его к обратному полету в Манилу. Небольшой — всего двадцать футов в высоту — корабль был сделан в Швейцарии и обладал достаточной надежностью.

В красноватом свете марсианского солнца вершины окружающих гор отбрасывали длинные тени, и Стайнер включил керосиновый обогреватель, чтобы согреть склад. Техник, заметив, что Стайнер выглядывает в окно, кивнул ему, давая понять, что ракету можно загружать.

Стайнер временно оторвался от банок с халвой, взял ручки тележки и принялся проталкивать ее через дверь наружу.

— Боюсь, потянет больше, чем на сотню фунтов, — критически заметил техник при виде груженной коробками тележки.

— Нет, они очень легкие, — откликнулся Стайнер. В них была упакована высушенная трава, которая после обработки на Филиппинах очень напоминала гашиш. Ее смешивали с обычным вирджинским табаком и продавали в Соединенных Штатах за баснословные деньги. Сам Стайнер никогда не пробовал этой смеси — для него физическое и нравственное здоровье были одним целым, он верил в диетическое питание, никогда не пил и не курил.

Ракету загрузили и запечатали, после чего Отто включил часовой механизм автопилота. Через несколько дней Хосе Пескуито разгрузит корабль в Маниле и, ознакомившись со вложенным заказом, начнет собирать товары для обратного путешествия.

— Возьмешь меня с собой обратно? — спросил Отто.

— Сначала я лечу в Новый Израиль, — ответил Стайнер.

— Годится. У меня куча времени.

Некогда

Отто Цитте имел свое дело на черном рынке: он занимался исключительно электронным оборудованием, хрупкими миниатюрными деталями, которые контрабандой перевозили с Земли. А еще раньше пытался импортировать такие дефицитные на черном рынке товары, как пишущие машинки, камеры, магнитофоны, меха и виски, но был изгнан конкурентами. Торговлю этими необходимыми предметами и оптовую продажу их в колонии захватили крупные профессиональные воротилы черного рынка, которые обладали не только огромными капиталами, но и собственной системой транспортировки. Да и все равно душа Отто не лежала к этому делу. Он хотел заниматься ремонтом; для этого и приехал на Марс, не зная еще, что все ремонтное дело монополизировано двумя-тремя фирмами, такими как кампания И, на которую работал сосед Стайнера Джек Болен. Отто прошел профессиональное тестирование, но результаты его оказались недостаточно высокими. Поэтому по прошествии года он начал работать на Стайнера, заодно занимаясь своими операциями по импорту. Положение

достаточно унизительное, но все же освобождало от необходимости заниматься физическим трудом в рабочих бригадах колонии, под палящим солнцем возделывавших пустыню.

— Лично я не переношу этих израильтян, хотя и приходится все время иметь с ними дело, — заметил Стайнер по дороге к складу. — Вся их жизнь в этих бараках какая-то неестественная, и все время они сажают сады, апельсины, лимоны. У них перед нами огромные преимущества: они и на Земле жили почти так же, как мы здесь, — та же пустыня и никаких источников энергии.

— Верно, — откликнулся Отто. Но чего у них не отнимешь, так это умения работать. Они не лентяи.

— И еще они — лицемеры по части еды. Обрати внимание, сколько банок свинины они у меня покупают! Никто из них не соблюдает своих законов!

— Если тебе не нравится, что они покупают у тебя копченых кальмаров, не продавай, — заметил Отто.

— Это их должно волновать, а не меня, — отрезал Стайнер.

Он ехал в Новый Израиль по другой причине, о которой

Отто даже не догадывался. У Стайнера там жил сын — в особом лагере для тех, кто назывался «аномальными детьми». Этот термин относился к любому ребенку, который физически или психологически настолько отклонялся от нормы, что не мог получать образование в Общественной Школе. Сын Стайнера страдал аутизмом, и уже три года с ним в лагере работал воспитатель, пытаясь привить мальчику навыки общечеловеческой культуры.

Рождение аутичного ребенка было особым позором, так как психологи считали, что это состояние вызывалось генетическим дефектом родителей и чаще всего связано с их шизоидным темпераментом. Манфред Стайнер за десять лет своей жизни ни разу не произнес ни слова. Он бегал на цыпочках, избегая людей, словно те были опасными острыми предметами. С физической точки зрения он являлся абсолютно здоровым крупным светловолосым ребенком, и первый год после рождения Стайнеры не могли на него нарадоваться. Однако сейчас даже воспитательница в Бен-Гурионе мало что обещала, а уж тамошние воспитатели всегда были оптимистами — это входит в их профессию.

— Возможно, мне придется провести в Новом

Израиле целый день, — заметил Стайнер, загружая в вертолет банки с халвой. — Надо объехать все их чертовы киббуцы, на это уйдет не один час.

— Почему ты не хочешь взять меня с собой? — вспылил Отто.

Стайнер опустил голову и зашаркал ногой.

— Ты не понял, — с виноватым видом откликнулся он. — Я бы очень хотел, чтобы ты составил мне компанию, но... — На мгновение он даже подумал, не сказать ли. Отто правду. — Я подброшу тебя к автобусному кольцу и высажу тебя там, ладно? — На него навалилась усталость.

Когда он приедет в Бен-Гурион, Манфред будет все в том же состоянии, будет бродить в одиночестве, избегая взглядов, больше похожий на настороженного, подозрительного звереныша, чем на ребенка... Какой смысл в этом визите? И все же он поедет.

Про себя Стайнер во всем винил жену: когда Манфред был совсем маленьким, она почти не разговаривала с ним и не проявляла к нему никаких чувств. По профессии она была химиком, обладала высоко развитым интеллектом и деловыми способностями,

совершенно бесполезными для материнства. Она кормила и купала ребенка с таким видом, словно малыш был лабораторным животным, какой-нибудь белой крысой. Она содержала его в чистоте и заботилась о его питании, но никогда не пела ему, не смеялась вместе с ним, никогда не обращалась к нему на простом человеческом языке. Ничего удивительного, что он стал аутичным. Стайнер мрачнел, размышляя об этом. Вот расплата за женитьбу на женщине с магистерской степенью. Ему вспоминался мальчик Боленов, живших по соседству, как он кричит и играет; стоит лишь взглянуть на Сильвию Болен — она-то прирожденная мать, энергичная, симпатичная женщина и главное — живая. Конечно, она властна и эгоистична... у нее хорошо развито чувство собственности. И все же он восхищался ею. Она не была сентиментальной, в ней чувствовалась сила. Например случай с протечкой в баке, из-за которой они потеряли двухнедельный запас воды! Вспоминая об этом, Стайнер уныло улыбнулся. Сильвия Болен не поверила им даже на мгновение.

— Ладно, высади меня на автобусной остановке, — прервал его размышления Отто.

— Хорошо, — с облегчением ответил Стайнер.

— И тебе не придется терпеть всех этих израильтян.

— Я ничего против них не имею, — взглянул на него Отто, — я тебе уже говорил, Норберт.

Они залезли в вертолет, Стайнер сел за пульт управления и завел мотор. Он не стал отвечать Отто.

Посадив вертолет к северу от Нового Израиля, Стайнер вдруг испытал резкий стыд за то, что плохо отзывался об израильтянах. Весь ею пафос был рассчитан лишь на то, чтобы отговорить Отто ехать с ним, и тем не менее в этом было что-то дурное — это противоречило его искренним чувствам. «А все из-за тою, что мне стыдна, — понял он. — Стыдно за своего дефективною сына в Бен-Гурионе... Какое сильное чувство, этот стыд, он может заставить человека признаться в чем угодно».

Если бы не израильтяне, кто бы заботился о его сыне? На Марсе это было единственное учреждение для аномальных детей в отличие от Земли, где количество их исчислялось десят

ками, да мало ли что еще было на Земле. И стоило пребывание Манфреда в лагере так дешево, что плата эта была чистой формальностью.

Пока Стайнер припарковывал вертолет и

выходил из него, он ощущал, как стыд растет в нем, так что он уже начал опасаться, сможет ли вообще заговорить с израильтянином. Ему казалось, они прочтут его мысли и, не дай Бог, услышат недавно сказанные им слова.

Однако израильский обслуживающий персонал летного поля любезно поздоровался со Стайнером, и его чувство вины начало затихать; похоже, они ничего не поняли. Взяв свои тяжелые чемоданы, он потащил их через поле к посадочной площадке, где стоял гусеничный автобус, доставлявший пассажиров в центральный деловой район.

Стайнер
уже залез в автобус и начал устраиваться поудобнее, как вспомнил, что не купил сыну никакого подарка. Мисс Милх, воспитательница, просила его всегда привозить с собой подарок, что-нибудь, что могло долго храниться и напоминать Манфреду об отце. «Надо купить игрушку или игру», — решил Стайнер. И тут вспомнил, что одна из родительниц, посещавшая своего ребенка в Бен-Гурионе, — хозяйка подарочного магазина в Новом Израиле, миссис Эстергази. Можно зайти к ней. Миссис Эстергази видела Манфреда и вообще разбиралась в аномальных детях. Она сообразит,

что выбрать, и не будет задавать бестактных вопросов типа «сколько лет вашему мальчику?».

Он вышел из автобуса на ближайшей к магазину остановке и зашагал по тротуару, наслаждаясь видом маленьких ухоженных магазинчиков и офисов. Во многих отношениях Новый Израиль напоминал ему Дом, он гораздо больше походил на настоящий город, нежели Банчвуд-парк или Льюистаун. Вокруг спешили прохожие, и Стайнеру нравилась деловая атмосфера Нового Израиля.

На нужном ему магазине висела современная вывеска и, если не считать марсианских растений на подоконнике, его вполне можно было принять за лавочку на окраинах Берлина. Когда он вошел, миссис Эстергази, стоявшая за прилавком, расплылась в улыбке, словно узнав посетителя. Симпатичная респектабельная дама сорока с небольшим лет с темными волосами, неизменно безупречно одетая, интеллигентная и свежо выглядевшая. Всем было известно, что миссис Эстергази принимает активное участие в политических и общественных

делах; она издавала бюллетень и то и дело вступала в какие-нибудь комитеты.

То, что у нее ребенок в Бен-Гурионе, было

тайной. Ребенку исполнилось всего три года, и его неизлечимые физические недостатки были вызваны гамма-облучением, которому он подвергся еще в период внутриутробного развития. Однажды Стайнеру довелось его увидеть; в Бен-Гурионе ему довелось увидеть вообще немало страшных патологий. При первой встрече ребенок Эстергази поразил Стайнера — маленький, сморщенный, с огромными, как у лемура, глазами. Между пальцами располагались перепонки, словно он был создан для жизни в подводном мире. И еще Стайнер не мог отделаться от ощущения, что у малыша на редкость обострены все чувства — он рассматривал незнакомца так пристально, словно мог докопаться до самых глубин его сознания, неведомых даже самому Стайнеру... А выведав все тайны, дитя успокоилось и стало воспринимать Стайнера уже на основе почерпнутых сведений.

Ребенок, как заключил Стайнер, был марсианином, то есть был рожден на Марсе миссис Эстергази от мужчины, который не являлся ее мужем, так как она давно уже была разведена. Об этом он узнал от нее самой — она рассказывала спокойно, без всяких сожалений.

С мужем ей пришлось расстаться несколько лет назад. Так что ребенок в Бен-Гурионе был рожден не в законном браке, но миссис Эстергази, как и большинство современных женщин, не считала это позором. И Стайнер разделял ее мнение.

— Какой у вас прекрасный магазинчик, миссис Эстергази, — заметил он, опуская тяжелые чемоданы.

— Спасибо. — Она вышла из-за прилавка и направилась к нему. — Чем могу быть полезна, мистер Стайнер? Хотите продать мне йогурт или пшеничные колосья молочной спелости? — Ее темные глаза блеснули.

— Мне нужен подарок Манфреду, — ответил Стайнер.

Лицо ее тут же смягчилось, и на нем появилось сочувственное выражение.

— Понимаю. Так-так-так... — Она направилась к одной из полок. — Я недавно заезжала в Бен-Гурион, видела вашего сына. Он не проявляет никакого интереса к музыке? Часто аутичным детям нравится музыка.

— Он любит рисовать. Он все время рисует.

Она взяла в руки маленький деревянный инструмент, похожий на флейту.

— Это сделано здесь, и, кстати, очень хорошо

сделано.

— Да. Я возьму.

— Мисс Милх использует музыку как один из методов установления контакта с аутичными детьми. — Миссис Эстергази повернулась, чтобы упаковать флейту. — Особенно танцы. — Что-то ее тревожило, и наконец она решилась: — Мистер Стайнер, вы знаете, что я постоянно в курсе политических событий Дома. И я... ходит слух, что Объединенные Нации собираются... — Она побледнела и понизила голос. — Мне очень не хочется огорчать вас, мистер Стайнер, но если это правда, а похоже, тут есть доля истины...

— Говорите. — Но он уже пожалел, что зашел. Да, он знал, что миссис Эстергази имела отношение ко всем важным событиям, и уже этого было достаточно, чтобы почувствовать неловкость.

— В Объединенных Нациях сейчас обсуждаются меры по отношению к аномальным детям, — закончила миссис Эстёргази дрожащим голосом. — Они планируют закрыть Бен-Гуриона.

На мгновение он онемел.

— Зачем?..

— Они боятся... ну, не хотят, чтобы на колониальных планетах появлялось то, что они называют «дефективной расой». Они намерены

сохранить расу чистой. Понимаете? Я понимаю, и все же... не могу с этим согласиться. Возможно потому, что там находится мой собственный ребенок. Нет, я не могу с этим согласиться. Дома аномальные дети их не волнуют, потому что они не возлагают на них таких надежд, как на нас. Вы же понимаете смысл их псевдозаботы о нас... Вспомните, что вы ощущали перёд тем, как эмигрировать сюда со своей семьей? Там, на Земле, существование аномальных детей на Марсе воспринимается как один из признаков того, что одна из сложнейших земных проблем перенесена в будущее, потому что мы для них являемся воплощением будущего и...

—

Вы уверены относительно этого законопроекта? — перебил ее Стайнер.

— Да. — Она смотрела на него спокойно, подняв голову. — Если они закроют Бен-Гурион, это будет ужасно, тогда... — Она не договорила, но он прочел в ее взгляде то, что невозможно было выразить словами. Аномальные дети, его сын и ее ребенок будут убиты каким-нибудь научным безболезненным способом. Разве не это она хотела сказать?

— Продолжайте.

— Дети будут усыплены.

— То есть убиты, — чувствуя нарастающее негодование, уточнил Стайнер.

— Боже, как вы можете так говорить, словно вам это безразлично? — в ужасе уставилась на него миссис Эстергази.

— Господи, если в этом есть хоть доля правды... — начал он с горечью. Впрочем, на самом деле он не верил ей. Может, потому, что не хотел верить? Потому что это было слишком ужасно? Нет, потому что он не доверял ее подозрениям, ее чувству реальности. До нее просто дошли истерически искаженные слухи. Возможно, и существовал какой-нибудь законопроект, косвенно имеющий отношение к Бен-Гуриону и содержащимся там детям. Они — и аномальные дети, и их родители — всегда находились под определенной угрозой. В частности, предписывалась обязательная стерилизация и родителей, и их потомства в тех случаях, когда доказано существенное нарушение функции половых органов, особенно в результате превышающего норму гамма-облучения.

— Кто авторы этого проекта в Объединенных Нациях? — спросил Стайнер.

— Считается, что проект принадлежит перу шести членов комитета здравоохранения и

соцобеспечения Метрополии. Вот их имена. — Она принялась писать — Мы бы хотели, чтобы вы написали этим людям и попросили бы кого-нибудь из своих знакомых...

Стайнер едва слушал ее. Заплатив за флейту, он поблагодарил, взял сложенный листок бумаги и вышел из магазина.

Черт побери, и зачем он только зашел сюда! Неужели ей доставляет удовольствие рассказывать эти сказки? Неужели вокруг не хватает неприятностей, чтобы еще усугублять их бабьими россказнями! Да как она при этом еще может заниматься общественными делами?

И в то же время что-то еле слышно подсказывало ему: «Она может оказаться права. Такую возможность исключать нельзя». В смятении и страхе, вцепившись в ручки тяжелых чемоданов, Стайнер спешил в Бен-Гурион к своему сыну, почти не обращая внимания на новые магазинчики.

Войдя в огромный солярий со стеклянным куполом, он сразу увидел молодую светловолосую мисс Милх в рабочем комбинезоне и сандалиях, заляпанных глиной и краской. Брови у нее были беспокойно нахмурены. Тряхнув головой и откинув с лица волосы, она подошла к Стайнеру:

— Привет, мистер Стайнер. Ну и денек у нас сегодня! Двое новеньких, и один из них — сущее наказание.

— Мисс Милх, — начал Стайнер, — я только что разговаривал с миссис Эстергази у нее в магазине...

— Она рассказала вам о предполагающемся законопроекте? — У мисс Милх был усталый вид. — Да, он существует. Энн получает с Земли самые подробные сведения, хотя, как ей это удается, я не знаю. Постарайтесь не проявлять при Манфреде своего волнения, если, конечно, возможно, он и так не в себе из-за этих новичков.

Она направилась из солярия по коридору к игровой комнате, где обычно проводил время его сын, но Стайнер, догнав, остановил ее.

— Что мы можем сделать относительно законопроекта? — Он поставил чемоданы на пол, и в руках у него остался лишь бумажный пакет, в который миссис Эстергази положила флейту.

— Не думаю, чтобы от нас что-нибудь зависело, — откликнулась мисс Милх. Не спеша она подошла к двери и открыла ее. Шум детских голосов оглушил их. — Естественно, руководство Нового Израиля и самого Израиля на Земле вместе с правительствами еще нескольких стран

яростно возражают. Но все держится в тайне, как и само содержание законопроекта, все делается исподтишка, чтобы не вызывать панику. Вопрос слишком щекотливый. И истинное общественное мнение по этому вопросу никому не известно. — Ее усталый срывающийся голос затих, словно больше она не могла говорить. Однако потом мисс Милх будто воспрянула. — Я думаю, самое худшее, что они могут сделать, если закроют Бен-Гурион, так это отправить аномальных детей на Землю; надеюсь, они не дойдут до того, чтобы уничтожать их. — Она ласково похлопала его по плечу.

— В лагеря на Землю, — поспешно повторил за ней Стайнер.

— Пошли, найдем Манфреда, хорошо? По-моему, он знает, что вы должны сегодня приехать: он стоял у окна, хотя, конечно, он часто это делает.

— А вдруг они правы? — к собственному удивлению, неожиданно. вырвалось у Стайнера. — К чему нужны дети, не умеющие разговаривать и жить среди людей?

Мисс Милх ничего не сказала и лишь взглянула на него.

— Он никогда не сможет найти работу, — продолжал Стайнер. — Будет вечной обузой для

общества, точно так же как и сейчас. Разве это не правда?

— Аутичные дети до сих пор ставят нас в тупик, — ответила мисс Милх, — тем, что они из себя представляют, каким образом такими становятся и как вдруг неожиданно, без всяких видимых причин начинают ускоренно интеллектуально развиваться по прошествии многих лет безуспешных попыток добиться от них реакции.

— Боюсь, в здравом рассудке я бы не стал выступать против этого законопроекта, — возразил Стайнер. — После того как первое потрясение миновало. Это целесообразно. Я считаю это целесообразным. — Голос у него дрогнул.

— Ну что ж, хорошо, что вы не сказали это Энн Эстергази, потому что она не оставила бы вас в покое: она бы убеждала вас до тех пор, пока вы не согласились бы с ее точкой зрения. — Воспитательница открыла дверь, ведшую в большую игровую комнату. — Манфред там, в углу.

«Кто бы мог сказать, глядя на него...», — подумал Стайнер, увидев своего сына. Большая голова красивой формы, вьющиеся волосы, приятные

черты лица... Мальчик сидел согнувшись над каким-то предметом, который держал в руках. По-настоящему симпатичный парень с огромными глазами, в которых мелькала то насмешка, то возбужденное веселье. И какая потрясающая координация движений! Как он бегал на цыпочках, словно танцуя под звуки какой-то неслышимой музыки, звучащей у него внутри.

«По сравнению с ним мы неуклюжи, — думал Стайнер. — Тяжеловесны. Ползаем, как улитки, а он танцует и прыгает, словно неподвластен силе притяжения. Может, он состоит из каких-нибудь других, новых атомов?»

— Привет, Манфред, — обратился Стайнер к сыну.

Мальчик не поднял головы и не проявил к нему никакого

интереса, продолжая заниматься со своим предметом.

«Я напишу авторам законопроекта, что у меня содержится ребенок в этом лагере, — подумал Стайнер. — И что я согласен с ними».

Эта мысль испугала его. Она означала убийство Манфреда.

«Эти известия спровоцировали вспышку моей

ненависти К нему. Я понимаю, почему обсуждения ведут в тайне — могу поручиться, такую ненависть испытывают многие. Неосознанно».

— Не будет тебе флейты, Манфред, — проговорил Стайнер. — Почему я должен дарить ее тебе? Тебя хоть на йоту она интересует? Нисколько. — Мальчик не проявлял никаких признаков того, что слышит отца. — Ничто, — добавил Стайнер. — Пустота.

Сзади подошел высокий и стройный доктор Глоб в белом халате. Стайнер вздрогнул, внезапно ощутив его присутствие.

— Появилась новая теория аутизма, — проговорил доктор Глоб. — Из Швейцарии. Я хотел обсудить ее с вами, так как она дает нам возможность использовать новые подходы к вашему сыну.

— Сомневаюсь, — ответил Стайнер.

Глоб продолжал, будто не слыша:

— Она предполагает, что у аутичного индивида нарушено чувство времени и внешние события представляются ему в таком ускоренном темпе, что он не может поспеть за ними, то есть правильно воспринять. Точно так же, как если бы мы смотрели телевизионную программу, где предметы мелькают с такой скоростью,

что практически становятся невидимыми, а осмысленная речь превращается в бормотание — понимаете? Полная мешанина. Так вот, новая теория предлагает поместить аутичного ребенка в закрытую комнату и прокручивать ему события на экране в замедленном темпе. И звук, и видеоряд должны быть замедлены до такой степени, что ни вы, ни я даже не сможем различить какого-то движения или вычленить человеческую речь.

— Потрясающе, — устало заметил Стайнер. — В психотерапии все время появляется что-нибудь новенькое, не правда ли?

— Да, — кивнул доктор Глоб. — Особенно из Швейцарии. Швейцарцы обладают удивительной способностью проникать в мировосприятие людей с больной психикой, замкнутых индивидуумов, отрезанных от обычных средств коммуникации, понимаете?

— Понимаю, — ответил Стайнер.

Не переставая кивать, Глоб двинулся дальше и снова остановился, на этот раз рядом с женщиной, которая рассматривала иллюстрированную книжку с маленькой девочкой.

«Последняя надежда перед потопом, — подумал Стайнер. — Интересно, доктор Глоб знает,

что руководство Земли собирается закрыть Бен-Гурион? Или добрый доктор продолжает трудиться в идиотическом неведении... счастливый от своих планов».

Стайнер двинулся за Глобом и дождался, пока в его беседе с матерью девочки не наступила пауза:

— Доктор, я бы хотел продолжить обсуждение с вами этой новой теории.

— Да-да-да, — откликнулся Глоб, извинившись перед женщиной. Он отвел Стайнера в сторону, где они могли побеседовать с глазу на глаз. — Эта концепция движения времени способна открыть путь к душам, стоящим перед неразрешимой проблемой общения с миром, где все происходит с такой неимоверной скоростью, что...

— Предположим, ваша теория верна, — перебил его Стайнер. — Как вы сможете помочь такому индивиду? Вы что, намереваетесь всю жизнь продержать его в закрытой комнате, показывая замедленное кино? По-моему, доктор, вы все здесь играете в какие-то игры. Вы не отдаете себе отчета в реальности. Все вы такие благородные здесь, в Бен-Гурионе, без страха и упрека. Однако внешний мир не таков. Бен-Гурион — убежище великодушных идеалистов, но не

надо обманывать себя. И не надо обманывать пациентов, простите за прямоту. Эта закрытая комната с замедленным кино — символ всего вашего мировоззрения.

Доктор Глоб слушал, кивая, и на лице его появлялось напряженное выражение.

— Нам обещали оборудование, — заметил он, когда Стайнер закончил. — Из «Вестингауза», с Земли. Контакт с окружающими в обществе достигается
прежде всего за счет звука. В «Вестингаузе» разработали для нас звукозаписывающий аппарат, который воспринимает информацию, направленную к психонеустойчивому пациенту — например, к вашему Манфреду. Сообщение записывается на магнитную ленту, тут же воспроизводится в замедленном виде, потом самостирается, и записывается следующая информация. А в результате — непрерывный контакт с внешним миром в собственном временном ритме пациента. А потом мы надеемся получить и видеомагнитофон, который будет постоянно демонстрировать замедленную версию реальности, синхронизированную с аудиоинформацией. Да, нужно признать, не решена проблема осязания. Но я не могу

согласиться
с вами, что все это слишком идеалистично для претворения в жизнь. Вспомните широко распространенную химиотерапию, которая начала использоваться не так давно. Вам известно, что стимулянты ускоряют внутренний ход времени у больных, и те начинают активно воспринимать раздражители, поступающие из окружающей среды. А когда действие лекарства заканчивается и восстанавливается нарушенный обмен веществ, реактивность больных снижается. Так что на этом примере нам удалось многое узнать: мы выяснили, что в основе психозов лежат химические нарушения, а не нарушения психики. Шестьдесят лет ошибочных представлений были сметены одним экспериментом с амиталом натрия...

— Пустые мечты, — перебил его Стайнер. — Вам никогда не удастся установить контакт с моим сыном.

Он повернулся и зашагал прочь от доктора Глоба.

Выйдя из Бен-Гуриона, он сел в автобус и отправился в шикарный ресторан «Рыжая лиса», который всегда закупал у него большие парши товара. Закончив дела с владельцем, Стайнер

остановился в баре выпить пива.

Вот такая идиотическая болтовня доктора Глоба и повинна в том, что они оказались на Марсе. На планете, где стакан пива стоит в два раза дороже, чем стакан виски, потому что в нем содержится больше воды.

Владелец «Рыжей лисы» — толстенький лысый очкарик — тоже устроился рядом со Стайнером:

— Что у тебя такой мрачный вид, Норб?

— Собираются закрыть Бен-Гурион, — ответил Стайнер.

— Ну и хорошо. Зачем нам эти ублюдки на Марсе — они служат плохой рекламой.

— В некотором отношении я согласен с тобой.

— Это как те дети, родившиеся в шестидесятые с тюленьими плавниками из-за того, что их родители пользовались немецким лекарством. Надо было всех их уничтожить. Когда вокруг масса здоровых нормальных детей, зачем тратить время на таких выродков? Если бы у тебя был ребенок с лишней парой рук или вообще без рук, ну ненормальный, неужели ты захотел бы, чтобы он жил с тобой?

— Нет, — откликнулся Стайнер. Он не стал говорить, что брат его жены на Земле был ластоногим: он родился без рук, но научился

пользоваться превосходными протезами, сделанными для него канадской фирмой, которая специализировалась в этой области.

Он ничего не сказал толстому человечку, он пил пиво и смотрел на ряд бутылок перед собой. Ему не нравился этот человек, и он никогда не рассказывал ему о Манфреде. В нем глубоко укоренились предрассудки, и этим он не сильно отличался от других. Так что Стайнер не мог его в чем-либо обвинять, он просто ощутил усталость, и ему не хотелось продолжать обсуждение этой темы.

— Это было только начало, — продолжил владелец ресторана. — Я имею в виду младенцев шестидесятых. А теперь они, наверное, и в Бен-Гурионе — не знаю, я там никогда не был, и ноги моей там не будет.

— Ну как они могут быть в Бен-Гурионе? возразил Стайнер. — Они не относятся к аномалиям; аномалия — это то, что существует в единственном числе.

— Да, я понимаю, — согласился его собеседник. — И все же, если бы их вовремя уничтожили, у нас не было бы таких мест, как Бен-Гурион. Потому что, на мой взгляд, между теми монстрами шестидесятых и всеми уродами, рожденными

как бы от воздействия радиации, существует прямая связь, ведь все зависит от мутации генов, верно? Так что думаю, здесь нацисты были правы. Они еще в тридцатых поняли необходимость вырвать с корнем генетически низшие нации, они знали...

— У меня сын... — начал Стайнер и тут же оборвал себя. Он понял, что проболтался. Толстяк смотрел на него круглыми глазами. — У меня там сын, — наконец продолжил Стайнер, — и значит он для меня ничуть не меньше, чем твой для тебя. Я знаю, что со временем он снова вернется в общество.

— Позволь, я поставлю тебе выпивку, Норберт, — пробормотал толстяк, — чтобы загладить свои слова, то есть я хочу сказать, что очень виноват.

— Если закроют Бен-Гурион, это будет страшное несчастье для всех, у кого там дети. Я не перенесу.

— Понимаю тебя. Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Если ты понимаешь, что я чувствую, значит, ты умнее меня, — заметил Стайнер, — потому что я ничего не могу понять. — Он поставил пустой стакан и слез с табуретки. — Я больше не хочу пить. Прости, мне пора. — И он поднял свои

тяжелые чемоданы.

— Ты так давно бываешь здесь, и мы столько раз говорили об этом лагере, и все это время ты скрывал, что у тебя там сын... Ты был не прав. — Теперь толстяка охватило раздражение.

— Почему не прав?

— Черт, да если бы я знал, то не стал бы говорить такого! Ты безответственный человек, Норберт, ты мог сказать мне, но умышленно промолчал. Мне это не нравится. — Лицо его покраснело от негодования.

Стайнер вышел из бара.

— Сегодня не мой день, — проговорил он вслух. «Со всеми поругался, придется в следующий приезд просить прощения... если следующий приезд вообще будет. Да нет, конечно, я приеду сюда — от этого зависят мои дела. Да и в Бен-Гурион нужно зайти — другого выхода нет».

И вдруг его осенило: проще всего покончить с собой. Эта мысль всплыла в голове в совершенно законченном виде, словно всегда там была, всегда являлась составной его частью. И легко выполнимо — разбить вертолет. «Как я устал быть Норбертом Стайнером. Я не хочу быть Норбертом Стайнером, не хочу быть дельцом черного рынка и никем другим не хочу быть.

Какой смысл продолжать жить? Я ничего не умею делать руками — ни починить, ни сделать ничего не могу, не умею думать, я — простой торговец. Я устал от насмешек жены из-за того, что не могу наладить наш водопровод, я устал от Отто, которого пришлось нанять потому, что я беспомощен даже в собственном бизнесе».

«Да и зачем ждать возвращения в вертолет?» — подумал он. Навстречу ехал огромный автобус с потускневшими от песка боками — он только что пересек пустыню и въезжал со своими пассажирами в Новый Израиль. Стайнер поставил чемоданы и бросился наперерез автобусу по проезжей части.

Автобус загудел, заскрежетали тормоза. Транспорт начал останавливаться, а Стайнер несся вперед, закрыв глаза и опустив голову. И лишь в последний момент, когда из-за оглушительного рева невыносимо заломило уши, он открыл глаза: перед ним мелькнул водитель автобуса, изумленно смотревший на него, затем рулевое колесо и номер на фуражке водителя. А потом...

В солярий Бен-Гуриона до мисс Милх донеслись звуки сирен, и она замерла, оборвав на середине танец Сахарной Головы из балета Чайковского

«Щелкунчик», который играла детям на рояле.

— Пожар! — закричал один из мальчуганов, подбегая к окну. За ним бросились остальные.

— Нет, мисс Милх, это «скорая помощь», — заметил другой, стоя у окна.

Мисс Милх продолжила игру, и дети под звуки музыки вернулись на свои места.

Манфред стоял в стороне, не обращая внимания на музыку, опустив голову; выражение его лица было задумчивым. Когда вой сирен стал особенно громким, он на мгновение поднял голову. Мисс Милх, заметив это, замерла в изумлении и поспешно произнесла про себя молитву. Мальчик слышал! Она с вдохновением доиграла Чайковского несколько громче, чем обычно. Врачи правы — именно через звук возможен контакт с мальчиком.

Манфред медленно подошел к окну и выглянул наружу: он скользил взглядом по зданиям и улицам, лежащим внизу, пытаясь отыскать источник звука.

«Не так уж все безнадежно, — подумала мисс Милх. — Поскорей бы сообщить его отцу. Значит, мы никогда не должны терять надежду».

И она снова заиграла громко и радостно.

ГЛАВА 4

Когда полицейский вертолет опустился перед домом Стайнеров, Дэвид Болен строил дамбу из сырой земли на краю огорода под жарким марсианским солнцем. Мальчик сразу понял: что-то случилось.

Из вертолета вышел полицейский в синей форме и блестящей каске и направился по дорожке к дверям дома Стайнеров. Навстречу ему выбежали две маленькие дочки Стайнеров, и он поздоровался с ними, потом обратился к миссис Стайнер и исчез в доме, закрыв за собой дверь.

Дэвид вскочил на ноги, перепрыгнул канаву, миновал грядки, где миссис Стайнер безуспешно пыталась выращивать анютины глазки, и за углом дома неожиданно наткнулся на одну из дочек Стайнеров: абсолютно бледная, она стояла неподвижно, теребя стебелек травинки. Вид у нее был такой, словно ее вот-вот стошнит.

— Эй, что случилось? — спросил Дэвид. — Зачем к твоей маме приехал полицейский?

Девочка бросила на него испуганный взгляд и убежала.

«Похоже, я знаю, в чем дело, — подумал

Дэвид. — Мистер Стайнер арестован за что-то противозаконное. — Он стал подпрыгивать от возбуждения. — Интересно, что он сделал». Потом повернулся, бросился обратно, еще раз перепрыгнул канаву и наконец распахнул дверь своего дома.

— Мам! — позвал он, перебегая из комнаты в комнату. — Эй, помнишь, вы с папой говорили, что мистер Стайнер нарушает закон, ну, в смысле своих дел? Так знаешь, что случилось?

Но матери нигде не было. «Наверно, ушла в гости», — подумал мальчик. Например, к миссис Хинесси, которая жила к северу по каналу. Его мать часто ходила в гости — пила кофе с соседками и обменивалась сплетнями. «На этот раз они пропускают действительно кое-что стоящее», — решил про себя Дэ

вид и, подбежав к окну, выглянул наружу, чтобы самому что-нибудь не пропустить.

Полицейский с миссис Стайнер уже вышли на улицу и медленно направлялись к вертолету. Миссис Стайнер прижимала к лицу большой носовой платок, а полицейский обнимал ее за плечи, словно был ее родственником или еще кем-нибудь из близких. В полном изумлении Дэвид смотрел, как они залезают в вертолет.

Девочки Стайнеров со странным выражением на лицах стояли в стороне. Полицейский отошел от вертолета и обратился к ним, потом снова двинулся к вертолету и тут заметил Дэвида. Знаками он попросил Дэвида выйти на улицу. Мигая от яркого солнца, мальчик вышел из дома и несмело приблизился к полицейскому, который стоял в своем сверкающем шлеме, в нарукавной повязке и револьвером на боку.

— Как тебя зовут, сынок? — с акцентом спросил полицейский.

— Дэвид Болен. — Колени у Дэвида дрожали.

— Мама или папа дома, Дэвид?

— Нет, я один.

— Когда придут твои родители, попроси их присмотреть за девочками Стайнеров, пока не вернется миссис Стайнер. — Полицейский включил мотор, и лопасти винта начали вращаться. — Не забудешь, Дэвид? Ты все понял?

— Да, сэр, — откликнулся Дэвид, замечая, что повязка у полицейского синего цвета, — это означало, что он швед. Дэвид разбирался во всех опознавательных знаках, которые носили разные службы Объединенных Наций.

«Интересно, какую скорость может развить полицейский вертолет, — начал прикидывать он.

— Похоже на специальную скоростную службу... хорошо бы полетать на таком». Дэвид больше не боялся полицейского и готов был поговорить с ним еще, но вертолет уже оторвался от земли, и вихрь воздуха, поднявший песчаную пыль, заставил Дэвида отвернуться и закрыться рукой.

Четверо девочек стояли молча, сбившись в кучку. Старшая плакала — слезы беззвучно сбегали по ее щекам. Младшая, которой было всего три года, робко улыбалась Дэвиду.

— Хотите помочь мне строить дамбу? — окликнул их Дэвид. — Пошли! Полицейский сказал, что можно.

Подумав, младшая девочка тронулась за ним, ее примеру последовали остальные.

— А что сделал ваш папа? — спросил Дэвид старшую. Она была старше его, ей было уже двенадцать. — Полицейский

сказал, что ты можешь не скрывать, — добавил он для убедительности.

Но девочка ответила ему лишь безразличным взглядом.

— Я никому не стану рассказывать. Честное слово.

Сильвия Болен услышала дневные новости по радио, загорая на увитом плющом патио Джун

Хинесси, где они потягивали с ней холодный чай и сонно беседовали.

—

Послушай, это не ваш сосед? — приподнявшись, поинтересовалась Джун.

— Тс-с-с, — оборвала ее Сильвия, прислушиваясь к диктору. Но, кроме краткой информации, ничего не последовало: Норберт Стайнер, торговец диетическим питанием, покончил жизнь самоубийством на улице Нового Израиля, бросившись под автобус. «Да, тот самый Стайнер, наш сосед», — поняла Сильвия.

— Как ужасно, — садясь и застегивая бретельки своего купальника в горошек, заметила Джун. — Я видела его всего пару раз, но...

— Отвратительный тип, — откликнулась Сильвия. — Ничего удивительного, что он сделал это. — И все же она чувствовала, как ее охватывает ужас. Невозможно поверить!.. — С четырьмя детьми — он оставил ее одну с четырьмя детьми. Разве это не ужасно? Что теперь с ними будет? Они же совершенно беспомощны.

— Я слышала, он вел дела на черном рынке, — заметила Джун. — Ты знала? Может, его вынудили?

— Пойду, пожалуй, домой, наверное, миссис

Стайнер требуется помощь, — сказала Сильвия. — Может, надо присмотреть за детьми.

«Неужели в этом виновата я? — спрашивала она себя. — Неужели он сделал это из-за того, что я отказалась дать им сегодня утром воды? Очень может быть, ведь он еще не уехал на работу и был дома. Так что, возможно, виноваты мы, наше отношение к ним... разве кто-нибудь из нас относился к ним по-настоящему хорошо? Но они всегда так противно скулили, всегда просили помочь, попрошайничали, брали в долг... как можно было их уважать?»

Войдя в дом, Сильвия переоделась в спальне, натянув брюки и футболку. Джун Хинесси последовала за ней.

— Да, ты права, — согласилась Джун, — мы все должны им помочь. Интересно, останутся они здесь или вернутся на Землю. Я бы вернулась. Я и сейчас готова вернуться, здесь так скучно.

Взяв сумку и сигареты, Сильвия попрощалась с Джун и поспешила вдоль канала к своему дому.

Задыхаясь, она примчалась как раз в тот момент, когда на горизонте исчезал полицейский вертолет. «Это они поставили ее в известность». На заднем дворе Дэвид играл с четырьмя девочками.

— Они забрали миссис Стайнер с собой? — крикнула она ему.

Мальчик тут же вскочил на ноги и в возбуждении подбежал к ней.

— Мама, она улетела. А я приглядываю за девочками.

«Этого-то я и боялась», — подумала Сильвия.

Девочки медленно и вяло копались в мокрой жиже, никто из них не поднял глаз и не поздоровался с ней. Они казались пришибленными — несомненно, это было следствием шока, который вызвало известие о смерти их отца. Только младшая проявляла какую-то оживленность, но она, вероятно, и не могла понять, что произошло. «Смерть этого человека уже затронула окружающих, — подумала Сильвия, — и холодок ее распространяется. — Она почувствовала его и в собственном сердце. — А ведь мне он даже не нравился».

Вид четырех девочек поверг ее в дрожь. «Неужели я должна заниматься этими вялыми, толстыми, недоразвитыми детьми?.. Не хочу!» — сметая в сторону все доводы, рвался ответ. Ее охватила паника, так как было очевидно, что

выбора нет; уже сейчас они играли на ее участке, в ее саду — они уже были у нее.

— Миссис Болен, можно мы возьмем еще немного воды для нашей дамбы? — с надеждой спросила младшая.

«Вода, все время вода, — подумала Сильвия. — Все время попрошайничают, словно иначе не могут». Она не ответила и вместо этого обратилась к сыну:

— Пойдем в дом, я хочу поговорить с тобой.

Они вместе вошли в дом.

— Дэвид, по радио сообщили, что их отец погиб. Именно поэтому сюда прилетела полиция и забрала миссис Болен. Нам придется немного помочь. — Сильвия тщетно попыталась улыбнуться. — Как бы плохо мы ни относились к Стайнерам...

— Я хорошо к ним отношусь, мама, — перебил Дэвид. — А почему он погиб? Сердечный приступ? На него напали дикие бликмены?

— Неважно, как это произошло. Сейчас нужно подумать, что мы можем сделать для этих девочек. — В голове было абсолютно пусто, ни единой мысли. Ясно одно: она не хочет видеть этих девочек рядом. — Так что мы должны сделать?

— Организовать им ленч? Они сказали мне, что еще не ели; их мама как раз собиралась готовить.

Сильвия вышла из дома.

— Я собираюсь приготовить ленч, девочки, для тех, кто захочет. У вас дома. — Она немного подождала и направилась к дому Стайнеров. Когда она оглянулась, за ней шла лишь младшая.

— Нет, спасибо, — ответила старшая, давясь слезами.

— Вам всем хорошо бы перекусить, — заметила Сильвия, но в душе ощутила облегчение. — Пойдем, — обратилась она к младшей. — Как тебя зовут?

— Бетти, — робко ответила девочка. — Можно мне бутерброд с яйцом? И какао?

— Посмотрим, что там есть, — откликнулась Сильвия.

Пока девочка ела бутерброд, запивая его какао, Сильвия

воспользовалась возможностью осмотреть дом. В спальне она наткнулась на предмет, очень ее заинтересовавший. Это была фотография мальчика с темными волосами и огромными блестящими глазами. Сильвия подумала, что он похож на какое-то фантастическое существо

из другого мира, божественного, но и более страшного, чем наш.

Принеся фотографию на кухню, она спросила маленькую Бетти, кто этот мальчик.

— Мой брат Манфред, — с набитым ртом ответила Бетти и тут же принялась хихикать. Долетавшие среди этого хихиканья до Сильвии слова дали ей понять, что девочкам не разрешалось рассказывать кому-либо о своем брате.

— А почему он не живет с вами? — мучимая любопытством, поинтересовалась Сильвия.

— Он в лагере, — ответила Бетти. — Потому что не умеет разговаривать.

— Ай-ай-ай, — откликнулась Сильвия и подумала: «Конечно, в лагере, в Новом Израиле. Неудивительно, что девочкам запрещено говорить о нем: он — аномальный ребенок». Это опечалило ее. Трагедия в доме Стайнеров — а она даже не догадывалась. И. именно в Новом Израиле мистер Стайнер покончил жизнь самоубийством. Наверняка он ездил к своему сыну.

«Значит, это не имеет никакого отношения к нам», — решила Сильвия, возвращаясь в спальню, чтобы поставить фотографию на место. Стайнера

вынудили к самоубийству личные причины. Она почувствовала облегчение.

«Странно, — пришло ей в голову, — что когда слышишь о самоубийстве, первая реакция — чувство вины. Если бы я поступила не так, а этак... я бы могла предотвратить это. Я виновата». Но в данном случае все не так, совсем не так: она была совершенно чужой для Стайнеров, не имела никакого отношения к их реальной жизни и только вообразила в невротическом приступе свою вину.

— Так ты никогда не видела своего брата? — спросила она Бетти.

— Кажется, видела в прошлом году, — с сомнением проговорила та. — Он играл в пятнашки с другими большими мальчиками.

В кухню молча вошли три другие девочки и остановились около стола.

— Мы передумали, мы тоже хотим есть, — наконец вырвалось у старшей.

— Хорошо, — откликнулась Сильвия. — Поможете мне почистить яйца. И позовите Дэвида, я покормлю его вместе с вами... Ведь правда, вместе есть веселее?

Они молча кивнули.

Идя по главной улице Нового Израиля, Арни

Котт увидел впереди толпу и сбившиеся к обочине машины и, прежде чем повернуть к магазину Энн Эстергази, остановился. «Что-то произошло. Ограбление? Уличная драка?»

Впрочем,
выяснять времени нет. Он двинулся дальше и вскоре вошел в магазинчик, принадлежащий его бывшей жене.

— Есть кто-нибудь?! — весело крикнул Арни, засунув руки в карманы.

В магазине было пусто. «Наверное, пошла посмотреть на происшествие. Ну и бизнесмен — даже не закрыла магазин».

Не прошло и минуты, как в магазин, задыхаясь, вбежала Энн.

— Арни! — изумленно промолвила она. — О Господи, ты знаешь, что случилось? Я только что разговаривала с ним, только что, не прошло и часа. И вот он мертв. — Слезы подступили к се глазам.

Энн рухнула в кресло, достала бумажную салфетку и высморкалась.

— Просто ужасно, — проговорила она сдавленным голосом. — И это не несчастный случай, он умышленно...

— Так вот в чем дело, — проговорил Арни,

жалея теперь, что не посмотрел. — И кто это?

— Ты не знаешь. У него сын в лагере, там мы и познакомились. — Она вытерла слезы. — Ну, чем я могу тебе помочь? Я рада тебя видеть.

— Мой чертов диктофон сломался, — ответил Арни. — Приличного мастера ведь не найти. Вот и пришлось приехать самому. Позавтракаем вместе? Закрой ненадолго магазин.

— Конечно, — рассеянно ответила она. — Сейчас, только вымою лицо. У меня такое ощущение, что это случилось со мной. Я видела его, Арни. Автобус прямо переехал его — он не мог остановиться... Да, хорошо бы поесть — я хочу уйти отсюда. — И она поспешила в ванную, прикрыв за собой дверь.

Вскоре оба уже шли по тротуару.

— Почему люди кончают жизнь самоубийством? — спрашивала Энн. — Такое ощущения, что я могла бы помешать ему. Утром я продала ему флейту для его мальчика — она лежала рядом на обочине, — он так и не подарил ее. Может, случившееся имеет какое-то отношение к флейте? К флейте или...

— Ну хватит, — оборвал ее Арни. — Ты здесь ни при чем. Если человек собирается покончить жизнь самоубийством, его ничто не остановит. И

заставить человека сделать это ничто не может — это его судьба, рок. Готовность совершить самоубийство зреет долгие годы, а потом ни с того ни с сего — бабах, понимаешь? — Он обнял ее и похлопал по плечу.

Энн кивнула.

— Я хочу только сказать, что ведь у нас тоже ребенок в Бен-Гурионе, но нас это не сломило, — продолжил Арни. — Это ведь еще не конец света, правда? Мы продолжаем жить. Куда ты хочешь пойти завтракать? Как насчет «Рыжей лисы» напротив? Хорошее место? Я бы не отказался от жареных креветок, но, черт, я уже год нигде их не видел. Если не будет решена проблема с транспортировкой, сюда никто не поедет.

— Только не «Рыжая лиса» — запротестовала Энн. — Терпеть не могу ее владельца. Давай попробуем зайти вон туда: этот ресторан только что открылся, и я еще не была в нем. Я слышала, его хвалили.

Пока они сидели в ожидании заказа, Арни продолжал развивать свою точку зрения:

— Когда узнаешь о самоубийстве, по крайней мере в одном можешь быть точно уверен: человек, его совершивший, знал,

что не является полезным членом общества.

В этом-то и заключается истинная причина — в осознании, что ты никому не нужен. Если я в чем и уверен, так именно в этом. Закон природы — она избавляется от ненужных членов их собственными руками. Так что когда я слышу о самоубийстве, меня это нисколько не смущает. Ты не поверишь, сколько так называемых естественных смертей здесь, на Марсе, на самом деле являются самоубийствами. Суровость окружающей среды отсеивает неприспособленных.

Энн Эстергази кивнула, но настроение у нее не улучшилось.

— Этот парень, — продолжила она. — Стайнер...

— Стайнер! — уставился на нее Арни. — Норберт Стайнер, делец черного рынка?

— Он продавал диетические продукты.

— Так вот это кто! — Арни был поражен. — О нет, только не Стайнер.

Господи, все свои товары он получал от Стайнера — он полностью зависел от этого человека.

К столу подошел официант.

— Это ужасно, — промолвил Арни. — Действительно ужасно. Что я буду делать?

Все его вечеринки, все уютные обеды на две персоны, которые он устраивал для себя и какой-нибудь девушки, например Марти, а особенно Дорин... Нет, для одного дня это слишком: сначала диктофон, а теперь еще и Стайнер!

— А ты не думаешь, что это имеет отношение к тому, что он был немцем? — спросила Энн. — Немцы стали такими подавленными после этой чумы, вызванной их лекарствами, после детей, рождавшихся с ластами. Я разговаривала с одним из них, так он прямо сказал, что они считают это божьим наказанием за годы нацизма. И это был не религиозный человек, а бизнесмен здесь, на Марсе.

— Чертов тупица Стайнер! — взорвался Арни. — Кретин!

— Ешь, Арни. — Энн развернула свою салфетку. — Суп выглядит очень аппетитно.

— Я не могу есть. Не желаю есть эти помои. — Он оттолкнул тарелку.

— Ты все еще ведешь себя как большой ребенок, — заметила Энн. — Все так же капризничаешь. — Она говорила мягко и сочувственно.

— Черт побери, да я иногда ощущаю на своих плечах тяжесть всей планеты, а ты называешь меня ребенком! — Он уставился на нее с

нескрываемой яростью.

— Я не знала, что Норберт Стайнер был дельцом черного рынка, — заметила Энн.

— Естественно. Откуда тебе знать, тебе и всем твоим женским комитетам? Что ты вообще знаешь об окружающем мире? Для этого-то я и приехал — я прочитал твое последнее приложение к «Таймс», и меня воротит от него. Прекрати печатать подобную чушь — интеллигентных людей от нее тошнит, она годится только для таких идиоток, как ты.

— Пожалуйста, ешь. И успокойся, — ответила Энн.

— Я собираюсь назначить своего человека, который будет проверять материал, который ты распространяешь. Профессионала.

— Неужели? — спокойно откликнулась она.

— Перед нами стоит настоящая проблема — с Земли перестали приезжать профессионалы, в которых мы действительно нуждаемся. Мы гнием — и все это понимают. Мы распадаемся на части.

— Кто-нибудь займет место мистера Стайнера, — улыбнулась Энн, — есть же на черном рынке другие дельцы.

— Ты сознательно пытаешься представить меня жадным и мелочным, в то время как на

самом деле я — один из самых ответственных участников колонизационного процесса на Марсе, потому-то наш брак и распался — ты специально принижала меня из ревности и соперничества. Не знаю, зачем я сюда приехал, с тобой невозможно разумно разговаривать, тебе обязательно надо во всем переходить на личности!

— Ты слышал о законопроекте Объединенных Наций, предполагающем закрытие Бен-Гуриона? — невозмутимо спросила Энн.

— Нет.

— И тебя не волнует, что Бен-Гурион могут закрыть?

— Черт, мы в силах обеспечить, Сэму индивидуальный уход.

— А как насчет остальных детей?

— Не уходи от темы. Послушай, придется тебе смириться с тем, что ты называешь мужским засильем, и давать редактировать свою писанину моим людям. Честное слово, от тебя больше вреда, чем помощи, — мне очень неприятно говорить тебе такое, но это правда. Враг не напакостит больше, чем ты своим дружеским расположением. Ты — дилетантка! Как большинство женщин. И абсолютно безответственная.

Арни кипел от гнева, но на лице Энн ничего не отражалось — все, что он говорил, не производило на нее никакого впечатления.

— А ты не можешь надавить на кого-нибудь, чтобы Бен-Гурион не закрывали? — спросила она. — Может, мы с тобой заключим сделку. Мне надо, чтобы лагерь сохранился.

— Соглашение, — свирепо поправил Арни.

— Да.

— Хочешь, скажу тебе откровенно?

Энн спокойно кивнула.

— Меня этот лагерь раздражал с самого начала, как только евреи его открыли.

— Да благословит тебя Господь, честный и откровенный
Арни Котт, спаситель человечества.

— Он оповещает весь мир, что у нас тут на Марсе есть свои полудурки, и если вы предпримете космическое путешествие на Марс, очень может быть, ваши половые органы претерпят такие изменения, что вы родите урода, по сравнению с которым немецкие ластоногие покажутся милейшими созданиями.

— Ты такой же, как хозяин «Рыжей лисы».

— Я просто трезвый реалист. Мы здесь боремся за существование: мы должны заставить людей

эмигрировать с Земли, иначе мы пропадем, Энн. И ты сама это знаешь. Если бы у нас не было Бен-Гуриона, мы могли бы аргументировать преимущества жизни на Марсе, показав, что ядерные испытания и зараженность атмосферы на Земле являются единственными причинами рождения аномальных детей. Но Бен-Гурион портит все.

— Не Бен-Гурион, а факт рождения таких детей.

— Если бы не Бен-Гурион...

— И ты бы рекламировал заведомую ложь, убеждал бы людей, что здесь они в большей безопасности?

— Естественно, — кивнул Арни.

— Это аморально.

— Нет. Это ты ведешь себя аморально вместе со всеми твоими женщинами. Настаивая на сохранении Бен-Гуриона, вы...

— Не будем спорить, нам никогда не договориться. Давай поедим, а потом возвращайся в Льюистаун. У меня больше нет сил.

Они завершили трапезу в гробовой тишине.

Доктор
Мильтон Глоб, член общества психиатров Бен-Гуриона,

на ставке Межпланетного Союза водителей, выполнив свои обязанности по лагерю, вернулся в офис, где и сидел теперь в полном одиночестве, держа в руках счет за крышу, починенную месяц назад. Он приостановил работы, так как возникла необходимость в железных сетках для защиты от скапливающегося песка, однако строительный инспектор поселения вынудил его продолжить их. Так что пришлось снова обратиться к кровельщикам, заранее зная, что счет не оплатить. Но выхода не оставалось. Он разорен. Хуже, чем в этом месяце, дела еще не шли никогда.

Если бы только его жена Джин меньше тратила!.. Но это все равно не решение вопроса, выход только в увеличении количества пациентов. Межпланетный Союз водителей ежемесячно выплачивал ему зарплату, но за каждого пациента Мильтон дополнительно получал пятьдесят долларов — это называлось прогрессивной заработной платой. В действительности в ней заключалась разница между долгом и платежеспособностью. Никто бы не мог сводить концы с концами на зарплату психиатра, имея жену и ребенка, а Союз водителей славился своей особенной скупостью.

И все же Глоб продолжал жить в поселении водителей. Это был спокойный город, очень напоминающий земные. Новый Израиль, как и другие национальные поселения, был слишком взбудораженным, взрывоопасным.

К тому же доктор Глоб уже жил однажды в национальной колонии, принадлежащей Объединенной Арабской Республике. Место славилось своей пышной растительностью, которую импортировали с Земли. Но постоянная враждебность поселенцев к обитателям соседних колоний сначала раздражала его, а затем начала и возмущать. Мужчины круглосуточно размышляли о нанесенных им обидах. Самые симпатичные люди предпочитали избегать обсуждения определенных тем. А по ночам эта враждебность приобретала практическое воплощение: национальные колонии жили ночной жизнью.

«Да ну их к черту», — отмахнулся Глоб. Они даром тратят свою жизнь, перенеся с Земли старые распри и забыв высшую цель колонизации. Например в сегодняшней утренней газете он прочел о потасовке на улицах поселения электрорабочих; в сообщении говорилось, что виновны в ней жители соседней

итальянской колонии, поскольку у нескольких нападавших были длинные напомаженные усы, распространенные среди обитателей этого поселения...

Стук в дверь прервал ход его размышлений.

— Да, — откликнулся Глоб, убирая в ящик стола счет за починку крыши.

— Ты готов принять члена союза Перди? — официальным тоном спросила его жена, открывая дверь.

— Пусть войдет. Хотя подожди пару минут, я хочу прочитать его историю болезни.

— Ты завтракал? — спросила Джин.

— Конечно. Как все.

— У тебя усталый вид.

«Это плохо», — подумал Глоб. Он вышел из кабинета в ванную, где тщательно попудрил лицо модной тонировочной пудрой. Это, улучшило его внешний вид, но не состояние духа. Необходимость использовать пудру диктовалась тем, что правящие круги Союза водителей принадлежали к испанской и пуэрториканской национальной группе, и им могло не понравиться, что нанятый ими человек имеет более светлую кожу. Естественно, это не афишировалось, обычно служащим в поселении

указывали, что «марсианский климат вызывает неприглядное посветление кожи и потерю ею естественного оттенка».

Пора было принять пациента.

— Добрый день, уважаемый Перди.

— Здравствуйте, доктор.

— Из вашей истории болезни я выяснил, что вы — пекарь.

— Да, верно.

Пауза.

— В связи с чем вы хотели со мной проконсультироваться?

— Я еще никогда не был у психиатра, — пробормотал Перди, глядя в пол и комкая в руках фуражку.

— Да, я чувствую.

— Эта вечеринка, которую устраивает мой зять... Я не большой любитель вечеринок.

— А вы должны на ней присутствовать? — Глоб спокойно завел часы на столе, и они начали отсчитывать отведенные Перди полчаса.

— Он ее устраивает вроде как для меня. Хочет, чтобы я взял своего племянника в ученики; парню надо в союз, — монотонно бубнил Перди. — Я всю ночь пролежал без сна, прикидывая, как бы мне вывернуться. Вы же понимаете, они мои

родственники, я не могу им прямо отказать. И пойти я к ним не могу — у меня нет на это сил. Потому-то я и обратился к вам.

— Понимаю, — откликнулся Глоб. — Ну а теперь расскажите мне все подробно, где и когда проводится вечеринка, как зовут участников, чтобы я мог по-настоящему помочь вам, отправившись туда.

Перди с облегчением принялся копаться в кармане куртки, пока не извлек аккуратно отпечатанный документ.

— Я вам очень благодарен, доктор, что вы готовы заменить меня. Вы, психиатры, и правда снимаете тяжесть с плеч. Я не шучу, я ведь действительно потерял всякий сон из-за этого. — И он с благоговением уставился на человека, сидящего напротив него, обученного манерам социального поведения, способного маневрировать на извилистом и узком пути межличностных отношений, на котором потерпели поражение столь многие члены союза.

— Можете больше не беспокоиться, — добавил Глоб.

«Ибо, в конце концов, что такое шизоидный радикал? —

добавил он про себя. — А именно он повинен в вашем состоянии. Я сниму с вас социальную нагрузку, и вы еще несколько месяцев сможете пребывать в своем хроническом состоянии слабой приспособляемости. Пока на ваши ограниченные способности не обрушится очередная тяжелая социальная необходимость...»

После ухода уважаемого Перди доктор Глоб погрузился в размышления о практической форме, которую обрела психотерапия здесь, на Марсе. Вместо того чтобы лечить пациента от его фобий, врач становился своего рода адвокатом, замещая его на...

В кабинет заглянула Джин:

— Милт, тебе звонят из Нового Израиля. Босли Тувим.

«О Господи, — подумал Глоб. — Что-то случилось».

Тувим был президентом Нового Израиля. Глоб поспешно

снял трубку:

— Доктор Глоб слушает.

— Доктор, это Тувим, — послышался суровый властный голос. — У нас здесь мертвец, насколько я понимаю, ваш пациент. Не будете ли вы столь любезны заняться им? Речь идет о Норберте

Стайнере, западногерманском...

— Он не был моим пациентом, сэр, — вставил доктор Глоб. — Однако его сын, страдающий аутизмом, находится в Бен-Гури-оне. А как это случилось? Господи, я разговаривал с ним сегодня утром... Вы уверены, что это тот самый Стайнер? Если это он, у меня есть на него папка, то есть на всю семью, учитывая природу недуга мальчика. При детском аутизме, прежде чем начать терапию, мы изучаем историю и особенности семьи. Да, я сейчас буду.

— Судя по всему, это самоубийство, — добавил Тувим.

— Не может быть, — изумился доктор Глоб.

— Последние полчаса я обсуждал это с персоналом Бен-Гуриона, и мне сообщили, что, перед тем как покинуть лагерь,

Стайнер имел продолжительную беседу с вами. На допросе наша полиция заинтересуется, проявлял ли Стайнер признаки подавленного состояния и что он говорил. Короче говоря, была ли у вас возможность предложить ему прохождение курса терапии. Как я уже понял, ничего в его поведении не насторожило вас, не дало оснований догадываться о его намерениях.

— Совершенно верно, — подтвердил Глоб.

— Тогда я на вашем месте не стал бы тревожиться, — заметил Тувим. — Просто будьте готовы изложить его клиническую историю... и выдвинуть предположение относительно того, что могло побудить несчастного к совершению самоубийства. Понимаете?

— Спасибо, мистер Тувим, — слабо откликнулся Глоб. — Возможно, он был огорчен из-за своего сына, но я рассказал ему о новом методе лечения, на который мы возлагаем большие надежды. Правда, Стайнер отнесся к нему довольно критически и оборвал разговор, его реакция совершенно не соответствовала моим ожиданиям. Но чтобы покончить жизнь самоубийством?..

«А если я потеряю работу в Бен-Гурионе? — спрашивал себя доктор. — Нет, это немыслимо». Посещение лагеря раз в неделю существенно поддерживало его бюджет, хотя и не обеспечивало финансового благосостояния. Чеки из Бен-Гуриона по крайней мере придавали некоторую реалистичность его целям.

«Неужели этот идиот Стайнер не понимал, как повлияет его смерть на окружающих? Он просто хотел отомстить нам. Отплатить — но за что? За то, что мы пытались вылечить его ребенка?

Все это очень серьезно. Самоубийство, последовавшее сразу вслед за беседой с врачом. Слава Богу, что мистер Тувим предупредил меня. Но газеты все равно поднимут шум, и жаждущие закрытия Бен-Гуриона только выиграют от этого».

Закончив с починкой холодильной установки на ферме Мак-Олифа, Джек Болен вернулся в вертолет, убрал ящик с инструментами под сиденье и связался с мистером И.

— Школа, — сообщил И. — Отправляйся немедленно, у меня до сих пор никого нет, чтобы послать туда.

— О'кей, мистер И. — Смирившись, Джек завел мотор.

— Тебе звонила жена.

— Да? — Джек удивился — его начальник плохо относился к звонкам жен своих сотрудников, и Сильвия это знала. Может, что-нибудь случилось с Дэвидом... — Она что-нибудь просила передать?

— Миссис Болен просила девушку у нас на коммутаторе сообщить тебе, что ваш сосед, мистер Стайнер, покончил жизнь самоубийством. Миссис Болен передала, что сейчас занимается детьми Стайнера. Она также спрашивала, не можешь ли ты прилететь сегодня домой, но я

сказал, что, к сожалению, мы не сумеем обойтись без тебя. Ты должен доработать до конца недели, Джек.

«Стайнер мертв, — повторил Джек про себя. — Бедный беспомощный дурак. Ну что ж, может, оно и к лучшему».

— Спасибо, мистер И, — сказал он в микрофон.

«Его смерть окажет сильное влияние на всех нас, — думал Джек, поднимаясь с пастбища, покрытого редкой травой. Это интуитивное ощущение было резким и отчетливым. — Я и десятком слов не обмолвился со Стайнером, и тем не менее в его смерти есть что-то очень важное. Смерть сама по себе имеет огромное значение. Трансформация, столь же загадочная, как и сама жизнь, абсолютно необъяснимая для нас».

Он развернул вертолет в сторону штаба Объединенных Наций, направляясь к великому и уникальному автоматическому организму, которым являлась Общественная Школа — место, которого он боялся больше всего на свете.

ГЛАВА 5

И почему его так нервировала Общественная Школа? Сверху он различил белое на темном фоне здание в форме утиного яйца, которое словно кто-то обронил в спешке— настолько оно не гармонировало с окрестностями.

Посадив вертолет на асфальтированную площадку перед входом, Джек заметил, что кончики пальцев у него побелели и потеряли чувствительность; этот хорошо известный ему симптом означал, что он испытывает сильное напряжение. А Дэвида школа нисколько не смущала — мальчик посещал ее три раза в неделю вместе с другими ребятами, имевшими такой же уровень успеваемости. Вероятно, это отношение определялось какими-то личными качествами: возможно, Джек настолько хорошо знал технику, что не мог участвовать в этой игре. На него школьные машины одновременно производили впечатление и одушевленных существ, и безжизненных механизмов.

Джек вошел в здание школы и устроился в приемной,
поставив рядом ящик с инструментами. Взяв

с полки журнал «Мото-Мир», он уловил своим профессиональным слухом легкий щелчок: школа отметила выбранный им журнал и время, проведенное в кресле. Она анализировала его.

Дверь открылась, и в приемную вошла женщина средних лет в твидовом костюме:

— Наверное, вы мастер от мистера И.

— Да. — Джек, встал.

— Как я вам рада. — И она пригласила его следовать за ней. — Мы столько возились с этим преподавателем, а он ни с места.

Пройдя по коридору, женщина распахнула дверь.

— Сердитый Привратник, — указала она.

Джек узнал его, вспомнив описание Дэвида.

— Сломался совершенно неожиданно, видите? Прямо в середине цикла — шел по улице, кричал и как раз собирался поднять кулак.

— А специалист-электронщик не знает...

— Специалист-электронщик — это я, — жизнерадостно улыбнулась женщина, и глаза ее блеснули за стальной оправой очков.

— Ах да, — с досадой проговорил Джек.

— Мы подумали, может, дело в этом. — И женщина, вернее ходячий школьный механизм, протянула ему сложенный лист бумаги.

Развернув его, Джек обнаружил массу электронных схем.

— Это представитель власти, не так ли? — поинтересовался он. — Учит детей уважать собственность. Очень правильный тип.

— Да, — откликнулась женщина.

Вручную он вернул Сердитого Привратника к началу цикла и запустил его. Некоторое время Привратник просто щелкал, потом покраснел и, подняв руку, завопил: «Эй, мальчики, уйдите оттуда, слышите меня?» Глядя, как дрожат от негодования его покрытые щетиной щеки, как открывается и закрывается рот, Джек Болен подумал, что он может оказывать сильное влияние на ребенка. Лично у него робот вызывал только неприязнь. И тем не менее это создание было образцовой обучающей машиной, оно делало доброе дело вместе с двумя десятками других автоматов, расположенных в коридорах школы, словно киоски в увеселительном парке. За углом виднелся еще один обучающий автомат, вокруг которого почтительно застыли несколько ребятишек, внимая его разглагольствованиям.

— ...И тоща я подумал, — вещал автомат приветливым дружелюбным голосом, — Господи, и какие мы можем сделать из этого выводы?

Кто-нибудь из вас знает, ребята? Салли?

— Ну, наверное, мы можем сделать вывод, — начала девочка, — что в каждом человеке есть что-то хорошее, как бы плохо он себя ни вел.

— А ты что думаешь, Виктор? — запинаясь, спросила машина. — Давайте послушаем Виктора Планка.

— Я думаю то же самое, что Салли, — неуверенно произнес мальчик. — Большинство людей в сущности хорошие, если только как следует присмотреться. Правильно, мистер Добрый Тюремщик?

Дэвид часто рассказывал об этой обучающей машине, к которой он испытывал особую симпатию. Доставая инструменты, Джек прислушивался к беседе. Добрый Тюремщик был пожилым седовласым джентльменом с незначительным местным акцентом, возможно канзасским... Он был добр и не мешал ребятам высказывать свои мнения — ничего от грубоватой авторитарности Сердитого Привратника. Что-то среднее между Сократом и Эйзенхауэром, насколько мог судить Джек.

— Смешные существа — овцы, — продолжал автоматический наставник. — Взгляните, как они себя ведут, когда через ограду им кидают что-

нибудь съедобное, вроде пшеницы. Пищу чуят за милю. — Добрый Тюремщик откашлялся. — Они очень умные, когда дело касается их. Наверно, это и поможет нам понять, что такое истинный ум: это не количество прочитанных толстых книжек и не знание длинных слов, это — способность определить, что нам пойдет на пользу. Поэтому быть умным очень полезно.

Встав на колени, Джек начал отвинчивать спину Сердитого Привратника. Женщина стояла рядом, наблюдая за ним.

Как он знал, автомат работал в соответствии с программой, но на любом этапе его поведение могло изменяться в зависимости от поведения аудитории. Слова детей соотносились с записью, подгонялись, классифицировались, и только затем следовал ответ. Возможность неожиданного ответа исключалась, так как обучающая машина воспринимала лишь ограниченное число вариантов. И тем не менее автомат производил убедительное впечатление живого и подвижного существа — истинный триумф инженерного искусства.

Его преимущество по сравнению с человеком заключалось в способности индивидуально общаться с каждым ребенком. Он не просто

учил, но и воспитывал. Обучающий автомат может одновременно иметь дело с тысячью учениками и тем не менее отличать одного от другого: в зависимости от индивидуальности ребенка ответы его слегка видоизменялись, и каждый раз он представлял собой чуть-чуть иное существо. Почти бесконечно сложное, хотя и действующее механически. Обучающие автоматы подтверждали факт, хорошо известный Джеку Болену: понятие «искусственный» обладало поразительной глубиной.

И тем не менее его раздражали эти автоматы. Потому что вся деятельность Общественной Школы противоречила природе Джека: вместо того чтобы обучать, сообщать ученикам новые сведения, она загоняла их в жесткие рамки шаблона. Школа соединяла детей с унаследованной культурой и внедряла ее в их сознание. Она подгоняла детей под эту культуру: цель заключалась в ее увековечивании, и, если индивидуальные особенности ученика могли увести его в сторону, они целенаправленно вытравлялись.

Весь процесс обучения представлялся Джеку сражением между сложным механизмом школы и душами детей, причем выигрышные

карты были на руках у школы. Неадекватно реагирующий ребенок признавался аутичным, то есть констатировалось, что в нем преобладает субъективный фактор, мешающий восприятию реальности. И такой ребенок изгонялся из школы в другое заведение, на самом деле действующее по такому же принципу, где его должны были реабилитировать, — в Бен-Гурион. Ребенка отказывались учить и начинали относиться к нему как к больному.

«Аутизм, — размышлял Джек, отвинчивая спину Сердитого Привратника, — превратился в удобную теорию для руководства Марса. Она заменила более старый термин “психопат”, который, в свою очередь, вытеснил понятие “морального урода”». В Бен-Гурионе педагогами работали люди, но они выполняли скорее врачебные, чем воспитательные обязанности.

С первого же дня учебы Дэвида в школе Джек готовился к неприятным известиям о том, что мальчик не попадает в шкалу успеваемости, по которой обучающие автоматы классифицировали своих учеников. Однако Дэвид охотно занимался и даже достиг высоких результатов. Большинство учителей ему нравилось, и он с энтузиазмом рассказывал о них

дома. Парень прекрасно ладил даже с самыми строгими, и сейчас уже видно, что у него не будет никаких проблем — ой не страдал аутизмом и мог не бояться Бен-Гуриона. Но это не делало Джека счастливее. Ничто, как заметила Сильвия, не приносило ему радости. На Марсе перед ребенком открывались лишь две возможности: Общественная Школа или Бен-Гурион; Джеку не внушало доверия ни то ни другое. А почему — он и сам не знал.

Возможно, проблема заключалась в самом состоянии
аутизма — детской форме шизофрении, которой страдало большинство людей. Шизофрения была самым распространенным заболеванием, которое рано или поздно затрагивало любую семью. Она попросту означала, что человек не в состоянии выполнять обязанности, возлагаемые на него обществом. Шизофреник выпадал, а вернее, никогда и не принимал участия в реальности, предполагающей межличностные отношения и существование в данной культуре с данными ценностями. Это была не биологическая жизнь, а жизнь, которой требовалось учиться, черпая понемногу от окружающих — родителей, учителей, высокопоставленных лиц... от всех,

с кем ребенок вступал в контакт в период становления личности.

Таким образом, Общественная Школа имела полное право отторгать ребенка, не поддававшегося обучению. Потому что то, чему его учили, включало не просто факты или основы преуспевания и полезной карьеры. Речь шла о более серьезных вещах. Ребенку внушали, что определенные компоненты окружающей его культуры должны быть сохранены любой ценой. Его личные ценности включались в объективный ход развития человечества, таким образом он становился частью переданной ему традиции. В течение своей жизни ему следовало сохранять и даже совершенствовать ее. «При внимательном рассмотрении выясняется, что истинный аутизм это апатия к каким бы то ни было общественным устремлениям, — решил Джек, — это частная жизнь, предполагающая, что любые ценности создаются самим человеком, и тот не является лишь простым вместилищем унаследованных традиций». Потому-то Джек Болен и отказывался считать Общественную Школу с ее обучающими автоматами
единственным арбитром, определяющим, что имеет ценность, а что нет. Общественные

ценности находились в непрестанном движении, а школа стремилась законсервировать их, разложить по полочкам, навечно закрепив на своих местах. Общественная Школа — настоящий источник неврозов. Она отрицает все новое, неожиданное, создает нездоровый мир испуганно-покорного невротика.

Как-то раз, года два назад, Джек изложил свою теорию жене. Сильвия выслушала его достаточно внимательно, а потом заметила: «Ты не видишь, главного, Джек. Попробуй понять. На свете существуют гораздо более страшные вещи, чем невроз. — Она говорила тихо и уверенно, и он прислушался к ее словам. — Мы только сейчас начали это понимать. Ты знаешь, о чем идет речь. Ты уже прошел через это».

И он кивнул, понимая, что она имеет в виду. Джек сам пережил нарушение психики в двадцать с небольшим лет — широко распространенное и довольно обычное явление. Но, надо признать, это было страшно. По сравнению с тем состоянием прямолинейная,
жесткая, принудительная система Общественной Школы представлялась якорем, благодарно уцепившись за который человек мог вернуться к человечеству и воспринимаемой сообща

действительности. Так что он был вынужден признать, что невроз является искусственным порождением, сознательно создаваемым больным индивидуумом или обществом в состоянии кризиса. Это изобретение вызывалось необходимостью.

— Не надо бороться с неврозом, — добавила Сильвия,
и Джек понял ее. Невроз был сознательной остановкой на каком-то отрезке жизненного пути. Потому что дальше лежала...

Что было дальше, прекрасно знал любой шизофреник. «И бывший шизофреник», — добавил про себя Джек, вспоминая собственный опыт.

Сидевшие напротив мужчины смотрели на него очень странно. Что он такое сказал?

— Каррингтону никогда не стать таким руководителем ФБР, каким был Герберт Гувер. Я в этом уверен. Могу доказать. — В голове у него мутилось, и он отхлебнул пива. Все тело налилось тяжестью, проще было смотреть вниз, чем вверх... Он принялся рассматривать упаковку спичек на кофейном столике.

— Ты хотел сказать, не Герберт Гувер, а Эдгар... — заметил Лу Ноттинг.

«Да, я действительно сказал Герберт, — в растерянности подумал Джек; пока они не обратили на это внимания, ему казалось, что все в порядке. — Что со мной? Такое ощущение, что я полусплю». А ведь накануне он лег в десять вечера и проспал почти двенадцать часов.

— Простите, конечно я имел в виду... — начал Джек и тут же ощутил, с каким трудом ворочается язык, — Эдгара Гувера, — старательно договорил он.

Но голос его звучал искаженно и растянуто, словно запись, пущенная не на той скорости. Теперь он уже и вовсе не мог поднять голову — засыпал на месте, прямо в гостиной Ноттинга, хотя глаза у него были открыты, более того, ему даже не удалось их закрыть, когда он попытался это сделать. Все его внимание сосредоточилось на спичечном коробке.

Пока Лу Ноттинг и Фред Кларк обсуждали такие отвлеченные темы, как ущемление свобод и демократические процессы, Джек продолжал смотреть не мигая... Он отчетливо различал слова, но не вслушивался в суть беседы. Не было никакого желания включаться в разговор, хотя он и знал, что оба собеседника не правы. Пусть себе спорят — так было проще. Все происходило

само собой, и он не хотел мешать этому.

— Джек сегодня как будто не с нами, — заметил Кларк.

Вздрогнув, Болен понял, что их внимание переключилось

на него: теперь надо что-то говорить или делать.

— Да нет, я здесь, — произнес он; это стоило ему неимоверных усилий, словно он всплывал на поверхность со дна моря. — Продолжайте, я слушаю.

— Господи, да ты как неживой, — возразил Ноттинг. — Ступай домой и выспись, ради Бога!

— Тебе не удастся добраться до Марса в таком состоянии, Джек, — заметила Филис, жена Лу, входя в гостиную. Она включила проигрыватель и поставила какую-то модную джазовую группу — виброфоны, ударники... или это электронные инструменты?

Светловолосая развязная Филис уселась на кушетку рядом с Джеком и принялась его рассматривать:

— Джек, ты на нас не обиделся? Ты такой замкнутый!

— Просто он не в настроении, — ответил Ноттинг. — Когда мы служили в армии, с

ним такое регулярно случалось, особенно по субботним вечерам. Насупится, молчит и все думает о чем-то. О чем ты сейчас думаешь, Джек?

Вопрос показался ему странным: он ни о чем не думал, в голове была полная пустота. Спичечный коробок все еще владел его вниманием. Тем не менее требовалось дать им отчет о своих размышлениях — они этого ждали, и он смирился.

— О Марсе. О том, сколько мне потребуется времени, чтобы привыкнуть. У разных людей по-разному. — Подавленный зевок распирал грудь, уходя обратно в легкие. Рот у него полуоткрылся, и Джек с трудом сомкнул челюсти.

— Пожалуй, пойду, завалюсь в койку. — Собрав все оставшиеся силы, он поднялся.

— В девять часов? — удивился Фред Кларк.

Позже, идя домой по темным прохладным улицам Окленда, Джек почувствовал себя лучше. Он даже не мог понять, что с ним приключилось у Ноттинга. Может, духота.

Но все было не так просто.

В голове крутился Марс. Джек оборвал все связи, особенно на работе, продал свой «плимут», известил хозяина квартиры. А ведь он целый

год боролся за ее получение! Огромное здание, частично уходящее под землю, вмещавшее тысячи квартир, собственный супермаркет, прачечные, детский центр, больницу и целый ряд магазинов в аркаде под цокольным этажом, принадлежало некоммерческому кооперативу Западного побережья. На последнем этаже располагалась радиостанция, транслировавшая классическую музыку по заявкам жителей, а в центре — театр и концертный зал. Это был новейший проект многоквартирного кооперативного дома — и внезапно он от всего отказался.

Уже известив руководство об уходе, Джек как-то бродил по аркаде своего кооперативного монстра и набрел на доску с объявлениями. Автоматически остановившись, он принялся их читать. Мимо бежали дети, направляясь на площадку за домом. Одно большое отпечатанное объявление привлекло его внимание:

«Способствуйте
распространению кооперативного движения в недавно колонизированных районах. В ответ на начавшуюся разработку богатых минералами областей Марса в Сакраменто организован эмиграционный кооперативный

совет. Записывайтесь!»

Объявление мало чем отличалось от других таких же, и все же — почему бы и нет? Много молодежи уже отправилось туда. И что ему делать на Земле? Он отказался от квартиры, но пока еще оставался членом кооператива и продолжал владеть своей долей акций.

Позднее, когда Джек уже записался и начал обходить врачей и фотографироваться, последовательность событий перемешалась в голове: ему казалось, что сперва пришло решение отправиться на Марс, после чего он уже уволился и отказался от квартиры. Это представлялось более разумным, и именно в таком виде он рассказывал это друзьям. Но на самом деле все было не так. А как? Почти два месяца Джек бродил в растерянности и отчаянии, не думая ни о чем, кроме того, что четырнадцатого ноября двести членов кооператива отправятся на Марс, и все переменится. Временами смятение покидало его, и картина виделась невероятно отчетливо. Когда-то он умел выстраивать порядок вещей в пространстве и во времени; теперь же по неизвестным причинам временные и пространственные координаты сместились, и он не мог сориентироваться.

Прежнее существование потеряло смысл. Четырнадцать месяцев он жил, движимый одной великой целью: получить квартиру в новом кооперативном доме, а когда получил ее, то оказался перед пустотой. Он слушал сюиты Баха, исполнявшиеся по его заявкам, покупал продукты в супермаркете, рылся на полках книжного магазина... «Но для чего? — спрашивал он себя. — Кто я?» На службе его продуктивность тоже снизилась. Это было первым признаком и во многих отношениях самым зловещим; заметив его, Джек впервые испугался.

Началось все со странного инцидента, который он так и не смог объяснить для себя до конца. Вероятно, отчасти этот случай был чистой галлюцинацией. Но в какой именно части? Все происходило как во сне, и в какой-то момент его захлестнула паника — захотелось убежать, исчезнуть любой ценой.

Джек работал в электронной фирме в Редвуд-Сити, к югу от Сан-Франциско, управлял системой, осуществлявшей контроль качества на сборочном конвейере. В его обязанности входило следить, чтобы прибор ни по одному параметру не отклонялся от стандартного допуска. В один прекрасный день Джека неожиданно пригласили

в кабинет заведующего кадрами. Он не знал, чем это было вызвано, и, поднимаясь на лифте, вдруг начал страшно волноваться. Позднее он вспомнил, что волнение было каким-то необычным.

— Входите, мистер Болен, — пригласил его в кабинет заведующий — опрятный мужчина с курчавыми седыми волосами. — Я вас долго не задержу. — Он внимательно рассматривал Джека. — Мистер Болен, почему вы не тратите получаемую вами заработную плату?

Тишина.

— Разве? — откликнулся Джек. Сердце колотилось у него в груди с такой силой, что все тело сотрясала дрожь. Ноги не держали, словно он смертельно устал. «Мне кажется, что трачу», — проговорил он про себя.

— Вы вполне в состоянии купить себе новый костюм, — продолжил заведующий, — и вам надо подстричься. Конечно, это ваше личное дело.

Джек в замешательстве провел рукой по волосам: надо подстричься? Разве он не стригся только что, на прошлой неделе? Хотя возможно, с тех пор прошло больше времени.

— Спасибо. Хорошо, я так и сделаю. Как вы сказали.

Тут-то и началась галлюцинация, если это была она. Он увидел заведующего кадрами в новом свете. Тот был мертв.

Через человеческую оболочку проступал его скелет. Кости соединялись между собой тончайшей медной проволокой. Внутренние органы — почки, сердце, легкие — засохли и были заменены искусственными из пластика и нержавеющей стали. Все они прекрасно функционировали, однако настоящая жизнь в них отсутствовала. Голос заведующего воспроизводился с пленки через усилитель.

Возможно, когда-то в прошлом он и был живым, но теперь все было кончено — дюйм за дюймом осуществлялась незаметная подмена органов, пока она не охватила весь организм, чтобы вводить в заблуждение окружающих. «На самом деле, чтобы ввести в заблуждение меня», — решил Джек Болен. Никакого заведующего кадрами не было, он стоял один в кабинете. Никто к нему не обращался, а когда он отвечал, его никто не слышал.

Джек не знал, что делать, пытаясь не слишком глазеть на человекоподобный механизм, сидевший перед ним. Он старался спокойно и естественно продолжать разговор о своей работе

и даже о своих личных трудностях. Механизм зондировал его, пытаясь чего-то добиться. Естественно, Джек пытался отвечать как можно лаконичнее. Но, даже устремив взгляд на ковер, он не мог не видеть все трубки, клапаны и прочие рабочие части, двигавшиеся внутри «заведующего», — он не мог заставить себя не смотреть.

Единственное, чего ему хотелось, — уйти как можно скорее. Он покрылся крупными каплями пота, его била дрожь, сердце стучало все громче и громче.

— Болен, вы нездоровы? — осведомился механизм.

— Да, — ответил он. — Я могу идти? — Он повернулся и направился к двери.

— Минуточку, — послышался механический голос за его спиной.

И тут Джека охватила паника; распахнув дверь, он выскочил в коридор.

Час спустя он обнаружил, что идет по незнакомой улице в Берлингейме. Он не помнил, что с ним произошло за этот час и как он оказался здесь. Ноги болели, так что, судя по всему, он добрался сюда пешком.

Голова была почти ясной. «Я — шизофреник, —

сообщил себе Джек. — Симптомы всем известны: кататоническое возбуждение с параноидальной окраской — врачи объясняли нам это еще в школе. Я — один из них. Это-то и пытался выяснить заведующий кадрами. Я нуждаюсь в медицинской помощи».

Джек извлек из Сердитого Привратника источник питания и положил его на пол.

— Вы очень искусны, — заметила женщина.

Джек поднял глаза на женскую фигуру и подумал: «Неудивительно, что это место так выводит меня из себя. Сразу вспоминаются обстоятельства, при которых произошел мой первый нервный срыв. Мог ли я тогда предвидеть будущее?»

В ту пору таких школ не существовало. А если они и были, то он не знал и не видел их.

— Спасибо, — ответил Джек.

После эпизода с заведующим кадрами корпорации «Корона» больше всего его мучило одно: а что, если это была не галлюцинация? Что, если так называемый заведующий кадрами был автоматом, таким же механизмом, как эти обучающие машины?

Если так, то он не страдал никаким психозом.

Он снова и снова возвращался к мысли о

том, что это могло быть просто видением, проникновением в абсолютную реальность, когда внешняя оболочка снята. Мысль была настолько необычной, что никак не согласовывалась с его привычными представлениями, в результате этого-то и возникло психическое нарушение.

Вскрыв проводку Сердитого Привратника, Джек принялся профессионально ощупывать ее своими длинными пальцами, пока не обнаружил то, о чем догадывался, — сорванную пломбу.

— Кажется, нашел, — сообщил он шкальному мастеру. «Слава Богу, не старая печатная плата, иначе пришлось бы заменять весь блок. И починить его было бы невозможно».

— Насколько я понимаю, основная проблема при создании обучающих автоматов, это проблема надежности, — заметила дама. — Пока нам везло — никаких существенных поломок не случалось. Однако я думаю, что профилактический осмотр не помешает. Пожалуйста, посмотрите еще одного учителя. Признаков поломки в нем пока не наблюдается, но он имеет исключительно важное значение для работы всей школы. — Она вежливо умолкла, видя, как Джек пытается пропихнуть тонкое сопло паяльника через переплетения проводков.

— Я бы хотела, чтобы вы осмотрели Доброго Папу.

— Доброго Папу, — повторил Джек. «Интересно, нет ли у них тут Ласковой Мамы, — едко подумал он. — Сладкие мамочкины домашние байки для вскармливания малышей». Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

— Вы знакомы с этим учителем?

Он не был знаком — Дэвид ничего о нем не рассказывал.

Издали
доносились детские голоса, обсуждавшие жизнь с Добрым Тюремщиком; все время, пока Джек лежал на спине, держа над головой паяльник, и ковырялся во внутренностях Сердитого Привратника, они продолжали беседовать.

— Именно, — невозмутимо и спокойно излагал Добрый Тюремщик. — Енот. Удивительный парень, старый енот Джимми. Мне не раз доводилось встречаться с ним. Между прочим, этот приятель довольно большой, с мощными, длинными, очень проворными лапами.

— Я однажды видел енота, — возбужденно пропищал какой-то ребенок. — Я видел его, он был совсем рядом!

«Видел енота на Марсе?!» — подумал Джек.

— Нет, Дон, боюсь, ты ошибаешься, — захихикал Добрый Тюремщик. — Здесь нет енотов. Чтобы увидеть этих замечательных зверюшек, надо проделать длинный путь обратно на старушку Землю. Но вот почему я вспомнил о нем, мальчики и девочки. Вам всем известно, как старый енот Джимми берет пищу, тащит украдкой к воде и начинает ее полоскать. И как мы смеялись, когда старина взял кусочек сахара, и тот растворился в воде, так что зверек остался с пустыми лапами. Так вот, мы вспомнили сейчас Джимми-енота потому...

— Кажется, все, — заметил Джек, убирая паяльник. — Помочь поставить на место кожух?

— Вы торопитесь?

— Мне не нравится эта штука, которая там разглагольствует, — ответил Джек. Автомат так раздражал его, что он едва мог работать.

Роликовая дверь в коридор закрылась, и голоса затихли.

—

Так лучше? — осведомилась сопровождающая.

— Спасибо. — Но руки у него все еще дрожали. Школьный мастер видела это — Джек чувствовал ее внимательный взгляд. «Интересно, а из чего она сделана?» — внезапно пришло ему в голову.

Комната, в которой содержался Добрый Папа, была декорирована под гостиную с камином, диваном, кофейным столиком и занавешенным окном, нарисованном на стене. Сам Добрый Папа восседал в кресле с газетой в руках. Когда Джек Болен со школьным мастером вошли в комнату, на диване сидело несколько ребятишек: они внимательно слушали разглагольствования автомата и даже не обратили внимания на вошедших.

Дама отпустила детей и сама тоже направилась к выходу.

— Я не очень хорошо понимаю, чего вы от меня хотите, — остановил ее Джек.

— Пропустите его через полный цикл. Похоже, он либо частично повторяет отдельные участки цикла, либо застревает; как бы то ни было, время цикла увеличивается. Он должен возвращаться к исходному положению в течение трех часов.

Дверь открылась, и мастер ушла. Джек остался наедине с Добрым Папой, не испытывая от этого никакого восторга.

— Привет, Добрый Папа, — без всякого энтузиазма поздоровался он. Установив ящик с инструментами, Джек принялся отвинчивать заднюю панель.

— Как тебя зовут, молодой человек? — добродушно отозвался Добрый Папа.

— Меня зовут Джек Болен, и я такой же добрый папа, как ты, Добрый Папа, — заметил Джек, отвинтив панель и положив ее перед собой. — Моему сыну десять лет, Добрый Папа. Так что не надо называть меня молодым человеком, ладно? — Его снова сотрясала дрожь, а по лбу катился пот.

— Понимаю, — откликнулся Добрый Папа.

— Что ты понимаешь? — Джек с удивлением заметил, что чуть ли не кричит. — Знаешь, начинай лучше свой чертов цикл, ладно? Если тебе так проще, можешь считать меня маленьким мальчиком.

«Надо побыстрее заканчивать со всем этим и убираться отсюда, причем как можно спокойнее. — Он ощущал, как его переполняют странные чувства. — Работы часа на три».

— Крошка Джекки, похоже, у тебя сегодня тяжело на сердце. Я угадал? — начал Добрый Папа.

— И сегодня, и каждый день. — Джек щелкнул выключателем фонарика и посветил внутрь. Пока механизм действовал нормально, в соответствии с программой.

— Вдруг я тебе чем-нибудь помогу, — предложил Добрый Папа. — Часто становится легче, когда тебя выслушает более опытный человек, готовый разделить твои беды и вроде как облегчить их.

— Ладно, — согласился Джек, присаживаясь на корточки. — Я буду тебе подыгрывать — мне все равно здесь торчать три часа. Хочешь, чтобы я начал с самого начала? С инцидента, происшедшего еще на Земле, когда я работал в «Короне»?

— Начинай с чего хочешь, — великодушно согласился Добрый Папа.

— Знаешь ли ты, что такое шизофрения, Добрый Папа?

— Думаю, что очень хорошо знаю, Джекки, — откликнулся Добрый Папа.

— Это самая таинственная болезнь во всей медицине, вот что это такое. И проявляется она в каждом шестом человеке, это очень много людей.

— Да, безусловно.

— Так вот, когда-то у меня было то, что называется реактивным полиморфным шизофреническим приступом, — сообщил Джек, наблюдая за движениями механизма. — И это было круто, Добрый Папа.

— Верю-верю.

— Теперь я понял твое назначение. Я знаю, для чего ты создан, Добрый Папа. Мы далеко от Дома. За миллионы миль. Наши связи с земной цивилизацией еле ощутимы. И многие испытывают ужасный страх, Добрый Папа, потому что с каждым годом эти связи становятся все тоньше и тоньше. И вот школа решила организовать для детей, рожденных здесь, земную обстановку. Например, камин. У нас на Марсе нет каминов; мы обогреваемся маленькими атомными печками. А это нарисованное стеклянное окно — песчаные бури давно бы сделали его непрозрачным! Да вокруг тебя вообще нет ни одной вещи, которой мы бы в действительности пользовались здесь. Ты знаешь, что такое бликмен, Добрый Папа?

— Не стал бы утверждать однозначно, Джекки. А что такое бликмен?

— Бликмены — коренная марсианская раса. Ты хоть знаешь, что ты на Марсе, а?

Добрый Папа кивнул.

— Шизофрения, — продолжал Джек, — одна из сложнейших
проблем человеческой цивилизации. Короче говоря, Добрый Папа, я эмигрировал на Марс из-за

этого приступа шизофрении, который пережил в возрасте двадцати двух лет. Я был разбит вдребезги. Из-за сложных городских условий мне пришлось уехать и перебраться в более примитивную среду, предоставляющую большую свободу. Обстоятельства так на меня давили, что оставалось только два выхода — эмигрировать или сойти с ума. Этот кооперативный дом! Ты можешь себе представить здание, этаж за этажом уходящее под землю и возносящееся вверх, как небоскреб, с таким количеством людей, что им необходим специальный супермаркет? Я сходил с ума, стоял в очередях. И все стоящие в очереди — в книжном магазине или супермаркете — жили в одном доме, представляешь, Добрый Папа? Целое общество, живущее в одном доме. А сегодня даже этот дом кажется маленьким по сравнению с теми, что строятся. Ну, что скажешь?

— Боже мой, — покачал головой Добрый Папа.

— Так вот что я думаю, — продолжил Джек. — Я считаю, что Общественная Школа вместе с вами, автоматами, готовит новое поколение шизофреников. Вы расщепляете психику детей, потому что учите их ориентироваться в среде, которой не существует. Ее даже на Земле уже не нет. Она устарела. Спроси Доброго

Тюремщика, и он тебе скажет, что настоящая интеллигентность должна быть практичной — или это не интеллигентность. Я слышал, как он говорил, что она должна быть средством адаптации. Ну что, Добрый Папа?

— Да, Джекки, должна.

— Вы должны учить, как нам...

— Да, Джекки, должна быть, — перебил его Добрый Папа. — И тут при свете фонарика Джек увидел, как соскользнула зубчатая передача, и фаза программы повторилась.

— Вот я тебя и поймал, — заметил Джек. — У тебя стерся один зубец в передаче, Добрый Папа.

— Да, Джекки, должно быть.

— Ты прав, все рано или поздно снашивается, ничто не вечно. Перемены — единственная постоянная жизни. Правильно, Добрый Папа?

— Да, Джекки, должно быть.

Отключив автомат от источника питания, Джек начал разбирать цепь, подбираясь к износившейся передаче.

— Вам снова повезло, — заметила школьный мастер, когда полчаса спустя Джек вышел из комнаты, утирая рукавом пот.

— Да. — Он был абсолютно изможден. Часы показывали четыре; скоро рабочий день

закончится.

Школьный мастер проводила его до стоянки:

— Я очень довольна тем, как любезно вы откликнулись на наши просьбы. Я позвоню мистеру И и поблагодарю его.

Джек кивнул и залез в вертолет — сил не оставалось даже на прощание. Вскоре он уже поднимался — утиное яйцо школы внизу уменьшалось и уменьшалось. Ее удушающая атмосфера рассеялась, и он снова задышал полной грудью.

Включив передатчик, Джек сообщил:

— Мистер И, говорит Джек. Со школой покончено. Что дальше?

После паузы деловой голос И сообщил:

— Джек, нам звонил мистер Арни Котт из Льюистауна, просил починить диктофон, представляющий для него огромную ценность. Поскольку все остальные заняты, я посылаю тебя.

ГЛАВА 6

Арни Котту принадлежал единственный на Марсе клавесин. Впрочем, инструмент был расстроен, а на Марсе, как ни крути, настройщиков клавесинов не было.

Вот уже месяц, как он пытался обучить этому делу своего ручного бликмена. Бликмены обладали замечательным музыкальным слухом, и конкретно этот, кажется, понимал, чего от него добивается Арни. Гелиогабалу был предоставлен перевод инструкции по настройке инструмента на бликменский диалект, и Арни ожидал результатов со дня на день. Но пока на клавесине играть было невозможно.

Вернувшись в Льюистаун после посещения Энн Эстергази, Арни Котт пребывал в мрачном расположении духа. Смерть Норберта Стайнера уже сама по себе была ударом ниже пояса, и Арни чувствовал, что ему придется предпринять решительные шаги, дабы как-то компенсировать его исчезновение. Часы показывали три. И что он получил в результате своей поездки в Новый Израиль? Только неприятности. Энн, как всегда, убедить ни в чем не удалось: она намерена

продолжать свои любительские кампании и акции, ее совершенно не волновала перспектива стать посмешищем для всего Марса.

— Черт побери, Гелиогабал, или ты настроишь этот проклятый инструмент сейчас же, или я вышвырну тебя из Льюистауна! — в ярости обрушился Арни на бликмена. — Можешь убираться в пустыню и жрать свеклу и коренья вместе с остальными тебе подобными.

Бликмен, сидевший на полу, мигнул, бросил на Арни внимательный взгляд и снова вернулся к инструкции.

— Здесь ничего невозможно починить, — проворчал Арни.

«Весь Марс — один большой Шалтай-Болтай. Все ржавеет и

превращается в бесполезный хлам», — думал Арни. Иногда ему казалось, что он возглавляет огромную свалку.

Снова он вспомнил вертолет компании И, с которым повстречался в пустыне, и нахала, который им управлял. «Независимые гады, — отметил про себя Арни. — Надо бы посшибать с них спесь. Знают себе цену! Чувствуют свое значение в экономике планеты — и это прямо на лицах у них написано:

“Никому не станем кланяться", ну и так далее». С хмурым видом Арни мерял шагами приемную своего дома в Льюистауне, который держал помимо квартиры в здании союза.

«Нет, только подумать, чтобы кто-нибудь со мной так разговаривал! — размышлял Арни. — Наверное, чертовски хороший мастер, если так уверен в себе».

«Я раздобуду этого парня, чего бы это мне ни стоило. Еще никому не удавалось улизнуть от меня».

Однако из двух этих соображений первое постепенно начало брать верх, так как Арни был практичным человеком и знал, что прежде всего надо делать дело. Нормы поведения — вопрос второй. «У нас здесь не средневековое общество, — напомнил себе Арни. — И если парень профессионал, он может говорить мне все что угодно. Единственное, что меня волнует, это результат».

Именно поэтому он набрал номер компании И в Банчвуд-парке, и через мгновение мистер И собственной персоной был на проводе.

— Послушайте, у меня забарахлил диктофон, и если ваши ребята его починят, я мог бы пользоваться вашими услугами на основе

временного контракта, улавливаете?

Сомнений не было — И улавливал. Он прекрасно все понимал.

— Посылаю нашего лучшего мастера, сэр. Прямо сейчас. И будьте уверены: в любой час дня и ночи мы гарантируем полное удовлетворение ваших потребностей.

— Мне нужен совершенно конкретный человек. — Арни описал мастера, которого встретил в пустыне.

— Молодой, стройный, темноволосый, — повторил И. — Очки и немного нервная манера поведения. Джек Болен. Наш лучший мастер.

— Хочу сообщить вам, — продолжил Арни, — что этот Болен общался со мной в такой манере, в какой я никому не разрешаю с собой разговаривать. Но, поразмыслив, я решил, что он был прав, и при встрече собираюсь сообщить ему это. Хотя в действительности Арни не мог уже и припомнить их беседу. — Похоже, у Болена неплохая голова, — продолжил он. — Сегодня он сможет быть у меня?

Без колебаний мистер И пообещал, что мастер будет в пять.

— Очень благодарен, — откликнулся Арни. — И передайте ему, что Арни не держит зла.

Само собой, он меня разозлил, но что было, то быльем поросло. Скажите ему... — Арни замялся. —Передайте Болену, что относительно меня он может не беспокоиться. — Арни повесил трубку и откинулся с чувством выполненного долга.

Так что в конечном итоге день оказался не таким уж потерянным. К тому же он получил интересные сведения от Энн, пока был в Новом Израиле. Он коснулся слухов о готовящихся переменах в горах Франка Рузвельта, и, как всегда, оказалось, что Энн известны кое-какие сведения с Земли. Передавались они, конечно же, из уст в уста, тем не менее должны были содержать долю истины. Объединенные Нации планировали очередную акцию, они собирались осесть в районе гор Рузвельта в ближайшие недели и объявить их общественной собственностью, не принадлежащей никому конкретно. И это было вполне вероятно. Но зачем Объединенным Нациям потребовались огромные площади бесполезной земли? Тут версия Энн становилась запутанной. По слухам, доходившим из Женевы, на Марсе собирались разбить огромный супернациональный парк, что-то вроде садов Эдема для привлечения эмигрантов с Земли. По другой версии, технические работники

Объединенных
Наций намеревались предпринять решительное наступление на нехватку энергоресурсов и начать строительство уникальной как по размерам, так и по возможностям атомной энергостанции. Система водоснабжения расширится. При соответствующих энергоресурсах наконец станет возможным перевод на Марс отраслей тяжелой промышленности, что чрезвычайно выгодно, учитывая обилие свободной земли, меньшую силу тяжести и низкие налоги.

Третий вариант: Объединенные Нации намерены разместить в горах военную базу, чтобы расстроить аналогичные планы Советов и Соединенных Штатов.

Какой бы из этих слухов ни оказался верным, одно было очевидно: покупка земли в горной цепи Франклина Рузвельта может дать в ближайшем будущем крупный доход. Сейчас земля продавалась по всей гряде участками от полуакра до нескольких тысяч акров и по баснословно низким ценам. Как только до спекулянтов дойдут вести о намерениях Объединенных Наций, все переменится… наверняка они уже начали действовать. Чтобы застолбить участок на Марсе, владельцу

нужно прилетать на Марс, с Земли это сделать невозможно — таков закон. Если сведения Энн соответствовали действительности, дельцы начнут прибывать с минуты на минуту. Так что скоро здесь станет так же, как в первый год колонизации, когда они шныряли повсюду.

Усевшись за расстроенный клавесин, Арни раскрыл сборник сонат Скарлатти и принялся исполнять свою любимую, которую разбирал уже несколько месяцев. Это была энергичная, решительная музыка, и он с удовольствием ударял по клавишам, не обращая внимания на фальшивые звуки. Гелиогабал, отодвинувшись в сторону, вновь углубился в инструкцию — исполнение Арни резало ему слух.

— У меня есть долгоиграющая пластинка с этой записью, — заметил Арни, не прерывая исполнения. — Она такая старая и такая ценная, что я боюсь даже ставить ее.

— Что такое долгоиграющая пластинка? — спросил бликмен.

— Ты все равно не поймешь. В исполнении Глена Гульда. Ей уже сорок лет, она принадлежала моей семье. Уж кто-кто, а этот парень умел исполнять сонаты!

Раздосадованный собственным исполнением,

Арни бросил играть. «Я никогда ничего не Добьюсь, даже если инструмент приведут в идеальное состояние, каким он был на Земле до транспортировки сюда».

Арни снова вернулся мыслями к золотой жиле, открывавшейся в горах Рузвельта. «Располагая союзным фондом, я могу приобрести эту землю в любой момент, — размышлял он. — Но где именно? Гряда большая, нельзя купить ее целиком. Кто знает эти горы? Вероятно, их знал Стайнер, потому что, насколько я понимаю, его база располагается, вернее располагалась где-то там. По этим местам ходят старатели. Да еще блик-мены там живут».

— Гелио, ты знаешь горы Франклина Рузвельта?

— Я знаю их, мистер, — откликнулся бликмен. — Я опасаюсь их. Они пустые, холодные, и там никто не живет.

— А правда, что у вас, бликменов, есть скала оракула, к которому вы обращаетесь, когда хотите узнать будущее?

— Да, мистер. Нецивилизованные бликмены делают так. Но это глупый предрассудок. Скала называется Грязная Башка.

— А сам ты никогда к ней не обращался?

— Нет, мистер.

— А если потребуется, сможешь ее найти?

— Да, мистер.

— Если ты задашь от меня вопрос вашей проклятой Грязной Башке, я дам тебе доллар, — пообещал Арни.

— Спасибо, мистер, но я не могу.

— Почему, Гелио?

— Я выкажу свое невежество, если ввяжусь в это шарлатанство.

— О Господи, — возмутился Арни, — ну вроде как играя, неужели ты не можешь это сделать? Ради шутки.

Бликмен ничего не ответил, однако на лице его была написана обида, и он предпочел сделать вид, что снова углубился в чтение инструкции.

— Вы, ребята, сглупили, отказавшись от своей местной религии, — продолжил Арни. — Лишний раз доказали, насколько вы слабы. Я бы не стал так поступать. Расскажи мне, где искать Грязную Башку, и я сам задам ей свой вопрос. Я отлично знаю, что ваша религия учит вас предсказывать будущее, ну и что особенного? У нас Дома тоже есть экстрасенсы, некоторые из них обладают даром предвидения и умеют читать будущее. Естественно, нам приходится сажать их за

решетку вместе с другими ненормальными, потому что это признак шизофрении, если тебе известно, что это такое.

— Да, мистер, — ответил Гелиогабал. — Я знаю шизофрению, это дикарь, обитающий в человеке.

— Верно, это возвращение к примитивному мышлению. Так что из того, что вы умеете читать будущее? В наших оздоровительных психлагерях Дома содержатся сотни предсказателей... — Тут Арни осенило: может, здесь, на Марсе, в Бен-Гурионе тоже есть парочка таких?

«К чертям тогда Грязную Башку, — решил Арни. — Лучше я заскочу в Бен-Гурион, пока его не закрыли, и добуду себе психа с даром предвидения. Вытащу его из лагеря и устрою на работу здесь, в Льюистауне».

Арни подошел к телефону и набрал номер управляющего союза Эдварда Гоггинса.

— Эдди, — начал он, — отправляйся в психиатрическую клинику и вытряси из врачей истории болезней полудурков с даром предвидения, я имею в виду симптомы. И спроси, нет ли таких в Бен-Гурионе, чтобы мы могли им воспользоваться.

— О’кей, Арни. Сделаю.

— Кто считается лучшим психиатром на Марсе, Эдди?

— Черт, Арни, надо выяснить. У водителей есть приличный Мильтон Глоб. Я потому знаю, что мой деверь — водитель и консультировался у Глоба в прошлом году.

— Надеюсь, этот Глоб хорошо знает Бен-Гурион.

— Конечно, Арни: он работает там раз в неделю, они все там работают по очереди. Евреи очень прилично платят — денег у них много. Знаешь ведь, они получают «капусту» с Земли, из Израиля.

— Свяжись с этим Глобом, и пусть он как можно скорее найдет мне шизофреника с даром предвидения. Можешь включить его в платежную ведомость, но только если будет необходимость — психиатры обычно сами не свои до денег, им так редко доводится их видеть. Все понятно, Эдди?

— Да, Арни. — Управляющий повесил трубку.

— Ты когда-нибудь был у психоаналитика, Гелио? — почувствовав прилив энергии, поинтересовался Арни.

— Нет, мистер. Психоанализ — тщеславная глупость.

— Отчего же?

— Врачи никогда не задаются вопросом, что они хотят сделать с больным. Потому что они этого не знают, мистер.

— Я не понял тебя, Гелио.

— Смысл жизни неизвестен, а потому и пути ее скрыты от глаз живых существ. Кто, например, может утверждать, что шизофреники не правы? Они предпринимают отважное путешествие, мистер. Они отворачиваются от простых вещей, которые можно пощупать и которым можно найти практическое применение, они обращаются вглубь, к смыслу. А там-то и находится бездна — черная, как ночь. Кто знает, вернутся ли они оттуда? А если вернутся, то какими станут, узрев смысл? Я восхищаюсь ими.

— Господи Иисусе, — усмехнулся Арни, — ты, полуобразованный болван... могу поспорить, если человеческая цивилизация исчезнет с Марса, ты уже через десять секунд будешь со своими дикарями поклоняться идолам и тому подобное. Зачем ты делаешь вид, что хочешь походить на нас? Зачем ты читаешь это руководство?

— Человеческая цивилизация никогда не покинет Марс, мистер, — ответил Гелиогабал, — потому-то я и изучаю эту книгу.

— Ты бы лучше настроил мой проклятый клавесин по этой книге, а не то вернешься в пустыню, останется человеческая цивилизация на Марсе или нет.

— Да, сэр, — ответил ручной бликмен.

После того как Отто Цитте потерял карточку своего союза и лишился законного права на работу, его жизнь превратилась в сплошной кошмар. С карточкой он был бы сейчас первоклассным мастером. Он держал в тайне, что когда-то она у него была, а он умудрился ее потерять: об этом не знал никто, даже Норб Стайнер. По каким-то причинам, которые Отто не мог объяснить и самому себе, он предпочитал, чтобы окружающие считали, что он просто не прошел аттестационные тесты. Возможно, легче считать себя неудачником. Попасть в ремонтное дело было практически невозможно; а быть выгнанным из него...

Он сам во всем виноват. Три года назад он был членом Союза с хорошей репутацией и гарантированной работой, иными словами, уважаемым добропорядочным гражданином. Перед ним открывались широкие возможности: он был молод, у него имелись подружка и собственный вертолет. На последний он имел

лицензию, первую, как выяснилось позднее, делил с соперником. Что могло ему помешать? Ничто, кроме собственной глупости.

Отто нарушил постановление союза, которое являлось основным законом. Постановление было дурацким — на его взгляд, — и тем не менее... «Аз воздам» было записано в марсианском отделении Внеземного союза ремонтников. Как он их ненавидел: ненависть к ним пронизывала всю его жизнь, и ему это даже нравилось — он хотел ненавидеть. Ему необходимо было ненавидеть всю эту огромную монолитную структуру.

Он был пойман на том, что чинил за бесплатно.

На самом деле даже не за бесплатно, потому что надеялся извлечь выгоду. Просто это был новый вид обслуживания клиентов. Да и не такой уж новый, если разобраться. На самом деле это был самый старый способ — бартер. Но на его годовом доходе это никак не отражалось, так что союз не мог получить свою долю. Отто осуществлял свои сделки с домохозяйками, одинокими женщинами, жившими вдали от дорог, чьи мужья появлялись дома лишь на выходные, проводя пять дней в неделю в городе. Симпатичный,

стройный, с зачесанными назад длинными черными волосами, он проводил время то с одной, то с другой. И один из разгневанных мужей, обнаружив это, вместо того чтобы пристрелить его на месте, отправился в Совет по найму и вручил иск: ремонт без соответствующей оплаты.

Отто был вынужден признать это.

И теперь работал на Норба Стайнера, что вынуждало его жить в пустынных горах Франклина Рузвельта, неделями не видя людей. А ведь пострадал он именно из-за своей страсти к личным интимным связям, и что теперь? «Даже бликмены не согласились бы влачить такое существование и быть отрезанными от всех, как я, — размышлял Отто, сидя на складе в ожидании прибытия следующей ракеты. — Вот если бы пошли мои собственные дела на черном рынке!..» Тогда бы он каждый день крутился по планете, как Норб Стайнер, заглядывая то к одному, то к другому покупателю. Неужели и тут он свалял бы дурака, выбрав товары, которые не смогли бы заинтересовать крупных воротил? Нет, все было правильно, просто торговля его шла не слишком удачно.

Крупных рэкетиров Отто ненавидел так же,

как и крупные союзы. Он вообще ненавидел все крупное:
гигантомания уничтожила американскую систему свободного предпринимательства, разорила мелких бизнесменов. Возможно, он был последним мелким бизнесменом во всей Солнечной системе. В этом на самом деле и заключалось его преступление: вместо того чтобы болтать об американском образе жизни, он попытался реализовать его на деле.

— Чтоб они провалились, — выругался Отто, сидя на корзине среди ящиков, коробок и картонок. За окном виднелись пустынные горы, покрытые редким засыхающим кустарником.

И где сейчас Норб Стайнер? Можно не сомневаться — прячется в баре, или ресторане, или в веселенькой гостиной какой-нибудь дамы — предлагает товары, вручает банки с копченым лососем, а взамен...

— Чтоб они все провалились, — пробормотал Отто и, встав, принялся мерять склад шагами. — Пусть получают то, чего хотят. Стадо животных.

Эти молодые еврейки... у которых сейчас Стайнер, — жаркие, черноглазые, круглобедрые, полногрудые, загоревшие от работы на полях в одних шортах и обтягивающих рубашках, под

которыми видны полные груди, не стесненные бюстгальтерами, видны соски, облегаемые влажной тканью...

«Потому-то он и не хотел брать меня с собой», — решил Отто.

Единственные женщины здесь в горах — иссохшие черные аборигенки, которых и за женщин-то считать нельзя. Его не убеждали антропологи, утверждавшие, что бликмены принадлежат к тому же роду гомо сапиенс, что и человек, и что, вероятно, обе планеты миллион лет тому назад были колонизированы одной и той же межпланетной расой. Эти жабы — люди? Лечь с одной из них в постель? Да лучше собственноручно себя кастрировать!

И в это самое мгновение Отто увидел, как по северному склону спускается группа бликменов, осторожно ступая босыми ногами по неровной каменистой поверхности. «Идут сюда», — заметил Отто. Как всегда.

Он открыл дверь сарая и стал ждать. Четыре мужика, двое из них пожилые, одна старуха, несколько тощих ребятишек с луками, ступками и яичной скорлупой пака.

Остановившись, они молча оглядели его, потом вперед вышел один из мужчин и произнес:

— Да хлынут дожди от меня на твою бесценную особу.

— И вам того же, — откликнулся Отто, прислоняясь к сараю и ощущая безнадежную скуку. — Чего вы хотите?

Бликмен протянул листик бумаги, и Отто, взяв его в руки, увидел, что это наклейка от черепахового супа. Бликмены съели суп и сохранили этикетку именно для этой цели: они не могли объяснить, чего хотели, потому что не знали, как это называется.

— О'кей. Сколько? — Отто принялся показывать на пальцах. При пяти они закивали. Пять банок. — А что у вас есть? — не шелохнувшись, осведомился Отто.

Из группы выступила молодая женщина и указала на ту часть своего тела, которая так долго занимала все мысли Отто.

— О Боже, — в отчаянии вымолвил Отто. — Нет. Уходите. Проваливайте. Хватит, с меня довольно. — Он повернулся к ним спиной, зашел в сарай и с такой силой захлопнул за собой дверь, что содрогнулись стены. Упав на упаковочную корзину, он сжал голову руками.

— Я схожу с ума, — проговорил Отто, сжав зубы. Язык во рту так распух, что еле ворочался, грудь

болела. И к собственному изумлению, он начал плакать. «Господи, я действительно схожу с ума, я сломался». Слезы катились по щекам. Он даже не мог вспомнить, когда плакал в последний раз. «Что это?» — недоумевал он. Его тело сотрясалось от рыданий, а он будто был зрителем.

Но слезы принесли облегчение. Носовым платком Отто утер глаза, лицо и выругался, увидев свои руки, сведенные судорогой и ставшие похожими на птичьи лапы.

Бликмены все еще стояли за окном — возможно, наблюдая. Лица их были совершенно безучастны, и в то же время Отто был почти уверен, что они видели его и так же удивлены, как и он сам. «Действительно, загадочная история. Полностью с вами согласен».

Бликмены собрались в кучку и принялись совещаться, потом один из них отделился от группы и подошел к сараю. Раздался стук. Подойдя к порогу и открыв дверь, Отто увидел молодого бликмена, который что-то протягивал ему.

— Тогда это, — произнес бликмен.

Отто взял предмет в руки, но никак не мог понять, что это такое. Он состоял из стеклянных и металлических частей с нанесенной на них калибровкой. Потом Отто сообразил, что это

геодезический прибор. Сбоку на нем было выгравировано: «Собственность ООН».

— Мне это не нужно, — раздраженно буркнул Отто, вертя предмет в руках. Наверняка украли. Он вернул прибор, и юноша, стоически приняв его, вернулся к группе. Отто закрыл дверь.

На этот раз они тронулись прочь: он смотрел из окна, как они медленно удаляются в сторону гор. «А все-таки интересно, что делали геодезисты ООН в здешних горах?».

Чтобы немножко взбодриться, он открыл банку копченых лягушачьих ножек и принялся сосредоточенно их поглощать, не получая никакого удовольствия от деликатеса.

— Не посылайте меня туда, мистер И, — произнес Джек Болен в микрофон, — я уже виделся сегодня с Коттом и обидел его. — Снова навалилась усталость.

«Я действительно оскорбил его. Как все складывается: сегодня я впервые повстречал Арни, и он тут же звонит в нашу компанию и вызывает мастера. Очень характерно для той игры, в которую я играю с могущественными, но неодушевленными силами природы».

— Мистер Котт рассказал мне о вашей встрече в пустыне, — ответил мистер И. — Более того, его

решение позвонить вам было вызвано как раз вашей встречей.

— Что вы говорите! — поразился Джек.

— Не знаю, что у вас там было, Джек, но можешь не волноваться. Отправляйся в Льюистаун. Если задержишься после пяти, получишь полуторную оплату. И мистер Котт, известный своей щедростью, настолько сгорает от нетерпения увидеть свой диктофон работающим, что обещал плотно накормить тебя.

— Ладно, — откликнулся Джек, которому уже надоело сопротивляться. В конце концов, он не знал, что творится в голове у Арни Котта.

Вскоре он уже опускался на крышу зала Союза водопроводчиков в Льюистауне.

Выглянувшая прислуга с подозрением оглядела его.

— Мастер из компании И, — сообщил Джек. — По вызову Арни Котта.

— О'кей, сынок, — ответил ему смотритель и проводил к лифту.

Джек нашел Арни в красиво меблированной гостиной, выглядевшей совсем как на Земле. Арни говорил по телефону и при виде Джека кивнул, чтобы тот заходил. Следующим кивком он указал на стол, где стоял портативный диктофон.

Джек подошел к столу, снял с диктофона крышку и перевернул его. Арни Котт продолжал беседовать.

— Конечно, я понимаю, что дар этот ненадежен. Я прекрасно понимаю, почему никому еще не удалось использовать его, — ну и что? Я должен сдаться, сделать вид, что его не существует, из-за того, что люди благодаря своей проклятой тупости не пользовались им пятьдесят лет? Нет, я все равно хочу попытаться. — Длинная пауза. — Хорошо, доктор. Спасибо.

Арни повесил трубку и повернулся к Джеку:

— Ты когда-нибудь был в Бен-Гурионе?

— Нет, — откликнулся Джек, сосредоточенно рассматривавший диктофон.

Арни подошел к нему и остановился рядом. Джек ощущал на себе пристальный взгляд Арни. Работать под таким присмотром было неприятно. Впрочем, приходилось не замечать. «Еще один школьный мастер», — заметил он про себя. А потом ему пришло в голову: а не начнется ли у него сейчас приступ? Правда, с тех пор уже много воды утекло, но мощная нависшая фигура, сверлящая его взглядом, вызывала у Джека те же чувства, что и тогда, во время беседы с заведующим кадрами «Короны».

— Я сейчас разговаривал с Глобом, — сообщил Котт. — Психиатром. Слышал когда-нибудь о нем?

— Нет, — откликнулся Джек.

— Неужели вся твоя жизнь заключается только в ковырянии в различных механизмах?

Джек поднял голову и посмотрел Арни в глаза.

— У меня жена и сын. Вот моя жизнь. А то, чем я занимаюсь сейчас, просто зарабатывание средств к их существованию. — Джек говорил спокойно, и, кажется, Арни не воспринял это как обиду — он даже улыбнулся.

— Что-нибудь выпьешь?

— Кофе, если у вас есть.

— У меня есть натуральный кофе с Земли. Черный?

— Черный.

— Да, ты похож на кофемана. Как думаешь, сможешь починить диктофон прямо здесь или заберешь с собой?

— Здесь.

— Потрясающе, — просиял Арни. — Я действительно без него как без рук.

— А где кофе?

Арни покорно вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с керамической кофейной

кружкой, которую поставил на стол рядом с Джеком.

— Послушай, Болен. Сейчас ко мне должен прийти один человек. Девушка. Тебе это не помешает работать?

Джек поднял глаза, решив, что Арни над ним издевается. Но тот был абсолютно серьезен: он внимательно смотрел то на Джека, то на частично разобранный механизм, наблюдая за тем, как продвигается починка. «Ему действительно это важно, — подумал Джек. — Странно, как люди привязываются к своей собственности, словно она является продолжением их тел. От такого человека, как Арни Котт, можно было бы ожидать, что он вышвырнет этот диктофон и купит себе новый».

В дверь постучали, и Арни бросился открывать.

— О, привет, — донесся до Джека его голос. — Заходи. Мне тут чинят мою машину.

— Тебе ее никогда не починят, Арни, — послышался женский голос.

Арни напряженно засмеялся.

— Познакомься с моим новым мастером. Джек Болен. Болен, это Дорин Андертон, наш казначей.

— Привет, — откликнулся Джек. Краем глаза, не отрываясь от работы, он заметил, что у нее рыжие волосы, удивительно светлая кожа и огромные прекрасные глаза. «И все получают зарплату, — едко подумал он. — Потрясающий мир. Неплохо ты здесь устроился, Арни».

— Он очень занят? — спросила женщина.

— Да, — откликнулся Арни, — эти ремонтники сами не свои до работы. Я имею в виду, из чужих фирм, не наших, конечно. Наши — банда лентяев, которые бьют баклуши за чужой счет. Но я с ними разделаюсь, Дор Этот Болен — настоящий волшебник. Диктофон заработает с минуты на минуту, да, Джек?

— Да, — откликнулся. Джек.

— Ты не здороваешься со мной, Джек? — спросила женщина

Отложив диктофон, Джек повернулся и спокойно оглядел

ее. Она стояла с невозмутимым, понимающим видом, а в глазах сквозила едва заметная насмешка, которая тревожила и не давала отвести от нее взгляда.

— Привет, — повторил Джек.

— Я видела на крыше твой вертолет, — заметила женщина.

— Не мешай ему работать, — сварливо промолвил Арни. — Давай мне свой плащ.

Встав сзади, он помог ей раздеться. На женщине был темный шерстяной костюм, судя по всему, с Земли, и следовательно, неимоверно дорогой. «Могу поспорить, он сильно ударил по пенсионному фонду союза», — подумал Джек.

Рассматривая женщину, Джек заметил, что она являет собой подтверждение старинной мудрости. Прекрасные глаза, волосы, кожа делали ее привлекательной, но истинную красоту придавал ей безупречный нос: волевой, прямой, организующий вокруг себя все черты лица. «Потому-то женщины Средиземноморья, будь то испанки, еврейки, турчанки или итальянки, смотрятся лучше ирландок или англичанок, — подумал Джек, — их носы совершенны от природы». У его собственной жены, Сильвии, был веселенький курносый ирландский носик. Она, по общему признанию, была хороша собой. Но ее красота существенно отличалась от красоты этой женщины.

На вид Дорин было тридцать с небольшим, и тем не менее от нее веяло свежестью. Такие свежие краски Джек встречал только у старшеклассниц, приближающихся к брачному возрасту, но ему

доводилось замечать их и в пятидесятилетних женщинах. Дорин останется привлекательной и через двадцать лет. Наверное, Арни правильно делал, вкладывая в нее доверенные ему деньги, — она не износится никогда. Уже сейчас в ее чертах присутствовала зрелость — свойство, редкое среди женщин.

— Мы собираемся пойти выпить, — сообщил ему Арни. — Если ты успеешь починить мою машину...

— Уже готово. — Джек обнаружил порвавшийся пасик и заменил его на новый из своего ящика.

— Отлично сработано! — Арни просиял, как счастливый ребенок. — Тогда пошли с нами. У меня встреча с Мильтоном Глобом, знаменитым психиатром, — объяснил он девушке, — наверное, ты слышала о нем. Я только что разговаривал с ним по телефону, и, по-моему, он — отличный парень. Могу поспорить, — Арни звонко шлепнул Джека по плечу, — когда ты приземлялся, ты и представить себе не мог, что будешь выпивать с известнейшим в Солнечной системе психоаналитиком, а?

«Идти или не идти? — подумал Джек. — А почему, собственно говоря, нет?»

— Хорошо, Арни, — согласился он.

— Доктор Глоб собирается подыскать мне шизофреника, — продолжал Арни. — Я нуждаюсь в его профессиональной помощи — И он рассмеялся, считая свое высказывание невероятно смешным; глаза у него блестели.

— Правда? — переспросил Джек. — Ну что ж, я — шизофреник.

Арни оборвал смех.

— Без шуток. Я бы никогда не подумал... то есть я хочу сказать, ты выглядишь совершенно нормально.

— Сейчас со мной все в порядке. Меня вылечили, — добавил Джек, заканчивая собирать диктофон.

— От шизофрении еще никого не удалось излечить, — заметила Дорин совершенно бесстрастным тоном, словно констатировала факт.

— Удавалось, если это реактивная шизофрения, — ответил Джек.

Арни смотрел на него с возрастающим интересом, даже с некоторым подозрением.

— Ты просто дурачишь меня. Хочешь втереться ко мне в доверие.

Джек пожал плечами, чувствуя, что краснеет, и предпочел вернуться к работе.

— Не обижайся. Послушай, ты не шутишь?

— допытывался Арни. — Джек, скажи мне, а ты случайно не обладаешь способностью предвидения?

— Нет, — помолчав, откликнулся Джек.

— Ты уверен? — недоверчиво спросил Арни.

— Уверен. — Теперь он уже жалел, что согласился пойти вместе с ними. Пристальное внимание вызывало у него ощущение беззащитности. Арни прямо-таки нависал над ним. Джек почувствовал, что ему становится трудно дышать, и отодвинулся к краю стола, чтобы быть подальше от шефа водопроводчиков.

— В чем дело? — резко отреагировал Арни.

Ни в чем. — Джек продолжал заниматься своим делом, не глядя ни на Арни, ни на женщину. Но те неотрывно продолжали следить за ним, и он заметил, что руки у него начинают дрожать.

— Джек, давай *я* тебе расскажу, как добился своего положения, — наконец промолвил Арни. — Только благодаря одной способности — умению правильно судить о людях. Я могу распознать, какие они на самом деле, не обращая внимания на то, что они говорят или делают. Так вот, я тебе не верю. Я убежден, что ты врешь и скрываешь свой дар предвидения. Правда ведь? Впрочем, можешь не отвечать. — Арни повернулся к

женщине: — Пошли. Я хочу выпить. — И он пригласил Джека следовать за ними.

Оставив свои инструменты, Джек неохотно повиновался.

ГЛАВА 7

«Неужто ко мне пришла удача?» — спрашивал себя Мильтон Глоб, направляясь к Льюистауну на встречу с Арни Коттом. Он даже представить себе не мог, что в его жизни произойдет такая решительная перемена.

Правда, не совсем ясно, что Арни требуется. Звонок был таким неожиданным и Арни так быстро говорил, что доктор остался в полном недоумении.

Вроде бы речь шла о парапсихологических способностях душевнобольных. Ну что ж, он мог рассказать Арни почти все, что известно на эту тему. Однако Глоб чувствовал: за этим интересом скрывается что-то еще.

Обычно интерес к шизофрении свидетельствовал о собственной предрасположенности субъекта к заболеванию. Хотя первым симптомом нарастающего шизофренического процесса была неспособность больного принимать пищу на людях. Арни же усиленно настаивал на встрече не у себя дома и не в офисе, а в известном ресторане и баре «Ивы». Может, это попытка

противодействия начавшемуся процессу? Испытывая неожиданную напряженность в публичных местах, особенно в ситуациях, связанных с приемом пищи, Арни пытается восстановить покидающую его норму...

Глоб размышлял об этом, ведя вертолет, но мало-помалу мысли его вернулись к собственным проблемам.

Арни Котт контролировал фонд союза, насчитывающий несколько миллионов долларов, и был выдающейся личностью, признанной во всем колониальном мире, хотя и совершенно неизвестной Дома. По сути, феодальный барон. «Если бы Котт взял меня в штат, — фантазировал Глоб, — я бы смог оплатить все накопившиеся долги, все кредитные чеки, сумма которых словно и не уменьшается. И тогда мы бы зажили, уже не влезая в долги, существуя на собственные средства... и довольно большие».

К тому же Арни был шведом или датчанином, что-то вроде этого, так что Глобу не пришлось бы каждый раз гримировать лицо перед приемом пациента. Плюс Арни известен своей простотой в отношениях; Милт и Арни — вот как это будет, — улыбнулся про себя Глоб.

Главное, что необходимо соблюсти на первом

свидании, это не перечить Арни, подыгрывать ему и не разочаровывать, даже если его идеи абсолютно ошибочны. Чертовски глупо пытаться переубедить его! И зачем?

«Я понял тебя, Арни, — приступил к репетиции доктор Глоб, подлетая все ближе к Льюистауну. — Да, это хорошая мысль».

Он принимал участие в таком количестве разнообразных мероприятий, замещая своих пациентов,
представляя интересы этих робких замкнутых шизоидных типов, которые съеживались при малейшем внешнем воздействии, что можно не сомневаться — все будет проще простого. А если шизоидный процесс у Арни уже пошел вовсю, то он станет жизненно необходимым ему.

«Прекрасно», — заметил Глоб и увеличил скорость вертолета до максимума.

«Ивы» были обнесены рвом с холодной прозрачной водой, фонтаны разбрызгивали струи, а все одноэтажное стеклянное строение ресторана окружали огромные багряные, желтые и ржаво-красные бугенвилли. Спустившись по черной стальной лестнице с крыши, Глоб сразу же увидел компанию: Арни Котт сидел в обществе какой-то рыжей красотки и запредельного вида

мужчины в монтерском комбинезоне и холщовой рубашке.

«Поистине бесклассовое общество», — подумал Глоб.

Он перешел через ров по горбатому мостику, миновал бар, задержался у небольшого джазового оркестра, который что-то задумчиво наигрывал, и наконец поздоровался с Арни.

— Привет, Арни!

— Привет, док. — Арни поднялся, чтобы представить его присутствующим. — Это доктор Глоб, Дор. Дорин Андертон. А это мой мастер Джек Болен, настоящий кудесник. Джек, это самый знаменитый из всех ныне живущих психиатров Милт Глоб.

Все покивали и пожали друг другу руки.

— Ну уж прямо-таки самый знаменитый, — пробормотал Глоб, пока все усаживались. — Ведущими в нашей области до сих пор являются экзистенциальные психиатры из Швейцарии. — Но каким бы преувеличением ни был комплимент Арни, он испытывал глубокую благодарность. Глоб ощущал, как его лицо прямо-таки заливается краской от удовольствия. — Простите, что так долго добирался, — пришлось заскочить в Новый Израиль. Бо... Босли Тувим

нуждался в моем совете по неотложному делу.

— Хороший парень, этот Бос, — заметил Арни. Он закурил сигарету — настоящую земную «Адмирал Оптимо». — Но да

вайте вернемся к нашему делу. Постой, я закажу тебе выпить. — И, вопросительно глядя на Глоба, он принялся махать официантке.

— Скотч, если есть, — сказал Глоб.

— «Катти Сарк», сэр, — ответила официантка.

— О, замечательно. Без льда, пожалуйста.

— Ладно, — нетерпеливо промолвил Арни. — Послушайте, доктор, вы раздобыли для меня имена продвинутых шизиков или нет?

— М-м-м, — начал Глоб, но тут же вспомнил свой недавний визит в Новый Израиль. — Манфред Стайнер.

— Имеет какое-нибудь отношение к Норберту Стайнеру?

— Его сын. В Бен-Гурионе... полагаю, сообщая вам это, я не нарушаю врачебную тайну. Полностью аутичный ребенок, с самого рождения. Мать — холодная, интеллектуальная шизоидная личность, занимавшаяся воспитанием по учебнику. Отец...

— Отец мертв, — оборвал его Арни.

— Совершенно верно. К прискорбию. Хороший

парень, но страдал депрессиями. Покончил с собой. Типичный порыв для стадии подавленного состояния.

— По телефону ты сказал, что у тебя есть теория про выпадание шизофреников из обычного времени, — продолжил Арни.

— Да, суть заключается в том, что у них нарушено внутреннее чувство времени. — Доктор Глоб заметил, что его слушают все трое, и с воодушевлением принялся развивать любимую тему: — Мы еще не получили исчерпывающего экспериментального подтверждения, однако за этим дело не станет.

И без какого бы то ни было колебания или смущения он изложил теорию швейцарцев, присвоив авторство себе.

— Очень интересно, — не скрывая впечатления от рассказа доктора, откликнулся Арни и повернулся к Джеку Болену: — Можно создать такую камеру?

— Конечно, — пробормотал Джек.

— И датчики, — добавил доктор Глоб, — чтобы пациент мог покинуть камеру и ориентироваться в реальном мире. Зрительные, слуховые...

— Запросто, — повторил Болен.

— А как насчет такого... — нетерпеливо

подхватил Арни, — способен ли шизофреник двигаться так быстро во времени по сравнению с нами, что фактически окажется в нашем будущем? Не объясняет ли как раз это феномен предвидения? — Его светлые глаза возбужденно блестели.

Глоб пожал плечами, изображая согласие.

— Вот оно, Джек! — повернувшись к Болену, пробормотал Арни. — Черт побери, во мне погиб гениальный психиатр. Замедлить его восприятие — черта с два! Я говорю — ускорить! Пусть опережает время, если ему так нравится. Только пусть делится своей информацией с нами, а, Болен?

— Вот здесь-то и лежит камень преткновения, — заметил Глоб. — При аутизме способность к межличностным контактам кардинально нарушена.

— Понимаю, — согласился Арни, но это его явно не смущало. — Я достаточно хорошо это понимаю, чтобы найти выход из положения. Разве этот парень, Карл Юнг, — разве ему не удалось давным-давно расшифровать язык шизофреников?

— Да, — ответил Глоб, — несколько десятилетий назад Юнгу удалось разгадать индивидуальную

лексику шизофреников. Но при детском аутизме, которым страдает Манфред, отсутствует вообще какой бы то ни было язык, по крайней мере ввербальном смысле. Возможно, мальчик переполнен личными индивидуальными переживаниями, но они не выражаются всловах.

— Черт, — выругался Арни.

Женщина бросила на него укоризненный взгляд.

— Серьезная проблема, — объяснил ей Арни. — Надо как-то заставить этих несчастных аутичных детишек общаться с нами и рассказывать нам о том, что им известно, не правда ли, док?

— Да, — откликнулся Глоб.

— Теперь этот Манфред — сирота, — продолжил Арни.

— Ну, у него еще есть мать, — заметил Глоб.

— Но они не настолько беспокоились о своем ребенке, чтобы забрать его домой, — возбужденно отмахнулся Арни, — предпочли сплавить мальчонку в лагерь. Черт, я вытащу его оттуда и возьму сюда. А ты, Джек, сконструируешь прибор, который нам поможет понимать его, улавливаешь?

— Не знаю, что и сказать, — подумав, рассмеялся Джек.

— Уверен, ты справишься. Черт, да тебе это будет раз плюнуть, учитывая, что ты сам шизофреник.

— Ах вот как? — заинтересованно повернулся к Болену доктор Глоб. Автоматически он уже отметил про себя его напряженный позвоночник, ригидность мускулатуры, не говоря уже об общем астеническом телосложении. — Похоже, вы гигантскими шагами движетесь к выздоровлению.

Болен
поднял голову, и взгляды их встретились.

— Я совершенно здоров. И уже давно. — На его лице застыло неестественное выражение.

«От
этого еще никому не удавалось окончательно выздороветь», — заметил про себя Глоб, хотя вслух ничего подобного не сказал. Вместо этого он предпочел вернуться к основной теме:

— Возможно, Арни прав, и вы сумеете вступить в эмпатическую связь с аутичным ребенком. Здесь-то и заключена основная сложность, так как аутичные субъекты не осуществляют наших ролевых функций и воспринимают мир иначе, чем мы. А поскольку мы тоже не можем их понять, нас разделяет бездна.

— Построй мост через эту бездну, Джек! — воскликнул Арни и хлопнул Болена по спине. — Вот твоя работа, я включаю тебя в свой штат.

Глоба переполнила зависть. Чтобы скрыть ее, он опустил голову и уставился в стакан. Однако женщина уже обратила внимание на его переживания и улыбнулась ему. Впрочем, доктор не ответил ей.

Глядя
на доктора Глоба, сидевшего напротив, Джек Болен ощутил, как постепенно видоизменяется его восприятие и рассеивается внимание — как раз то, чего он больше всего боялся. Именно с этого все началось в кабинете заведующего кадрами в «Короне», и с тех пор это ощущение не покидало его, грозя проявиться в любую минуту.

Сейчас он видел психиатра в абсолютном приближении к реальности: не как человека из кожи и плоти, а как механизм, собранный из проводов и переключателей. Плоть таяла и обретала прозрачность, за ней проступали механические устройства. Пытаясь скрыть свое состояние, Джек сжал стакан, продолжая прислушиваться к разговору и время от времени кивать. Ни Глоб, ни Арни ничего не замечали.

Зато женщина обратила внимание.

— Вам нехорошо? — перегнувшись через стол, тихо спросила она Джека.

Он покачал головой, пытаясь дать ей понять, что с ним все в порядке.

— Давайте оставим их, — шепотом предложила женщина. — Мне они тоже надоели... Мы с Джеком оставим вас наедине, — громко сообщила она Арни. — Идемте.

Она дотронулась до плеча мастера и встала. Он почувствовал прикосновение ее легких сильных пальцев и тоже поднялся.

— Не исчезайте надолго, — заметил Арни и вернулся к беседе с Глобом.

— Спасибо, — поблагодарил Джек женщину, когда они шли по проходу между столами к выходу.

— Вы обратили внимание, какая его охватила зависть, когда Арни сказал, что берет вас на работу? — спросила Дорин.

— Нет. Вы имеете в виду Глоба?.. Со мной такое бывает, — извиняющимся тоном продолжил Джек. — Что-то с глазами — наверное, астигматизм. В результате напряжения.

— Хотите посидеть в баре? — предложила Дорин. — Или выйдем на улицу?

— На улицу, — ответил Джек.

Они остановились на мосту. В воде, смутно мерцая,
скользили рыбы, казавшиеся полуреальными существами, — здесь, на Марсе, они были настоящим раритетом. Они казались чудом, и Джек с Дорин, ощущая это, не могли оторвать от них глаз. Оба чувствовали, что думают об одном и том же, и знали, что не обязательно говорить об этом вслух.

— Как хорошо здесь, — наконец промолвила Дорин.

— Да. [empty link]

— В разное время, так или иначе все были знакомы с каким- нибудь шизофреником, — заметила Дорин, — если, конечно, сами не болели. У меня страдал шизофренией младший брат, еще там, Дома.

— Со мной все будет хорошо, — откликнулся Джек. — Со мной уже все в порядке.

— Нет, — покачала головой Дорин.

— Нет, — согласился он, — но что я могу поделать? Вы же сами сказали: шизофреник навсегда останется шизофреником. — Он замолчал, устремив взгляд на бледную, плавно передвигавшуюся рыбу.

— Арни о вас очень высокого мнения, —

заметила Дорин. — Он действительно обладает способностью правильно судись о людях. И уже понял, что Глоб отчаянно жаждет продаться и пролезть в штат. Кажется, психиатрией теперь прилично не заработаешь, в отличие от старых времен. Слишком многие ей занимаются. У нас в поселении двадцать психиатров, а толку никакого. А ваше состояние... не явилось препятствием, когда вы получали разрешение на эмиграцию?

— Пожалуйста, мне бы не хотелось говорить об этом, — ответил Джек.

— Давайте погуляем, — предложила Дорин.

Они шли по улицам мимо магазинов, большинство из которых было закрыто в этот день.

— А что вы вдруг увидели, когда смотрели на доктора Глоба там, за столом? — спросила женщина.

— Ничего, — ответил Джек.

— Вы и об этом предпочитаете не говорить?

— Пожалуй.

— Думаете, если скажете мне, положение может ухудшиться?

— Скорее, не положение, а то, что внутри меня.

— Откуда вы знаете, что причина внутри? Может, дело в вашем зрении, искажающем действительность?.. Я всегда изо всех сил пыталась понять то, что видел и слышал мой брат Клей. Он не мог сам это выразить. Я чувствовала, что он живет в совершенно ином мире. Клей покончил жизнь самоубийством, так же, как Стайнер. — Она остановилась у газетного стенда и принялась читать заметку на первой странице о Норберте Стайнере. — Экзистенциальные психиатры считают, что не надо им мешать сводить счеты с жизнью, мол, для них это единственный выход... когда видения становятся непереносимо ужасными.

Джек промолчал.

— Это действительно так страшно? — спросила Дорин.

— Нет. Просто приводит в замешательство, — попытался объяснить Джек. — Они никак не согласуются с тем, что ты до сих пор видел и знал, поэтому продолжать привычное существование оказывается невозможным.

— И вам часто приходится делать вид, что все в порядке, ну, изображать? Как актеру? — Он не ответил, и она продолжила: — Как вы пытались это сделать сегодня.

— Я бы с радостью согласился дурачить окружающих, — кивнул Джек. — Чего бы я только не отдал, чтобы научиться прикидываться. Но тут-то и происходит настоящий распад личности, до этого мгновения все идет как по маслу — врачи ошибаются, утверждая, что расщепляется сознание. Я бы вполне мог сохранять его целостность, но тогда мне пришлось бы наклониться к доктору Глобу и сказать ему... — Он внезапно замолчал.

— Что сказать? — спросила Дорин.

Джек сделал глубокий вдох:

— Ну, я бы сказал: док, я вижу вас в перспективе вечности, и вы — мертвы. В этом заключается суть болезненного восприятия. Оно не нужно мне, я не желаю его.

Женщина взяла его за руку.

— Я никому не говорил об этом раньше, — продолжил Джек, — даже Сильвии, своей жене, и сыну Дэвиду. Я каждый

день наблюдаю за ним, слежу — не проявляется ли это и в нем. Такие вещи легко передаются по наследству, как у Стайнеров. Я не знал, что у них сын в Бен-Гурионе, пока Глоб не сказал об этом. А ведь мы уже много лет как соседи. Стайнер никогда и словом не обмолвился.

— Нас ждут назад к обеду, — сказала Дорин. — Вы не возражаете? Знаете, если хотите, вы можете отказаться работать на Арни и остаться у мистера И. У вас прекрасный вертолет. Оттого, что Арни решил вас купить, вы не обязаны все бросать.

— Создать прибор для коммуникации аутичного ребенка с нашим миром — очень увлекательная задача, — пожал плечами Джек. — Думаю, в задумке Арни есть глубокий смысл. Я мог бы стать посредником и принести пользу.

«И на самом деле не важно, зачем Арни нужен сын Стайнера, — подумал Джек. — Возможно, он движим чисто эгоистическими мотивами, рассчитывает на значительный доход в звонкой монете. Но меня это совершенно не волнует. К тому же не обязательно порывать с мистером И. И может просто сдать меня Союзу водопроводчиков в аренду: мне будет платить мистер И, а тот, в свою очередь, будет получать деньги от Арни. И все будут счастливы. Уж конечно, возиться с нарушенным сознанием ребенка гораздо интереснее, чем копаться в холодильниках и диктофонах. Если мальчика мучают какие-нибудь известные мне галлюцинации...»

Джек был знаком с временной теорией, которую

Глоб выдал за собственное изобретение. Он читал о ней в «Научной Америке»; естественно, он читал о шизофрении вообще все, что удавалось достать. Он знал, что теорию разработали швейцарцы и Глоб не имеет к ней никакого отношения. «Странная теория. Но что-то в ней есть».

— Давай вернемся в «Ивы», — сказал Джек. Он был страшно голоден, а трапеза обещала быть обильной.

— Ты смелый человек, Джек Болен, — ответила Дорин.

— Почему? — поинтересовался он.

— Потому что возвращаешься туда, где плохо себя чувствуешь, к людям, которые вызвали у тебя, как ты выразился, видение вечности. Я бы на твоем месте сбежала.

— Но в этом-то и заключается самое главное: все задумано, чтобы человек сбежал. Для того и существуют видения, чтобы уничтожить взаимоотношения с другими людьми, чтобы изолировать тебя. И если им удается добиться своего, твоя жизнь среди людей закончена. Именно это и имеют в виду, когда

говорят, что шизофрения не диагноз, а прогноз; она не описывает то, чем человек страдает, она только предсказывает, что будет дальше.

«Но со мной такого не произойдет. Я не превращусь в немого Манфреда Стайнера, запертого в психиатрическом заведении. У меня есть жена, сын, друзья, я буду работать и сохраню их. Да и любовные связи, если таковые возникнут, — добавил про себя Джек, взглянув на женщину, державшую его за руку. — Я буду продолжать стараться».

Он сунул руки в карманы и нащупал что-то твердое и холодное. Удивившись, он извлек наружу нечто похожее на сморщенный засохший древесный корешок.

— Господи, что это такое? — спросила Дорин.

Это была водяная ведьма, которую подарили ему бликмены утром в пустыне. Он совершенно забыл о ней.

— Амулет на счастье, — объяснил Джек.

— Какой уродливый!

— Да, — согласился он, — но добрый. А мы, шизофреники, как раз страдаем из-за враждебности окружающих, мы притягиваем к себе их бессознательную неприязнь.

— Я знаю. Телепатический фактор. С Клеем тоже так было — все хуже и хуже, пока... — Дорин бросила на него взгляд.— С параноидальным исходом.

— Это самое неприятное в нашем состоянии — постоянное осознание подавленных, загнанных вглубь садизма и агрессии в окружающих нас людях, даже незнакомых. Мы впитываем это в ресторанах... — он вспомнил о Глобе, — в автобусах, театрах, ощущаем в толпе.

— Вы не знаете, чего хочет Арни от этого мальчика Стайнера? — спросила Дорин.

— Ну, теория предвидения...

— Но что Арни хочет узнать о будущем? Не знаете? И вам даже не придет в голову попытаться это выяснить.

Действительно. Он не был любопытен.

— Вы удовлетворены своей технической задачей, — медленно проговорила она, изучающе глядя на него, — созданием необходимой аппаратуры. Это плохо, Джек Болен, это — нехороший признак.

— Да, — кивнул он, — это особенность шизоидов удовлетворяться чисто техническими проблемами.

— И вы не спросите Арни?

Он почувствовал неловкость.

— Не мое дело. Работа интересная, и мне нравится Арни, нравится больше, чем мистер И. Я не любопытен. Таков уж я уродился.

— А я думаю, вы боитесь. Только не могу понять почему — вы смелый человек, но где-то глубоко внутри чего-то страшно боитесь.

— Возможно, — с грустью ответил Джек.

И они вместе направились обратно к «Ивам».

Вечером, когда все разошлись, включая Дорин Андертон, Арни Котт сидел один в своей гостиной в самом прекрасном расположении духа. Ну и денек выдался!

Он приобрел прекрасного мастера, который уже починил его бесценный диктофон, а в дальнейшем создаст электронное устройство, которое будет расшифровывать провидческие сведения, полученные от аутичного ребенка.

Он выдоил необходимую информацию из психиатра и тут же избавился от него.

Так что в целом день выдался исключительный. Не удалось разрешить только две проблемы: клавесин до сих пор не настроен, и... что же еще? Вылетело из головы. Арни попытался вспомнить, сидя перед телевизором и глядя на бои, транслировавшиеся из Прекрасной Америки — американской колонии на Марсе.

Наконец память прояснилась. Смерть Норба Стайнера. Он лишился источника контрабандных продуктов.

— И это устрою, — вслух произнес Арни.

Он выключил телевизор, взял диктофон и произнес текст, адресованный Скотту Темплу, с которым он сотрудничал в бесчисленном количестве важных деловых предприятий. Темпл был двоюродным братом Эда Рокингхама и твердым орешком: ему удалось договориться с ООН и получить контроль над большей частью медицинских поставок на Марс со всеми преимуществами, вытекающими из этой монополии.

Пленка диктофона быстро вращалась.

— Скотт! — начал Арни. — Привет. Ты знал беднягу Норба Стайнера? Жаль, что он умер. Кажется, он был психически сам знаешь кто. Как и все мы. — Арни раскатисто рассмеялся. — В общем, у нас теперь небольшая проблемка, я имею в виду — с поставками. Так? Послушай, Скотт, старина, я бы хотел обсудить это с тобой. Я буду дома. Понимаешь? Заскочи завтра или послезавтра, чтобы мы могли точно обо всем договориться.

Думаю, старый механизм Стайнера мы использовать не будем. Начнем все заново: сделаем себе посадочную площадочку подальше от людей, добудем ракеты и что там еще надо.

И полетят к нам копченые устрицы, как и положено.

Арни выключил диктофон и задумался: нет, он все сказал, такой человек, как Скотт Темпл, не нуждался в длинных объяснениях — сделка была заключена.

— О'кей, Скотт, — добавил он. — Жду тебя.

Арни вынул кассету. Потом ему пришло в голову прослушать ее, чтобы убедиться в правильной передаче текста. Какая будет неприятность, если код не сработал!

Но нет, все было в порядке и в наилучшем виде: семантические блоки были вставлены в пародию на современную электронную музыку, напоминавшую кошачий концерт. Слушая вой, посвистывание, урчание и шипение, Арни хохотал, пока по щекам у него не потекли слезы; пришлось идти в ванную и смочить лицо холодной водой, чтобы успокоиться.

Вернувшись в комнату, он положил кассету в коробку и аккуратно надписал: «Песня Духа Ветра. Кантата Карла Уильяма Диттершанда».

Этот Диттершанд был сейчас кумиром интеллектуалов там, на Земле, но Арни терпеть не мог так называемую электронную музыку; его вкусы твердо остановились на Брамсе. Арни

очень веселило, что закодированное послание Скотту с предложением противозаконного импорта продуктов озаглавлено как кантата Диттершанда. Набрав номер одного из членов союза, он распорядился, чтобы кассету отправили на север в Новую Британнику — английскую колонию на Марсе.

Таким образом, завершив к половине девятого все дела, Арни вернулся к телевизору, чтобы досмотреть финальные бои. Закурив еще одну сигару, он откинулся на спинку кресла, блаженно выпустил дым и расслабился.

«Как бы я хотел, чтобы все дни были похожи на этот. Тогда можно было бы жить вечно». Такие дни не увеличивали его возраст, а наоборот, молодили. Он снова чувствовал, что ему еще нет и сорока.

«Ну и ну, чтобы я орудовал на черном рынке! И во имя чего? Пары банок ежевичного желе, маринованных угрей и тому подобного». Но это тоже важно, а особенно для него. «Я никому не позволю лишить меня лакомств, — мрачно подумал он. — И если Стайнер возомнил, будто, покончив с собой, причинит мне...»

— Давай! — закричал он чернокожему парню, которого сбили с ног на экране телевизора. —

Вставай, педераст! И вмажь ему как следует!

Негр поднялся, словно услышав его, и Арни захихикал от острого чувства удовольствия.

Джек Болен курил у окна в маленьком гостиничном номере в Банчвуд-парке, где он обычно ночевал в течение недели.

То, чего он боялся все эти годы, снова вернулось. Теперь это уже было не болезненное предчувствие, а реальность. «Боже, — в отчаянии думал он, — они правы: от этого не вылечиваешься никогда». Посещение школы спровоцировало приступ, а в «Ивах» болезнь проявилась и подмяла под себя с такой же силой, будто ему снова было двадцать и он работал на Земле в корпорации «Корона».

И еще он чувствовал, что смерть Норберта Стайнера каким- то образом имеет к этому отношение.

Смерть затрагивает всех окружающих, заставляет их совершать неожиданные поступки: она словно включает цепную реакцию эмоций и действий, которая все расширяется, захватывая все большее количество людей.

«Надо позвонить Сильвии и узнать, как там фрау Стайнер и девочки».

Но он тут же отказался от этой мысли. «Все равно я ничем не могу помочь, я круглосуточно

должен находиться здесь, чтобы мистер И мог в любой момент меня вызвать». А теперь он еще мог потребоваться и Арни Котту.

Впрочем, за последнее была компенсация, прекрасная, нежная и вдохновляющая — в его бумажнике лежали адрес и номер телефона Дорин Андертон.

Может, позвонить ей? Подумать только — найти человека, к тому же женщину, с которой можно свободно разговаривать, которая понимает его положение, искренне желает выслушать и не испытывает при этом страха.

Это очень обнадеживало.

С женой он ни за что не стал бы обсуждать свою болезнь. В нескольких случаях, когда он пытался ей что-то объяснить, она просто вся сжималась от ужаса. Подобно остальным, Сильвия впадала в панику при одной мысли о том, что в ее жизнь может войти шизофрения. Сама она боролась с ней при помощи современных магических средств — лекарственных препаратов, словно фенобарбитурат мог остановить самый зловещий и разрушительный процесс, когда-либо известный

человечеству. Один Бог знает, сколько таблеток за последние десять лет проглотил сам Джек,

— наверное, их хватило бы, чтобы вымостить дорогу от гостиницы до дома, а возможно, и обратно.

После некоторых размышлений он решил не звонить Дорин. Лучше оставить это на потом, когда положение станет нестерпимо тяжелым. Сейчас он был довольно спокоен. А в будущем могут возникнуть случаи, когда без Дорин Андертон ему не обойтись.

Конечно, следует вести себя осторожно — Дорин, очевидно, любовница Арни. Но, кажется, она понимала, что делает, и уж наверняка она знала Арни. Конечно, Дорин учитывала это, когда, выходя из ресторана, дала ему свой адрес и номер телефона.

«Я верю ей», — промолвил Джек про себя, а для субъекта с шизоидным радикалом это было кое-что.

Джек Болен погасил сигарету, достал пижаму и собрался спать.

Он уже залезал под одеяло, когда зазвонил телефон.

«Служебный
вызов», — подумал он, машинально вскакивая.

Но это был не вызов.

— Джек? — тихо произнес женский голос.

— Да. [empty link]

— Это Дорин. Я просто хотела узнать, все ли у тебя в порядке.

— Все прекрасно, — ответил он, садясь на кровати.

— Ты не хочешь прилететь сейчас? Ко мне?

— М-м-м, — колеблясь, промычал он.

— Мы бы послушали пластинки, поговорили. Арни дал мне массу редких стереофонических записей из своего собрания... некоторые, конечно, поцарапаны, но есть просто замечательные. Знаешь, он ведь настоящий коллекционер, у него самая большая коллекция Баха на всем Марсе. И ты видел его клавесин.

Так вот что стояло у Арни в гостиной.

— А это не опасно? — спросил Джек.

— Нет. Об Арни можешь не волноваться, он не собственник, если ты понимаешь, о чем я.

— Хорошо. Сейчас буду, — откликнулся Джек и только тут понял, что не может лететь из-за возможных вызовов. Разве что переключить их на ее номер телефона...

— Никаких проблем, — ответила Дорин, когда он объяснил ей. — Я позвоню Арни и скажу ему.

— Но... — Джек онемел.

— Джек, ты просто не в своем уме, если

считаешь, что у нас есть другой выход. Арни известно все, что происходит в поселении. Положись на меня, дорогой. Если будут какие-нибудь вызовы, пока ты в дороге, я запишу их, хотя сомневаюсь, чтобы они были. Арни совершенно не заинтересован, чтобы ты чинил людям тостеры, ты ему нужен для его собственных нужд — создать прибор для общения с этим мальчиком.

— Хорошо, — откликнулся Джек. — Сейчас буду. До свидания. — И он повесил трубку.

Не прошло и двух минут, как его вертолет уже летел по ночному марсианскому небу к Льюистауну, к возлюбленной Арни Котта.

ГЛАВА 8

Дэвид Болен знал, что у его деда Лео тьма денег и он не скупится их тратить. Например, не успели они выйти из здания космического вокзала, а дед в своем строгом костюме с жилеткой и золотыми запонками — именно по нему-то мальчик и отличил его среди пассажиров, спускавшихся по пандусу, — остановился у цветочного прилавка и купил Сильвии букет крупных синих земных цветов. Он хотел и Дэвиду что-нибудь подарить, но игрушек в продаже не было, только конфеты, которые дедушка Лео и взял — целую двухфунтовую коробку.

Под мышкой дед сжимал белую картонку, перевязанную белым шнурком, которую он отказался сдать в багаж. Выйдя из здания вокзала и устроившись в отцовском вертолете, Лео раскрыл картонку. Она была заполнена мацой, пикулями и тонкими ломтями солонины, обернутыми в пластикат, общим весом фунта в три.

— Господи, — восхищенно воскликнул Джек. — Прямо из Нью-Йорка. Здесь, в колониях, нет ничего подобного!

— Я знаю, Джек, — откликнулся Лео. — Один еврей посоветовал, где достать это, и мне так понравилось, что я понял: тебе тоже понравится, — у нас ведь одинаковые вкусы. — И он рассмеялся от радости, видя, какое всем доставил удовольствие. — Я тебе сделаю бутерброд, когда доберемся до дому. Сразу же, не откладывая.

Вертолет взмыл над ракетодромом и поплыл над темной пустыней.

— Как у вас тут с погодой? — поинтересовался Лео.

— Часто штормит, — ответил Джек. — Неделю назад чуть целиком не занесло песком. Пришлось брать в аренду электронасос, чтобы откопаться.

— Плохо, — покачал головой Лео. — Надо возвести бетонную стену, о которой ты писал в письмах.

— Придется выложить целое состояние, — заметила Сильвия. — Здесь не так, как на Земле.

— Я знаю, но вы же должны защищать свою собственность; ваш дом и земля — это большая ценность, у вас ведь поблизости вода, не забывайте.

— Пожалуй, забудешь! — воскликнула Сильвия. — Боже милосердный, да без этой канавы мы бы вымерли.

— Канал не стал шире в этом году? — поинтересовался Лео.

— Такой же, — ответил Джек.

— Его углубили, — вмешался Дэвид. — Я смотрел: приехали люди из ООН с большой машиной, которая отсасывала песок со дна, и вода стала гораздо чище. Так что папа даже отключил систему фильтров. Поэтому теперь, когда объездчик открывает нам шлюз, мы накачиваем столько воды, что папа позволил мне засадить еще один огород. У меня там растет пшеница, и кабачок, и несколько морковок, только кто-то пожрал всю свеклу. А вчера вечером мы ели кукурузу с моего огорода. А чтобы маленькие зверьки не могли туда проникнуть, мы построили забор. Как их зовут, папа?

— Песчаные крысы, Лео, — подсказал Джек. — Как только у Дэвида начал поспевать урожай, они — раз! — и тут как тут. Вот такого размера. — Он показал руками. — В общем-то, вполне безобидные, если не считать, что за десять минут могут съесть столько, сколько весят сами. Старые переселенцы предупреждали нас, но надо же было самим убедиться.

— Это хорошо, что вы выращиваете собственные овощи, — заметил Лео. — Я помню, ты писал мне

о своем огороде, Дэвид, — завтра обязательно взгляну на него. Сегодня уже слишком устал: путешествие было длинным, несмотря даже на эти новые корабли, как они называются? Быстрее света? Ерунда! Пока взлетит, пока сядет, и та же тряска... Рядом со мной сидела женщина, так она решила, что мы горим, и перепугалась — а все из-за жары, даже кондиционеры не помогают. Не понимаю, почему они допускают, чтобы корабли перегревались, неужели не хватает мощности на охлаждение? Хотя по сравнению с тем, что было — помните, когда вы эмигрировали, перелет занимал два месяца, — большой прогресс!

— Лео, я надеюсь, ты взял с собой кислородную маску. Наши очень старые и барахлят, — сменил тему Джек.

— Конечно, в коричневом чемодане. Не волнуйся обо мне, я теперь принимаю другие сердечные средства, значительно эффективнее. Все меняется к лучшему на Земле. Да, она перенаселена. Но все больше и больше людей собираются эмигрировать сюда, поверь моему слову. Смог так сгустился, что мы еле дышим.

— Знаешь, дед, наш сосед, мистер Стайнер, покончил жизнь самоубийством, — снова вступил Дэвид. — Теперь его сын Манфред

вернулся домой из лагеря для аномальных детей, и папа создает для него прибор, чтобы он мог разговаривать с нами.

— Что ты говоришь! — добродушно откликнулся Лео. — Это очень интересно, Дэвид. — Он расцвел в улыбке. — А сколько лет мальчику?

— Десять, — ответил Дэвид, — хотя он еще совсем не может разговаривать. Но папа ему поможет своим прибором. А знаешь, на кого папа сейчас работает? На мистера Котта — президента Союза водопроводчиков, он очень большой и важный человек.

— Кажется, я о нем слышал, — откликнулся Лео, подмигнув Джеку.

— Отец, ты все еще собираешься покупать землю в горах Франклина Рузвельта? — спросил Джек.

— Конечно. Можешь не сомневаться, Джек. Естественно, я прилетел, чтобы повидать всех вас, но если бы не дело, я бы не смог впустую потратить столько времени.

— Я надеялся, ты передумаешь.

— Джек, тебе нечего беспокоиться, я знаю, что делаю. Я занимаюсь земельными инвестициями уже много лет. Послушай, ты свозишь меня туда, чтобы я смог все посмотреть собственными

глазами? У меня есть куча карт, но я бы хотел взглянуть сам.

— Вас ждет серьезное разочарование, — заметила Сильвия. — Заброшенная, безводная местность, практически лишенная жизни.

— Давайте не станем сейчас спорить, — улыбнулся Лео Дэвиду, слегка толкнув его локтем. — Как приятно видеть здорового и веселого молодого человека вдали от зараженного воздуха, которым мы дышим Дома.

— Ну, на Марсе есть свои недостатки, — возразила Сильвия. — Поживите здесь при плохой погоде и без воды, и вы поймете.

— Это я знаю, — серьезно откликнулся Лео. — Чтобы жить здесь, нужны недюжинные силы. И тем не менее здесь здоровая атмосфера, не забывайте.

Внизу уже сияли огни Банчвуд-парка. Джек развернул вертолет к северу по направлению к дому.

Ведя вертолет, Джек Болен взглянул на отца и поразился тому, как мало он постарел, каким бодрым и крепким выглядел для человека, приближающегося к восьмидесяти. И до сих пор целиком отдается делам, получая от них удовольствие ничуть не меньше, чем раньше!

Все же, хотя Лео не показывал вида, было заметно, что путешествие сильно утомило его. Впрочем, они почти долетели. Гирокомпас показывал 7.08054, значит, через несколько минут они окажутся дома.

Сойдя на землю, Лео тут же бросился выполнять свое обещание: устроившись на кухне, начал весело готовить им бутерброды с мацой и кошерной солониной. Вскоре все уже сидели в гостиной, уплетая их за обе щеки и ощущая покой и умиротворенность.

— Вы не можете себе представить, как мы изголодались по такой еде, — наконец промолвила Сильвия. — Даже на черном рынке... — Украдкой она бросила взгляд на Джека.

— На черном рынке иногда можно достать деликатесы, — продолжил Джек, — хотя в последнее время это становится все труднее. Лично мы им не пользуемся. И не по каким-то моральным причинам, просто очень дорого.

Они поговорили еще некоторое время, обсудив поездку Лео и положение на Земле, после чего в половине одиннадцатого Дэвид был отправлен спать. В одиннадцать Сильвия извинилась и сказала, что тоже, пожалуй, ляжет. Лео и Джек остались в гостиной одни.

— Может, выйдем на улицу, взглянем на огород мальчика? — предложил Лео: — У тебя есть фонарь?

Отыскав аварийный фонарь, Джек вышел из дома в ночную прохладу.

— Как у тебя сейчас с Сильвией? — тихо спросил Лео, когда они остановились у грядки с кукурузой.

— Прекрасно, — ответил Джек, застигнутый врасплох этим вопросом.

— А мне показалось, что между вами какая-то холодность, — заметил Лео. — Это действительно будет ужасно, Джек, если вы расстанетесь. Она — прекрасная женщина, одна на миллион.

— Я знаю, — неловко ответил Джек.

— Дома, когда ты был еще молод, ты достаточно погулял. Теперь-то, полагаю, ты остепенился.

— Да, — откликнулся Джек, — и мне кажется, ты просто выдумываешь.

— У тебя замкнутый вид, Джек, — продолжил отец. — Надеюсь, тебя не беспокоят старые болячки — ты знаешь, о чем я. Я говорю о...

— Я знаю, о чем ты говоришь.

— Когда я был молодым, таких психических заболеваний, как сейчас, не было, — безжалостно продолжал Лео. — Это — знамение времени,

результат перенаселения. Я вспоминаю, что еще задолго до того, как ты заболел, еще лет с семнадцати ты был холоден в отношениях с людьми, не испытывал к ним никакого интереса. Был задумчив. Мне кажется, сейчас ты тоже в таком состоянии.

Джек не мигая уставился на отца: с родителями всегда так, они просто не способны противостоять искушению, не впасть в старое амплуа Всезнающих и Вездесущих. Для Лео Джек был не взрослым человеком с женой и сыном, а все таким же ребенком.

— Послушай, Лео, на Марсе еще очень мало людей, пока планета скудно заселена. Естественно, люди здесь общаются меньше, они более замкнуты по сравнению с тем, что делается Дома, где, по твоим собственным словам, идет тусовка с утра до вечера.

— Гм-м, верно, — кивнул Лео. — Тем более ты должен радоваться при виде соплеменника.

— Если ты имеешь в виду себя, то я очень рад тебя видеть.

— Конечно, Джек, конечно, — ответил Лео. — Наверное, я просто устал. Но ты так мало рассказываешь о своей жизни, словно постоянно чем-то озабочен.

— Работой, — откликнулся Джек. — Я все время думаю о Манфреде, об этом аутичном ребенке.

Но, как и в былые времена, отец прекрасно разгадывал
его отговорки истинным родительским инстинктом.

— Ну-ну. Я знаю, чем занята твоя голова, и мне известна твоя работа: она делается руками, а я говорю о твоих мыслях, обращенных внутрь. Здесь, на Марсе, существует психотерапия? Только не говори мне «нет».

— Я и не собираюсь говорить «нет», я хочу сказать только одно — тебя это не касается.

Отец словно отпрянул в темноте.

— Хорошо, мальчик, — пробормотал он. — Прости, что вмешиваюсь.

Оба замолчали, ощутив неловкость.

— Черт, давай не будем ссориться, папа. Пошли домой, выпьем чего-нибудь и ляжем. Сильвия приготовила для тебя мягкую постель, так что ты сможешь хорошо отдохнуть.

— Сильвия очень внимательна, — с легкой обидой на сына промолвил Лео. — Джек, я все время беспокоюсь о тебе, — продолжил он уже более спокойно. — Может, я старомоден и ничего не понимаю, но это психическое заболевание...

похоже, им сегодня страдают все. Оно стало таким же распространенным, как грипп или полиомиелит в старые годы; в мои времена так все болели корью. А теперь ты... Я как-то слышал по телевизору, что шизофренией страдает каждый третий. Не понимаю, Джек, почему надо отворачиваться от жизни, когда в ней столько всего, ради чего стоит жить?

Перед тобой лежит целая планета. Завтра, например, мы полетим в горы Франклина Рузвельта, и ты мне все покажешь, а потом я пойду и оформлю документы — я собираюсь купить эту землю. И ты купи, слышишь? Я одолжу тебе денег. — Он улыбнулся, обнажив стальные зубы.

— Это не мое дело. Хотя спасибо, — ответил Джек.

— Я выберу тебе участок, — предложил Лео.

— Нет. Меня это не интересует.

— Ты... тебе нравится твоя работа, Джек? Ну, создать машину, чтобы разговаривать с ребенком? Похоже, это достойное занятие. Я горжусь тобой. И Дэвид, прекрасный парень, он тоже гордится тобой.

— Я знаю, — ответил Джек.

— У Дэвида ведь не проявляются никакие

симптомы шизо?..

— Нет.

— Не знаю, где ты ее подцепил. Уж точно не от меня — я люблю людей.

— Я тоже.

«Интересно, — подумал Джек, — что бы сказал отец, если бы ему стало известно о Дорин. Вероятно, его бы это огорчило; он принадлежит к поколению со строгими правилами — родился в 1924-м — давным-давно. Теперь мир совсем другой. Удивительно, как отец приспособился к новому миру, просто чудо какое-то. Лео, родившийся в период бума сразу после первой мировой войны, стоит здесь, на краю марсианской пустыни...»

И все же он ничего не поймет о Дорин и почему Джеку так важно любой ценой сохранить эти отношения.

— Как ее зовут? — спросил Лео.

— Ч-что? — заикаясь, переспросил Джек.

— Я немножко телепат, — бесцветным голосом произнес Лео. — Ты согласен?

— Вероятно, — помолчав, ответил Джек.

— Сильвия знает?

— Нет.

— Я сразу понял, потому что ты стараешься не

смотреть мне в глаза.

— Чушь! — раздраженно оборвал его Джек.

— Замужем? У нее есть дети, у женщины, с которой ты путаешься?

— Почему бы тебе не использовать свои телепатические способности? — изо всех сил сдерживаясь, ответил Джек.

— Я просто не хочу, чтобы это ранило Сильвию, — произнес Лео.

— Она тут ни при чем.

— Не очень приятно проделать огромный путь, чтобы узнать такие новости, — сказал Лео. — Ну что ж... — вздохнул он. — Как бы там ни было, у меня есть свои дела. Завтра утром встанем пораньше и отправимся.

— Не суди слишком строго, папа, — попросил Джек.

— Хорошо, — согласился Лео. — Я знаю, теперь другие времена. Ты думаешь, что таким образом поддерживаешь себя, да? Может, оно и так. Может, это способ сохранить здравый смысл. Я не хочу сказать, что ты сумасшедший...

— Просто слегка тронутый, — с горечью уточнил Джек. «Господи, и это мой родной отец, — подумал он. — Какая пытка! Какая жуткая трагедия».

— Я знаю, с тобой все будет в порядке, —

продолжил Лео. — Я вижу, ты борешься, а не просто заводишь шашни. Я слышу по твоему голосу, что тебе нехорошо. То же самое, что у тебя было, только с возрастом сил становится меньше, и переносить это тяжелее, верно? Да, я понимаю. Эта планета очень пустынна. Странно, что вы все, эмигранты, вообще не посходили с ума. Так что я понимаю: вы должны ценить любовь, как бы она ни выражалась. Тебе пригодится и то, что есть у меня, — эта моя земля; возможно, для тебя тем же самым сможет стать твоя машина, которую ты делаешь для бедного немого ребенка. Я хотел бы посмотреть на него.

— Ты его увидишь, — пообещал Джек, — возможно, завтра.

Они еще постояли немного и направились обратно к дому.

— Сильвия все еще принимает наркотики?

— Наркотики? — Джек рассмеялся. — Фенобарбитурат. Да, принимает.

— Какая она славная девочка, — заметил Лео. — Плохо, что у нее такое нервное напряжение. А она ведь еще помогает несчастной вдове по соседству, как ты говорил.

В гостиной Лео сел в кресло, откинулся на спинку и вздохнул, устроившись поудобнее,

чтобы продолжить разговор. Было видно, что ему есть что сказать и молчать он не намерен.

Приняв,
как всегда перед сном, сто миллиграммов барбитурата, Сильвия спала. Со двора до нее смутно долетали голоса мужа и свекра; в какой-то момент реплики вдруг стали резкими, и она, встревожившись, села.

«Неужели ссорятся? Дай Бог, чтобы нет; надеюсь, прилет Лео ничего не разрушит».

Голоса снова затихли, и она расслабилась.

«Без всяких сомнений, он — замечательный старик. Очень похож на Джека, разве что более решительный».

В последнее время, с тех пор как ее муж начал работать на Арни, он сильно изменился. Дело ему действительно было поручено жуткое. Молчаливый аутичный мальчик пугал Сильвию, и одновременно ей было его жаль. Но жизнь и так достаточно сложна. Мальчик то и дело вбегал и выбегал из дома на цыпочках с таким взглядом, словно видел невидимое и различал не слышимые окружающими звуки. Если бы время можно было обратить вспять и каким-нибудь образом вернуть Норберта Стайнера к жизни! Если бы только...

И в ее затуманенном сознании, как при яркой вспышке, возник продавец-неудачник, отправляющийся с утра со своими чемоданами объезжать покупателей: йогурт и ром с черной патокой.

Может, он до сих пор где-то жив? Может, Манфред, затерявшийся в искаженном времени, как говорит Джек, видит его?.. Впрочем, скорее всего они правы, и он видит будущее, то, что лежит впереди. Они получат то, что им надо. Но почему Джек? Джек, зачем тебе это надо? Родство между тобой и этим больным ребенком, да? О-о-о...

Мысли ее покрыла тьма.

А что потом? Буду ли я тебе снова нужна?

Не может быть родства между здоровым и больным. Ты другой — это-то и мучает меня. И Лео это знает, и я это знаю. А ты? Ты любишь меня?

Она спала.

Высоко в небе кружили хищные птицы. У фундамента здания валялись их экскременты. Он поднял несколько комков — те шевелились и набухали в его руках, и он знал, что внутри них — живое. Осторожно он понес их в пустой коридор здания. Комок раскрылся и вывалился из рук, его волосатый бок треснул. Кокон лежал на

боку, и щель в нем так расширилась, что можно было различить скрывавшееся внутри существо.

Какая гадость! Там лежал червь, свернувшийся кольцом, с влажными белесыми складками, настоящий глист. Если бы только птицы увидели его, то сожрали!..

Он бросился вниз по лестнице: при каждом шаге ступеньки прогибались, а кое-где доски и вовсе отсутствовали. Сквозь деревянное решето ступеней он посмотрел вниз в угрюмый стылый пролет и увидел, что тот полон древесины, до такой степени сгнившей, что она превратилась в мокрую труху. Гадость.

Взмахнув руками, он взмыл к парящим птицам и полетел, одновременно чувствуя, что падает. Они клевали его голову.

Потом внезапно он оказался на мосту, перекинувшемся через морскую гладь. У самых его ног скользили акулы с острыми плавниками. Одну из них ему удалось поймать на леску, и, появившись из воды с разверстой пастью, она начала приближаться, чтобы проглотить его. Он отступил назад, но мост прогнулся, и вода захлестнула его.

Теперь пошел этот отвратительный дождь. Всюду, куда ни посмотри, была одна гадость.

С противоположного конца моста к нему приближалась группа людей. Они не любили его. Когда они приблизились, он увидел в их руках связку акульих зубов. Он был императором. Они водрузили ожерелье из зубов ему на голову, и он попытался поблагодарить их. Но они опустили ожерелье ему на шею и начали душить его. Они затянули петлю, и врезавшиеся в шею зубы срезали голову прочь.

Он опять сидел в темном сыром подвале на гниющей древесной трухе, прислушиваясь к вездесущему хлюпанью воды.

В этом мире правила гадость, и у него не было права голоса; акульи зубы навсегда лишили его голоса.

— Я — Манфред, — промолвил он.

— Говорю тебе, когда нам удастся установить с ним
контакт, будет потрясающе! — разглагольствовал Арни, возлежа рядом с Дорин на широкой кровати. — Я имею в виду контакт с тем, что происходит у него внутри; тогда мы узнаем будущее, а где, как не в будущем, все и происходит?

Дорин
Андертон что-то невнятно пробормотала.

— Не засыпай. — Арни наклонился, чтобы

прикурить
следующую сигарету. — Представляешь, сегодня с Земли прибыл крупный торговец недвижимостью. У нас есть на космодроме свой парень, и он узнал его, хотя, естественно, тот зарегистрировался под вымышленным именем. Впрочем, торговец сошел с транспортера и улизнул от нашего парня. Я же предсказывал, что они появятся! Как только мы услышим маленького Стайнера, никаких секретов не останется. Понятно? — Арни потряс спящую Дорин. — Если ты будешь спать, я тебя сейчас скину пинком под зад с кровати... и можешь пешком отправляться к себе домой.

Дорин застонала, перевернулась и села. В матовом свете спальни ее тело будто светилось. Она откинула с глаз волосы и зевнула. Бретелька ночной рубашки соскользнула с плеча, и Арни восхищенно замер, увидев высокую упругую грудь с ровно посередине расположенным соском.

«Черт, вот это девка! — подумал Арни. — Действительно стоящая. И она неплохо поработала, удержав Болена, не дав ему ускользнуть, как это водится с тупоумными шизофрениками. Их же нельзя удержать на

приколе — совершенно безответственные люди, витают в облаках. Взять хотя бы Болена — ученый идиот, идиот, который умеет делать вещи, так что придется нам смириться с его идиотизмом и дожидаться результата его трудов. Этих ребят невозможно заставить; вот я и не заставляю».

Арни взялся за одеяло и откинул его в сторону, с улыбкой глядя, как Дорин натягивает рубашку на свои обнаженные колени.

— От чего ты могла устать? Ты же ничего не делала, только лежала. Разве нет? Разве лежать так уж тяжело?

— Все, — пристально взглянув на Арни, ответила Дорин.

— Ты что, шутишь? — возмутился он. — Мы же только начали. А ну снимай рубашку! — И, ухватившись за оборку, одним рывком сдернул ее с Дорин и положил на стул рядом с кроватью.

— Я хочу спать. — Дорин закрыла глаза. — Так что не обессудь.

— А я и не возражаю, — рассмеялся Арни. — Ты же здесь, не так ли? Спишь ты или бодрствуешь, тело твое на месте, а мне только того и надо.

— О-о-о.

— Прошу прощения. — И он поцеловал ее в губы. — Не хотел сделать тебе больно.

Голова ее откинулась назад — она действительно собиралась спать. Арни почувствовал себя обиженным. Хотя какого черта — она никогда не проявляла особого энтузиазма.

— Когда закончишь, надень на меня рубашку, — пробормотала Дорин.

— Но я еще не закончил.

«Я могу еще час, а то и два, — подумал Арни. — Так меня тоже вполне устраивает, даже нравится. Спящая женщина хоть не разговаривает. Хуже нет, когда они начинают болтать, — это все портит. Или еще стонут». Он терпеть не мог этих стонов.

«Поскорее бы получить результаты от Болена, — думал Арни. — Я знаю, что нас ждут потрясающие новости, когда мальчишка заговорит. Замкнутый мир аутичного ребенка: подумать только, какие он может таить в себе сокровища! Наверное, как в сказке — сплошная красота, чистота и истинная невинность».

Дорин застонала в полудреме.

ГЛАВА 9

Джек вложил в руку Лео Болена большое зеленое семечко. Лео внимательно рассмотрел его и протянул обратно.

— Что ты видел? — спросил Джек.

— Семя, конечно.

С ним что-нибудь произошло?

Лео задумался, но ничего не мог припомнить.

— Нет.

— А теперь смотри. — Джек уселся за кинопроектор.

Он погасил свет, проектор зажужжал, и на экране появилось изображение. Это было то же семечко, но уже посаженное в землю. На глазах у Лео оно треснуло, из него проклюнулись два росточка: один начал проталкиваться вверх, другой разделился на тончайшие волосинки и ощупью пополз вниз. Семечко перевернулось, из верхнего ростка появились многочисленные ответвления.

Лео смотрел, затаив дыхание:

— Послушай, Джек, это ваше марсианское растение? Ты только посмотри, как оно растет! Господи, как сумасшедшее!

— Это обыкновенная фасоль, — ответил Джек. — Точно такая же, как я тебе только что давал. Просто ты все видишь в ускоренном виде: пять дней спрессованы в несколько секунд. Благодаря этому можно наблюдать процессы, происходящие в прорастающем семени; они идут так медленно, что мы их обычно не замечаем.

— Послушай, Джек, это действительно здорово, — воскликнул Лео. — Значит, мальчик воспринимает время с такой же скоростью, как мы сейчас видели на экране. Понимаю. А то движение, которое воспринимаем мы, кажется ему ускоренным до такой степени, что он его вообще не замечает. Зато верно видит такие замедленные процессы, как прорастание семени: может выйти во двор, сесть и смотреть, и пять дней покажутся ему все равно что десять минут для нас.

— В этом-то и заключается вся идея, — подтвердил Джек и пустился в объяснения, каким образом будет действовать камера. Однако они были настолько перенасыщены техническими терминами, что постепенно в Лео нарастало раздражение. На часах было одиннадцать утра, а Джек все еще не проявлял никакого намерения лететь к горам Франклина. Рузвельта — настолько

он был поглощен своей теорией.

— Очень интересно, — пробормотал Лео.

— Мы берем пленку, записанную со скоростью пятнадцать дюймов в секунду, и прокручиваем ее для Манфреда со скоростью три и три четверти дюйма в секунду. Например, слово «дерево». Мы включаем изображение дерева, под которым записано само слово, и держим его минут пятнадцать—двадцать. Потом записываем то, что говорит Манфред, на скорость три и три четверти дюйма в секунду, а прослушиваем на скорости пятнадцать.

— Послушай, Джек, нам пора отправляться, — заметил Лео.

— О Господи, это же моя работа! — возмущенно жестикулируя, воскликнул Джек. — Я думал, ты хочешь познакомиться с ним, — Манфред сейчас будет здесь. Его присылают...

— Послушай, сын, — перебил Лео, — я пролетел миллионы миль, чтобы взглянуть на этот участок. Мы отправимся туда или нет?

— Давай подождем мальчика и возьмем его с собой, — примирительно ответил Джек.

— Ладно, — согласился Лео. Он изо всех сил хотел избежать стычек с сыном и готов был на любые компромиссы, лежащие в рамках

человеческих возможностей.

— Господи, ты впервые в жизни оказался на другой планете. Я думал, тебе будет интересно пройтись, взглянуть на канал... — Джек показал рукой направо. — Ты даже не посмотрел на него, а люди веками жаждали их увидеть, спорили о самом их существовании!

Лео пристыженно кивнул.

— Хорошо, покажи мне. — И двинулся вслед за Джеком из мастерской на красноватый солнечный свет.

— Прохладно, — заметил Лео, принюхиваясь. — А ходить здесь легко, не правда ли? Я еще вчера вечером почувствовал, словно вешу фунтов пятьдесят — шестьдесят, не больше. Это из-за небольших размеров Марса, да? Наверное, оказывает благоприятное воздействие на сердечников, если не считать, конечно, разреженности воздуха. Вчера вечером я решил, что из-за солонины...

— Лео, помолчи и посмотри вокруг, ладно? — попросил Джек.

Лео огляделся. Перед ним лежала ровная пустыня, а на

горизонте маячили голые горы. Прямо у ног пролегала глубокая канава с грязно-коричневой

водой; какая-то растительность, напоминающая мох, покрывала берега. Больше вокруг ничего не было, если не считать чуть подалее домов Джека и Стайнера. За домом Джека виднелся еще огород, но Лео уже видел его накануне.

— Ну как? — спросил Джек.

— Очень впечатляюще, — по необходимости вынужден был согласиться Лео. У вас здесь прекрасные места, выглядят вполне современно. Если бы еще немного растительности в пейзаже, я бы вообще сказал, что лучше быть не может.

— Миллионы лет люди мечтали оказаться здесь и увидеть все это, — косо взглянув на Лео, заметил Джек.

— Я знаю, сын, и страшно горжусь тем, что сделано тут тобой, тобой и этой замечательной женщиной. — Лео кивнул в сторону дома. — Теперь мы можем отправляться? Ты сам зайдешь за мальчиком или пошлешь за ним Дэвида? Похоже, Дэвид уже пошел к нему — что-то я его не вижу.

— Дэвид в школе. Его забрали, когда ты еще спал.

— Я могу сам сходить за мальчиком, Манфредом или как его там, если не возражаешь, — предложил Лео.

— Пошли вместе, — согласился Джек.

Они прошли вдоль канавы, пересекли песчаную пустошь, на которой кое-где росли папоротникообразные растения, и подошли к соседнему дому. Из дома доносились девчоночьи голоса. Лео без колебаний поднялся на крыльцо и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась, на пороге возникла высокая светловолосая женщина с уставшими страдальческими глазами.

— Доброе утро, — поздоровался Лео. — Я — отец Джека Болена, а вы, наверное, хозяйка дома. Не возражаете, если мы возьмем с собой вашего мальчика, а потом привезем его обратно целым и невредимым?

Женщина
перевела взгляд на Джека, подошедшего к крыльцу, потом повернулась и, не говоря ни слова, ушла в глубь дома. Когда она вернулась, с ней был мальчик.

«Так вот он, этот маленький шизик, — подумал Лео. — Симпатичный, ни за что бы не догадался».

— Мы собираемся на прогулку, молодой человек, — обратился к нему Лео. — Ты как? — Вспомнив, что говорил Джек о восприятии

времени, он повторил вопрос очень медленно и растягивая слова.

Мальчик проскользнул мимо него, сбежал по лестнице и, бросившись к каналу, исчез за домом Боленов.

— Миссис Стайнер, разрешите представить вам моего отца, — промолвил Джек.

Женщина с рассеянным видом протянула руку. «Кажется, с ней тоже не все в порядке», — заметил Лео про себя. Однако пожал ей руку.

— Рад познакомиться, — вежливо промолвил он. — Примите мои соболезнования в связи со смертью мужа —ужасная неприятность и такая неожиданная, как гром среди ясного неба. У меня был приятель в Детройте, так он как-то на выходных сделал то же самое: попрощался, вышел из магазина, и только его и видели.

— Приятно было познакомиться, мистер Болен, — наконец ответила миссис Стайнер.

— Пойдем за Манфредом, — заметил Джек. — Мы вернемся к вечеру.

Лео с Джеком двинулись прочь, а она так и осталась стоять на крыльце, глядя им вслед.

— Довольно странная особа, — пробормотал Лео, но Джек ничего не ответил.

Они нашли мальчика в огороде Дэвида и, забрав

его с собой, залезли в вертолет компании И.

Вскоре они уже летели над пустыней, направляясь к северной гряде гор. Лео разложил на коленях огромную карту, которую привез с собой, и начал делать на ней пометки.

— Я так понял, мы можем безбоязненно разговаривать, — заметил он Джеку, кивнув в сторону мальчика. — Он не... ну ты понимаешь.

— Если он нас поймет, это будет... — сухо откликнулся Джек.

— Ладно, ладно, — закивал Лео. — Я просто хотел уточнить.

Тем не менее он не стал отмечать на карте место, которое

должно было отойти под участок ООН, и обозначал лишь маршрут их полета, сверяясь по гирокомпасу, вмонтированному в пульт управления.

— До тебя не доходили никакие слухи, сынок? — спросил он. — О намерениях ООН в горах Франклина Рузвельта?

— Что-то о создании парка или электростанции? — откликнулся Джек.

— Хочешь узнать, что там будет на самом деле?

— Конечно.

Лео залез во внутренний карман пиджака и достал оттуда конверт. Вынув из него фотографию, он передал ее Джеку.

— Тебе это ничего не напоминает?

Взглянув на фотографию, Джек увидел, что на ней изображено длинное узкое здание.

— Вот их-то и собирается строить ООН, — пояснил Лео. — Многоквартирные дома. Целые улицы, милю за милей, с торговыми центрами, супермаркетами, скобяными лавками, аптеками, прачечными и мороженицами. И все при помощи автоматизированных самопрограммирующихся роботов.

— Похоже на тот кооперативный дом, в котором я жил на Земле, — заметил Джек.

—

Точно. Здесь ООН поддерживает кооперативное движение. Как известно, эти горы были когда-то плодородной областью, изобилующей водой. Гидротехники ООН убеждены, что им удастся поднять воду на поверхность из-под горного плато. Нигде на Марсе вода не залегает так близко под горными породами, как там. Инженеры Объединенных Наций считают, что именно там берет свое начало вся сеть каналов.

— Кооперативы на Марсе, — странно

изменившимся голосом промолвил Джек.

— Это будут прекрасные современные строения, — продолжил Лео. — Планы у них очень обширные. ООН бесплатно перевезет сюда людей, обеспечивая им проезд прямо к новым домам, и цена квартир будет низкой. Как ты можешь догадаться, под это дело пустят немалый участок, и, насколько я слышал, строительство намерены закончить в течение десяти—пятнадцати лет.

Джек ничего не ответил.

— Массовая эмиграция, — продолжил Лео. — Вот к чему они стремятся.

— Догадываюсь, — откликнулся Джек.

— Ассигнования выделены гигантские. Одно кооперативное движение вкладывает почти миллиард долларов. У них денег куры не клюют — одна из богатейших организаций на Земле, их капиталы больше, чем у любой страховой или банковской компании. При таких вкладах нет ни малейшего шанса, что дело может прогореть. ООН вела с ними переговоры по этому поводу в течение шести лет, — добавил Лео.

— Какие перемены это принесет Марсу, — наконец вымолвил Джек. — Уже одно то, что в этих горах появится вода...

— И то, что они станут густонаселенными, —

напомнил Лео.

— Трудно даже поверить, — откликнулся Джек.

— Да, я понимаю, мальчик, но можешь не сомневаться — это станет известно в течение ближайших недель. Я узнал месяц назад и уговорил знакомых инвесторов вложить капитал... Я представляю здесь их интересы. Одному мне просто не хватило бы денег.

— То есть, твоя задача заключается в том, чтобы опередить ООН. Ты собираешься задешево купить землю, а потом продать втридорога.

— Мы собираемся купить ряд крупных участков, — продолжал объяснять Лео, — и тут же поделить их. Разрезать на полосы, скажем, сто футов на восемьдесят. Таким образом земля попадет в собственность довольно большому числу лиц: женам, кузинам, подчиненным и друзьям членов моей группы.

— Твоего синдиката, — уточнил Джек.

— Да, так это называется, — довольно улыбнулся Лео. — Синдикат.

— И ты не считаешь, что делаешь что-то дурное? — хриплым голосом спросил Джек.

— В каком смысле дурное? Я не понял тебя.

— О Господи! Да это же очевидно, — воскликнул

Джек.

— Только не мне. Объясни.

— Ты обкрадываешь все население Земли — ведь именно им придется выкладывать деньги. Ты в целях наживы увеличиваешь стоимость проекта.

— Но, Джек, спекуляция недвижимостью именно это и предполагает, — в недоумении сказал Лео. — А ты как думал? Так было испокон веку: покупаешь никому не нужную землю задешево, потому что по тем или иным причинам убежден: со временем цена ее возрастет. Руководствуешься
исключительно интуицией. Любой биржевой делец, получив какие-то сведения, пытается вложить свои деньги в выгодный проект — именно это сейчас и происходит. Могу поспорить, через пару дней здесь появится уйма таких дельцов. А заставит их приехать ваш закон о необходимости физического присутствия для совершения сделки на Марсе — они еще не готовы в мгновение ока явиться сюда. Ну что ж, значит, они опоздают. Потому что к вечеру я надеюсь внести деньги за эту землю. — И он указал на темнеющие горы. — Где-то там. У меня масса карт, так что найти это место не составит

труда. Участок расположен в широком каньоне, называемом Генри Уоллес. В соответствии с законом я должен застолбить участок, который намереваюсь купить, и оставить на видном месте хорошо идентифицируемый маркер. У меня он с собой — стальной колышек с выгравированным на нем моим именем. Мы сядем в каньоне, и ты поможешь вбить его в землю. Это чистая формальность и не займет больше нескольких минут. — Лео улыбнулся сыну.

«Он сумасшедший», — думал Джек, глядя на отца. Но Лео спокойно улыбался, и Джек знал, что на самом деле он вполне нормален, и его слова соответствовали истине: спекулянты недвижимостью действительно поступали именно так, так они вели свои дела, и грандиозный проект ООН вполне подходил для этого. Такой хитрый и опытный бизнесмен, как его отец, не мог ошибиться. Лео Болен и его люди не действовали на основе слухов. У них имелись связи на самом высоком уровне. Или в кооперативе, или в ООН, — где-то произошла утечка информации, и Лео бросил все силы, чтобы воспользоваться своим преимуществом.

— Для развития Марса это грандиозные новости, — промолвил Джек, все еще с трудом

веря услышанному.

— Давно бы так, — ответил Лео. — Это следовало делать с самого начала. Но они надеялись на вложения частного капитала, полагали, что за них это сделают другие.

— Изменится жизнь всех обитателей Марса, — продолжил Джек. — Нарушится баланс власти, возникнет абсолютно но-

вый правящий класс; как только здесь появится ООН в союзе с кооперативами, Арни Котт, Босли Тувим и все их профсоюзные и национальные поселения потеряют всякое значение.

«Бедный Арни, — подумал Джек. — Он этого не переживет. Время, прогресс, цивилизация... его обгонят, оставив позади наедине с парилкой — крохотным символом изобилия».

— Только знаешь, Джек, ты особо не распространяйся, — попросил Лео, — эти сведения строго конфиденциальны. Нужно остерегаться конкурентов, потому-то и необходима регистрация права собственности. Я имею в виду, что, когда мы внесем свой взнос, остальные спекулянты, особенно местные, тут же пронюхают, в чем дело...

— Понимаю, — откликнулся Джек, — для того-то вам и нужна эта компания, дающая видимое

преимущество перед местными инвесторами.

«Да, в этой игре много хитростей, — заметил про себя Джек, — неудивительно, что Лео так осторожен».

— Мы нашли здесь такую компанию, вроде бы, надежную. Но когда дело касается таких сумм, поручиться никогда нельзя.

Внезапно их прервал хриплый стон Манфреда Стайнера.

Джек и Лео, вздрогнув, одновременно повернулись к нему. Они совсем позабыли о мальчике: он сидел в глубине кабины и, прижавшись к окну, смотрел вниз, время от времени возбужденно на что-то показывая.

Далеко внизу Джек различил группу бликменов, двигавшихся по горной тропе.

— Верно, — обратился Джек к мальчику, — там люди, наверное, охотятся.

Ему пришло в голову, что Манфред, вероятно, никогда не видел бликменов. «Интересно, как бы он отреагировал, если бы случайно столкнулся с ними?» — подумал Джек. И как легко это было бы сейчас устроить, просто приземлиться перед этой группой.

— Кто это? — спросил Лео, бросая взгляд вниз. — Марсиане?

— Да, они, — откликнулся Джек.

— Черт возьми, — рассмеялся Лео. — Выглядят совсем как негритянские аборигены, какие-нибудь африканские бушмены!

— Они очень близки к ним, — пояснил Джек.

Возбуждение Манфреда достигло предела: глаза его блестели, он пересаживался от иллюминатора к иллюминатору, бросая взгляды вниз и что-то бормоча.

«А что бы вышло, если бы Манфред пожил некоторое время в семье бликменов? — подумал Джек. — Они движутся медленнее нас, и жизнь у них не такая сложная и беспорядочная. Возможно, их чувство времени близко восприятию Манфреда… Наверное, мы, земляне, тоже представляемся им безумцами, которые суетятся с невероятной скоростью, впустую тратя огромную энергию».

Но это не вернет Манфреда в его собственную культуру. Более того, это может настолько отдалить его от людей, что он вообще никогда не вернется к ним.

И, подумав об этом, Джек решил, что приземляться не стоит.

— И что, эти типы где-нибудь работают? — поинтересовался Лео. — Ну, марсиане?

— Говорят, некоторых удалось приручить, — ответил Джек. — Но большинство продолжает влачить то же существование, охотясь и собирая плоды. Они даже не достигли стадии оседлого земледелия.

Джек посадил вертолет в каньоне Генри Уоллеса, и все трое вышли на каменистую запекшуюся поверхность. Манфред получил бумагу и карандаши, а Джек с Лео отправились искать подходящее место для столбика.

Место было выбрано в ложбине, куда Джек и вколотил опознавательный знак. Лео, раздраженно хмурясь, нетерпеливо обходил окрестности, осматривая груды камней и редкую растительность. Похоже, эта безлюдная местность не доставляла ему никакого удовольствия; впрочем, он ничего не говорил, и когда Джек обратил его внимание, вежливо рассмотрел окаменевшие ископаемые.

Они сфотографировали столб и близлежащую местность, после чего, покончив с делами, вернулись к вертолету. Манфред сидел на земле и сосредоточенно рисовал. Полное безлюдье ничуть не тревожило его. Поглощенный своим занятием, он и на них не обратил никакого внимания. Время от времени мальчик смотрел по

сторонам, но взгляд его не останавливался на Лео и Джеке и, ничего не отражая, скользил мимо.

«Что он рисует?» — заинтересовался Джек и обошел мальчика со спины, чтобы взглянуть.

Манфред, то и дело поднимая голову и оглядывая окрестности невидящим взглядом, изображал длинное плоское здание.

— Ты только взгляни, папа, — выговорил Джек, пытаясь говорить как можно спокойнее и сдержаннее.

Пристроившись за спиной Манфреда, они оба впились в лист бумаги, на котором все более отчетливо проступали силуэты зданий.

«Ошибки быть не может, — решил Джек. — Мальчик рисует дома, которые здесь построят. Он изображает пейзаж будущего, невидимый нам».

— Интересно, не видел ли он фотографию, которую я тебе показывал? — спросил Лео. — Тип здания такой же, как на рисунке.

— Возможно, — откликнулся Джек. Хоть какое-то более или менее правдоподобное объяснение: мальчик подслушал их разговор, взглянул на фотографию, и это его вдохновило. Но на фотографии здания были сняты сверху, а рисунок показывал их в совершенно иной перспективе — Манфред изобразил их так, как они были бы

видны с земли. «Как раз оттуда, где мы стоим сейчас», — отметил про себя Джек.

— Не удивлюсь, если эта ваша временная теория окажется верной, — заметил Лео и взглянул на часы. — Кстати о времени, я бы сказал...

— Да, — задумчиво согласился Джек, — пора обратно.

На рисунке Манфреда он заметил и еще кое-что. Интересно, обратил ли на это внимание отец? Огромные многоквартирные строения зловеще расползались во все стороны прямо у них на глазах. Пока они смотрели, на рисунке появились завершающие детали, от которых у Лео глаза полезли на лоб, он засопел и испуганно взглянул на сына.

Строения выглядели старыми и обветшавшими. Фундаменты прорезали огромные трещины, тянувшиеся вверх. Окна были разбиты. А вокруг все заросло высокими сорняками. На рисунке были изображены руины, от которых веяло отчаянием и непоколебимой вечной безысходностью.

— Джек, он рисует трущобы! — воскликнул Лео.

И действительно, это были разлагающиеся трущобы. Здания, простоявшие не одно

десятилетие, миновавшие пору своего расцвета и пришедшие в запустение.

— Гадл, — произнес Манфред, указывая на только что нарисованную им трещину. Рука его заскользила по сорнякам, разбитым окнам, и снова из него вырвалось то же слово: — Гадл.

Он поднял глаза и уставился на испуганно улыбающихся мужчин.

— Что это значит, Манфред? — спросил Джек.

Ответа не последовало, мальчик вернулся к своему рисунку. И по мере того как он рисовал, здания у них на глазах становились все старее и старее, количество руин увеличивалось с каждым мгновением.

— Пошли, — хрипло произнес Лео.

Джек забрал у мальчика бумагу и карандаши и поднял его на ноги. Все трое снова залезли в вертолет.

— Взгляни-ка, Джек, — произнес Лео, внимательно рассматривая рисунок. — Что это здесь написано над входом?

Кривыми буквами Манфред вывел: AM-WEB.

— Наверное, название здания, — предположил Лео.

— Да, — узнав сокращение, ответил Джек, — это начальные буквы кооперативного лозунга «Alle

Menshen werden Bruder» — «Все люди станут братьями».

Манфред снова взял карандаши. Под пристальным наблюдением мужчин он рисовал теперь что-то на самом верху. Темных птиц. Огромных, сумрачных и зловещих.

В одном из разбитых окон Манфред изобразил чье-то лицо с разинутым в ужасе ртом. Кто-то безнадежно выглядывал из здания, словно из ловушки.

— М-да, — проговорил Лео. — Интересно. Ну и зачем ему это понадобилось? — с мрачной брезгливостью поинтересовался он. — Не сказал бы, что картина жизнеутверждающая; почему бы не нарисовать их новыми, чистыми, с играющими вокруг детьми и домашними животными, с довольными людьми?

— Вероятно, он рисует то, что видит, — ответил Джек.

— Ну если он видит такое, значит, он болен, — возразил Лео — На свете существует столько ярких прекрасных вещей, почему же ему больше нравится видеть это?

— Возможно, у него нет выбора, — предположил Джек. — Гадл, — вспомнил он, — может, это означает время? Ту силу, которая выражает

для него разрушение, тлен, упадок и, наконец, смерть? Силу, действующую везде и во всем во Вселенной.

И больше он ничего не видит?

«Если так, то не удивительно, что он страдает аутизмом, — подумал Джек, — неудивительно, что он не может общаться с нами. Такое выборочное восприятие лишает его полноты ощущения времени. Потому что время приносит и новое, оно содержит в себе процессы созревания и роста. А Манфред, вероятно, не воспринимает этот аспект времени.

Может, его болезнь вызвана именно подобным видением? Или он видит это из-за того, что болен? Наверное, бессмысленный вопрос — по крайней мере вопрос, лишенный ответа. Таково видение реальности Манфредом, и с нашей точки зрения он безнадежно болен; он не воспринимает реальность, известную нам. И видит он самую ужасную ее часть, самый отвратительный аспект действительности.

А еще говорят, что душевная болезнь является бегством!» — вспомнил Джек и вздрогнул. Ничего себе бегство — в сужающуюся, сжимающуюся жизнь, постепенно превращающуюся в мрачную гробницу, куда ничто не проникает и где ничего

не происходит — иными словами, в пространство тотальной смерти.

«Бедный несчастный ребенок. И как у него хватает сил жить изо дня в день в такой действительности?»

Джек мрачно вернулся к управлению вертолетом. Лео смотрел в иллюминатор, разглядывая пустыню. Манфред с испуганным, напряженным выражением лица продолжал рисовать.

«Гадл-гадл», — звучало вокруг. Он зажал уши, но звуки поползли в него через нос. Он рассмотрел это место: здесь он состарился. Его выбросили прочь; гадло, наваленное кучами, закрывало его до пояса, гадло пронизывало воздух.

— Как тебя зовут?

— Манфред Стайнер.

— Возраст?

— Восемьдесят три.

— Вакцинирован против ветряной оспы?

— Да.

— Страдаешь венерическими заболеваниями?

— Легкий триппер, и все.

— Лечение в венерическом отделении.

— Сэр, мои зубы. Они в мешке вместе с глазами.

— Ах, твои глаза, да. Отдайте ему глаза и зубы, перед тем как везти в отделение. А как насчет ушей, Стайнер?

— Они при мне, сэр. Спасибо, сэр.

Его руки примотали бинтами к перекладинам кровати, потому что он пытался вытащить катетер. Он лежал лицом к окну и смотрел сквозь грязное треснувшее стекло.

За окном виднелся жук на длинных ножках. Жук что-то ел, потом что-то обрушилось на него и раздавило, и он так и застрял раздавленный, впившись зубами в то, что намеревался съесть. Потом его мертвые зубы вытекли изо рта и поползли в разные стороны.

Он лежал там сто двадцать три года, пока наконец его искусственная печень не отказала, тогда он лишился сознания и умер. К этому времени ему уже ампутировали руки и ноги до самых тазовых костей, потому что они начали разлагаться.

Все равно он ими не пользовался. А лишившись рук, он уже не пытался выдернуть катетер, и им это нравилось.

«Я долго пробыл здесь. Может, вы мне принесете транзистор, чтобы я поймал утреннюю программу дружищи Фреда; я люблю слушать музыку, они

часто исполняют старые популярные песни.

У меня от чего-то аллергия. Может, от этих желтых цветов? Зачем им разрешают так высоко расти?»

Два дня он лежал на полу в большой луже, а потом хозяйка вызвала грузовик, чтобы перевезти его сюда. Он храпел всю дорогу и проснулся от собственного храпа. Когда его попытались напоить грейпфрутовым соком, он мог пользоваться только одной рукой, другая так и осталась навсегда неподвижной. Как бы ему хотелось снова вернуться к своим кожаным ремням: делать их было интересно, и они занимали большую часть времени. Иногда он продавал их людям, приезжавшим на выходные.

— Ты знаешь, кто я, Манфред?

— Нет.

— Я — Арни Котт. Почему ты никогда не смеешься, не улыбаешься, Манфред? Неужели тебе не хочется побегать, поиграть?

Гадло стекало из обоих глаз мистера Котта.

— Вероятно, нет, Арни, но дело сейчас не в этом.

— Что ты видишь, Манфред? Впусти нас в свой мир. Все эти люди, они будут там жить, да, Манфред? Ты видишь там множество людей?

Он закрыл лицо руками, и гадло прекратилось.

— Я не понимаю, почему этот ребенок никогда не смеется.

Гадл, гадл.

ГЛАВА 10

Внутри оболочки мистера Котта скрывались мертвые кости, влажные и блестящие. Череп разевал свою пасть и поглощал овощи, превращавшиеся внутри в гниль. Он видел, как внутри мистера Котта кишмя кишела гадкая жизнь. А внешняя оболочка тем временем изрекала:

— Люблю Моцарта. Я поставлю эту запись. — На коробке было написано: «Сороковая симфония соль минор. Ор. 550». Мистер Котт повертел ручки усилителя. — Дирижирует Бруно Вальтер, — сообщил он своим гостям. — Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Из динамиков вырвались отвратительные крики и скрежет, словно трупы сотрясались в конвульсиях. Мистер Котт выключил пленку.

— Прошу прощения, — пробормотал он. Это было старое закодированное послание не то от Рокингхэма, не то от Скотта Темпла, ненароком попавшее в фонотеку.

— Ничего себе, — заметила Дорин Андертон, потягивая свой напиток. — Так можно и напугать, Арни. Твое чувство юмора...

— Случайная ошибка, — раздраженно огрызнулся Арни, роясь в поисках нужной записи. «А ну его к черту!» — наконец отчаялся он. — Послушай, Джек, мне очень жаль, что я заставил тебя приехать сейчас, когда у тебя в гостях отец, но я спешу. Покажи, чего ты добился со Стайнером, хорошо? — От нетерпения он даже начал заикаться.

Но Джек Болен не слышал его — он что-то говорил Дорин, сидя рядом с ней на диване.

— У нас кончилось спиртное, — сообщил Джек, опуская на столик свой стакан.

— Ради Бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился! — воскликнул Арни. — Ты мне можешь что-нибудь показать? Вы так и собираетесь сидеть там вдвоем и шептаться? Меня это не устраивает. — Неуверенными шагами он двинулся на кухню, где, сидя на высокой табуретке, Гелиогабал с тупым видом читал журнал. — Налей мне стакан теплой воды с содой. Что-то мне нехорошо, — попросил Арни.

— Сейчас, мистер. — Гелиогабал закрыл журнал и слез с табуретки. — Я все слышал. Почему вы их не гоните? Они нехорошие, совсем нехорошие, мистер. — Из шкафчика над раковиной он достал пакетик с бикарбонатом соды и положил в стакан

чайную ложку.

— Меня не интересует твое мнение, — отрезал Арни.

На кухню вошла Дорин с осунувшимся и уставшим лицом.

— Пожалуй, я пойду домой, Арни. Я не могу долго выносить Манфреда: он все время движется, мелькает, ни секунды не посидит спокойно. Это невыносимо. — Подойдя к Арни, она поцеловала его в ухо. — Спокойной ночи, милый.

— Я как-то читал о ребенке, который думал, что он — машина, — ответил Арни. — Он был уверен: для того чтобы заставить его работать, его следует включить в сеть. Я хочу сказать, что надо уметь общаться с такими типами. Не уходи. Останься ради меня. Не знаю почему, но Манфред ведет себя гораздо спокойнее в присутствии женщин. У меня такое чувство, что Болен ничего не сделал. Сейчас пойду и скажу ему это прямо в лицо. Спасибо. — Арни выпил.

— Джек Болен сделал очень много, несмотря на невероятные сложности, — откликнулась Дорин. — И я не желаю слушать о нем гадости. По-моему, я пьяна. — Она улыбнулась, слегка покачиваясь.

— А кто трезв? — Арни обнял ее за талию. — Я так надрался, что меня даже тошнит. О'кей,

этот ребенок и меня достал. Представляешь, включил старую шифровку, совсем с ума сошел. — Поставив стакан, он принялся расстегивать ее блузку. — Отвернись, Гелио. Читай свою книгу.

Бликмен отвернулся. Прижимая Дорин к себе, Арни до конца расстегнул блузку и приступил к юбке.

— Я знаю, эти разбойники с Земли обогнали меня — прибывают каждый день толпами. Мой человек на космодроме уже сбился со счета. Пошли в постель.

Он поцеловал ее в плечо, опускаясь губами все ниже и ниже, пока она резко не подняла голову Арни руками.

В гостиной его классный мастер, нанятый у мистера И, тем временем крутил магнитофон, неловко пытаясь поставить новую кассету, а в результате уронил пустой стакан.

«А что, если меня действительно опередят?» — спрашивал себя Арни Котт, прижимаясь к Дорин и медленно топчась по кухне. «Что, если мне ничего не удастся? — Он начал клонить Дорин к полу, не прекращая при этом думать. — Неужели для меня не найдется места? Я ведь люблю эту планету».

Джек Болен включил магнитофон, раздалась

музыка.

Дорин больно ущипнула Арни, и тот отпустил ее. Выйдя из кухни, он вернулся в гостиную и убавил звук.

— Давай займемся делами, Джек.

— Ладно, — согласился Болен.

Из кухни появилась Дорин, застегивая блузку, и сделала широкий круг, чтобы обойти Манфреда, стоявшего на четвереньках и занимавшегося наклейкой вырезок из журналов на лист бумаги. Ковер вокруг мальчика покрывали белые капли клея.

— Ты знаешь, кто я, Манфред? — подойдя и склонившись к нему, спросил Арни.

Мальчик не ответил, ничем не показав, что слышал вопрос.

— Я — Арни Котт, — продолжил Арни. — Почему ты никогда не смеешься, не; улыбаешься, Манфред? Неужели тебе не хочется побегать, поиграть? — Этот ребенок тревожил его и вызывал сочувствие.

— Вероятно, нет, Арни, впрочем, нас интересует другое, — слабым, неуверенным голосом ответил Джек Болен. Взгляд его помутился, стакан в руке дрожал.

Но Арни продолжал:

— Что ты видишь, Манфред? Впусти нас в свой мир.

Ответом ему было молчание. Мальчик был полностью поглощен своим занятием: он создавал коллаж — неровная зеленая полоска, из которой перпендикулярно вздымался темносерый обрывок.

— Что это означает? — спросил Арни.

— Одно место, — ответил Джек. — Здание. Я захватил его с собой.

Он вышел и тут же вернулся с конвертом, из которого достал большой помятый рисунок Манфреда. Арни взял его в руки и принялся рассматривать.

— Вот, — пояснил Джек. — Вы хотели, чтобы я установил контакт с мальчиком; что ж, мне это удалось. — Язык плохо его слушался, он с трудом выговаривал слова.

Арни, впрочем, не волновала степень опьянения мастера. Он привык к тому, что его гости напивались в стельку: крепкие напитки были редкостью на Марсе, и когда люди получали к ним доступ в доме Арни, они поступали так же, как Джек Болен. Имело значение лишь задание, которое он дал Джеку.

— Что это? — рассмотрев рисунок, спросил

Арни. — Что ты еще можешь мне дать?

— Больше ничего.

— А что по поводу замедляющей камеры?

— Ничего.

— Может ли мальчик читать будущее?

— Несомненно, — ответил Джек. — И рисунок является тому доказательством, если только он не слышал наш разговор. А ты как думаешь, слышал? — хриплым голосом спросил он Дорин. — Ах да, тебя там не было. Я был с отцом. Вряд ли он слышал. Послушай, Арни. Вообще не. предполагалось, чтобы ты это видел, но, я думаю, все уже на мази. Эту картинку вообще никто не должен был видеть: так будет выглядеть это место через сто лет, когда все превратится в руины.

— Какого черта, что это такое? — воскликнул Арни. — Я не могу разобраться в рисунке безмозглого ребенка, объясни его мне!

— Это AM-WEB, — пояснил Джек. — Большой, большой жилой район. С тысячами жителей. Самый большой на Марсе. Только на картинке он изображен в период разрушения.

Арни молчал, совершенно сбитый с толку.

—

Может, тебя это не интересует, — предположил Джек.

— Естественно, интересует! — вспылил Арни. — Ты что-нибудь понимаешь? — обратился он к Дорин, стоявшей в стороне с задумчивым видом.

— Нет, дорогой, — откликнулась она.

— Джек, я просил тебя приехать, чтобы ты отчитался, — терпеливо начал Арни. — И единственное, что ты мне привозишь, — идиотский рисунок. Где расположен этот жилой район?

— В горах Франклина Рузвельта, — ответил Джек.

Арни почувствовал, как у него замедляется пульс.

— Ах вот как, — с трудом совладав с собой, вымолвил он. — Понимаю.

— Я так и думал, — ухмыльнулся Джек. — Тебя ведь это интересует, не так ли? Я знаю, Арни, ты считаешь меня шизофреником, и Дорин считает меня шизофреником, и мой отец... Но на самом деле я думаю о ваших желаниях. Я могу предоставить тебе кучу сведений о проекте ООН в горах Франклина Рузвельта. Что ты еще хочешь знать о нем? Там будет не электростанция и не парк. Совместный проект ООН и кооперативного движения. Там возведут многоквартирные здания с пекарнями и супермаркетами — прямо

в центре каньона Генри Уоллеса.

— Ты все это узнал от ребенка?

— Нет, от своего отца, — ответил Джек.

Арни замер, не спуская с него глаз.

— Твой отец спекулирует землей?

— Да, — ответил Джек.

— Он только что прибыл с Земли?

— Да.

— Господи Иисусе, — повернулся Арни к Дорин. — Господи Иисусе, это его отец. Он уже закупил.

— Да, — подтвердил Джек.

— И ничего не осталось?

Джек покачал головой.

— О Господи Иисусе, — повторил Арни. — И он работает у меня. Никогда еще со мной такого не бывало!

— Но до настоящего момента я не знал, Арни, что тебя интересует именно это, — промолвил Джек.

— Да, верно. Я не сказал ему, сам виноват. И так это будет выглядеть... — Арни машинально взял в руки рисунок.

— Вероятно. Со временем, — заметил Джек.

— Ты все знал, но сообщил нам слишком поздно, — повернувшись к Манфреду, сказал Арни.

— Слишком поздно, — как эхо откликнулся

Джек. — Прости, Арни. — Он выглядел абсолютно подавленным. — Надо было тебе раньше все объяснить.

— Я не виню тебя, — сказал Арни. — Мы останемся друзьями, Болен. Просто не повезло. Ты был со мной честен, я знаю. Черт побери, действительно плохо. Он уже оформил бумаги, твой отец?

— Он представляет группу инвесторов, — хрипло ответил Джек.

— Естественно. С неограниченным капиталом. Да и что я мог сделать? Состязаться с ними? Я — один. — Арни наклонился к Манфреду: — Все эти люди... — он показал на рисунок, — они будут жить здесь, да? Так, Манфред? Ты видишь здесь толпы людей? — Он непроизвольно повысил голос.

— Пожалуйста, Арни, — подошла к нему Дорин. — Успокойся. Ты слишком расстроен.

— Я не понимаю, почему этот ребенок никогда не смеется, — подняв голову, низким голосом произнес Арни.

— Гадл-гадл, — неожиданно вымолвил Манфред.

— Да, — с горечью согласился Арни. — Это верно. Хорошо разговариваешь, малыш. Гадл-гадл. Я

вижу, тебе удалось установить с ним контакт, — заметил он Джеку.

Джек ничего не ответил. Он помрачнел, испытывая неловкость.

—

Но для того, чтобы заставить его разговаривать с нами, потребуется еще много времени, — продолжил Арни. — Не правда ли? Жаль, что придется прервать наш эксперимент. Я не намерен продолжать его.

— Да, теперь нет никаких причин, — бесцветным голосом

подтвердил Джек.

— Да. Значит, так. Конец твоей работы.

— Но ты ведь можешь использовать его для... — вмешалась Дорин.

— Да, конечно, мне все равно нужен опытный мастер для всяких мелочей, как этот диктофон, например. У меня тысяча механизмов, которые ломаются каждый божий день. Я имел в виду это конкретное задание. А ребенка отправь обратно в Бен-Гурион... AM-WEB. Да, кооперативным зданиям часто дают такие смешные названия. Значит, кооперативы приходят на Марс! Эти кооперативы — серьезная кампания. Они много дадут за землю, у них бабки есть. Передай от меня

своему отцу, что он настоящий бизнесмен.

— Пожмем руки, Арни? — спросил Джек.

— Конечно, Джек. — Арни протянул руку, и они обменялись долгим крепким рукопожатием, глядя друг другу в глаза. — Надеюсь, мы будем часто видеться, Джек. Наши отношения с тобой не заканчиваются; все только начинается.

Он отпустил руку Джека, вернулся на кухню и остановился там, погрузившись в глубокие размышления.

— Очень неприятные известия? — входя на кухню, участливо спросила Дорин. Она подошла к Арни и обняла его.

— Очень. Давненько так не было. Но со мной все будет в порядке, я не боюсь кооперативов. Льюистаун и Союз водопроводчиков пришли сюда первыми, они здесь и останутся. Если бы я раньше начал весь этот проект со Стайнером, все было бы иначе, и, уж конечно, Джек ни в чем не виноват. — Но в глубине души он ощущал иное: «Ты работал против меня, Джек. Все это время. Ты был на стороне отца. С самого начала, с самого первого дня, когда я нанял тебя».

Арни вернулся в гостиную. Джек мрачно стоял у магнитофона, играя с кнопками.

— Не переживай, — бросил ему Арни.

— Спасибо, Арни, — ответил Джек. — У меня такое чувство, как будто я обманул тебя.

— Нет, Джек, ты не обманывал меня, — заверил его Арни. — Потому что еще никому не удавалось меня обмануть.

Манфред Стайнер, не обращая на них внимания, продолжал клеить вырезки на полу.

Направляясь с отцом к дому, Джек размышлял — показывать Арни рисунок или нет, взять его в Льюистаун или нет. «Рисунок — какая-то ерунда... К этому моменту я должен был достичь гораздо большего».

Он знал, что в любом случае вечером ему предстоит встретиться с Арни.

— Очень пустынная местность, — заметил отец, кивнув на раскинувшуюся внизу пустыню. — Потрясающе, сколько вам, ребята, удалось тут сделать; вам есть чем гордиться. — Но говорил он рассеянно, все его внимание было занято картами.

Джек включил радиопередатчик и вызвал Арни в Льюистауне.

— Прости, папа, мне надо поговорить с шефом.

Попискивание и шуршание радиопередатчика отвлекло Манфреда от его занятия, и он поднял голову, внимательно прислушиваясь.

— Я возьму тебя с собой, — пояснил Джек мальчику.

Наконец Арни откликнулся:

— Привет, Джек, — бодро зазвучал его голос. — Я пытался связаться с тобой. Ты можешь...

— Я буду у вас сегодня вечером, — перебил его Джек.

— А пораньше?

— Боюсь, раньше вечера не удастся, — ответил Джек. — Тут... — Он заколебался. — Раньше вечера я все равно ничего не смогу показать. («Как только я окажусь у него, он все из меня выудит про этот совместный проект, — подумал Джек. — Надо дождаться, пока отец не зарегистрирует свое право собственности, а тогда это уже не будет иметь значения».)

— Ладно, до вечера, — согласился Арни. — Жду с нетерпением, Джек. Чувствую, ты приедешь не с пустыми руками, я очень надеюсь на тебя.

Джек поблагодарил его, попрощался и выключил связь.

— Похоже, твой шеф настоящий джентльмен, — заметил Лео, когда они закончили разговор. — И он, несомненно, считается с тобой. Человек с твоими способностями бесценен в любой организации.

Джек ничего не ответил — на него уже навалилось чувство вины.

— Нарисуй мне картинку, — попросил он Манфреда, — как у меня сегодня сложится вечер с мистером Коттом.

Он забрал у мальчика рисунок, над которым тот трудился, и дал ему чистый лист.

— Хорошо, Манфред? Ты же можешь увидеть, что будет сегодня вечером. Ты, я и мистер Котт в его доме.

Мальчик взял синий карандаш и принялся рисовать. Джек, управляя вертолетом, искоса посматривал на него.

Манфред рисовал очень осторожно. Сначала Джек ничего не мог разобрать; когда же контуры проступили, у него перехватило дыхание. На бумаге были изображены двое мужчин, один ударял другого в глаз.

Манфред зашелся в заливистом нервном смехе и прижал к себе рисунок.

Похолодев, Джек вернулся к управлению. Он чувствовал, как его покрывает липкий пот тревоги. «Вот, значит, как оно? — безмолвно вопрошал он себя. — Драка между мной и Арни? И ты будешь присутствовать при этом...»

— Джек, подбрось меня в нашу подставную

компанию, — попросил Лео. — Высади меня там. Мне нужно оформить документы. Мы можем отправиться туда сразу, не заезжая домой? Должен признаться, я немножко нервничаю. Уверен, местные дельцы наблюдают за нами, так что лучше перестраховаться.

— Я могу только повторить: то, что ты делаешь, аморально, — ответил Джек.

— Предоставь мне самому разбираться. Это мой бизнес, Джек. И я не намерен что-либо в нем менять.

— Барышник.

— Я не буду с тобой спорить, — сказал отец. — Это не твоего ума дело. Если ты не хочешь помочь мне, после того как я преодолел миллион миль, прилетев сюда с Земли, я могу воспользоваться общественным транспортом. — Он говорил спокойно, но его лицо покрылось краской.

— Я отвезу тебя, — бросил Джек.

— Не выношу, когда меня поучают.

Джек молча развернул вертолет к югу и направился к зданиям ООН, расположенным в Роще Мира.

Манфред продолжал рисовать: один из дерущихся, тот, кого ударили в глаз, теперь лежал на земле мертвым. Джек видел, как фигура на

рисунке начала обмякать и вытянулась.

«Интересно, это я или Арни. Когда-нибудь — возможно, очень скоро — я узнаю это».

Под оболочкой мистера Котта скрывались помертвевшие кости, влажные и блестящие. Весь мистер Котт был мешком с костями, грязными, но все еще влажно-блестящими. Его череп поедал овощи, тут же превращавшиеся в гниль.

Джек Болен тоже был мешком с дохлятиной, в котором кишмя кишела гадость. Но внешняя оболочка, раскрашенная и благоухающая, продолжала всех дурачить. Он видел, как она склоняется над мисс Андертон, сочась вожделением, как из нее изливается мокрая липкая сущность и мертворожденные слова вываливаются из челюстей.

— Люблю Моцарта, — произносит мистер Котт. — Сейчас я поставлю эту запись. — Он вертит ручку громкости. — Дирижирует Бруно Вальтер. Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Ужасные крики и визги раздаются из динамиков, напоминающие конвульсии мертвецов. Арни выключает запись.

— Прошу прощения, — бормочет он.

Джек Болен моргает от неожиданности,

принюхиваясь
к женскому телу, расположившемуся рядом с ним. Над верхней губой женщины, резко очерченной губной помадой, поблескивает пот. Джеку хочется укусить эти губы, ему хочется крови. Большие пальцы его рук тянутся к ее подмышкам, ему хочется взять ее грудь, почувствовать ее своей собственностью, с которой можно делать все что угодно. Вот он уже прикоснулся к ней, и ему это нравится.

— Ничего себе, — замечает женщина. — Так можно и напугать, Арни. Твое чувство юмора...

— Случайная ошибка, — отвечает Арни и роется в поисках нужной записи.

Джек Болен протягивает руку и прикасается к коленям женщины. У нее под юбкой нет нижнего белья. Он гладит ее ноги, она поднимает их и вся поворачивается к нему, прижавшись к нему коленями, и застывает, как животное в ожидании. «Я не могу дождаться, когда мы сможем отсюда уйти и остаться наедине, — думает Джек. — Господи, как я хочу ощущать твое тело без всякой этой одежды». Он сжимает ее обнаженную коленку, и она, не переставая улыбаться, вскрикивает от боли.

— Послушай, Джек, мне очень жаль... —

оборачивается к ним Арни Котт, но Джек не слышит его. Сидящая рядом женщина что-то говорит ему.

— Скорей, — говорит она, — я тоже не могу больше ждать.

Дыхание с отрывистым шипением вырывается из ее рта,

словно из продырявленного воздушного шарика, она не мигая смотрит на него огромными глазами. Ни он, ни она не слышали Арни. В комнате стоит полная тишина.

«Арни что-то сказал?» — Джек протягивает руку за своим стаканом. Тот пуст.

— У нас кончилось спиртное, — замечает Джек, ставя стакан обратно на кофейный столик.

— Ради Бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился, — произносит Арни. — Ты мне можешь что-нибудь показать?

Продолжая говорить, он выходит на кухню, и голос его становится глуше. Женщина рядом с Джеком неотрывно на него смотрит, рот ее обмяк, словно он так крепко прижимает ее к себе, что ей трудно дышать. «Надо уйти отсюда и быть самими собой», — думает Джек. Потом, оглянувшись, замечает, что они одни; Арни вышел из комнаты и не может их видеть. Его

голос доносится из кухни, где он разговаривает со своим ручным бликменом. Значит, они наедине.

— Не здесь, — прерывисто говорит Дорин. Но все ее тело дрожит, и она не сопротивляется, когда он обнимает ее за талию; она готова ко всему, потому что тоже хочет его. У нее тоже нет сил сдерживаться. — Да, — произносит она. — Только быстро. — Она впивается ногтями в его плечи, глаза у нее закрыты, она стонет и вздрагивает. — Сбоку, — шепчет она, — юбка на пуговицах.

Склонившись
над ней, он видит, как распадается ее томная, почти перезревшая красота. Зубы покрываются желтыми трещинами и раскалываются, десны зеленеют и становятся иссохшими, словно дубленая кожа, а когда она закашлялась, в лицо полетели целые пригоршни праха. «Гадло обогнало меня», — осознает он. Он не успел. Он отпускает ее, и она откидывается назад с резким треском рассыпающихся костей.

Глаза у нее заволакиваются дымкой и становятся мутными, а из одного высовывается волосатое щупальце мохнатого насекомого, пытающегося выбраться наружу. Его крохотные глазки краснеют в пустой глазнице незрячего глаза и снова скрываются в глубине. Насекомое

начинает возиться внутри, и глаз женщины вспучивается. На мгновение оно снова высовывается из ее зрачка и озирается, не в силах понять, что происходит вокруг, — оно еще не научилось пользоваться разлагающимся механизмом, внутри которого обитает.

Груди ее, как перезревшие дождевики, выбросили клубы спор в его лицо и тут же осели и сморщились, сея гнилостный запах времени, запах гадло, давно уже поселившегося в ней и сейчас пробирающегося на поверхность.

Мертвый рот подергивался, пока из глубины, с самого дна трубочки, шедшей через ее горло, не просипело: «Ты не успел». После чего голова полностью отвалилась, оставив вместо себя белый заостренный конец выступающего позвоночника.

Джек отпустил ее, и она осела грудой плоских, почти прозрачных колец, словно высохшая змеиная кожа; он посмотрел на них и стряхнул с себя. И тут же, к собственному изумлению, услышал, как из кухни доносится ее голос.

— Пожалуй, я пойду домой, Арни. Я не могу долго выносить Манфреда: он все время движется, мелькает, ни секунды не посидит спокойно. — Обернувшись, Джек увидел, что она стоит

там, совсем рядом с Арни, и целует его в ухо. — Спокойной ночи, милый.

— Я как-то читал о ребенке, который думал, что он — машина, — произнес Арни, и тут дверь захлопнулась — больше Джек не слышал и не видел их.

«Я действительно пьян, — решил он, потерев лоб. — Что со мной? Сознание расщепляется...»

Он закрыл глаза, пытаясь собраться с силами. На ковре, рядом с диваном, Манфред Стайнер вырезал из журнала картинку, чему-то улыбаясь. Бумага шуршала, и этот звук еще больше отвлекал Джека, мешая ему сосредоточиться.

Из кухни доносилось тяжелое дыхание и натужные стоны. Что они там делают? Втроем, она, Арни и его ручной блик-мен... Стоны стали реже и наконец совсем затихли. Опять наступила полная тишина.

«Как я хочу домой, — с отчаянием подумал Джек. — Как хочу выбраться отсюда!» Его тошнило, он был так слаб, что не мог подняться, и так и остался сидеть на диване.

«Гадл-гадл-гадл, — звучало у него в голове, — *я* — гадл-гадд-гадл».

«Прекрати», — скомандовал он.

«Гадл-гадл-гадл-гадл», — ответило ему.

Со стен осыпалась пыль. Стены комнаты трещали от ветхости, разлагаясь у него на глазах. «Гадл-гадл-гадл», — звучала комната. «Гадло здесь, он гадл-гадл тебя, и ты станешь гадостью».

Неуверенно поднявшись на ноги, Джек с трудом добрался до магнитофона Арни, достал кассету и после нескольких неудачных попыток все-таки умудрился ее поставить.

Дверь на кухню с шумом раскрылась, и кто-то вперился в него взглядом.

«Надо удирать отсюда, — повторил про себя Джек. — Надо сопротивляться, надо вырваться, иначе мне конец. Оно пожирает меня».

Он судорожно рванул регулятор звука, и музыка, взвыв, оглушила его, затопила комнату, обрушившись на стены, мебель — всех и вся.

Дверь на кухню сорвалась с петель и упала плашмя. Что-то поспешно выбежало из кухни, встревоженное ревом. Оно пробралось мимо него и дотянулось до ручки громкости — звук отхлынул.

И ему стало лучше. Слава тебе Господи, он в своем уме.

Высадив отца у офиса подставной компании, Джек Болен вместе с Манфредом отправился в Льюистаун к Дорин Андертон.

— Что с тобой, Джек? — открыв дверь и глянув на него, спросила она.

Джек с Манфредом вошли внутрь.

— Сегодня вечером случится несчастье, — ответил Джек.

— Ты уверен? — Она расположилась напротив него. — А ты обязательно должен быть? Хотя, кажется, обязательно. Может, ты ошибаешься?

— Манфред рассказал мне, — ответил Джек. — Он видел.

— Не бойся, — нежно промолвила Дорин.

— Но я уже боюсь, — заметил он.

— А что будет такого плохого?

— Не знаю. Этого Манфред не может мне рассказать.

— Но... — Она взмахнула рукой. — Тебе же удалось установить с ним контакт, это же замечательно. Именно этого Арни и хотел.

— Надеюсь, ты будешь у него, — продолжил Джек.

— Да, буду. Хотя от меня мало что зависит. Что для него значит мое мнение? Но я уверена, Арни будет доволен; думаю, ты тревожишься без всяких причин.

— Это конец, — произнес Джек, — между мной и Арни. Я знаю, что это произойдет сегодня

вечером, но не знаю почему. — Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. — Более того, мне кажется, что Манфреду не просто известно будущее, он в каком-то смысле сам его организует, он способен заставить его реализоваться в наихудшем виде, потому что это представляется ему естественным — именно так он воспринимает действительность. Выходит, когда мы находимся рядом с ним, мы погружаемся в пучину его реальности. Она захлестывает нас, подменяя наш привычный взгляд на вещи, и последовательность событий, усвоенная нами, каким-то образом нарушается и замещается другими событиями. Для меня совершенно не свойственно такое отношение к будущему; со мной раньше никогда такого не было.

Он умолк.

— Ты проводишь с ним слишком много времени. Ты и так склонен... — Дорин замялась, — к нестабильности. Это у вас общее. Предполагалось, что ты вернешь его в наш мир, научишь сосразделять реальность нашего общества... а вместо этого он затянул тебя в свой? Я не верю во все эти предвидения — по-моему, это была ошибка с самого начала. Лучше тебе все бросить и расстаться с мальчиком. — Она взглянула на

Манфреда; тот стоял у окна, высунувшись на улицу. — Если ты больше ничего не можешь с ним сделать.

— Слишком поздно, — ответил Джек.

— Ты не психотерапевт и не врач, — продолжила Дорин. — Это обязанность Мильтона Глоба изо дня в день иметь дело с аутичными и шизоидными личностями, а ты… ты всего лишь мастер, впутанный в это по безумному капризу Арни. Ты случайно оказался рядом, чиня диктофон, и тебя вовлекли. Джек, нельзя быть таким податливым. Ты позволяешь случаю управлять своей жизнью… И эта пассивность, Боже праведный, неужели ты не понимаешь, о чем она говорит?

— Думаю, понимаю, — помолчав, ответил он.

— Ну, скажи.

— Шизоидная личность склонна к пассивности — мне это известно.

—

Будь решительнее. Откажись от продолжения. Позвони Арни и скажи, что ты просто не в состоянии справиться с Манфредом. Его нужно отправить обратно в Бен-Гурион, где им займется доктор Глоб. Пусть там сами создадут замедляющую камеру. Они ведь уже приступили к этому, не так ли?

— Им никогда ее не сделать. Они надеются на импорт оборудования с Земли, а ты понимаешь, что это значит.

— Ты тоже никогда не сделаешь, потому что еще раньше ты окончательно свихнешься. Я тоже умею предсказывать будущее. И знаешь, что я в нем вижу? Что тебе предстоит перенести куда как более серьезный коллапс, чем случались до сих пор. Я предвижу, Джек, полное разрушение твоей психики, если ты будешь продолжать. Тебя уже преследуют шизоидная тревога, паника, разве не так? Не так?

Джек кивнул.

— Я видела, как это было с моим братом, — продолжала Дорин, — эту панику — а раз увидев, ее невозможно забыть. Когда действительность сжимается вокруг, сжимаются восприятие пространства и времени, причины и следствия... разве не это с тобой сейчас происходит? По твоим словам получается, что ты никак не можешь повлиять на исход вашей сегодняшней встречи с Арни — а ведь это полный личностный распад, потеря зрелости и ответственности; это совсем на тебя не похоже. — Грудь Дорин высоко вздымалась от глубокого дыхания. — Я позвоню Арни и скажу, что ты отказываешься, пусть ищет

кого-нибудь другого для возни с Манфредом. Я скажу, что у тебя ничего не получилось и что продолжать бессмысленно. Я уже наблюдала у Арни эти задвиги: он носится с ними несколько дней или недель, а потом полностью забывает. Точно так же он может и об этом забыть.

— Об этом он не забудет, — возразил Джек.

— Ты хоть попробуй!

— Нет. Я должен встретиться с ним сегодня вечером и сообщить о результатах. Я обещал ему — я. должен.

— Чертов идиот! — воскликнула Дорин.

— Знаю, — откликнулся Джек. — Только не из-за того, о чем ты думаешь. Я идиот потому, что взялся за дело, не подумав о последствиях. Я... — Он умолк. — А может, ты и права. Я просто не гожусь для работы с Манфредом.

— Но ты ведь продолжаешь с ним работать. Что ты собираешься показать сегодня Арни? Покажи мне это сейчас.

Джек достал конверт и вынул из него рисунок Манфреда. Дорин долго рассматривала его, после чего вернула обратно.

— Дурной болезненный рисунок, — почти неслышно промолвила она. — Я знаю, что это такое. Это гробница мира, да? Вот что он

нарисовал. Мир после смерти. Вот что он видит, а благодаря ему и ты начинаешь видеть. Ты хочешь показать это Арни? Ты потерял всякое чувство реальности: неужели ты думаешь, что Арни понравился бы этот распад? Сожги рисунок.

—

Ну, не так уж он плох, — глубоко встревоженный ее реакцией, ответил Джек.

— Нет, он очень дурен. И то, что ты не видишь этого, — паршивый признак. Ведь сначала он тебе тоже показался страшным?

Джек был вынужден кивнуть.

— Значит, я права.

— Мне надо лететь. Увидимся вечером. — Джек подошел к окну и похлопал Манфреда по плечу. — Нам пора. Вечером увидимся с этой дамой и мистером Коттом.

— До свидания, Джек, — промолвила Дорин, проводив его до двери. В ее больших темных глазах таилось отчаяние. — Что

бы я ни сказала, я не смогу удержать тебя. Ты изменился. Еще несколько дней назад ты был гораздо живее... Ты чувствуешь это?

— Нет, я этого не чувствую, — ответил он, впрочем, ничуть не удивившись; на самом деле он чувствовал, как налились тяжестью

конечности, как сжимает сердце. — Увидимся вечером. — Джек склонился и поцеловал ее в полные сладкие губы.

Она осталась стоять в дверях, молча глядя им вслед.

В оставшееся до вечера время Джек Болен решил заскочить в Общественную Школу, чтобы забрать сына. Именно там, в том месте, которого он боялся больше всего на свете, он и проверит, права ли Дорин; там-то он и узнает, потерял ли способность отличать действительность от проекций собственного подсознания. Общественная Школа станет для него пробным камнем, и, когда Джек разворачивал вертолет компании И в ее направлении, что-то глубоко внутри говорило ему, что он в состоянии вынести повторный визит туда.

К тому же его мучило желание посмотреть, как отреагирует на новую обстановку и искусственные обучающие машины Манфред. Его давно преследовало чувство, что Манфред, столкнувшись
с автоматическими учителями, проявит сильную реакцию, возможно, схожую с его собственной, а может, и противоположную. Так или иначе, Манфред не останется безучастным.

«Хотя разве уже не поздно? — тут же мелькнула робкая мысль. — Разве все уже не кончено и Арни не отменил своего распоряжения? Разве я уже не виделся с ним сегодня? Который сейчас час? — в ужасе думал Джек. — Я потерял чувство времени».

— Мы летим в Общественную Школу, — промямлил он Манфреду. — Как тебе это нравится? Посмотришь школу, где учится Дэвид.

Глаза Манфреда вспыхнули пониманием, словно он говорил: «Да, я хочу туда, полетели».

— Договорились, — откликнулся Джек, с трудом справляясь с управлением. У него было такое чувство, будто он лежит на дне неподвижного океана, не в силах двинуться и способный лишь на то, чтобы дышать. Что с ним?

Он не знал.

ГЛАВА 11

Под оболочкой мистера Котта скрывались помертвевшие кости, влажные и блестящие. Весь мистер Котт был мешком с костями, грязными, но все еще влажно-блестящими. Его череп

поедал овощи, тут же превращавшиеся в гниль. Джек Болен тоже был мешком с дохлятиной, в котором кишмя кишела гадость. Но внешняя оболочка, раскрашенная и благоухающая, продолжала всех дурачить. Он видел, как она склоняется над мисс Андертон, сочась вожделением, как из нее изливается ее мокрая липкая сущность и мертворожденные слова вываливаются из челюстей. Некоторые из них заползали в складки ее одежды, впивались в ее кожу и пролезали внутрь.

— Люблю Моцарта, — произнес мистер Котт. — Сейчас я поставлю эту запись.

Все тело мисс Андертон чешется от липнущей одежды, приставших волос, праха и помета мертворожденных слов. Она чешется, разрывая в клочья одежду, потом хватает обрывки в зубы и проглатывает их.

— Дирижирует Бруно Вальтер, — замечает

мистер Котт, вертя ручки усилителя. — Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Ужасные крики и визги заполняют помещение, и она понимает, что исходят они из нее. Ее сотрясают судороги — вся скопившаяся в ней мертвечина вздыбилась и поползла, стремясь вырваться на свет. Господи, как ее остановить? Она выступала из пор и струилась на пол, просачиваясь в щели между досками.

— Прошу прощения, — пробормотал Арни Котт.

— Ничего себе, так можно и напугать, Арни. — Поднявшись с дивана, она оттолкнула большую, темную, дурнопахнущую массу, облепившую ее. — Твое чувство юмора...

Он оборачивается и видит, как она срывает с себя последний лоскут одежды. Он откладывает кассету и приближается к ней, протягивая руки.

— Сделай это, — просит она, и оба опускаются на пол. Он быстро сдирает с себя одежду. Слившись в объятиях, они укатываются в темноту под плиту и замирают там в пыли и выделениях собственных тел, тяжело дыша. — Еще, — требует она и впивается ногтями в его тело.

— Случайная ошибка, — замечает он, вдавливая ее в пол и тяжело дыша ей в лицо.

Из-за плиты появляются чьи-то глаза, кто-то наблюдает за ними. Оно забросило клей, ножницы и журналы для того, чтобы злорадно упиваться каждым их телодвижением.

— Прочь, — задыхаясь, произносит она. Но оно не уходит. — Еще, — просит она, и оно заливается смехом. Чем тяжелее обрушивается на нее сокрушительный груз, тем громче становится смех.

— Гадлай меня еще, — повторяет она. — Гадлай, гадлай, гадлай меня, влей в меня свое гадло, мне нравится твое гадло. Не останавливайся. Гадл-гадл-гадл-гадл-гадл!

Джек Болен снижался над посадочной площадкой школы, поглядывая на Манфреда и пытаясь угадать, о чем тот думает. Погруженный в себя, Манфред Стайнер невидящим взглядом смотрел вниз, и черты его лица были искажены в такой отвратительной гримасе, что Джек тут же отвернулся.

«Какое мне дело до этого ребенка? Дорин права: выше головы не прыгнешь, а в результате постоянного присутствия Манфреда начали просыпаться шизоидные аспекты моей собственной личности».

И все же он не знал, как ему вырваться, почему-

то у него было ощущение, что уже слишком поздно, словно время свернулось и навеки сковало его с этим несчастным немым существом, которое снова и снова ворошило и всматривалось в порожденный им мир.

Каким-
то образом он впитал в себя мировоззрение Манфреда, и теперь оно исподволь разлагало его психику.

«Надо дождаться вечера, надо как-то дотянуть до встречи с Арни Коттом. Потом я смогу все бросить и вернуться в собственный мир, в собственное пространство и больше никогда не видеть Манфреда Стайнера. Арни, ради Бога, спаси меня», — повторял он.

— Вот мы и прибыли. — Вертолет замер, коснувшись поверхности крыши, лопасти остановились.

Манфред тут же с нетерпением бросился к дверце.

«Значит, тебе хочется здесь осмотреться, — отметил про себя Джек. — Интересно, почему?» Он подошел к дверце и открыл ее; Манфред, не мешкая, выпрыгнул на крышу и побежал к уходящему вниз скату, словно знал дорогу наизусть.

Когда Джек вылез из вертолета, мальчик уже исчез из виду. Джек поспешил за ним к спуску и окунулся в школьную атмо-сферу.

«Дорин Андертон и Арни Котт, — говорил себе Джек, — два самых близких мне человека, которые значат для меня больше всего, благодаря которым я сохраняю связь с самой жизнью — и именно в эти отношения сумел внедриться Манфред: он разрушил самые важные для меня связи. Что же осталось? Оторванный от них, я автоматически потерял и все остальное — своего сына, жену, отца, мистера И. Я знаю, что меня ждет, если я шаг за шагом буду отступать перед этим ребенком. Теперь я понимаю, что такое психоз: полное отчуждение от объектов внешнего мира, особенно от значимых — от тепла живых людей. А что приходит взамен? Постоянная сосредоточенность на собственном сумеречном состоянии, на возникающих внутри флуктуациях, влияющих только на внутренний мир. Так расщепляются два мира, внешний и внутренний, теряя взаимосвязь. Они просто расходятся в разные стороны. И я стою на пороге отчуждения. Возможно, всегда стоял, возможно, что-то таилось во мне с самого начала. Но мальчик значительно продвинул меня вперед. Вернее,

благодаря ему я проделал большой путь».

Мощная зацикленная энергия Манфреда, стирая все вокруг себя, проникает во внешний мир и поражает его. Таким ребенок был с самого начала, являя собой высшую точку развития шизоидного процесса.

— Манфред, подожди, — позвал Джек, медленно спускаясь за мальчиком в недра здания Общественной Школы.

Сильвия Болен, потягивая кофе, сидела на кухне Джун Хинесси и делилась с ней своими проблемами.

— А самое ужасное, — рассказывала она про Эрну Стайнер и ее детей, — как ни закрывай глаза, они вульгарны. Жаль, что приходится об этом говорить, но в последнее время мне так часто пришлось с ними общаться, что скрывать правду я просто не могу: я каждый день наталкиваюсь на их дурное воспитание.

Джун Хинесси в белых шортах и открытом лифчике шлепала босиком то туда, то сюда, поливая из стеклянного кувшина комнатные растения.

— И мальчик у них действительно странный. Он хуже всех, не правда ли?

— И он все время у нас, дни напролет, —

передернув плечами, сообщила Сильвия. — Ты же знаешь, Джек занимается с ним, пытаясь вернуть в общество. Что до меня, так я бы таких уродов просто уничтожала; в конечном итоге, позволять им жить даже негуманно, ложное милосердие и по отношению к ним, и по отношению к нам. Мальчик будет нуждаться в уходе всю свою жизнь, он никогда не сможет покинуть лечебное заведение.

— Я хочу рассказать тебе, что сделал недавно Тони, — возвращаясь на кухню с пустым кувшином, перебила подруга.

Тони был ее нынешним любовником, их связь длилась уже полгода, и Джун держала всех соседок, а особенно Сильвию, в курсе событий. — Мы обедали вместе в Женеве, во французском ресторане, ели улиток. Улиток подают прямо в ракушках, выковыриваешь их оттуда огромными вилками чуть ли не в фут длиной. Естественно, большинство продуктов там с черного рынка. Во всех таких ресторанах деликатесы исключительно с черного рынка. Я этого не знала, пока Тони не сводил меня туда.

— Улитки, — с отвращением вымолвила Сильвия, тут же начав размышлять, какие великолепные блюда заказала бы она, будь у нее

любовник, приглашающий в рестораны.

Интересно, что чувствуешь, заводя любовную связь? Дело, конечно, непростое, но стоящее, если удается все скрыть от мужа. Вся сложность в Дэвиде. Впрочем, и Джек сейчас в основном работал дома, да еще свекр. К тому же она никогда не смогла бы принимать его, любовника, у себя дома из-за Эрны Стайнер — толстая мешковатая фрау тут же сообразит, в чем дело, и из истинно прусского чувства долга поставит об этом в известность Джека. С другой стороны, разве риск не являлся обязательной составной частью такой связи? Разве он не добавляет особой... прелести, что ли?

— А что сделает твой муж, если узнает? — спросила Сильвия. — Разрежет тебя на мелкие кусочки? Джек бы не преминул.

— У Майка у самого было несколько любовных интрижек. Конечно, он рассердится и может на недельку отправиться к одной из своих подружек, бросив меня с детьми. Но он переживет.

«Интересно, а были ли у Джека романы? — вдруг подумала Сильвия. — Маловероятно. Интересно, а что я буду делать, если выяснится, что были? Сможет ли это разрушить наш брак? Да. Я тут же обращусь к адвокату. Или не обращусь? — тут

же усомнилась она. — Заранее ничего нельзя сказать...»

— Как ты ладишь со своим свекром? — спросила Джун.

— Неплохо. Он с Джеком и Манфредом отправился сегодня куда-то по делам. На самом деле я не так уж много провожу времени с Лео, он ведь приехал не отдыхать. Джун, а сколько у тебя было романов?

— Шесть, — ответила Джун Хинесси.

— Вот это да. А у меня ни одного.

— Некоторые женщины просто не созданы для них.

Сильвия восприняла это чуть ли не как личное оскорбление, намек на анатомическое несовершенство.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Психологически не приспособлены, — поспешила заверить ее Джун. — Для того, чтобы сочинить и изо дня в день поддерживать некую версию, женщина должна обладать определенными качествами. Мне доставляет удовольствие, когда я выдумываю, что сказать Майку. Ты другая. У тебя простое и конкретное мышление: обман и вымысел не твой конек. К тому же у тебя прекрасный муж. — Она

подчеркнула авторитетность собственного суждения, подняв брови.

— Джека целыми неделями не бывает дома, — ответила Сильвия. — Так что мне бы не помешал роман. Сейчас это, конечно, стало гораздо сложнее. — Она лихорадочно мечтала о чем-нибудь важном, неожиданном, увлекательном, что могло бы заполнить длинные пустые дни; ей до смерти наскучило сидеть на чужих кухнях, часами поглощая кофе. Неудивительно, что многие женщины пускались в любовные авантюры. Выбора не оставалось: или авантюры или сумасшествие.

— Ты не можешь судить, если весь твой чувственный опыт ограничивается отношениями с мужем, — продолжила Джун Хинесси. — Ты так или иначе зависишь от него. А когда ты спишь с другими мужчинами, ты можешь более объективно судить о его недостатках. И если тебе кажется, что он должен что-то изменить в себе, ты можешь более решительно настаивать на этом. И себя ты сможешь лучше понять, имея дело с. другими мужчинами, что-то исправить в себе, чтобы доставлять мужу большее удовольствие. По-моему, здесь никто ничего не теряет.

В

таком виде супружеская измена действительно представлялась как полезное и здоровое занятие для всех заинтересованных лиц. В выигрыше оставались даже мужья.

Продолжая
размышлять об этом и попивать кофе, Сильвия выглянула из окна и, к собственному изумлению, увидела приземляющийся вертолет.

— Кто это? — спросила она Джун.

— Понятия не имею, — тоже выглянув из окна, ответила та.

Вертолет замер около дома, дверца раскрылась, и из него
вышел темноволосый симпатичный мужчина в яркой нейлоновой рубашке, галстуке, узких брюках и модных европейских туфлях из мягкой кожи. За ним появился бликмен, нагруженный двумя тяжелыми чемоданами.

Сильвия
Болен почувствовала, как заколотилось ее сердце. Именно так она представляла себе любовника Джун Тони.

— Господи, кто это? Торговец? — В дверь постучали, и Джун бросилась открывать. Сильвия поставила чашку и последовала за ней.

— Кажется, я не совсем одета, — замешкавшись

у дверей, заметила Джун, нервно ощупывая свои шорты. — Поговори с ним, а я пока сбегаю в спальню и переоденусь. Я не ожидала сегодня никаких визитов: знаешь, надо быть осторожными — мы здесь одни, мужей нет... — И она бросилась в спальню.

Сильвия открыла дверь.

— Добрый день, — произнес мужчина, обнажая в улыбке зубы идеальной белизны. — Вы хозяйка? — Он говорил с легким акцентом.

— Допустим, — робко и настороженно ответила Сильвия и окинула себя взглядом, проверяя, достаточно ли скромно она сама одета, чтобы стоять здесь и беседовать с незнакомым мужчиной.

— Хочу вам предложить прекрасный набор диетических продуктов, с которыми вы, возможно, уже знакомы, — промолвил мужчина. Он смотрел ей прямо в глаза, и тем не менее Сильвия не могла отделаться от ощущения, что он дюйм за дюймом изучающе разглядывает все ее тело. Она чувствовала себя все более неловко, однако возмутиться ей не приходило в голову: его манеры были обаятельны — в них сквозила скромность и в то же время неожиданный напор.

— Диетические продукты, — пробормотала она. — Ну, я...

Мужчина кивнул, и вышедший из-за его спины бликмен

поставил один из чемоданов и раскрыл его. Корзинки, бутылки, коробки... все это ее очень заинтересовало.

— Рафинированное арахисовое масло, бескалорийные диетические сладости, чтобы ваша фигурка сохраняла стройность. Пшеничные побеги, дрожжи, витамин Е —витамин жизни... Но конечно, для такой молодой женщины он еще необязателен. — Речь незнакомца плавно струилась. Сильвия заметила, что склонилась над чемоданом так близко от него, что они почти касались плечами, и, испугавшись, отпрянула.

В дверях появилась Джун в юбке и шерстяном свитере. Увидев их, она тут же отступила и закрыла за собой дверь, так что продавец её не заметил.

— Еще могу предложить широкий ассортимент деликатесов. Если мисс интересуется... — Он поднял кувшин, и у нее перехватило дыхание — это была икра.

— Боже милостивый, — как заколдованная, промолвила Сильвия. — Где вы это достали?

— Дорого, но стоит того. — Торговец сверлил ее своими темными глазами. — Не так ли? Воспоминания о днях, проведенных Дома: теплое пламя свечей, танцевальная музыка... дни любви в кругу приятных для слуха и зрения вещей. — Он широко улыбнулся.

«Черный рынок», — догадалась она.

— Понимаете, я живу не здесь, — произнесла Сильвия
и почувствовала, как сердце заколотилось у нее в горле. — Я живу в миле отсюда по каналу. — Она указала рукой. — И... меня все это очень интересует.

Его улыбка озаряла ее безграничным сиянием.

— Вы здесь впервые? — заикаясь, спросила Сильвия. — Я раньше вас не видела. Как вас зовут?

— Отто Цитте. — Он вручил ей карточку, но она едва взглянула на нее, не в силах отвести взгляда от его лица. — Я давно занимаюсь делами, однако лишь недавно... в результате несчастного случая... дело было полностью реорганизовано, так что теперь я имею возможность непосредственно общаться с новыми покупателями.

— Вы еще заедете?

— Да, загляну попозже... и мы на досуге сможем

рассмотреть весь мой прекрасный ассортимент импортных товаров. Всего хорошего. — Торговец выпрямился с кошачьей грацией.

— Привет, — настороженно произнесла Джун Хинесси, снова появляясь в дверях.

— Моя визитная карточка. — Отто Цитте протянул и ей рельефный белый квадратик. Дамы принялись внимательно изучать карточки.

Отто Цитте улыбнулся всезнающей белоснежной улыбкой и дал знак бликмену раскрыть второй чемодан.

Доктор Глоб сидел в своем кабинете в Бен-Гурионе, когда до него донесся резкий властный голос, явно женский. Потом он услышал извиняющиеся интонации сестры и догадался, что первый голос принадлежал Энн Эстергази, которая пришла навестить своего сына Сэма.

Он раскрыл папку на букву «Э» и нашел дело Эстергази Самуэля.

Мальчик был рожден вне брака через год с небольшим после того, как миссис Эстергази развелась с Арни Коттом, и поступил в лагерь под ее именем. Однако вне всяких сомнений он являлся сыном Арни Котта: все врачи безоговорочно признавали их кровное родство.

Вероятно, несмотря на развод, Арни и Энн Эстергази продолжали общаться, и достаточно близко, чтобы произвести на свет ребенка. Значит, их отношения были не просто деловыми.

Глоб задумался, каким образом можно использовать эти сведения. Есть ли у Арни враги? Ему по крайней мере об этом ничего не известно: Арни все любили, все, за исключением его, Мильтона Глоба. Похоже, он был единственным человеком на Марсе, пострадавшим от рук Арни, и эта мысль не добавила ему радости.

«Он поступил со мной бесцеремонно и антигуманно», — в миллионный раз повторил себе Глоб. И чем следует на это ответить? Он, конечно, может надеяться на другие компрометирующие мелочи. Какой, впрочем, от них толк?

Доктор Глоб еще раз перелистал папку. Странный мальчик, этот Самуэль Эстергази, уникальный
случай в практике. Он напоминал какого-то доисторического человека, разновидность, отсеянную в процессе эволюции и обитавшую изначально в водной стихии. В голову сразу приходила теория, выдвинутая некоторыми антропологами, о том, что человек произошел

от водных обезьян, обитавших на отмелях и в прибрежной полосе.

Интеллектуальный коэффициент Сэма равнялся всего лишь семидесяти трем.

И вдруг Глобу пришла мысль, что Сэм скорее относится к умственно отсталым, нежели аномальным детям. А Бен-Гурион не рассчитан для содержания умственно отсталых, и его директор Сьюзен Хейнес уже отослала обратно несколько малолетних пациентов, страдавших псевдоаутизмом и впоследствии оказавшихся обыкновенными
имбецилами. Конечно, отбор все еще был затруднен из-за диагностических сложностей. Но в случае с Эстергази присутствовали и физические дефекты...

«Вот оно, — решил Глоб. — У меня есть все основания отослать этого ребенка домой. И пусть им занимается Общественная Школа, подлаживаясь под его уровень. Только с физиологической точки зрения он может быть назван “аномальным”, а в нашу задачу не входит забота об инвалидах».

«Но почему я это делаю? — спрашивал он себя. — Хочу отомстить Арни Котту за его жестокое обращение со мной?» Нет, вряд ли; я не отношусь

к мстительному типу людей — к ним относятся анально-экспульсивные особи и орально-кусающие».

А Глоб давно уже отнес себя к генитальному разряду, предающемуся зрелому половому соперничеству.

С другой стороны, размолвка с Арни Коттом заставила его рыться в деле ребенка Эстергази... так что между этими событиями прослеживается хоть и небольшая, но связь, — причинно-следственная связь.

Он вернулся к документам и вновь недоуменно нахмурился: что за странные отношения, в которых спустя несколько лет после развода сохранялась сексуальная связь! Зачем тогда было разводиться? Не столкновение ли честолюбий тому причиной? Энн Эстергази, несомненно, относится к властному типу женщин с доминирующими мужскими признаками, Юнг называл таких «духовно-одержимыми». Для успешных отношений с женщиной подобного типа необходимо сразу же захватить инициативу в свои руки и не отпускать ее. Одно из двух — или властвовать над ней, или быстро потерпеть поражение.

Глоб отложил папку и направился по коридору

к игровой комнате. Посетительница играла в кости со своим сыном. Он подошел к ним и остановился, наблюдая за игрой, пока миссис Эстергази сама не подняла голову.

— Здравствуйте, доктор Глоб, — весело поприветствовала его она.

— Здравствуйте. Когда закончите, не заглянете ли ко мне в кабинет?

Приятно было видеть, как самонадеянное, уверенное выражение лица этой женщины исчезло, уступив место тревоге.

— Конечно, доктор Глоб.

Через двадцать минут она уже сидела напротив него.

— Миссис Эстергази, когда ваш мальчик впервые появился в Бен-Гурионе, у нас имелось много сомнений относительно природы его состояния. Сначала мы считали, что оно вызвано психическими нарушениями, возможно травматическим неврозом или...

— Доктор, вы хотите сообщить мне, что, поскольку
Сэм обнаруживает лишь интеллектуальную дефективность, вы собираетесь исключить его, верно? — решительно спросила женщина.

— Ну и физическую неполноценность, —

добавил Глоб.

— Это не ваше дело.

Покорно соглашаясь, он взмахнул руками.

— Когда я должна его забрать? — Она побледнела, руки вцепившиеся в сумочку, дрожали.

— Ну, дня через три-четыре, можно через неделю.

Прижав руку к лицу, миссис Эстергази невидящим взглядом уставилась на ковер, покрывающий пол кабинета. Время шло.

— Возможно, вам известно, доктор, — начала она дрожащим голосом, — что уже в течение некоторого времени я провожу кампанию против законопроекта ООН, предполагающего закрытие Бен-Гуриона. — Постепенно ее голос обретал силу и уверенность. — Если вы вынудите меня забрать Сэма, я прекращу свою деятельность в данной области, и можете не сомневаться: законопроект будет одобрен. Более того, я поставлю в известность Сьюзен Хейнес, почему я отказываюсь вам помогать.

Холодная волна ужаса захлестнула Мильтона Глоба. Он буквально оцепенел.

— Вы поняли, доктор? — осведомилась миссис Эстергази.

Ему удалось кивнуть.

— Доктор, я давно занимаюсь политикой, — вставая, продолжила Энн. — Арни Котт считает, что все это на самодеятельном уровне, но он ошибается. Уж поверьте мне, в некоторых сферах политики я достаточно проницательна.

— Да, я чувствую, — ответил Глоб. Он тоже поднялся и проводил ее до двери.

— И пожалуйста, больше никогда не возвращайтесь к этому разговору о Сэме. Для меня он слишком болезнен. Мне гораздо легче считать его аномальным. — Миссис Эстергази посмотрела доктору прямо в глаза. — Считать сына умственно отсталым выше моих сил. — И, повернувшись, она легкой походкой зашагала прочь.

«Не слишком-то хорошо получилось, — заметил про себя доктор Глоб, трясущимися руками закрывая дверь. — Совершенно очевидно, она страдает садистскими наклонностями — мощные всплески неприязни в сочетании с направленной вовне агрессией».

Он снова сел за стол, закурил сигарету и задумчиво затянулся, пытаясь вернуть себе уверенность.

Когда Джек Болен вышел в коридор, Манфреда

и след простыл. Мимо пробежало несколько ребятишек, вероятно, спеша к своим учителям. Джек двинулся вслед за ними, недоумевая, куда делся Манфред, да еще с такой скоростью. Что-то тут не так.

Впереди он заметил группу детей, стоявших вокруг высокого седовласого джентльмена с кустистыми бровями, в котором Джек признал Марка Твена. Манфреда среди них не было.

Когда Джек уже миновал их, Марк Твен вдруг прервал свой монолог, обращенный к слушателям и, затянувшись сигарой, поинтересовался:

— Дружище, я ничем не могу быть вам полезен?

— Я ищу маленького мальчика, который прилетел со мной, — остановившись, ответил Джек.

— Я знаю всех здешних мальчуганов, — ответила обучающая машина Марк Твен. — Как его зовут?

— Манфред Стайнер. — И он описал мальчика внимательно слушающему автомату.

— Гм-м, — ответила машина, когда он умолк, и еще раз затянулась сигарой. — Полагаю, вы найдете его с римским императором Тиберием. По крайней мере так мне сообщает руководство,

которому поручено попечение над этим заведением, я имею в виду школьного мастера.

Тиберий. Джеку и в голову не приходило, что в школе представлены такие фигуры — развратные и безумные персонажи истории. Вероятно, Марк Твен догадался, о чем он думал, по выражению его лица.

— Здесь, в школе, вы встретите, сэр, не только образцы для подражания, но и примеры того, чего нужно избегать с наивысшим тщанием. Путешествуя по этим залам, вы встретите много разбойников, пиратов и негодяев, честно излагающих свои поучительные истории для просвещения юношества. — Марк Твен выпустил кольца дыма и подмигнул Джеку. Джек смущенно поспешил дальше.

Следующий раз он остановился у Иммануила Канта, чтобы справиться о направлении. Рядом с великим философом стояло несколько подростков.

— Тиберия вы найдете вон там, — ответила машина с сильным акцентом и с полной уверенностью указала дальше.

Джек последовал совету и через мгновение увидел хрупкую фигуру. Казалось, римский император стоял задумавшись, но как только

Джек приблизился к нему, он повернулся и промолвил:

— Мальчик, которого вы ищете, пошел дальше. Ведь это ваш мальчик, не так ли? На редкость симпатичный
юноша. — Тиберий умолк, вновь погрузившись в свои размышления. Джек знал, что на самом деле он подключается сейчас к школьному мастеру, который, задействовав все автоматы, пытается определить местонахождение Манфреда.

— В данную минуту он ни с кем не беседует, — сообщил
Тиберий.

Джек двинулся дальше. Мимо промелькнула женская фигура среднего возраста, одарив его улыбкой: рядом с ней не было детей, и он не смог догадаться, кто это.

— Ваш мальчик с Филиппом Вторым Испанским, — проинформировала она и указала направо по коридору, добавив странным тоном: — Будьте добры, поспешите; мы будем вам крайне признательны, если вы выдворите его из Школы, и чем быстрее, тем лучше. Спасибо большое.

Машина умолкла, и Джек поспешил в указанном направлении.

Как только он свернул, перед ним выросла

бородатая аскетичная фигура Филиппа Второго. Манфреда рядом не было, но его неуловимый дух все еще витал здесь.

— Он только что отбыл, любезный сэр, — произнес автомат таким же обеспокоенным тоном, как и предшествовавший. — Найдите и выдворите его, чем заслужите всеобщую признательность.

Джек бегом бросился по коридору, чувствуя, как его подгоняет леденящий ужас.

— ...всеобщую признательность, — проводила его чья-то сидящая фигура в белой тоге, когда он проносился мимо.

— ...как можно скорее, — подхватил другой седовласый мужчина в сером смокинге ту же литанию.

Джек повернул за угол и увидел Манфреда.

Он сидел на полу, прислонившись к стене и опустив на грудь голову.

— Почему ты убежал? — наклонившись к нему, спросил Джек.

Мальчик молчал. Он прикоснулся к его плечу; тот никак не отреагировал.

— С тобой все в порядке? — спросил Джек.

Манфред шевельнулся, поднялся на ноги и повернулся лицом к Джеку.

— В чем дело?

Манфред молчал, на лице мальчика отражались противоречивые чувства, не находящие выхода; он смотрел на Джека и словно не видел его, полностью погруженный в себя и не умеющий прорваться в окружающий мир.

— Что случилось? — повторил Джек. Но он и сам понимал, что ему никогда не удастся это выяснить: стоящее перед ним существо не умело выражать свои мысли. Между ними могла существовать лишь тишина, полное отсутствие понимания, бездна, которую никогда ничем не заполнить.

Мальчик отвернулся и снова сел на пол.

— Оставайся здесь, — сказал Джек. — Я попрошу их найти мне Дэвида.

Он устало поплелся прочь; Манфред даже не пошевелился. Дойдя до ближайшей обучающей машины, Джек попросил:

— Мне нужен Дэвид Болен, пожалуйста. *Я* — его отец. Я заберу его домой.

Машина являла собой Томаса Эдисона. Пожилой джентльмен вздрогнул, устремил на него взор и приложил руку к уху. Джек повторил свою просьбу.

— Гадл-гадл, — закивал автомат.

Глаза у Джека полезли на лоб. Он обернулся, но Манфред все так же сидел на полу, привалившись к стене.

— Гадл-гадл, — снова сообщил Томас Эдисон, открыв рот, и умолк.

«Это я? — в панике спрашивал себя Джек. — Это финальный психический срыв? Или...»

Но альтернативы он так и не нашел.

Дальше по коридору был виден еще один обучающий автомат, обращавшийся к группе детей: его металлический гулкий голос разносился по всему коридору.

— Гадл-гадл, — сообщал он детям.

Джек
закрыл глаза. С удивительной отчетливостью он понял, что его восприятие, его психика не обманывают его, что все происходит на самом деле.

Манфред Стайнер проник в структуру Общественной Школы, разрушив ее потаенный механизм.

ГЛАВА 12

Когда Мильтону Глобу поступил срочный вызов, он все еще сидел за столом в своем кабинете, размышляя над поведением Энн Эстергази. Звонила школьный мастер из Общественной Школы ООН.

— Доктор, простите за беспокойство, — зашелестел ее бесцветный голос, — но мы нуждаемся в вашей помощи. По нашей территории бродит гражданин мужского пола с ярко выраженным психическим расстройством. Мы бы хотели, чтобы вы выдворили его.

— Конечно, — пробормотал доктор Глоб. — Сейчас буду.

Вскоре он уже летел над пустыней по направлению к школе.

Школьный мастер, ожидавшая на посадочной площадке, поспешно повела его через здание к перекрытому отсеку коридора.

— Мы решили, что лучше оградить детей, — объяснила она, нажимая кнопку в стене и открывая выдвижную дверь.

В коридоре стоял человек, лицо которого показалось Глобу знакомым. И тут, совершенно

непроизвольно, он почувствовал глубокое удовлетворение. Значит, шизофрения все-таки достала Джека Болена. Взгляд Болена блуждал, на лице застыло изумленное выражение — совершенно очевидно, что он находится в состоянии кататонического ступора, возможно, перемежавшегося повышенным возбуждением. Вид у него был абсолютно изможденный. Рядом стояло еще одно существо, также знакомое доктору Глобу — Манфред Стайнер.

«Да, ваши отношения не принесли блага ни одному из вас», — заметил про себя Глоб.

С помощью школьного мастера он погрузил обоих в свой вертолет и, взмыв в воздух, направил машину к Бен-Гуриону.

— Давайте я вам расскажу, что случилось, — промолвил Болен. Он сидел согнувшись, сжав кулаки.

— Пожалуйста, — откликнулся Глоб, наконец взяв себя в руки.

— Я прилетел в школу, чтобы забрать сына, — начал Джек срывающимся голосом. — И взял с собой Манфреда. — Он повернулся и взглянул на мальчика, который еще не вышел из своей каталепсии и совершенно неподвижно, как изваяние, лежал на полу. — Манфред убежал

от меня. А потом... связь между мной и школой нарушилась. Единственное, что я воспринимал...

— Folie a deux, — пробормотал Глоб. — Безумие на двоих.

— Вместо школы я начал слышать его, — договорил Болен. — Я слышал, как обучающие автоматы произносят его слова.

— Манфред обладает очень мощным личностным началом, — заметил Глоб. — Пребывание с ним в течение длительного времени истощает. Я думаю, вам лучше оставить этот проект. Мне кажется, вы слишком рискуете.

— Я должен увидеться сегодня с Арни, — прерывистым хриплым шепотом ответил Джек.

— А что будет с вами?

Болен не ответил.

— На данной стадии я еще могу вам помочь, — продолжил Глоб. — Затем... трудно сказать.

— Там, в этой проклятой школе, я совершенно растерялся, — произнес Болен. — Просто не знал, что делать. И все время искал, с кем бы поговорить, кто не был бы похож на него. — Он показал на Манфреда.

— Общаться со школой — это огромная проблема для шизофреника, — ответил Глоб. — Всякий шизофреник, как и вы, общается с

людьми на уровне подсознания. А обучающие автоматы, естественно, не обладают им, у них все на поверхности. Поскольку шизофреник привык игнорировать внешнюю данность, он продолжает доискиваться подтекста и наталкивается на пустоту.

— Я не мог понять, что они говорят, — согласился Болен, — это была такая же бессмыслица, какую произносит Манфред.

— Вам еще повезло, что вы вышли из этого состояния, — заметил доктор Глоб.

— Я знаю.

— Ну так что вы будете делать дальше, Болен? Отдыхать и поправляться? Или снова вступите в опасный контакт с ребенком, который настолько нестабилен, что...

— У меня нет выбора, — ответил Джек.

— Это верно. У вас нет выбора, вы должны оставить его в покое.

— Но кое-что я понял, — сказал Джек. — Я понял, как высоки ставки в этой игре лично для меня. Теперь я знаю, что такое быть отрезанным от мира, как Манфред. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать этого. Теперь я не сдамся. — Дрожащими руками он вынул из кармана сигарету и закурил.

— Ваш прогноз неблагоприятен, — заявил Глоб.

Джек Болен кивнул.

— Сейчас наступила ремиссия, несомненно вызванная тем, что вы покинули школьную среду. Хотите начистоту? Я не поручусь, что она продлится долго, — может, еще десять минут, а может, час; может, вам удастся дотянуть до вечера, когда начнется еще более сильный приступ. Ведь особенно тяжелы для вас ночные часы, не так ли?

— Да, — кивнул Болен.

— Есть два варианта. Я могу забрать Манфреда обратно в Бен-Гурион и представлять сегодня вечером ваши интересы у Арни, как ваш официальный психиатр. Я регулярно этим занимаюсь, это мой бизнес. Оплачивайте счет, и я подброшу вас домой.

— Возможно, я воспользуюсь этим позднее, — ответил Болен. — Вы сможете представлять меня, если мне станет хуже. Но сегодня я с Манфредом должен быть у Арни Котта.

Доктор

Глоб пожал плечами. «Невосприимчивость к рациональным предложениям, — отметил он про себя. — Признак аутизма. Джека Болена

невозможно убедить: он уже слишком отъединен от окружающего мира, чтобы слышать и понимать. Язык превратился для него в пустой ритуал, лишенный какого бы то ни было смысла».

— Мой сын Дэвид, — внезапно вспомнил Болен. — Мне надо вернуться в школу и забрать Дэвида. И вертолет компании И, он тоже там остался. — Взгляд его стал более осмысленным.

— Не надо возвращаться туда, — попытался убедить Глоб.

— Отвезите меня обратно.

— Тогда хотя бы не возвращайтесь в школу; оставайтесь на площадке. Я распоряжусь, чтобы вам прислали сына, а вы, пока он выходит, подождете в вертолете. Это по крайней мере будет менее опасно. Я вместо вас переговорю со школьным мастером. — Доктор Глоб внезапно почувствовал прилив симпатии к этому человеку, к тому, с каким упорством он настаивал на своем.

— Спасибо, — ответил Болен. — Вы очень любезны. — Джек улыбнулся, и доктор тоже ответил ему улыбкой.

— Где Джек Болен? — жалобно спросил Арни Котт. На часах было шесть вечера. Арни сидел в

одиночестве **в** своей гостиной, попивая слегка переслащенный коктейль, который приготовил ему Гелио.

Сейчас ручной бликмен возился на кухне с обедом, используя при этом исключительно товары с черного рынка — из нового источника, открытого Арни. При мысли о том, что их теперь доставляют к нему по оптовым ценам, он ощутил прилив радости. Насколько это лучше старого положения вещей, когда весь доход поступал в карман Норберту Стайнеру! Арни потягивал коктейль и поджидал гостей. Из динамиков в углу лилась музыка, заполняя комнату и убаюкивая уважаемого члена союза водопроводчиков.

Он пребывал почти в полудреме, когда его разбудил резкий звонок телефона.

— Арни? Это Скотт.

— Да, — недовольно откликнулся Арни — он предпочитал общаться через свою хитрую шифровальную машину. — Послушай, у меня тут важное дело сегодня вечером, и если ты...

— У меня тоже важное, — перебил его Скотт. — Кто-то встал нам поперек дороги.

— Что? Ты имеешь в виду с продуктами? — До Арни наконец дошло, что имел в виду Скотт Темпл.

— Да, — откликнулся Скотт. — И у него все на мази. Своя посадочная площадка, свои ракеты, торговые маршруты — наверное, он унаследовал все после Стай...

— Можешь не продолжать, — прервал Арни. — Лети сюда сейчас же.

— Будет сделано. — И Скотт повесил трубку.

«Ну и как вам это понравится, — огорчился Арни. — Только я начал вставать на ноги, как появляется какой-то негодяй! И главное — я ведь даже не собирался впутываться в черный рынок, почему этот парень сразу не сообщил мне, что хочет подхватить дело Стайнера? А теперь поздно: я уже взялся, и никто не заставит меня бросить его».

Через полчаса в дверях появился возбужденный Скотт: ворвавшись в гостиную, он принялся мерять ее огромными шагами, поедая закуски и тараторя на ходу:

— Этот парень — настоящий профи, в деле не новичок — уже облазил весь Марс, включая самые отдаленные дома, где хозяйки покупают в лучшем случае по одной баночке; всюду успел сунуть свой нос. Учитывая, что мы только начинаем, боюсь, он не оставит нам ни малейшей лазейки. Если говорить начистоту, парень перекрывает

нам весь кислород.

— Понимаю, — откликнулся Арни, потирая лысину.

— Надо что-то делать.

— А ты знаешь, где у него база?

— Нет, но, вероятно, где-то в горах Франклина Рузвельта — там была площадка у Норба Стайнера. Надо поискать там. — И Скотт сделал пометку в записной книжке.

— Найди его площадку и сообщи мне. А я отправлю туда полицейский корабль из Льюистауна.

— Тогда он поймет, кто на него точит зуб.

— Верно. Пусть знает, что ему придется бороться не с обычными конкурентами, а с самим Арни Коттом. А я позабочусь, чтобы полиция сбросила на его площадку тактическую бомбу. Пусть негодяй сообразит, что мы искренне недовольны его деятельностью. Подумать только, прийти и мешать мне, когда я даже не хотел ввязываться в это дело! И без него-то несладко!

Скотт кончил записывать: «И без него-то несладко!»

— Ты все узнаешь, а я прослежу, чтобы им занялись, — подытожил Арни. — Сам он нам не нужен, только оборудование — зачем

впутываться в неприятности с ООН. Уверен, это образумит его. Как ты думаешь, он один? Не какая-нибудь большая кампания с Земли?

— Как я понял из рассказов, он определенно один.

— Вот и хорошо. — Арни распрощался со Скоттом и снова остался в одиночестве в гостиной, только на кухне колдовал бликмен.

— Как наша рыбная похлебка с чесноком? — крикнул Арни.

— Отлично, мистер, — откликнулся Гелиогабал. — Могу я спросить, кого вы собираетесь кормить сегодня? — Он трудился у плиты, расположив вокруг несколько видов рыбы, травы и различные специи.

— У меня будут Джек Болен, Дорин Андертон и один аутичный ребенок, с которым работает Джек по совету доктора Глоба... сын Норба Стайнера, — ответил Арни.

—

Все подлые типы, — пробормотал Гелиогабал.

«Как и ты», — ответил ему про себя Арни.

— Лучше как следует занимайся едой, — раздраженно добавил он, закрыл дверь на кухню и вернулся в гостиную. «Это ты, чернокожий мошенник, втянул меня во все это, — подумал он,

— ты со своим пророческим камнем натолкнул меня на эту мысль. И лучше бы она сработала, потому что я все поставил на эту карту. К тому же...»

Дверной звонок заглушил звуки музыки.

Открыв дверь, Арни увидел Дорин: нежно улыбаясь, она вошла в гостиную. На ней были туфли на высоких каблуках, плечи окутывал мех.

— Привет. Чем это так вкусно пахнет?

— Да какая-то несчастная рыба. — Арни снял с гостьи накидку, обнажив гладкие, загорелые, чуть веснушчатые плечи. — Нет-нет-нет, — тут же запротестовал он, — это совершенно не подходит, у нас сегодня вечером дела. Входи и надень приличную блузку. — Он подтолкнул ее к спальне. — А с этим подожди до следующего раза.

«Какая потрясающая первоклассная баба мне досталась, — думал Арни, стоя в дверях и глядя, как она переодевается. Она разложила свое декольтированное платье на кровати. — Это я ей подарил», — вспомнил Арни. Вспомнил он и манекенщицу, которая демонстрировала платье в магазине, но Дорин выглядела в нем гораздо лучше — эти огненно-рыжие волосы,

ниспадавшие по шее, словно всполохи пожара...

— Арни, — повернулась она к нему, застегивая блузку,— будь сегодня помягче с Джеком Боленом.

— Какого черта, ты о чем? Единственное, что мне нужно от старины Джека, это результаты — он и так провозился, время кончилось.

— Полегче, Арни, — повторила Дорин. — Или я никогда не прощу тебе этого.

Ворча, он вышел в гостиную и направился к буфету, чтобы сделать ей коктейль.

— Что будешь пить? У меня есть бутылка десятилетнего ирландского виски, очень неплохого.

— Хорошо, — ответила Дорин, появляясь из спальни. Она села на диван и расправила юбку на коленях.

— Ты, как всегда, что бы ни надела, прекрасно выглядишь, — оценил Арни.

— Спасибо.

— Послушай, все, чем вы занимаетесь с Боленом, делается с моего ведома, как тебе известно. И все это лишь видимость, верно? В глубине души ты принадлежишь мне.

— Что ты имеешь в виду — «в глубине души»? — лукаво поинтересовалась Дорин, не спуская с него

глаз, пока он не рассмеялся. — Конечно, я твоя, Арни. Здесь, в Льюистауне, все принадлежит тебе до последнего кирпича и соломинки. Каждый раз, когда я включаю воду на кухне, я думаю о тебе.

— Почему обо мне?

— Потому что ты — тотемное божество утекающей воды. — Она улыбнулась. — Шучу, я просто вспоминаю твою парилку с уходящей навсегда водой.

— Да, помнишь, как мы с тобой пошли туда поздно ночью, — я открыл ее своим ключом, и мы, как пара шалунов, включили горячие краны, пока все не заполнилось густым паром. А потом разделись — ну и пьяны же мы были — и начали бегать и прятаться друг от друга в этом пару... — Он усмехнулся. — А потом я поймал тебя на скамье массажистки, и там-то уж мы развлеклись на славу.

— В очень первобытном духе, — припоминая, откликнулась Дорин.

—

В ту ночь я чувствовал себя девятнадцатилетним, — заметил Арни. — Я вообще чувствую себя очень молодым для своего возраста, во мне осталось много сил, если ты понимаешь, что я имею в виду. — Он прошелся по комнате. — Господи, да

когда же придет Болен?

Зазвонил телефон.

— Мистер, — закричал Гелиогабал из кухни. — Я не могу подойти, вынужден вас просить ответить самостоятельно.

— Это звонит Болен сказать, что ему ничего не удалось... — заметил Арни и, прочистив горло, снял трубку.

— Арни, — послышался в ней мужской голос. — Простите, что беспокою вас, это доктор Глоб.

— Привет, док, — с облегчением ответил Арни и пояснил Дорин: — Это не Болен.

— Арни, я знаю, вы сегодня встречаетесь с Джеком Боленом, — начал Глоб. — Он еще не у вас?

— Нет.

Глоб замешкался.

— Арни, мне довелось сегодня провести некоторое время с Джеком, и хотя...

— В чем дело? У него что, был приступ? — Арни интуитивно чувствовал, что так и есть; потому-то доктор и звонил. — Ладно, он в цейтноте, его поджимает время, понимаю. Но оно всех нас поджимает. Придется разочаровать вас, если вы намерены придумывать за него отговорки, как за ребенка, прогулявшего школу. Я не смогу

его извинить. Болен знал, за что брался. Если он сегодня не представит мне результатов, я устрою так, что до конца жизни ему и сгоревшего тостера никто не доверит здесь на Марсе.

—

Именно такие, как вы, с вашими бессердечными понуканиями, и порождают шизофреников, — помолчав, заметил Глоб.

— Ну и что? У меня есть свои требования, он должен им соответствовать, вот и все. Требования высокие — я знаю.

— Но и у него есть высокие требования.

— Не такие высокие, как мои, — возразил Арни. — Что-нибудь еще хотите сказать, док?

— Нет, — ответил Глоб. — Разве что... — Его голос дрогнул. — Нет, ничего. Спасибо, что уделили мне время.

— Спасибо и вам за звонок, — откликнулся Арни и повесил трубку. — Безмозглый болван — боится сказать, что думает на самом деле. — Он брезгливо отошел от аппарата. — Боится даже защитить то, во что верит. Ничего, кроме презрения, Глоб у меня не вызывает. Зачем было звонить, если не хватает мужества?

— Странно, что он вообще позвонил, — заметила Дорин. — Что высунулся. Что он сказал о Джеке?

— Ее глаза потемнели от тревоги. Она встала и, подойдя к Арни, взяла его за руку.

— А-а, просто он сегодня виделся с Боленом; кажется, у того был какой-то припадок — ну знаешь, его болезни.

— Он прилетит?

— Господи, понятия не имею! Почему все нужно так усложнять? Врачи звонят, ты лапаешь меня, как побитая собака. — Он негодующе расцепил на своей руке ее пальцы и оттолкнул Дорин. — И еще этот черномазый на кухне! Он что, ведьмовское зелье готовит? Сидит там часами!

— Послушай, Арни, — тихо, но твердо произнесла Дорин. — Если ты начнешь жать на Джека слишком сильно и причинишь ему боль, я больше никогда не лягу с тобой в постель. Имей в виду.

— Господи, все его защищают, неудивительно, что он болеет.

— Он хороший человек.

— Лучше бы он был хорошим техником, лучше бы он раскрыл передо мной сознание этого ребенка, чтобы я смог читать по нему, как по дорожной карте.

Дорин встряхнула головой, взяла свой коктейль и отошла от Арни.

— Ладно. Я не могу тебе приказывать. Найдется еще десяток женщин, которые в постели будут ничуть не хуже меня. Кто я такая, чтобы указывать Арни Котту?

— Черт, Дор, ты же знаешь, ты неповторима, другой такой не найти. — Арни неловко тронулся за ней. — Твоя спина такая гладкая... — Он погладил ее шею. — Отпад, даже по земным меркам.

Раздался звонок в дверь.

— Это он. — Арни бросился к выходу.

На пороге стоял Джек Болен. Вид у него был изможденный. Рядом пританцовывал на цыпочках мальчик, взгляд которого перебегал с одного предмета на другой, ни на чем подолгу не задерживаясь. Как только дверь раскрылась, он тут же проскользнул в гостиную и скрылся из виду.

— Заходи, — смущенно промолвил Арни.

— Спасибо, Арни, — ответил Джек. Арни закрыл дверь, и оба принялись озираться в поисках Манфреда.

— Он пошел на кухню, — пояснила Дорин.

Арни открыл дверь на кухню и увидел Манфреда, который стоял, уставившись на Гелиогабала.

— В чем дело? — поинтересовался Арни. — Ты никогда раньше не видел бликмена?

Мальчик ничего не ответил.

— Что ты готовишь на десерт, Гелио? — спросил Арни.

— Фруктовый пирог, — ответил Гелиогабал. — И сладкий крем в карамельном соусе. Из кулинарной книги мадам Ромбо.

— Познакомься, Манфред, эго — Гелиогабал, — сказал Арни.

Дорин и Джек, стоя в дверях, наблюдали за сценой. Арни тоже заметил, что бликмен произвел на мальчика неотразимое впечатление. Словно завороженный, Манфред следил за каждым его движением. С хирургической осторожностью Гелиогабал залил фруктовую начинку в готовые формочки, после чего аккуратно перенес их в морозилку.

— Привет, — робко промолвил Манфред.

— Вот это да! Он произнес настоящее слово! — воскликнул Арни.

— Я должен попросить всех вас покинуть кухню, — раздраженно заявил Гелиогабал. — Присутствие посторонних нервирует меня, я не могу работать. — Он уставился на людей, переводя взгляд с одного на другого, пока не

вынудил их выйти. Захлопнувшаяся дверь скрыла Гелиогабала из вида.

— Немного чудаковат, — извинился Арни. — Но готовит изумительно.

— Я впервые слышу, чтобы Манфред заговорил, — наклонился Джек к Дорин и потрясенный отошел к окну, не обращая внимания на остальных.

— Что будешь пить? — обратился к нему Арни.

— Бурбон с водой.

— Сейчас смешаю, — согласился Арни. — Не могу надоедать Гелио с такими пустяками, — рассмеялся он. Джек остался безучастным к его веселью.

Наконец все трое уселись. Манфред получил старые журналы и растянулся с ними на ковре, полностью игнорируя присутствующих.

— Подождите, пока он подаст свою стряпню, — промолвил Арни.

— Пахнет замечательно, — ответила Дорин.

— Все с черного рынка.

Сидящие на диване Джек и Дорин согласно кивнули.

— Сегодня у нас особенный вечер, — произнес Арни.

Они снова кивнули.

— За взаимопонимание, — провозгласил Арни, поднимая стакан. — Без которого мы были бы ничем.

— Я выпью за это, — мрачно откликнулся Джек. Однако в стакане у него уже было пусто, и он в растерянности замолчал.

— Сейчас налью, — вскочил Арни, забирая стакан.

Подойдя к буфету и смешивая для Джека виски, он заметил,

что Манфреду уже наскучили журналы, мальчик снова встал и слоняется по комнате. «Может, ему понравится вырезать и наклеивать», — подумал Арни. И, вернув Джеку стакан, направился на кухню.

— Гелио, добудь мальчугану клей и ножницы, и какой-нибудь лист бумаги, чтобы можно было наклеивать.

Гелио уже покончил с десертом и теперь восседал с номером «Лайф». Он неохотно поднялся и отправился искать необходимые предметы.

— Забавный мальчуган, не правда ли? — спросил Арни, когда Гелио вернулся. — Что ты думаешь о нем? Наши мнения совпадают?

— Все дети одинаковы, — уклонился Гелио и отправился обратно на кухню.

— Скоро будем есть, — объявил Арни. — Все попробовали датский сыр? Кто-нибудь еще чего-нибудь хочет?

Зазвонил телефон, и Дорин, сидевшая к нему ближе всех, сняла трубку.

— Тебя. Мужчина, — передавая трубку Арни, сообщила она.

Это снова был доктор Глоб.

— Мистер Котт, — высоким натянутым голосом произнес Глоб, — профессиональная честь обязывает меня защищать своих пациентов. Я тоже умею играть в ваши игры. Как известно, в Бен-Гурионе находится ваш внебрачный сын Сэм Эстергази...

Арни издал стон.

— Если вы дурно обойдетесь с Джеком Боленом, — продолжил Глоб, — если вы начнете применять к нему свои жестокие, бесчеловечные, агрессивные методы, я исключу Сэма Эстергази из лагеря на основании того, что он является умственно отсталым. Усвоили?

— Господи Иисусе, — простонал Арни. — Завтра поговорим. Лягте вы в постель и усните. Примите таблетку. Только отстаньте от меня. — И он бросил трубку.

Кассета закончилась, музыка давно стихла,

и Арни, подойдя к своей фонотеке, вытащил наугад какую-то коробку. «Ох уж этот доктор, — вертелось в голове. — Ну я до него доберусь. Только не сейчас. Сейчас нет времени. Верно, он это неспроста». Арни перевернул коробку и прочел: «В. А. Моцарт. Симфония 40 соль минор. Op. 550».

— Люблю Моцарта, — сообщил Арни присутствующим. — Я поставлю эту запись. — Он вынул кассету из коробки и вставил ее в магнитофон, затем повертел ручки усилителя, пока не раздалось тихое шипение пленки, проходящей через головку. —

Дирижирует Бруно Вальтер, — сообщил он своим гостям. — Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Из динамиков вырвались отвратительные крики и скрежет. «Словно мертвецы сотрясаются в судорогах», — с ужасом мелькнуло в голове Арни, и он бросился выключать.

Манфред Стайнер сидел на ковре, вырезая из журналов картинки и наклеивая их в новых сочетаниях, когда раздался шум. Он поднял голову и увидел, как Котт бросается к магнитофону. Однако двигался он так быстро, что был почти невидим: казалось, мужчина просто исчез из

одной части комнаты и появился в другой. Мальчику стало страшно.

Звук тоже напугал его. Он кинул взгляд на диван, где сидел мистер Болен, но тот был так странно переплетен с Дорин Андертон, сидевшей рядом, что Манфред тревожно съежился. Как эти двое могут находиться так близко друг от друга? Манфреду показалось, что они слились воедино, и ему стало страшно. Он сделал вид, будто не видит их, устремив взгляд мимо, на безопасную голую стену.

Раздался резкий прерывистый голос мистера Котта, хотя смысла сказанного Манфред не понял. Потом заговорила Дорин Андертон, затем вступил и Джек Болен — и все они говорили, перебивая друг друга; возник такой хаос, что мальчик зажал уши руками. И тут же без всякого предупреждения мистер Котт пересек комнату и окончательно исчез.

Мальчик тщетно оглядывался по сторонам, его охватила дрожь — он не знал, что будет дальше. А потом, к собственному изумлению, увидел, как мистер Котт вновь возник — в помещении, где находилась пища, и начал беседовать с темнокожей фигурой.

Темная фигура с грациозным изяществом

соскользнула с высокого табурета и пересекла комнату. Завороженный движениями, Манфред смотрел на него, не сводя глаз, и вдруг тот обернулся.

— Ты должен умереть, — произнес темнокожий, словно издалека. — Тогда ты возродишься. Понимаешь, дитя? Такого, как ты есть сейчас, ничего впереди не ждет. Что-то не сложилось, ты не умеешь ни видеть, ни слышать, ни чувствовать. И никто тебе не поможет. Понимаешь, дитя?

— Да, — ответил Манфред.

Темная фигура скользнула к раковине, налила в стакан воды, добавила какой-то порошок и вручила его мистеру Котту, который, не умолкая, выпил его. Как прекрасна была эта темная фигура! «Почему я не могу быть таким?» — подумал Манфред. Он никогда еще не видел таких красивых людей.

А затем его связь с этим призрачным человеком была нарушена: на кухню вбежала Дорин Андертон, что-то тараторя высоким голосом. Манфред снова заткнул уши, но заглушить шум ему не удалось. Тогда он решил сбежать, чтобы избавиться и от звуков, и от этих внезапных появлений и исчезновений.

Перед ним тянулась горная тропа. Над

головой нависало тяжелое красное небо с едва различимыми мелкими точками: тысячи пятен приближались и увеличивались в размерах. Из них начали вываливаться и рассеиваться вокруг люди. А потом они принялись что-то чертить на земле, а сверху стали опускаться огромные предметы, похожие на улиток. Коснувшись колесами поверхности, те сразу же начинали копать.

Он увидел дыру, огромную как мир; земля исчезла, все стало черным и пустым... Люди прыгали в эту дыру и исчезали, пока никого не осталось. Он снова был один в безмолвном мире-дыре.

Подобравшись к краю, Манфред заглянул вниз. На самом дне копошилось какое-то скрюченное создание. Оно начало распрямляться, расширяться, обрело цвет и заполнило собой все пространство.

«Я в тебе снова», — подумал Манфред.

— Он здесь старожил, — произнес чей-то голос. — Он уже был здесь, когда мы прибыли. Он невероятно стар.

— Ему нравится здесь?

— Кто знает? Он не может ни ходить, ни кормить себя. Все документы погибли при пожаре. Ему

ампутировали конечности и, естественно, извлекли большую часть внутренних органов. В основном он жалуется на аллергию.

«Нет, — подумал Манфред, — я этого не вынесу — в носу все горит. Я не могу дышать. И это начало жизни, которое обещал темный человек? Новый зачин, когда я буду иным и мне смогут помочь? Пожалуйста, помогите! Мне нужен кто-то, кто угодно! Я не могу дожидаться здесь вечности: скорее — или уже не приходите вовсе. Если вы не поспешите, я вырасту и превращусь в дыру, которая пожрет все».

Дыра под кооперативными зданиями застыла в ожидании тех, кто пройдет и прошел над ней, она жаждала стать всем и вся. И только Манфред Стайнер еще удерживал ее.

Джек Болен поставил пустой стакан, чувствуя, как тело распадается на мельчайшие частички.

— У нас кончилось спиртное, — пробормотал он своей соседке.

— Джек, помни, у тебя есть друзья, — быстро прошептала ему Дорин. — Я — твой друг, звонивший сюда доктор Глоб — твой друг. — Она тревожно заглянула ему в глаза. — С тобой все в порядке?

— Ради Бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился,

— воскликнул Арни. — Ты можешь мне что-нибудь показать? — Он кинул на них ревнивый взгляд, и Дорин незаметно отодвинулась от Джека. — Вы так и собираетесь сидеть там вдвоем и шептаться? Меня это не устраивает. — Он повернулся и двинулся на кухню.

— Я люблю тебя, — прошептала Дорин, наклонившись к Джеку, ее губы почти касались его лица.

Он попытался улыбнуться.

— Спасибо, — ответил он, мечтая дать ей понять, как много она для него значит, и поцеловал ее. Ее губы были теплыми и мягкими от любви — они отдавали ему все, что могли, ничего не оставляя про запас.

— Я чувствую, как ты ускользаешь, уходишь все глубже и глубже внутрь себя, — со слезами на глазах промолвила Дорин.

— Нет, — откликнулся Джек. — Со мной все в порядке. — Но он знал, что это неправда.

— Гадл-гадл, — промолвила женщина.

Джек закрыл глаза. «Теперь мне не выбраться, — мелькнуло в голове. — Оно сомкнулось надо мной навсегда».

Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Дорин встала и направляется на кухню. Через

некоторое время оттуда донеслись голоса ее и Арни:

— Гадл-гадл-гадл.

— Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь? — повернувшись к Манфреду, спросил Джек.

Манфред поднял на него глаза и улыбнулся.

— Поговори со мной. Помоги мне, — попросил Джек.

Ответа не было.

Джек поднялся и подошел к магнитофону. «Остался бы я живым, если бы послушался доктора Глоба? Если бы отказался лететь сюда и поручил ему представлять меня? Вероятно, нет. Как и предыдущий приступ, это все равно бы случилось. Процесс постепенно развивается и должен достичь своего логического завершения».

В следующий момент он увидел, что стоит на темном пустом тротуаре. Комната, люди — все исчезло, он был один.

С обеих сторон высились серые ровные здания. Уже AM-WEB?.. В панике Джек начал озираться. Повсюду светились фонари — он был в городе, в котором наконец узнал Льюистаун.

— Постой, — окликнул его голос, женский голос.

Из парадного к нему спешила женщина в

меховой
накидке, высокие каблуки выстукивали по тротуару и отдавались эхом. Джек остановился.

— В конечном итоге все вышло не так уж плохо, — произнесла она, догоняя его и отдуваясь. — Слава тебе Господи, все позади. Ты был так напряжен — я ощущала это весь вечер. Арни ужасно расстроен сведениями о кооперативах. Они так богаты и могущественны, что он сразу начинает ощущать себя мелкой сошкой.

Женщина взяла его за руку, и они пошли куда глаза глядят.

— И еще он сказал, что оставит тебя на работе, — добавила она. — Я уверена, он так и сделает. Хотя и обиделся, видно было.

Джек пытался что-нибудь вспомнить, но ничего не получалось.

— Ответь мне, — взмолилась Дорин.

— Он был бы опасным врагом, — помолчав, выдавил из себя Джек.

— Боюсь, ты прав.— Она заглянула ему в лицо. — Пойдем ко мне? Или ты хочешь еще куда-нибудь зайти и выпить?

— Давай просто погуляем, — предложил Джек.

— Ты все еще любишь меня?

— Конечно.

— Ты боишься Арни? Его мести? Он не понял тебя, когда ты говорил об отце; он считает, что ты каким-то образом... — Дорин помотала головой. — Джек, он с тобой поквитается, он считает, что ты виноват. У него такие допотопные взгляды.

— Да, — согласился Джек.

— Скажи что-нибудь, — снова попросила Дорин. — Ты как деревянный, как не живой. Разве все было так ужасно? Ведь нет же, правда? Ты собрался.

— Я... я не боюсь его, — с усилием вымолвил Джек.

— Ты оставишь ради меня жену, Джек? Ты сказал, что любишь меня. Мы могли бы вернуться на Землю...

Они брели все дальше и дальше.

ГЛАВА 13

Отто Цитте казалось, что жизнь вновь распахнула для него свои горизонты: после смерти Норба Стайнера он как в былые дни ездил по Марсу, рекламировал, продавал, встречался и болтал с людьми.

И что самое главное, ему уже удалось познакомиться с несколькими симпатичными женщинами — одинокими домохозяйками, живущими далеко в пустыне и изнывающими по обществу... если можно так выразиться.

Он пока не навестил миссис Сильвию Болен, но точно знал, где расположен ее дом, и пометил его на своей карте.

Сегодня он планировал туда заглянуть.

По этому случаю Отто надел самое лучшее: английский однобортный облегающий пиджак из блестящей ткани, который не носил уже тысячу лет. Ботинки и рубашка, к сожалению, были местного производства. Зато галстук! Только что из Нью-Йорка — самых модных ярких цветов и с расщепленным концом. Он любовался им, держа в руках, и, надев, тоже не мог скрыть восхищения.

Его длинные темные волосы лоснились. Он ощущал себя счастливым и уверенным. «С такой женщиной, как Сильвия, я словно родился заново», — заметил про себя Отто, надевая сверху шерстяную куртку, беря чемоданы и выходя со склада — вперед, к цивилизации.

Вертолет дугой взмыл в воздух и взял курс на восток. Туманные горы исчезли в дымке позади, внизу лежала пустыня и канал Джорджа Вашингтона — основной ориентир. Следуя вдоль него, он достиг сети более мелких каналов и вскоре уже летел над пересечением каналов Геродота и Вильяма Батлера Итса, неподалеку от которого жили Болены.

Вспоминая
обеих женщин, Отто был вынужден признать, что привлекательностью обладали и Джун Хинесси, и Сильвия Болен, но Сильвия пришлась ему больше по вкусу: в ней чувствовалась дремлющая страстность, свойственная глубоко эмоциональным натурам. Джун выглядела слишком бойкой и развязной — такие только знай себе болтают. «Мне нужна женщина-слушательница», — решил для себя Отто.

Ему вспомнился прошлый скандал. «Интересно, какой у нее муж? Надо будет узнать. Многие из

этих мужчин всерьез ведут жизнь пионеров, особенно те, что живут вдалеке от города, держат дома оружие, ну и все такое».

Однако дело стоило риска.

А на случай неприятностей у Отто Цитте имелся и собственный пистолет двадцать второго калибра — в потайном кармашке одного из чемоданов. Он и сейчас был там с полной обоймой.

«Не советую связываться со мной, — заметил про себя Отто. — А будете напрашиваться, так получите».

Вдохновившись этой мыслью, он пошел на снижение, бросил взгляд вниз — у дома Боленов вертолета не было — и приготовился к посадке.

Врожденная предосторожность заставила его припарковать вертолет в миле от дома Боленов у истока служебного канала. Оттуда придется идти пешком, с чемоданами — выбора не было. По дороге стояло еще несколько домов, но он не остановился ни у одного из них, целенаправленно двигаясь вдоль канала.

Подойдя к своей цели, Отто Цитте замедлил шаг и перевел дыхание. Из соседнего дома вылетела группа ребятишек... «Родители дома», — отметил он про себя, оглядываясь по сторонам. Он подошел

к дому Боленов с противоположной стороны, бесшумно ступая и все время держась так, чтобы дом заслонял его от соседей.

Наконец он поднялся на крыльцо и позвонил.

Красные шторы на окне гостиной раздвинулись, кто-то выглянул. На всякий случай Отто изобразил на лице официальную вежливую улыбку.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Сильвия Болен — волосы аккуратно уложены, на губах помада, свитер джерси, узкие розовые брюки, на ногах — сандалии. Краем глаза Отто заметил, что ногти у нее покрыты ярко-красным лаком. Совершенно очевидно — она готовилась к его приходу. Впрочем, сейчас она, естественно, приняла равнодушную отстраненную позу и молча разглядывала его, не отпуская дверной ручки.

— Миссис Болен, — произнес он задушевным тоном и поклонился. — Возможность лицезреть вас снова — достойная награда за бесконечные просторы
безлюдной пустыни. Вас не заинтересует наш особый суп из кенгуриных хвостов? Невероятно вкусно — продукт, недоступный на Марсе ни за какую цену. Я прибыл с ним именно к вам, заметив, что вы разбираетесь в деликатесах и в

состоянии оценить их, невзирая на стоимость. — Произнося все это, он осторожно подталкивал чемоданы к открытой двери.

— Заходите, — слегка натянуто и неуверенно промолвила Сильвия и распахнула дверь.

Отто тут же прошел в дом и разложил свои чемоданы у низенького столика в гостиной. Взгляд его остановился на детском луке и колчане со стрелами.

— Ваш сын дома?

— Нет. — Сильвия, сложив руки, нервно ходила по комнате. — Он сегодня в школе. — Она попыталась улыбнуться. — А свекор уехал в город, его не будет до вечера.

«Что ж, понимаю», — отметил про себя Отто.

— Садитесь, пожалуйста, и я все как следует вам покажу. — Одним движением он пододвинул стул, и Сильвия опустилась на краешек, соединив колени и не опуская рук. «Напряжена... Хороший знак. Она понимает смысл происходящего: цель визита, отсутствие сына и то, что она предусмотрительно заперла входную дверь, да и шторы остались задернутыми».

— Может, кофе? — Сильвия вскочила и нырнула на кухню. Через мгновение она появилась с подносом, на котором дымился кофейник, стояли

сахар, сливки и две фарфоровые чашки.

— Благодарю вас, — промурлыкал Отто. Пока ее не было, он успел пододвинуть второй стул.

Они сели пить кофе.

— И вам не страшно проводить здесь так много времени одной? В столь безлюдной местности?

— Да нет, похоже, я привыкла, — украдкой глядя на него, ответила Сильвия.

— А где вы жили на Земле?

— В Сент-Луисе.

— Да, здесь все совсем иначе. Новая, более свободная жизнь, в которой можно расслабиться и чувствовать себя самим собой, вы согласны? А старые нравы и обычаи устаревшего мира следует забыть. Вот... — Отто окинул взглядом гостиную со стереотипной обстановкой: он уже сотню раз видел такие стулья, ковры, безделушки в других, похожих на этот, домах. — Здесь перед нами открываются неожиданные, бьющие через край возможности, встречающиеся лишь раз на пути отважного человека.

— А что у вас есть еще, кроме кенгуриных супов?

— Ну, перепелиные яйца, — сосредоточенно нахмурился Отто, — очень хорошие. Натуральное коровье масло. Сметана. Копченые устрицы. Или

вот — принесите, пожалуйста, обычные крекеры, а я на пробу намажу их маслом и икрой. — Он улыбнулся, и женщина ответила ему сияющей улыбкой.

Она вскочила и с возбужденным блеском в глазах, подпрыгивая, бросилась на кухню, как маленькая девочка. Через минуту, склонившись над столом, они уже намазывали черные маслянистые икринки на крекеры.

— Ничто не может сравниться с настоящей икрой, — вздохнула Сильвия. — Я ела ее только один раз в жизни в ресторане в Сан-Франциско.

— Обратите внимание, что у меня есть еще. — И он извлек из чемодана бутылку. — Зеленое венгерское из погребов Буэно-Висты в Калифорнии — старейших погребов этого штата!

Сильвия
достала узкие бокалы на длинных ножках, хотя Отто и захватил с собой предусмотрительно стаканы.

— Боже! Как в сказке. — Сильвия полузакрыла глаза и откинулась на спинку дивана. — Я не верю, что это наяву.

— Но это наяву. — Отто отставил бокал и склонился над ней. Дыхание ее замедлилось, словно она заснула, но из-под опущенных ресниц

Сильвия зорко следила за ним. Она знала, что происходит, и не шевельнулась, не ускользнула, пока он склонялся все ближе и ближе.

Продукты и вино, подсчитал Отто, обнимая ее, обошлись по меньшей мере в сотню долларов ООН. Но дело стоит того.

Старая история повторялась. Снова без всякой прибыли. И даже с убытком — прикидывал Отто, когда они перешли в спальню с задернутыми шторами, гостеприимно принявшую их в свой полумрак.

— Со мной еще никогда такого не было за всю мою жизнь, — пробормотала Сильвия. — Я пьяна, да? О Господи. — Лицо ее выражало удовольствие и покой.

— Я сошла с ума? — прошептала она после долгой паузы. — Наверное, я сошла с ума. Просто не могу поверить, наверное, это все наваждение. Так какая разница? Разве может быть дурным то, что делаешь во сне? — После этого она уже не произнесла ни слова.

Это-то ему и нравилось в ней, он не любил болтушек.

«Что есть безумие?» — размышлял Джек Болен. Для него оно заключалось в том, что он потерял Манфреда Стайнера, и даже не мог вспомнить,

когда и как. Он почти ничего не помнил из того, что случилось вчера у Арни, и только из рассказов Дорин по кусочкам сложил какую-то картинку. Полное безумие — конструировать картину собственной жизни по рассказам окружающих.

Провал в памяти свидетельствовал о более серьезных глубинных нарушениях психики. Произошло это после того, как он несколько раз проиграл про себя и прожил ожидающееся

событие, истинное содержание которого и оказалось утерянным для него.

Снова и снова Джек представлял себе заранее вечер в гостиной Арни Котта, а когда тот наконец в самом деле начался, пропустил его. Фундаментальное нарушение восприятия пространства и времени, основа шизофрении, по мнению доктора Глоба.

Все, что происходило у Арни, существовало для Джека вне всякой последовательности. Восстановить события он не мог, да и ни к чему это было, ибо вчерашний вечер уже принадлежал прошлому. А нарушение восприятия прошлого свидетельствовало не о шизофрении, а о навязчивом неврозе. Основную же проблему представляло будущее.

Будущее Джека, по его личной оценке, состояло

в основном из Арни Котта и инстинктивной жажды мести.

«Что мы можем против Арни? — спрашивал он себя. — Почти ничего».

Джек отошел от окна и медленно вернулся в спальню, где на широкой кровати все еще спала Дорин.

Пока он стоял, глядя на нее, она проснулась.

— Мне приснился странный сон, — сказала она с улыбкой. — Я дирижировала мессой Баха в си-миноре, написанной на четыре четверти. Но когда я дошла до середины, кто-то забрал мою дирижерскую палочку, заявив, что она написана в другом размере. — Дорин нахмурилась. — Но она действительно на четыре четверти. И с чего бы мне дирижировать ею? Я даже не люблю эту мессу. У Арни есть запись, он слушает ее по вечерам.

Джек вспомнил свои сны, которые снились ему в последнее время: странные блуждающие силуэты, здания с огромным количеством помещений, бесконечно кружащие хищные птицы над головой. И какая-то гадость в буфете: он не видел, а лишь чувствовал ее присутствие.

— Сны обычно связаны с будущим, — заметила Дорин. — Они отражают потенциал человека.

Арни хотел организовать симфонический оркестр в Льюистауне — он уже обсуждал это с Босли Тувимом. Возможно, я стану его дирижером. — Она выскользнула из-под одеяла и встала — нагая, высокая, стройная.

— Дорин, — решительно сказал Джек, — я не помню вчерашний вечер. Что с Манфредом?

— Он остался с Арни. Потому что теперь ему надо вернуться в Бен-Гурион, и Арни его отвезет. Он постоянно ездит в Новый Израиль навещать своего сына, Сэма Эстергази. Арни сказал тебе, что и сегодня туда поедет. Джек... а у тебя раньше бывали случаи амнезии?

— Нет.

— Вероятно, тебя так потрясла ссора с Арни; я уже замечала, с ним очень тяжело иметь дело.

— Возможно, — откликнулся Джек.

— Как насчет завтрака? — Дорин выдвинула ящик комода и достала оттуда свежее белье и блузку. — Я сделаю яичницу с ветчиной — прекрасная консервированная датская ветчина. Из запасов Арни с черного рынка, — поколебавшись,
добавила она. — Но действительно очень вкусно.

— Годится, — ответил Джек.

— Когда мы легли вчера, я несколько часов

не спала — все думала, что предпримет Арни. Я имею в виду, что он сделает с нами. Полагаю, это будет касаться твоей работы, Джек; наверное, он нажмет на мистера И, чтобы тот уволил тебя. Ты должен подготовиться. Мы оба должны быть готовы. Ну и, естественно, он вышвырнет меня, это очевидно. Но меня это не волнует — у меня есть ты.

— Да, так. У тебя есть я, — машинально повторил Джек.

— Месть Арни Котта, — плещась в ванной, продолжала Дорин. — Но он же обыкновенный человек, так что нечего тут бояться. Лучше уж иметь дело с ним, чем с твоим Манфредом, — я действительно не могу выносить этого ребенка. Вчерашний вечер был сплошным кошмаром, мне казалось, будто вся комната пронизана какими-то холодными мокрыми щупальцами, проникающими мне в мозг... чем-то злобным и грязным. И я знаю, где находился их источник. — Она помолчала. — В Манфреде. Это были его мысли.

Дорин вышла на кухню и занялась яичницей и кофе, Джек накрыл на стол. Они сели завтракать. Пища благоухала, и Джек почувствовал себя гораздо лучше: ее вид, вкус, запах вселяли радость

в его душу, как и то, что напротив сидела Дорин с перехваченными сзади веселой ленточкой волосами.

— Твой сын похож на Манфреда? — спросила она.

— Черт, конечно, нет.

— Он похож на тебя или...

— На Сильвию. Он похож на свою мать.

— Она красивая, да?

— Да.

— Знаешь, Джек, я лежала сегодня ночью и думала... Мне пришло в голову... Может, Арни и не будет возвращать Манфреда в Бен-Гурион. Только что он с ним будет делать? Арни — страшный фантазер. Теперь, когда идея с покупкой земли рухнула, он запросто придумает какое-нибудь новое приложение способностям Манфреда. Знаешь — ты будешь смеяться, — вдруг ему удастся установить контакт с Манфредом через Гелиогабала? — Она умолкла и занялась завтраком.

— Может, ты и права. — Последнее замечание Дорин расстроило Джека. Оно выглядело вполне правдоподобным.

— Ты никогда не разговаривал с Гелио, — продолжила Дорин. — В жизни не встречала

таких едких и циничных людей, как он. Он всех ненавидит, в нем есть что-то сардоническое. Он весь какой-то изломанный.

— Это я попросил Арни забрать мальчика? Или это была его идея?

— Арни предложил, но ты сначала отказался. А потом ты замкнулся и стал жутко безвольным. Было уже поздно, и мы все много выпили — ты помнишь?

Джек кивнул.

— Арни поил «Джеком Дэниелсом». По-моему, я одна выпила четверть бутылки. — Дорин горестно покачала головой. — Ни у кого на Марсе нет такого выбора спиртного, как у Арни; порой я очень не прочь выпить.

— В этом смысле я мало чем могу быть полезен, — предупредил Джек.

— Я знаю. Ну ничего. Я и не надеюсь на это: я вообще ни на что не надеюсь. Все вчера произошло так быстро: только что мы были заодно — ты, я и Арни, и вдруг оказались по разные стороны баррикады, и стало понятно, что мы уже никогда не будем вместе. А жаль. — Она подняла руку и отерла сбегавшую по щеке слезинку. — Господи! Я плачу, — вырвалось у нее **с** неожиданной злостью.

— Если бы можно было вернуться и снова проиграть вчерашний вечер...

— Я бы ничего не стала менять. Я ни о чем не жалею. И тебе не советую.

— Спасибо. — Джек взял ее за руку. — Я постараюсь сделать все, что от меня зависит. Как говаривал мой приятель — я не ахти что, но другого нету.

Дорин печально улыбнулась, и они продолжили завтрак.

Энн Эстергази стояла за прилавком своего магазина, аккуратно заворачивая посылку. Она уже надписывала адрес, когда в дверь вошел высокий худой мужчина в больших очках. Энн с неприязнью узнала в нем доктора Глоба.

— Миссис Эстергази, если можно, я хотел бы поговорить с вами, — произнес Глоб. — Я очень сожалею о нашей ссоре: я вел себя не лучшим образом, прошу прощения,

— Что вам угодно, доктор? — холодно поинтересовалась она. — Я занята.

— Миссис Эстергази, — понизив голос, быстро начал Глоб, — разговор касается Арни Котта и его проекта с аномальным мальчиком из Бен-Гуриона. Я прошу использовать ваше влияние на мистера Котта. Зная вашу приверженность

идеалам гуманизма, я прошу вас помешать ему, не дать совершить жестокую несправедливость по отношению к невинному интровертному шизофренику, занятому в проекте. Этот человек...

— Постойте, — перебила его Энн. — Я ничего не понимаю. — Она пригласила посетителя внутрь магазина, где их не могли услышать.

— Этот человек — Джек Болен, — продолжил доктор Глоб еще быстрее, — может навсегда остаться невменяемым в результате жажды мести, которую испытывает Котт, и я прошу вас, миссис Эстергази... — Далее последовал поток подобострастных молящих слов.

«О Боже, — подумала она, — еще одна кампания, в которой я должна участвовать: Не хватит ли?»

Доктор Глоб все бормотал и бормотал, и постепенно наконец начала вырисовываться ситуация, которую он пытался описать. Ей было ясно, что Глоб затаил зло против Арни. Но дело было не только в этом. В характере доктора Глоба странно сочетались идеализм с детской ревностью.

— Да, это похоже на Арни, — прервала его Энн.

— Я думал обратиться в полицию, — продолжил Глоб, — или в ООН, но потом вспомнил о вас, и

вот я здесь. — И он решительно посмотрел ей в глаза.

Тем же утром Арни Котт входил в офис компании И в Банчвуд-парке. Навстречу ему поднялся высокий, интеллигентного вида китаец и поинтересовался, что ему угодно.

— Я — мистер И, — представился он. Они пожали друг другу руки.

— Мне нужен этот парень, Болен, которого я нанял у вас.

— Да, конечно. Не правда ли, первоклассный мастер? — И рассматривал Арни с опаской.

— Мне он так нравится, что я хотел бы выкупить у вас его контракт, — продолжил Арни, доставая чековую книжку. — Называйте цену.

— Но мы не можем отдать вам мистера Болена! — возмущенно взмахнул руками И. — Нет, сэр, мы можем предоставить его вам лишь на время.

— Ваша цена, — повторил Арни и подумал: «Ах ты хитрый косоглазый!»

— Чтобы мы расстались с мистером Боленом!.. Нам никогда его не заменить!

Арни ждал.

— Надо просмотреть документы, — наконец заявил И. — Для того чтобы определить хотя бы приблизительную стоимость мистера Болена,

потребуется не один час.

Арни ждал с чековой книжкой в руках.

Выкупив трудовой контракт Джека Болена, Арни Котт вернулся домой в Льюистаун. Он застал Гелио с Манфредом в гостиной — Гелио читал мальчику.

— Что это здесь творится? — осведомился Арни.

— Мальчик страдает затруднением речи, от которого я пытаюсь его избавить, — опустив книгу, ответил Гелио.

— Ни черта у тебе не выйдет. Пустая трата времени. — Арни снял куртку и протянул ее Гелио. Бликмен неохотно отложил книгу и, взяв одежду Арни, отправился в коридор повесить ее в шкаф.

Арни
заметил, что Манфред искоса посматривает на него.

— Как дела, малыш? — дружелюбно осведомился он и похлопал мальчика по спине. — Послушай, ты хочешь вернуться в дурдом, в этот несчастный Бен-Гурион? Или предпочитаешь остаться со мной? Десять минут тебе на размышления.

«Что бы ты там ни решил, ты все равно останешься здесь, — добавил про себя Арни. — Со

всеми своими плясками на цыпочках, молчанием и полным равнодушием к окружающему. И с даром предвидения, который, как я вчера убедился, хранится в твоей бестолковой голове».

— Он хочет остаться с вами, мистер, — сказал вернувшийся Гелио.

— Ничего удивительного, — довольно откликнулся Арни.

— Его мысли прозрачны для меня, как стекло, а мои — ему, — добавил Гелио. — Мы оба пленники в чужой земле, мистер.

Арни громко рассмеялся.

— Правда всегда кажется невеждам смешной, — обиделся Гелио.

— Хорошо, я — невежда, — согласился Арни. — Просто меня позабавило, что тебе нравится этот ребенок, вот и все. Я не хотел тебя обидеть. Так у вас двоих есть что-то общее? Не удивительно. — Он перевернул книгу, которую читал Гелио. — Паскаль. Провинциальные письма. Господь вседержитель, зачем? Какой в этом смысл?

— Ритм, — терпеливо пояснил Гелио. — Великая проза обладает каденцией, привлекающей и удерживающей блуждающее внимание мальчика.

— А почему оно блуждает?

— От страха.

— Чего он боится?

— Смерти.

— А, ну да, — помрачнев, согласился Арии. — Своей смерти? Или смерти вообще?

— Этот мальчик переживает собственную старость, которая наступит через много-много лет. Он лежит в доме престарелых — тому еще только предстоит быть построенным здесь, на Марсе, — в обители смерти и увядания, которую ненавидит всеми силами души. В этом будущем он проживает пустые бессмысленные годы, прикованный к постели, — скорее неодушевленный предмет, чем личность, в коем жизнь поддерживается лишь из-за предрассудков. И как только он пытается сосредоточиться на настоящем, его тут же сметает это ужасное видение.

— Расскажи мне о доме престарелых, — попросил Арни.

— Его скоро построят, — ответил Гелио. — Правда, не для этой цели, а как большой спальный квартал для эмигрантов на Марс.

— Да, в горах Франклина Рузвельта, — догадался Арни.

— Прибывшие люди обоснуются там и будут жить, изгнав диких бликменов из их последнего

прибежища. Бликмены, в свою очередь, наложат проклятье на эту землю. Поселенцев с Земли станут преследовать неудачи, год за годом их дома будут разрушаться, и они вернутся на Землю еще быстрее, чем прибыли сюда. В конце концов дома станут использовать для престарелых, обнищавших, дряхлых и больных людей.

— А почему парень молчит? Объясни мне.

Чтобы избавиться от страшного видения, он возвращается к более счастливым дням — времени, проведенному в утробе матери, где не было ни перемен, ни времени, ни страданий. Утробная жизнь. Он стремится туда, к единственному известному ему счастью. Он отказывается выходить из этого тупика, мистер.

— Понимаю, — недоверчиво кивнул Арни..

— Он страдает так же, как мы, как все люди. Только ему еще хуже, потому что он обладает предвидением, которого мы лишены. Страшно обладать таким знанием. Неудивительно, что он... почернел внутри.

— Да, он так же черен, как и ты, — подхватил Арни, — и не снаружи, а, как ты сказал, внутри. Как ты только его выносишь?

— Я могу вынести все, — ответил бликмен.

— Знаешь, что я думаю, — продолжил Арни.

— Я думаю, Манфред не просто видит будущее, он его организует.

Глаза бликмена потемнели, абориген пожал плечами.

— Как ты думаешь? — настойчиво повторил Арни. — Послушай, Гелиогабал, черный мошенник, он тут играл вчера весь вечер. Он все предвидел и пытался помешать? Он пытался предотвратить это? Хотел остановить время?

— Возможно, — откликнулся Гелио.

— Это огромный талант! — воскликнул Арни. — Может, ему под силу вернуться в прошлое и изменить настоящее? Продолжай заниматься с ним, следи за ним. Послушай, Дорин Андертон не звонила, не заходила сегодня? Я хочу поговорить с ней.

— Нет.

— Ты думаешь, я рехнулся? Думаешь, я все сочиняю об этом ребенке?

— Вы движимы страстью, мистер, — отозвался бликмен. — Страсть может подтолкнуть человека к истине.

— Что за ерунда, — недовольно отрезал Арни. — Неужели ты не можешь ответить просто — да или нет? К чему эта твоя болтовня?

— Мистер, я скажу вам кое-что о мистере

Болене, которому вы хотите причинить вред. Он очень храним...

— Раним, — поправил Арни.

— Спасибо. Он нежен и легко уязвим. С ним нетрудно разделаться. Но у него есть кем-то подаренный амулет. Амулет бликменов — водяная ведьма. Она спасет его.

— Посмотрим, — помолчав, ответил Арни.

— Да, поживем — увидим, какая сила хранится в этих древних предметах, — странно изменившимся голосом добавил Гелио.

— Весь этот хлам совершенно бесполезен, ты сам — лучшее тому доказательство! Лучше уж тебе быть здесь, готовить мне пищу, подметать пол и выполнять мои распоряжения, чем скитаться по марсианской пустыне. Ведь когда я тебя нашел, ты клянчил воду, как подыхающая тварь!

— М-м-м, возможно, — пробормотал бликмен.

— Не забывай об этом, — добавил Арни. — Иначе снова окажешься в пустыне с яйцами пака и стрелами, будешь брести неведомо куда.

«Я тебе делаю большое одолжение, что позволяю жить, как человеку», — договорил уже про себя Арни.

Днем Арни Котт получил послание от Скотта

Темпла. Поставив кассету на дешифровальный аппарат, он уселся слушать.

— Арни, мы обнаружили посадочную площадку. Все верно — в горах Франклина Рузвельта. Того типа там не было, зато стояла только что прибывшая автоматическая ракета — по ней-то мы и определили место. В общем, у парня огромный склад всяких товаров. Продукты мы забрали, и сейчас они в нашем пакгаузе. Потом сбросили атомный заряд и все разнесли.

«Хорошо», — подумал Арни.

— А для того, чтобы он знал, с кем связался, оставили ему записку. Прикрепили ее к обломку ориентировочной вышки: «Арни Котту не нравится, чем ты занимаешься». Ну как, Арни?

— Отлично, — вслух ответил Арни, хотя на его вкус в этом и было что-то... как это называется? — банальное.

— Когда вернется, он найдет ее, — продолжал записанный голос. — И еще я подумал — это на твое усмотрение, — может, нам наведаться туда через пару дней, вдруг он займется ремонтом? Эти независимые предприниматели — хитрые ребята, *как* те, что в прошлом году пытались организовать собственную телефонную сеть. В общем, я полагаю, не мешает проследить. Кстати,

он пользовался старым оборудованием Норба Стайнера — мы обнаружили документы с его именем. Так что ты был прав. Хорошо, что мы разобрались с этим парнем, он мог доставить нам немало хлопот.

Послание закончилось. Арни поставил кассету в свой диктофон, взял микрофон и начал отвечать.

— Скотт, ты все сделал правильно. Спасибо. Надеюсь, мы больше не услышим об этом парне, и я одобряю, что ты конфисковал его склад: мы найдем ему применение. Заглядывай как-нибудь вечерком, выпьем. — Он остановил и перемотал пленку.

Из кухни доносился приглушенный голос Гелиогабала, читавшего Манфреду. Арни почувствовал раздражение, а потом и злость на бликмена. «Зачем я связался с Джеком Боленом, если ты можешь читать мысли мальчика? Почему ты сразу не сказал мне об этом? Ты предал меня, — уже с настоящей ненавистью подумал он, — как и все остальные: Энн, Джек, Дорин... все».

— Ну что, есть результаты или нет? — заорал он, подходя к дверям кухни.

— Мистер, это дело требует времени и сил, — ответил Гелиогабал.

— Время! В нем-то вся загвоздка. Отошли его

в прошлое, скажем, года на два, и пусть купит каньон Генри Уоллеса на мое имя. Можешь ты это сделать?

Бликмен не ответил: вопрос был слишком глупым, чтобы думать над ним. Арни, помрачнев, захлопнул дверь и вернулся в гостиную.

«Тогда заставь его послать меня в прошлое, — продолжал он беседовать сам с собой. — Эта способность путешествовать во времени — стоящая штука. Почему я не могу добиться желаемого? Что с ними со всеми творится? Специально хотят меня позлить? Но долго я терпеть не стану».

К часу дня из компании И не поступило еще ни одного вызова. Джек Болен, сидевший в ожидании перед телефоном у Дорин Андертон, понял: что-то случилось.

В половине второго он сам позвонил И.

— Я думал, мистер Котт поставил тебя в известность, Джек, — невозмутимо ответил И. — Ты больше не работаешь у меня. Ты принадлежишь ему. Спасибо за службу.

— Котт приобрел мой контракт? — с отчаянием спросил Джек.

— Именно так.

Джек повесил трубку.

— Что он сказал? — спросила Дорин, не спускавшая с него глаз.

— Я принадлежу Арни.

— И что он собирается делать?

— Не знаю. Наверное, надо позвонить ему и спросить. Похоже, сам он не собирается мне сообщать.

«Играет со мной, — подумал Джек. — Садистские игры».

— Незачем ему звонить, — возразила Дорин. — Он никогда ничего не говорит по телефону. Надо идти к нему. И я хочу пойти с тобой — пожалуйста, позволь мне.

— Ладно, — ответил Джек, направляясь за своей курткой. — Пошли.

ГЛАВА 14

Около двух часов дня Отто Цитте высунул голову из боковой двери дома Боленов и убедился, что вокруг никого нет. «Он может спокойно идти», — подумала Сильвия Болен, наблюдая за ним.

«Что я наделала? — спрашивала она себя, стоя посреди спальни и неловко застегивая блузку. — И я еще надеюсь сохранить это в тайне? Даже если его не видела миссис Стайнер, он, безусловно, сам все расскажет Джун Хинесси, а уж она разболтает по всему побережью канала Вильяма Батлера Итса — она обожает сплетни. И Джеку все станет известно. Уже не говоря о том, что Лео может раньше приехать домой...»

Но теперь было слишком поздно. Дело сделано. Отто собирал чемоданы, готовясь идти.

«Лучше бы я умерла», — подумала Сильвия.

— До свидания, Сильвия, — торопливо проговорил Отто, направляясь **к** двери, — я позвоню тебе.

Она не ответила, сосредоточенно надевая туфли.

— Ты не хочешь попрощаться со мной? — спросил Отто, останавливаясь у двери.

— Нет. Убирайся отсюда, — ответила она, метнув на него яростный взгляд. — И не вздумай вернуться — я ненавижу тебя.

— За что? — пожал он плечами.

— За то, что ты отвратительный человек! Я никогда в жизни не имела дел с таким отвратительным человеком. Наверное, я просто сошла с ума, это все из-за одиночества.

Похоже, он действительно обиделся и, залившись краской, остановился у дверей, переминаясь с ноги на ногу.

— Между прочим, идея принадлежала в равной степени и тебе, — наконец пробормотал Отто.

— Убирайся, — повторила она, поворачиваясь к нему спиной.

Наконец раздался звук открывающейся двери, потом хлопок — дверь закрылась, и он ушел.

«Больше никогда, никогда в жизни», — произнесла Сильвия и направилась в ванную за бутылочкой фенобарбитала: поспешно налила стакан воды, приняла сто пятьдесят миллиграммов и запила их одним большим глотком.

«Напрасно я так вела себя с ним, — неожиданно пронзило ее чувство стыда. — Это нечестно: он ни в чем не виноват, я сама во всем виновата. К

чему винить его, если вся беда во мне? Не он, так кто-нибудь другой рано или поздно... Интересно, он еще вернется? Или я выгнала его навсегда?» Сильвия снова почувствовала себя одинокой и несчастной, обреченной на бесконечное блуждание в беспросветной мгле. «На самом деле он был очень мил. Мягок и предусмотрителен. Могло быть гораздо хуже».

Она вышла на кухню, уселась на стол, взяла телефон и набрала номер Джун Хинесси.

— Алле? — откликнулась Джун.

— Угадай, что со мной было, — начала Сильвия.

— Что?

— Постой, я закурю сигарету. — Сильвия закурила, достала пепельницу, поудобнее поставила кресло и приступила к рассказу, снабжая его бесконечными подробностями, некоторые из которых сочинялись тут же.

К ее удивлению, процесс повествования доставил ей такое же удовольствие, как и само происшествие.

А может, даже несколько большее.

Летя над пустыней к своей базе, Отто Цитте вспоминал свидание с миссис Болен и поздравлял себя с успехом: приступ раскаяния и обвинений,

происшедший с Сильвией при расставании, он считал совершенно нормальным и пребывал в прекрасном расположении духа.

«Такую реакцию можно было ожидать», — утешал себя Отто.

Он с этим уже сталкивался. Конечно, пора привыкнуть к маленьким уловкам, столь свойственным женскому сознанию: рано или поздно наступал момент, когда им хотелось закрыть глаза на действительность, и они начинали обвинять всех, оказывавшихся рядом.

На самом деле Отто это мало заботило: ничто не могло отнять у него воспоминаний о счастливых мгновениях, которые они разделили.

Что теперь? Перекусить, отдохнуть, побриться, принять душ и переодеться... И еще останется время на коммивояжерскую поездку без всяких побочных намерений, только для чистого бизнеса.

Впереди виднелась рваная гряда горных вершин: скоро он будет на месте.

Ему показалось, что прямо впереди над горами поднимаются клубы отвратительного серого дыма.

Отто испуганно прибавил скорость. Сомнений нет — дым поднимался с его посадочной

площадки. «Они обнаружили меня! — со сдерживаемым всхлипом догадался он. — Меня ждут

люди ООН». Но ему ничего не оставалось, как добраться до места и все выяснить.

Внизу виднелись развалины посадочной площадки. Он бесцельно снова и снова кружил над дымящимися руинами, громко и не таясь рыдая. Впрочем, никаких признаков ООН не было видно — ни военных ракет, ни солдат.

Неужели взорвалась челночная ракета?

Отто поспешно посадил вертолет и бросился бегом по дымящейся почве к развалинам, которые еще недавно были его складом.

Достигнув ориентировочной вышки, он заметил, что к ней приколот обрывок картонки: «Арни Копу не нравится, чем ты занимаешься».

Он перечел записку несколько раз, но никак не мог уловить ее смысл. Арни Коп... он как раз собирался к нему отправиться... Арни был лучшим покупателем Норба. Что это значит? Неужели он успел чем-то обидеть Арни? А если нет, то чем еще можно объяснить его гнев? Чем он заслужил его?

«За что? — повторял Отто. — Что я тебе сделал? Зачем ты меня уничтожил?»

Еще надеясь, что что-то могло уцелеть среди руин, он пробрался к бывшему складу... Там не было ничего: склад был предварительно обобран — ни единой банки, коробки, бутылки. Лишь обломки самого здания, не более того. Те, кто сбросили бомбу, сначала все обчистили.

«Ты разбомбил меня, Арни Коп, и обокрал!» — думал Отто, бродя кругами, сжимая и разжимая кулаки и бросая ненавидящие взгляды в небо.

И все равно он не мог понять, зачем это потребовалось Арни.

«Должна же быть какая-то причина. И я найду ее, будь ты проклят, Арни Коп, я до нее докопаюсь. А когда докопаюсь, отомщу за все, что ты сделал».

Отто высморкался и, еле-еле шевеля ногами, направился обратно к вертолету, опустился на сиденье и уставился в пустоту.

Так он сидел довольно долго. Потом достал из одного чемодана пистолет и, положив его к себе на колени, снова погрузился в размышления об Арни Копе.

— Простите, что отвлекаю вас, мистер, — начал Гелиогабал, входя в гостиную. — Но если вы готовы, я могу объяснить, что вам надо делать.

— Валяй, — просияв, откликнулся Арни.

На лице Гелио появилось скорбно-надменное выражение:

— Вы должны взять Манфреда и пешком пересечь пустыню до гор Франклина Делано Рузвельта. Цель вашего паломничества — Грязная Башка, священная скала бликменов. У нее вы получите все ответы, когда доставите туда мальчика.

—

А ты говорил мне, что это одно мошенничество, — погрозив пальцем Гелио, хитро заметил Арни. Он все время ощущал, что в религии бликменов что-то есть, а Гелио просто пытается обмануть его.

— В святилище скалы вы должны объединиться с ним. Дух скалы примет вашу коллективную душу и, если проявит к вам благосклонность, даст то, что вы у него просите. На самом деле все зависит от способностей мальчика, — добавил Гелио. — Сама по себе скала бессильна. Однако там, где она расположена, напряжение времени является наименьшим. Именно этим и пользуются бликмены уже много веков.

— Понимаю, — откликнулся Арни. — Что-то вроде разрыва во времени. И вы, ребята, проникаете через него в будущее. Ну, меня-то

сейчас больше интересует прошлое, не говоря о том, что все это, на мой взгляд, выглядит довольно сомнительно. Но я попытаюсь. Ты мне уже нарассказывал столько сказок об этой скале...

— Я говорю правду. Сама по себе Грязная Башка ничего не может. — Бликмен не мигая смотрел Арни в глаза.

— И ты думаешь, Манфред согласится помочь?

— Я рассказал ему о скале, и он очень хочет ее увидеть. Я сказал ему, что в этом месте человек способен убежать в прошлое. Он в восторге от этой идеи. Хотя... — Гелио помедлил, — вам придется заплатить мальчику за его помощь.

— Можешь предложить ему все что угодно...

— Вы должны вычеркнуть перспективу AM-WEB из его жизни, мистер. Пообещайте, что отправите его обратно на Землю. Тогда, что бы с ним ни случилось, он навсегда утратит возможность лицезреть это отвратительное здание. Если вы сделаете это, он все свои душевные силы обратит вам на пользу.

— Согласен, — кивнул Арни.

— Не обманите мальчика.

— Черт, конечно, нет. Я сейчас же начну переговоры с ООН — это не просто, но у меня

есть адвокаты, которым такие дела по плечу, — заверил Арни.

— Хорошо, — кивнул Гелио. — Будет слишком подло, если вы обманете его ожидания. Если вы хотя бы на мгновение

могли

испытать ту ужасную тревогу относительно своего будущего, которую испытывает он...

— Да, звучит страшновато, — согласился Арни.

— Как было бы неприятно, если бы вам самому предстояло пережить это, — не спуская с него глаз, продолжал Гелио.

— Ладно, где Манфред?

— Гуляет по Льюистауну, осматривает достопримечательности.

— Черт, а это не опасно?

— Думаю, нет. Ему очень нравятся люди, магазины, оживленное движение — все это ново для него.

— Ты действительно помог мальчику, — заметил Арни.

В дверь позвонили, и Гелио пошел открывать. Арни выглянул в коридор и увидел Джека Болена и Дорин Андертон — оба с неестественными, застывшими выражениями лиц.

—

О, привет, заходите, — деловито приветствовал их Арни, — я как раз собирался звонить тебе, Джек. У меня есть для тебя работа.

— Зачем вы выкупили мой контракт у мистера И? — спросил Джек.

— Затем, что ты мне нужен, — ответил Арни. — Сейчас я все объясню. Я собираюсь отправиться в паломничество с Манфредом, и мне нужно, чтобы кто-нибудь кружил у нас над головой, а то вдруг мы еще потеряемся и умрем от жажды. Мы должны пересечь пустыню пешком, верно, Гелио?

— Да, мистер, — подтвердил Гелио.

— Выступаем прямо сейчас, — заявил Арни. — По моим подсчетам, до гор дней пять пути. Возьмем с собой переносной передатчик, чтобы сообщать, когда нам что-нибудь понадобится. По вечерам будешь приземляться и расставлять для нас палатку. Проверь набор медикаментов на борту на случай, если меня или Манфреда укусит какое-нибудь пустынное животное: я слышал, там полным-полно крыс и змей. — Он взглянул на часы. — Сейчас три, я собираюсь отправиться через час.

— А какова цель паломничества? — поинтересовалась Дорин.

— У меня там дела, — ответил Арни. — С пустынными блик-менами. Личные дела. Ты полетишь? Если да, то лучше переоденься — надень сапоги, брюки. Кружить пять дней — это немало. Главное, удостоверьтесь, что достаточно воды.

Дорин и Джек переглянулись.

— Я не шучу, — продолжил Арни. — Так что давайте не будем тратить попусту время, ладно?

— Насколько я понимаю, у меня нет выбора, — заметил Джек Дорин. — Я вынужден выполнять его распоряжения.

— Истинная правда, дружок, — подтвердил Арни.

— Так что начинай собираться. Портативную плиту, портативный движок, ванную, пищу, мыло, полотенца, какое-нибудь оружие. Ну, сам знаешь, что нам может понадобиться, ты ведь живешь на краю пустыни.

Джек неторопливо кивнул.

— А что у тебя за дела? — осведомилась Дорин. — И почему надо идти пешком? Если тебе хочется туда попасть, почему не лететь, как обычно?

— Потому что мне надо идти пешком, — огрызнулся Арни. — Но обратно я ведь смогу лететь, не правда ли? — повернулся он к Гелио.

— Да, мистер, — ответил тот. — Обратно вы можете добираться как угодно.

— Хорошо еще, что я в прекрасной физической форме, иначе все накрылось бы, — заметил Арни. — Надеюсь, Манфред осилит дорогу.

— Он очень выносливый, мистер, — подтвердил Гелио.

— Вы берете с собой мальчика? — удивился Джек.

— Беру. А что, у тебя есть возражения?

Джек ничего не ответил, только еще больше помрачнел.

— Вы не имеете права заставлять его пять дней идти через пустыню, вы его погубите! — внезапно взорвался он.

— А каким-нибудь наземным транспортом ты не можешь воспользоваться? — спросила Дорин. — Например, почтовым гусеничным микроавтобусом? Скорость у него небольшая, так что все равно получится паломничество.

— Что скажешь? — обратился Арни к Гелио.

— Думаю, сгодится, — после некоторых размышлений согласился бликмен.

— Замечательно! — обрадовался Арни. — Сейчас позвоню кое-кому их знакомых и добуду автобус. Какую прекрасную идею ты подала,

Дорин, очень тебе благодарен. Естественно, вам все равно нужно лететь над нами на случай какой-нибудь поломки.

Джек и Дорин кивнули.

— Возможно, когда я доберусь до места, вы узнаете о моих планах, — добавил Арни и подумал про себя: «На этот счет можете не сомневаться».

— Пока все это выглядит очень странно, — засомневалась Дорин, держа за руку Джека.

— Я тут ни при чем, — ухмыльнулся Арни. — Идея Гелио.

— Верно, — согласился Гелио. — Идея моя.

Но ни на Джека, ни на Дорин это не произвело никакого впечатления.

— Ты разговаривал сегодня с отцом? — спросил Арни Джека. — Да.

— Оформил право собственности? Все в порядке?

— Говорит, что все оформлено по закону. Собирается возвращаться на Землю.

— Разумно, — заметил Арни. — Я восхищаюсь им. Прилетел, застолбил, оформил через подставных лиц и улетел. Неслабо.

— Что ты собираешься делать, Арни? Что ты задумал? — еле слышно спросил Джек.

— Просто священное паломничество с

Манфредом, — пожал плечами Арни. — Ничего особенного.

Однако ухмылка продолжала играть у него на губах, он ничего не мог с этим поделать; впрочем, он и не пытался ее скрыть.

Почтовый автобус сокращал время паломничества до восьми часов, как подсчитал Арни. «Всего и делов-то — раз плюнуть», — успокаивал он себя, меряя шагами гостиную.

На улице у тротуара уже стоял гусеничный автобус, в котором сидели Гелио с Манфредом. Арни видел их через окно. Вынув из ящика письменного стола пистолет, он вложил его в кобуру, пришитую к внутренней стороне куртки, запер ящик и поспешил вниз.

— Вот и мы, — помахал он Манфреду. Гелио вышел из автобуса, и Арни уселся за пульт управления. Завел крохотный турбинный двигатель, и тот зажужжал, как шмель в бутылке.

— Приятный звук, — искренне заметил Арни. — Пока, Гелио. Если все сложится удачно, тебя ждет награда, запомни.

— Мне не нужны награды, — заявил Гелио. — Я всего лишь выполняю свой долг, мистер.

Арни отпустил тормоза и влился в полуденный поток машин. Над головой кружили Джек с Дорин — Арни даже не позаботился взглянуть вверх, настолько был уверен в их присутствии. Он еще раз помахал рукой Гелио, и того сразу скрыл из вида огромный гусеничный автобус.

— Ну, как тебе нравится? — спросил Арни мальчика, направляясь к границе города и начинающейся за ним пустыне. — Это тебе не хухры-мухры. Пятьдесят миль в час.

Манфред не ответил, но все его тело дрожало от возбуждения.

— Болваны, — произнес Арни, отвечая собственным мыслям.

Они почти выехали из Льюистауна, когда Арни заметил, что за ними, не отставая, следует машина. Внутри он разглядел две фигуры — мужскую и женскую, сначала приняв их за Джека и Дорин. Но, приглядевшись внимательнее, он увидел, что женщина — его бывшая жена Энн Эстергази, а мужчина — доктор Мильтон Глоб.

«Какого черта им надо? — взвился Арни. — Они что, не видят, что я занят, не понимают, что мне сейчас не до них?»

— Котт! — закричал Глоб. — Останавливайтесь, сворачивайте к обочине — нам надо поговорить!

Вопрос жизни и смерти!

— Черта с два! — пробормотал Арни, прибавляя скорость и нащупывая левой рукой пистолет. — Мне не о чем с вами разговаривать. А что вы делаете здесь вдвоем? — Ему эта встреча совершенно не нравилась.

«Похоже, они спелись. Да, следовало ожидать...». Он включил передатчик и вызвал стюарда союза Эдди Гоггинса:

— Это Арни. Точка по гирокомпасу — 8.45702, прямо на окраине города. Быстренько ко мне — тут компания, о которой надо позаботиться. И поторопись — они меня нагоняют.

Для них действительно не составляло труда не только догнать микроавтобус Арни, но и обогнать его.

— Сейчас будем, Арни, — откликнулся Эдди Гоггинс — Сейчас пошлю ребят на перехват, не волнуйся.

Машина доктора и Энн пошла на обгон и резко затормозила, встав поперек дороги. Арни пришлось последовать ее примеру. Из машины выскочил Глоб и, размахивая руками, бросился ему навстречу.

— Конец твоей карьере вранья и властвования! — кричал он.

«Боже милостивый, — подумал Арни. — Надо же — именно

сейчас!»

— Чего тебе? — высунулся он из окна. — Давай быстро, я тороплюсь.

— Оставь Джека Болена, — задыхаясь, выпалил Глоб. — Я представляю его интересы, он нуждается в покое и отдыхе. Будешь иметь дело со мной.

Из машины вышла Энн Эстергази и тоже подошла к автобусу.

— Насколько я понимаю... — начала она.

— Ты ничего не понимаешь, — злобно оборвал ее Арни. — Дайте мне проехать, иначе я займусь вами обоими.

Над головами появился вертолет с маркировкой союза водопроводчиков и начал опускаться. «Это Джек и Дорин», — догадался Арни. За ними на предельной скорости появился еще один вертолет — а это уже, вне всяких сомнений, Эдди с членами союза. Оба вертолета приготовились садиться.

— Арни, я чувствую, произойдет что-то непоправимое, если ты сейчас не остановишься, — предупредила Энн Эстергази.

— Со мной? — весело поинтересовался Арни.

— Да, Арни. Пожалуйста. Что бы ты ни собирался

сделать, подумай сначала. На свете так много хорошего, неужели надо обязательно мстить?

— Отправляйся обратно в Новый Израиль и занимайся своим несчастным магазином. — Он заглушил мотор.

— Этот мальчик — Манфред Стайнер — с тобой? — спросила Энн. — Отдай его Мильтону, пусть он отвезет его обратно в Бен-Гурион; так будет лучше для всех: и для тебя, и для него.

Один из вертолетов уже опустился, и из него выпрыгнули три или четыре члена союза. Они бегом кинулись через улицу, и Глоб, заметив их, горестно ухватился за рукав Энн.

Я вижу, — твердо ответила она. — Пожалуйста, Арни. Я всегда с тобой работала бок о бок... ради меня, ради Сэма... Я знаю, если ты не остановишься, мы больше никогда не будем вместе. Неужели ты сам не чувствуешь? Неужели для тебя это так важно, что ты готов все поставить на карту?

Арни молчал.

Эдди Гоггинс подбежал к автобусу, остальные окружили Энн Эстергази и доктора Глоба. Теперь опустился и второй вертолет, из него вылез Джек Болен.

— Можете сами спросить его, — произнес

Арни. — Он здесь по доброй воле: он — взрослый человек и отдает отчет в своих поступках. Спросите его: по собственной воле он отправился в это паломничество?

Как только Энн и Глоб повернулись к Джеку, Арни дал задний ход и, рванувшись вперед, объехал их машину. Глоб кинулся к машине, но его тут же схватили за руки, и началась потасовка. Арни мчался вперед, оставляя позади людей и машины.

— Вот мы и снова едем, — обратился он к Манфреду.

Впереди улица постепенно превращалась в еле заметную

ровную полоску, уходящую в пустыню и теряющуюся в направлении отдаленных гор. Автобус подскакивал на выбоинах, двигаясь почти на предельной скорости. Арни про себя улыбался. Лицо Манфреда тоже сияло от возбуждения.

«Никто не в состоянии остановить меня», — повторял Арни.

Звуки драки замерли за спиной, и теперь до его ушей доносилось лишь слабое жужжание мотора. Он умиротворенно откинулся на спинку кресла.

«Ну готовься, Грязная Башка», — сказал он про

себя и тут же вспомнил про волшебный амулет Джека Болена, о котором ему рассказывал Гелио. Это воспоминание заставило его нахмуриться, но ненадолго. Он мчался вперед, не снижая скорости.

— Гадл-гадл! —возбужденно каркал рядом Манфред.

— Что это за гадл-гадл? — поинтересовался Арни, но не был удостоен ответа.

Впереди маячили горы Франклина Рузвельта. «Может, мне удастся выяснить, когда доберемся до них, — подумал Арни. — Хотел бы я знать, что это такое». По какой-то причине звуки, издаваемые мальчиком, эти лишенные всякого смысла слова, вселяли в него необъяснимую тревогу. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы рядом был Гелио.

— Гадл-гадл! кричал Манфред, а автобус несся все дальше и дальше.

ГЛАВА 15

В сиянии раннего утра перед ними возвышался выступ из вулканического стекла, который и назывался Грязной Башкой. Ночь паломники провели в пустыне, в палатке с припаркованным поблизости вертолетом. Ни Джек Болен, ни Дорин Андертон не разговаривали с ними, и уже на рассвете вертолет поднялся в воздух. Арни с Манфредом плотно позавтракали, собрались и продолжили путешествие.

Теперь они уже достигли цели своего паломничества — священной скалы бликменов.

«Вот место, которое вылечит нас от всех наших болячек», — думал Арни. Он пустил Манфреда за пульт управления и углубился в карту, нарисованную для него Гелиогабалом. На ней была изображена тропа, шедшая вверх к скале. Там, с северной стороны, как говорил Гелио, расположена пещера, в которой обычно можно найти бликмена-священнослужителя. «Если он, конечно, не спит где-нибудь спьяну», — добавил про себя Арни. Знает он этих священнослужителей — все они по преимуществу старые пьяницы. Их презирали даже сами бликмены.

Арни остановил автобус в тени, у подножия первого же холма, и выключил двигатель.

— Отсюда пойдем пешком, — сказал он Манфреду. — Поклажи возьмем, сколько сможем, — естественно, пищу, воду, переносной передатчик, а если потребуется что-нибудь приготовить, вернемся сюда за плитой. Здесь недалеко, всего несколько миль.

Мальчик выскочил из автобуса, помог Арни выгрузить снаряжение, и вскоре они поднимались по каменистой тропе, уходящей в глубь горного кряжа.

Тревожно посматривая по сторонам, Манфред дрожал и ежился. «Может, он опять ощущает присутствие AM-WEB?» — подумал Арни. Каньон Генри Уоллеса сравнительно недалеко. На таком расстоянии мальчик вполне мог воспринимать эманации будущего здания. Даже сам Арни, кажется, чувствовал их.

Или это давала знать о себе скала бликменов?

Ему не нравился ее вид. «Нашли из чего делать святилище! Пустынная, таинственная местность... хотя, может, давным-давно она и была плодородной». По обеим сторонам тропы виднелись следы стоянок бликменов. Возможно, именно здесь марсиане и появились на свет

— местность хоть и выглядела заброшенной, но явно сохранила следы былого обитания. Словно из века в век черно-серые существа хранили и обрабатывали ее. И чем она стала теперь? Прибежищем вымирающей расы. Памятником культуры, от которого скоро не останется и следа.

Обессилев от подъема с тяжелым грузом, Арни остановился. Манфред взбирался следом по крутому склону, продолжая время от времени бросать вокруг тревожные взгляды.

— Не бойся, — подбодрил его Арни. — Тут нет ничего страшного. «Может, способности мальчика уже соединились со свойствами скалы? — подумал он. — Может, скала осознает его присутствие? Способна ли она на это?»

Тропа стала более пологой и широкой. Все окутала сырая холодная тень, словно они входили в огромный склеп. Растительность, покрывавшая скалы, казалась мертвой, будто вобравшей в себя яд. Впереди на тропинке лежал полусгнивший труп мертвой птицы, который мог здесь находиться уже несколько недель — по его высохшему виду трудно было что-то сказать.

«Нет уж, не нравится мне здесь», — подумал Арни.

— Гадл-гадл, — склонившись над птицей, заговорил Манфред.

— Да, — пробормотал Арни, — шагай дальше.

И вскоре они подошли к подножию скалы.

Ветер шуршал травой и листьями, обнаженный, словно ободранный, кустарник торчал из почвы, как ископаемые скелеты. Поток воздуха вырывался из расселины Грязной Башки и приносил какой-то звериный запах. «Может, это запах священнослужителя», — предположил Арни и, ничуть не удивившись, заметил у дорожки пустую бутылку и остатки съестного, запутавшиеся в колючках.

— Есть здесь кто-нибудь?! — крикнул он.

Прошло довольно много времени, и наконец из пещеры появился старый бликмен, седой как кокон паутины. Его будто вынес порыв ветра — покачиваясь, старик прислонился к стене пещеры и сделал неуверенный шаг навстречу гостям. Глаза у него опухли и слезились.

— Ну ты, старый пьяница, — тихо произнес Арни, потом достал листок, который дал ему Гелио, и поприветствовал его по-бликменски.

Священнослужитель механически прошамкал ответ беззубым ртом.

— Вот. — Арни протянул ему пачку сигарет.

Священнослужитель, что-то бормоча, сделал еще шаг, взял пачку и запихал ее под свое одеяние.

— Нравится, да? — поинтересовался Арни. — Я так и думал.

По бумажке он прочел цель своего визита и попросил священнослужителя, отвести их в пещеру и оставить там на час, чтобы они могли вызвать дух горы.

Не прекращая бормотать, священнослужитель подобрал подол своей одежды, повернулся и пошел прочь, свернув на боковую тропу.

Арни перевернул бумажку и приступил к выполнению инструкции, написанной ему Гелио.

1) Войти в пещеру.

Арни взял Манфреда за руку и осторожно ступил в темную расселину. Там он зажег фонарь и повел мальчика вглубь, пока стены пещеры не расступились и они не оказались в широком зале. В нос ударил затхлый запах, словно здесь не проветривали уже несколько веков. «Воняет, как из ящика с полусгнившими тряпками» — подумал Арни.

Он снова заглянул в инструкцию Гелио.

2) Разжечь костер.

Неровный круг камней окаймлял черное

пепелище, в котором валялись остатки сучьев и костей. Похоже, старик готовил здесь себе пищу.

У Арни в сумке была растопка — он вывалил ее наземь и негнущимися пальцами начал обстругивать.

— Смотри, не потеряйся здесь, малыш, — предупредил он Манфреда. «Интересно, удастся ли нам когда-нибудь отсюда выбраться?» — мелькнула у него мысль.

Впрочем, когда затрещал костер, они оба почувствовали себя лучше. В пещере потеплело, хотя и не стало суше: сырой запах не только не ослаб, но усилился, словно огонь выманивал его из всех закоулков.

Следующее указание удивило Арни. Впрочем, каким бы несуразным оно ему ни казалось, он дотошно выполнил и его.

3) Включить портативный передатчик на 574 кГц.

Арни достал маленький японский транзистор и включил его. На частоте 574 кГц не было ничего, кроме статических шумов. И тем не менее скала, кажется, откликалась на них, звук как будто разбудил ее, и она изменилась, осознав постороннее присутствие.

Следующее

указание было таким же неожиданным.

4) Принять нембутал (мальчику не надо).

Открыв походный ящик, Арни проглотил нембутал, недоумевая: не для того ли это, чтобы затуманить его сознание и сделать более доверчивым? Или просто для того, чтобы приглушить его волнение?

Оставалась последняя инструкция:

5) Бросить в огонь пакет.

Гелио вручил Арни маленький пакетик, сделанный из страницы нью-йоркской «Таймс», со вложенной в него какой-то травой. Арни встал на колени у костра, аккуратно развернул пакетик и высыпал темную сухую труху в огонь. Его тут же окутал тошнотворный запах, и огонь погас. Повалил дым, заполняя все пространство. Арни услышал, как закашлялся Манфред. «Черт, если так пойдет дальше, мы здесь задохнемся», — испугался Арни.

Но дым почти мгновенно иссяк. Пещера потемнела и словно раздалась в стороны, а скала отступила вглубь. У Арни закружилась голова, земля поплыла из-под ног, он потерял чувство равновесия. Оставалось только ждать.

— Манфред, слушай меня, — начал он. — Как тебе объяснил Гелио, ты можешь больше

не волноваться из-за AM-WEB. Понял? Ладно. Теперь давай вернемся в прошлое на три недели. Можешь ты это сделать? Постарайся.

Мальчик
смотрел на него из мрака расширившимися от ужаса глазами.

— К тому времени, когда я еще не был знаком с Джеком Боленом, — продолжил Арни. — До того, как встретил его в пустыне, где умирали от жажды бликмены. Понял? — Он двинулся к мальчику...

И тут же плашмя упал лицом вниз.

«Нембутал. Надо поскорее подняться, пока я окончательно не вырубился». Ухватившись за что-то, он начал приподниматься. Вокруг затрепетал свет, он вытянул руки... и оказался в воде. По его телу, омывая лицо, струилась теплая вода: он вдохнул, захлебнулся и увидел вокруг шипящий пар — ноги нащупали на полу знакомые изразцы.

Он был в своей парилке.

Вокруг слышались голоса. «Верно, Арни», — донесся до него голос Эдди. Постепенно вокруг начали вырисовываться силуэты других мужчин.

Внизу живота заныла язва двенадцатиперстной

кишки. На слабых непослушных ногах Арни вышел из-под душа и прошлепал по теплым влажным изразцам за полотенцем, которое держал наготове служитель.

«Я уже был здесь. Я уже делал все это, говорил то, что собираюсь сказать... Что за чушь! Это как-то называется... французским словом... Лучше позавтракать». Живот у него бурчал, и боль усиливалась.

— Эй, Том, — крикнул он служителю, — вытри меня как следует и помоги одеться. Я голоден, как волк; проклятая язва, никогда она еще так не болела.

— Хорошо, Арни, — подходя, ответил служитель и протянул огромное мягкое белое полотенце.

Служитель помог ему облачиться в серые фланелевые брюки, футболку, ботинки из мягкой кожи и военно-морскую кепи. Арни вышел из парилки, пересек коридор и вошел в свою столовую, где Гелиогабал уже приготовил завтрак.

Не раздумывая, он сел за стол, на котором ждали горячие лепешки, бекон, кофе, стакан апельсинового сока и воскресный номер нью-йоркской «Таймс» за предыдущую неделю.

Дрожа от напряжения, Арни протянул руку за

ледяным сладким соком из апельсинов Нового Израиля — стакан был скользким и гладким на ощупь. «Надо быть осторожным. Не спешить, успокоиться. Значит, все так и есть: я вернулся туда, где находился несколько недель назад. Манфред и скала бликменов сделали это. Ну и ну!» Он отхлебнул сока, наслаждаясь каждым глотком, пока не обнаружил, что стакан пуст.

«Я получил, что хотел! — поздравил он себя. — Теперь надо быть очень осторожным, потому что кое-что я совершенно не хочу менять. Например, я совершенно не хочу отказываться от своего бизнеса с черным рынком, так что не надо мешать Норбу Стайнеру свести счеты с жизнью. То есть, конечно, все это очень прискорбно, но не надо ему препятствовать — пусть все остается так, как есть. То есть как будет», — поправил он себя.

«Главное, нужно сделать два дела. Во-первых, официально закрепить свое право на землю в районе каньона Генри Уоллеса, опередив на несколько недель отца Болена. Пусть старый спекулянт летит сюда с Земли. Глядь — а земля уже куплена. Поездка туда и обратно без всяких результатов. В худшем случае заработает сердечный приступ, — похихикал Арни. — Не повезло».

А во-вторых, сам Джек Болен.

«Я с ним разделаюсь, с парнем, которого еще не встретил и который не знает меня, хотя я его уже знаю. Я теперь для Болена — его судьба».

—

Доброе утро, мистер Котт. — Арни, раздраженный тем, что помешали его размышлениям, поднял глаза и увидел девушку, которая вошла в комнату и в ожидании замерла у его стола. «Новенькая секретарша, — сообразил он, — за утренними распоряжениями».

— Называй меня Арни, — пробормотал он. — Меня все так называют. Ты разве не знала? Ты что, здесь новенькая?

«Не слишком симпатичная, — подумал он и вернулся к газете. — С другой стороны, полненькая и фигурка хорошая. И под черным шелковым платьем, кажется, ничего нет, — рассматривая ее поверх газеты, решил Арни. — К тому же не замужем». На пальце отсутствовало обручальное кольцо.

— Подойди сюда, — обратился он к ней. — Ты боишься меня, потому что я знаменитый Арни Котт, которому принадлежит весь этот город?

Девушка бочком приблизилась, словно обтекая стол, и ответила хрипловатым голосом:

— Нет, Арни, я не боюсь тебя. — Ее открытый взгляд не свидетельствовал о невинности, напротив, он свидетельствовал о поразительном опыте. Казалось, она чувствовала каждый его каприз, каждое желание, особенно имеющие отношение к ней.

— Давно здесь работаешь?

— Нет, Арни. — Она подвинулась ближе и облокотилась на стол таким образом — он с трудом поверил своим глазам, — что одно ее колено дотянулось до его ноги.

С задумчивым видом секретарша принялась ритмично подталкивать его ногу, отчего Арни почувствовал себя неловко и слабо пробормотал:

— Эй!

— В чем дело? — улыбнулась девушка.

Никогда в жизни он не видел такой улыбки — одновременно холодной и полной страсти, Как бы отштампованной машиной, придавшей нужное расположение губам, зубам, языку... И тем не менее ее чувственность волной нахлынула на Арни Котта. Она изливалась на него слащаво-сентиментальным жаром, не дававшим ему отвести от нее глаза. «Главное — этот вибрирующий язык, — подумал он. — И кончик у него такой острый, словно заточенный:

язык, который может порезать, которому доставляет удовольствие причинять боль чужой живой плоти и заставлять ее молить о милости. Особенно — заставлять молить. И зубы тоже — белые и острые...»

Арни вздрогнул.

— Я тебе не мешаю, Арни? — промурлыкала девушка. Дюйм за дюймом она так продвинулась к нему, что теперь почти вся прильнула к его телу.

«Боже мой, она невыносима», — подумал он.

— Послушай. — В горле у Арни пересохло, и он нервно сглотнул. — Оставь меня в покое и дай дочитать газету. — Схватив «Таймс», он попробовал пропихнуть ее между собой и девушкой. — Ступай!

Ее силуэт слегка качнулся.

— В чем дело, Арни? — зажурчал ее голос.

«Словно скрип металлических жерновов, словно автоматическая запись», — подумал он.

Арни ничего не ответил и принялся читать, вцепившись в газету.

Когда он оторвался от нее, девушка уже ушла. Он был один.

«Я такого не помню, — произнес про себя Арни. — Что это было за создание?»

Машинально он начал читать статью о потерпевшем в открытом космосе катастрофу японском корабле с партией велосипедов. Это рассмешило его, даже несмотря на гибель трехсот пассажиров: он представил себе тысячи велосипедов, которым навсегда суждено вращаться вокруг Солнца, — в этом было что-то невероятно забавное. Конечно, они не помешали бы на

Марсе, где полностью отсутствуют источники энергии. При его малой гравитации можно было бы совершенно бесплатно путешествовать на сотни миль.

Дальше он наткнулся на статью о приеме в Белом доме, который был дан в честь... Арни прищурился. Слова начали сливаться, и он с трудом разбирал их смысл. Брак в наборе? О чем тут речь? Он поднес газету к глазам...

Гадл-гадл — было там написано. Полная бессмыслица — одни «гадл-гадл» друг за другом. Боже милостивый! Арни почувствовал отвращение, к горлу подкатила тошнота, язва жгла еще сильнее, чем до завтрака. Он весь напрягся от ярости — наихудшее состояние для язвенного больного, особенно во время приема пищи. «Черт бы побрал эти гадл-гадл! Это же

слова Манфреда! Они исказили всю статью».

Он начал просматривать газету дальше, замечая, как все статьи превращаются в бессмыслицу после первых же строк. Раздражение охватывало его все сильнее, пока наконец он не отшвырнул газету.

«Вот что такое шизофреническая речь, — понял Арни. — Индивидуальный язык. Мне это совершенно не нравится! Если ему нравится, пусть сам так разговаривает! Он не имеет права замусоривать мою жизнь своей болтовней. Хотя ведь это он вернул меня сюда, так, может, он считает, что это дает ему право... Мальчик возомнил, что это его мир?»

Эта мысль совершенно не понравилась Арни — лучше бы она никогда не приходила ему в голову.

Он вышел из-за стола, подошел к окну и взглянул вниз на улицы Льюистауна. По ним сновали люди — и с какой скоростью! Машины мелькали туда и обратно, двигаясь неприятными рывками, словно вот-вот должны были столкнуться друг с другом. Здания, как бильярдные шары, твердые и таящие угрозу, топорщились острыми углами. Но как он ни пытался определить, что изменилось в этом мире — а в нем явно что-то изменилось,

— понять ему не удавалось. Эту привычную картину он видел изо дня в день. И все же...

Все двигалось слишком быстро!.. Нет, не так все просто. Все излучало враждебность: предметы не просто сталкивались, они умышленно ударяли друг друга.

А потом Арни заметил нечто такое, от чего у него перехватило дыхание. Снующие по улице люди были лишены лиц — так, какие-то фрагменты или остатки... словно им не удалось сформироваться до конца.

«Ну нет, так дело не пойдет, — возмутился Арни, чувствуя, как в него вползает страх. — Что происходит? Что они мне подпихнули?»

Потрясенный, он вернулся к столу и снова сел, вцепившись в чашку с кофе, — надо было вернуться к обычной утренней жизни, надо было забыть об увиденном.

Кофе имел кисловато-горький незнакомый вкус, и после первого же глотка пришлось отставить чашку. «Наверное, мальчику все время кажется, что его пытаются отравить, — подумал Арни. — Неужели из-за его навязчивых галлюцинаций я должен ощущать, что питаюсь помоями? Господи, как ужасно!»

«Лучше всего покончить с делами как можно

скорее и вернуться в настоящее», — решил он.

Арни открыл нижний ящик стола, достал из него маленький диктофон на батарейках и нажал кнопку записи.

— Скотт, сообщаю тебе чрезвычайно важные сведения. Необходимо срочно купить землю в горах Франклина Рузвельта, особенно в каньоне Генри Уоллеса, так как ООН намерена возвести там огромный жилой район. Переведи все фонды союза, естественно от моего имени, и убедись в оформлении купчей, потому что через две недели...

Он умолк, так как лента в диктофоне со скрипом остановилась. Арни поковырялся в механизме — пленка медленно двинулась и снова замерла.

«Я считал, что все отрегулировано, — раздраженно подумал Арни. — Разве Джек Болен не починил его?» Но тут же вспомнил, что все происходит до вызова Болена; конечно же, магнитофон еще не починен.

«Придется диктовать этому странному созданию, — понял Арни и протянул руку к кнопке на столе, но тут же ее отдернул. — Как, позволить ей вернуться?» Однако выбора не было, и он нажал кнопку.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошла

секретарша.

— Я знала, что понадоблюсь тебе, Арни. — Она торопливо направилась к нему.

— Послушай, — начальственным тоном произнес он, — не подходи ко мне слишком близко, я не переношу, когда люди подходят ко мне слишком близко.

Арни еще не кончил говорить, а уже понял, что его преследует классическая фобия шизофреника — боязнь, что окружающие слишком приблизятся к нему и оккупируют его пространство. «Боязнь близости» — так это называлось, ее вызывало постоянное ощущение всеобщей враждебности, свойственное шизофреникам. «Вот что это такое», — подумал Арни. И все равно близость девушки представлялась ему невыносимой. Он резко поднялся и отошел к окну.

— Как скажешь, Арни, — хищно проговорила она и снова начала подползать к нему, пока их тела опять не соприкоснулись. Он слышал звук ее дыхания, ощущал запах несвежего тела... и ему показалось, что он задыхается, что ему не хватает воздуха.

— Диктую, — сказал Арни, отходя в сторону. — Скотту Темплу, зашифровать, чтобы никто не смог прочитать.

«Никто», — отметил он про себя. Но он всегда боялся конкурентов, так что нечего валить на мальчика.

— Чрезвычайно важное дело. Действуй безотлагательно; речь идет о настоящем золотом дне. ООН готовится приобрести крупный участок в горах Франклина Рузвельта...

Он диктовал дальше, чувствуя, как с каждым моментом его все сильнее охватывает страх. «А что, если она там пишет одни гадл-гадл? Надо проверить. Надо подойти и заглянуть» Но одна мысль о том, что к ней надо приблизиться, повергла его в ужас.

— Послушайте, мисс, — оборвал он себя. — Дайте-ка мне ваш блокнот, я хочу взглянуть, что вы там пишете.

— Арни, ты ничего не разберешь, — ответила секретарша ленивым низким голосом.

— П-почему? — в ужасе спросил он.

— Это же стенография. — Она холодно улыбнулась, и он почти физически ощутил ее неприязнь.

— Хорошо, — согласился он, уступая.

Закончив диктовку, Арни распорядился зашифровать текст и тут же отослать Скотту.

— А что потом? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сам знаешь, Арни. — Это было сказано таким тоном, что он даже содрогнулся от чисто физического отвращения.

— Потом ничего. Ступай и больше не возвращайся. — Проводив ее до порога, Арни захлопнул за ней дверь.

«Надо было самому связаться со Скоттом, ей нельзя доверять». Он уселся за стол и набрал номер телефона.

Длинные гудки следовали один за другим, но никто не снимал трубку. «В чем дело? — недоумевал Арни. — Неужели он предал меня? Переметнулся? Работает на других? И ему я не могу доверять, я никому не могу доверять...»

— Алло, говорит Скотт Темпл, — внезапно раздался голос, и Арни понял, что прошло всего лишь несколько секунд — все эти мысли о предательстве и крахе успели посетить его за считанные мгновения.

— Это Арни.

— Привет, Арни. В чем дело? По твоему голосу слышу, что ты что-то затеваешь. Давай рассказывай.

«У меня изменилось чувство времени, — понял Арни. — Мне казалось, что телефон звонил

полчаса, а не прошло и пяти секунд».

— Арни, говори! Арни, ты здесь?! — кричал Скотт.

«Симптом шизофрении — коренное нарушение восприятия

времени. Я страдаю от него, потому что от него страдает этот ребенок».

— Господи Иисусе! — воскликнул взбешенный Скотт.

— Послушай, Скотт. — Арни с трудом прорвался сквозь цепь своих размышлений. — У меня есть тайные сведения: надо действовать прямо сейчас, понимаешь? — И он подробно пересказал о намерениях ООН в горах Франклина Рузвельта. — Нужно как можно быстрее купить там все, что продается. Ты согласен?

— А сведения верные? — переспросил Скотт.

— Конечно! Конечно!

— От кого? Короче, Арни, я тебя очень люблю, но мне известны твои бредовые идеи — ты часто витаешь в облаках. Мне бы не хотелось остаться в дураках.

— Поверь мне на слово, — перебил его Арни.

— Не могу.

Арни не верил своим ушам.

— Мы с тобой сотрудничаем уже много лет, и

ты никогда не требовал от меня официальных гарантий, прохрипел он.— Что происходит, Скотт?

— Вот и меня интересует то же самое, — спокойно откликнулся Скотт. — Как человек с твоим опытом мог клюнуть на эту удочку? Ты же знаешь, что кряж Франклина Рузвельта — бесплодная земля. И я знаю, что ты это знаешь. Это всем известно. Так чего же ты добиваешься?

— Ты не доверяешь мне?

— А почему я должен тебе доверять? Докажи, что у тебя достоверные сведения из первоисточника, а не очередные слухи.

— Знаешь, парень, если бы я мог доказать это, я не нуждался бы в твоем доверии, — с трудом вымолвил Арни. — Ладно. Я займусь этим самостоятельно, и, когда ты узнаешь, что упустил, можешь рвать волосы у себя на голове. — Он бросил трубку, дрожа от бешенства и отчаяния. Подумать только! Невообразимо! Скотт Темпл — единственный человек, с которым он мог обо всем договориться по телефону. Остальные были мошенниками, о них можно и не думать...

«Это — непонимание, — говорил он себе. — Но основано оно на фундаментальном, глубинном недоверии. Шизофреническом недоверии».

«Потеря способности к общению», — диагностировал Арни.

— Придется самому отправляться в Рощу Мира и оформлять покупку, — произнес он вслух.

И тут вспомнил, что сначала придется застолбить участок непосредственно на месте, и почувствовал, как все в нем противится этому. Лететь в ужасное место, где скоро возникнет здание...

Но выхода не было. Сначала заказать кол в одной из мастерских, потом сесть в вертолет и отправиться в каньон Генри Уоллеса.

Он представлял себе всю последовательность дел, и она казалась ему невыполнимо трудной. Как со всем этим управиться? Сначала нужно найти какого-нибудь слесаря, чтобы тот выгравировал его имя на колышке, — только на это может уйти несколько дней. Кто в Льюистауне быстро выполнит заказ? А как он может доверить такое дело незнакомцу?

Наконец, словно сопротивляясь непреодолимому течению, Арни поднял телефонную трубку и сделал заказ в мастерской.

«Я так устал, что еле могу двигаться, —

почувствовал он. — Почему? Что я сделал за сегодня? Тело словно раздавлено страхом. Если б я только мог отдохнуть. Если б только мог поспать».

Лишь к вечеру Арни получил металлический кол со своим именем и договорился о вертолете, который должен был отвезти его в горы Франклина Рузвельта.

— Привет, Арни, — поздоровался с ним симпатичный молодой пилот, выглянув из кабины.

— Привет, сынок, — откликнулся Арни.

Пилот помог ему забраться в специальное кожаное кресло, выполненное по заказу Арни в местной мастерской, а сам занял место впереди.

— Теперь поторапливайся, потому что я спешу: в каньон Генри Уоллеса, а оттуда — в Рощу Мира.

«И я знаю, что мы все равно не успеем, — добавил про себя Арни. — Просто потому, что мне не хватит времени».

ГЛАВА 16

Не успел вертолет с Арни Коттом на борту подняться в воздух, как в кабине включился радиопередатчик: «Срочное сообщение. В открытой пустыне небольшая группа бликменов, умирающих от голода и жажды. Местонахождение по гирокомпасу — 4.65003. Всем воздухоплавательным аппаратам к северу от Льюистауна немедленно направиться по указанным координатам и оказать помощь. Закон Объединенных Наций требует, чтобы откликнулись все коммерческие и частные корабли».

Сообщение было повторено еще раз холодным голосом диктора, говорившего с искусственного спутника ООН, который находился сейчас где-то у них над головой.

— Лети дальше, сынок, — заметил Арни, чувствуя, что пилот меняет направление. Это была последняя капля. Теперь Они никогда не доберутся до гор, не говоря уже о Роще Мира.

— Я вынужден подчиниться, сэр. Таков закон, — возразил пилот.

Они летели над пустыней на приличной

скорости, быстро приближаясь к месту, указанному в сообщении. «Ах вы, черномазые, — думал про себя Арни. — И мы должны все бросать, чтобы вызволять этих несчастных идиотов. Хуже всего, что я теперь встречу Джека Болена. Этого уже не избежать. Я забыл об этом: а теперь уже слишком поздно».

Он похлопал себя по карману куртки — пистолет все еще там. Это несколько улучшило его настроение. И когда вертолет пошел на снижение, он сжал рукоятку оружия. «Придется разделаться с ним прямо на месте», — подумал Арни. Но к собственному разочарованию, он увидел, что вертолет компании И уже стоит на песке, а сам Джек Болен занимается раздачей воды пятерым бликменам. «Черт бы его побрал!»

— Я вам нужен? — высунулся из вертолета пилот Арни. — Если нет, полечу дальше.

— У меня мало воды, — ответил Джек, отирая вспотевшее под жарким солнцем лицо носовым платком.

— Ладно, — откликнулся пилот и выключил винт.

— Попроси его подойти сюда, — распорядился Арни.

Соскочив

вниз и вытащив большую пятигаллонную канистру, пилот направился к Джеку, и через мгновение тот уже шел к вертолету.

— Я вам нужен? — поинтересовался Джек, глядя вверх на кабину.

— Да, я хочу убить тебя, — ответил Арни и, достав пистолет, прицелился.

Бликмены, наполнявшие водой скорлупу пака, замерли. Молодой сухощавый, почти обнаженный под красным марсианским солнцем мужчина протянул руку к своему колчану, вынул из него отравленную стрелу и, одним движением вставив ее в лук, выстрелил. Арни Котт ничего не видел, он только почувствовал резкую боль и, опустив глаза, удивленно обнаружил, что у него из живота торчит стрела.

«Они читают мысли», — понял Арни. Он попытался вытащить стрелу, но та плотно засела в его внутренностях. И в следующий момент он понял, что умирает. Стрела была отравлена, и он чувствовал, как яд холодит конечности, тормозит кровообращение, поднимается все выше к мозгу.

— Почему ты хотел убить меня? — спросил Джек Болен. — Ты даже не знаешь меня.

— Не волнуйся, знаю, — прохрипел Арни. — Ты починишь мой диктофон и отнимешь у меня

Дорин, а твой отец украдет у меня все, что я имею, все самое дорогое — землю в горах Франклина Рузвельта и все, что с ней связано. — Арни закрыл глаза.

— Ты сумасшедший, — произнес Джек.

— Нет, — откликнулся Арни. — Просто мне известно будущее.

— Давай я отвезу тебя к врачу, — предложил Джек и, впрыгнув в вертолет, отодвинул молодого пилота, чтобы внимательнее рассмотреть торчащую стрелу. — Если поторопиться, можно успеть принять противоядие. — Он включил двигатель, и винт медленно завращался, постепенно набирая скорость.

— Отвези меня в каньон Генри Уоллеса, — пробормотал Арни. — Чтобы я застолбил участок.

— Ты ведь Арни Котт, да? — внимательно глядя на него, спросил Джек. Отодвинув пилота в сторону, он сел за пульт управления, и вертолет взмыл в воздух. — Я отвезу тебя в Льюистаун: это ближе всего, и тебя там знают.

Арни молча откинулся назад и закрыл глаза. Все его планы были разрушены: он не застолбил участок, и ему ничего не удалось сделать с Джеком Боленом. Все кончено.

«И все эти бликмены!» — думал Арни, чувствуя, как Болен вытаскивает его на руках из вертолета. В глазах темнело от боли, но сквозь дымку он различал людей и дома — это был Льюистаун. «С самого начала во всем были виноваты бликмены — если бы не они, я бы никогда не повстречался с Джеком Боленом. Да будут они прокляты!»

«Почему я еще не умер?» — недоумевал Арни, чувствуя, как Болен пересекает с ним на руках посадочную площадку на больничной крыше и устремляется к спуску для неотложных больных. Прошло уже столько времени: яд наверняка проник повсюду. И тем не менее он до сих пор все ощущал, мыслил, понимал... «Наверное, я просто не могу умереть в прошлом, так и буду влачить существование, не в силах ни вернуться, ни скончаться».

И как это бликмен так быстро среагировал? Они обычно не стреляют в землян — это страшное преступление.

«Выходит, меня ждали, — мелькнула мысль. — Они старались спасти Болена, потому что он дал им воду и пищу. Могу поспорить, они-то и подарили ему водяную ведьму. Ну конечно. И уже тогда знали все, что случится.

Я бессилен в этом страшном шизофреническом

прошлом Манфреда Стайнера. Верните меня в мой мир, пустите меня обратно в мое время; я хочу выбраться отсюда, не нужны мне никакие земли, не желаю я никакого зла Джеку Болену. Я хочу обратно в Грязную Башку, в пещеру с несчастным мальчиком. Пожалуйста, Манфред, сделай, как было», — думал Арни.

Его везли на каталке по темному коридору. Голоса. Открывающиеся двери, блеск металла — хирургические инструменты. Лица в масках, склоняющиеся над ним... его кладут на стол... «Манфред! Помоги мне! Меня хотят убить! Забери меня отсюда. Сейчас или никогда, потому что...»

Темная маска склоняется к нему все ближе, ближе, заслоняя собой все пространство.

«Нет! — кричит Арни. — Еще не все! Я не могу так погибнуть! Манфред, ради Бога, пока еще не поздно, пока не поздно. Я должен снова увидеть нормальный мир, в котором нет места шизофреническим убийствам, отчуждению, звериной похоти и смерти. Помоги мне избавиться от смерти, верни обратно. Помоги, Манфред! Помоги мне...»

— Вставайте, мистер, ваше время истекло, — произнес над ним голос.

Арни открыл глаза.

— Еще сигарет, мистер. — Грязный священнослужитель в напоминавших паутину лохмотьях тряс его за плечо, безостановочно повторяя свою литанию: — Если хотите остаться, мистер, надо заплатить. — В поисках сигарет он принялся ощупывать куртку Арни.

Арни сел и огляделся. Манфреда в пещере не было.

— Отстань от меня, — оттолкнул он бликмена, поднимаясь на ноги. Он ощупал живот — стрелы в нем не было.

Неуверенными шагами Арни подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу, на холодный полуденный свет марсианского солнца.

— Манфред!

Вокруг не было никаких следов мальчика. «Ну что ж, по крайней мере я вернулся в свою действительность, остальное неважно».

К тому же он избавился от ненависти к Джеку Болену. И потерял всякий интерес к приобретению земли в горах Франклина Рузвельта.

«Можешь и Дорин Андертон оставить себе, — заключил Арни, направляясь к тропе, по которой они пришли сюда. — Надо только сдержать слово, данное Манфреду, и поскорее отправить

его на Землю. Возможно, эта перемена излечит мальчика, к тому же, вероятно, на Земле теперь хватает хороших, психиатров, лучше здешних. Как бы там ни было, ему не будет грозить AM-WEB».

Спускаясь вниз и посматривая по сторонам в поисках Манфреда, он заметил вертолет, который кружил низко над землей. «Может, они видели, куда пошел мальчик», — подумал Арни. И Джек, и Дорин все это время должны были наблюдать за ними.

Арни остановился и замахал руками.

Вертолет начал осторожно снижаться, пока не опустился на тропу чуть впереди, там, где она расширялась перед входом в Грязную Башку. Дверца распахнулась, и из вертолета вышел мужчина.

— Я ищу мальчишку, — начал Арни и только тут понял, что это не Джек Болен. Это был совершенно незнакомый ему мужчина. Симпатичный, темноволосый с горящими страстью глазами, он мчался к нему навстречу, размахивая чем-то поблескивавшим в солнечном свете.

— Ты — Арни Котт! — резким визгливым голосом закричал он.

— Да, и что из этого? — поинтересовался Арни.

— Ты уничтожил мою посадочную площадку! — заорал мужчина и, подняв оружие, выстрелил.

С первого выстрела он промахнулся. «Кто ты такой и почему стреляешь в меня?» — недоуменно подумал Арни, вытаскивая свой пистолет. Он выстрелил в бегущего человека, и тут до него дошло, кто это такой: несчастный мелкий делец черного рынка, пытавшийся встать у него на пути. «Тот самый, которого мы проучили», — вспомнил Арии.

Бежавший споткнулся, упал, перекатился через спину и снова выстрелил. Арни тоже промазал. На этот раз пуля просвистела так близко, что Арни показалось, будто она его задела. Он инстинктивно прижал руку к животу. «Нет, разбойник, ты меня не достал!» — удовлетворенно заметил он и еще раз прицелился, собираясь выстрелить.

Мир взлетел на воздух. Солнце упало с неба, и все погрузилось во тьму вместе с Арни Коттом.

Прошло довольно много времени, прежде чем лежавший мужчина шевельнулся. С расширенными от ужаса глазами он медленно поднялся и начал осторожно приближаться к Арни. Перед собой на вытянутых руках он держал пистолет, не спуская Арни Котта с мушки.

Донесшийся сверху рокот мотора отвлек его и заставил посмотреть наверх. В небе скользнула тень, и тут же на дорожку между ним и Арни опустился второй вертолет. Его фюзеляж заслонил противников друг от друга, и мелкий делец черного рынка исчез из поля зрения Арни. Из вертолета выскочил Джек Болен и бегом бросился к Арни.

— Поймай этого парня, — прошептал Арни.

— Не могу. — Джек указал на поднимающийся вертолет: он качнулся над Грязной Башкой, рванул вперед, миновал вершину и скрылся из виду. — Забудь о нем. Ты серьезно ранен — надо подумать о себе.

— Не волнуйся, Джек. Послушай, — прошептал Арни, хватая Джека за рубашку и притягивая его к себе. — Я открою тебе тайну. Я кое-что понял. Это просто еще один из этих шизоидных миров. Вся эта чертова ненависть, похоть и смерть уже были со мной и не смогли меня убить. Тогда это была отравленная стрела; теперь — пуля. — Он закрыл глаза, пытаясь сохранить сознание. — Отыщи мальчика, он где-то здесь. Можешь спросить его, он тебе расскажет.

— Ты ошибаешься, Арни, — склонился над ним Джек.

— Как это ошибаюсь? — Арни уже с трудом различал Джека, все погрузилось в сумрак, и силуэт Джека стал призрачным и туманным.

«Ты меня не обманешь, — подумал Арни. — Я знаю, что я все еще в мире Манфреда, скоро я проснусь и все будет в порядке, я буду живым и невредимым, отыщу путь обратно в свой мир, где такое не может случиться».

— Он умирает? — спросила подошедшая Дорин Андертон.

Джек не ответил. Он пытался перекинуть Арни через плечо, чтобы дотащить до вертолета.

«Еще один из гадл-гадл миров, — думал Арни, чувствуя, как Джек поднимает его на руки. — Так мне и надо. В следующий раз не буду таким дураком... Ты уже делал это, — пытался он объяснить Джеку. — Уже отвозил меня в больницу Льюистауна, чтобы извлечь стрелу. Неужели не помнишь?»

— Ни малейшего шанса на спасение, — произнес Джек, устроив Арни в вертолете и усаживаясь за пульт.

«Какая ерунда! — негодующе подумал Арни. — Что с тобой такое? Почему ты не стараешься? Старайся, черт бы тебя побрал!» Он попытался сказать это Джеку, но у него ничего не получилось,

он ничего не мог сказать.

Вертолет начал подниматься, тяжело оседая под весом троих пассажиров.

Арни Котт умер по дороге к Льюистауну.

Джек передал управление Дорин и сел рядом с умершим. Арни умер, продолжая считать, что просто потерялся в темных лабиринтах сознания Манфреда. «Может, это и к лучшему, — подумал Джек. — Может, это хоть ненамного облегчило ему смерть».

Как ни странно, мысль о том, что Арни мертв, наполнила Джека невыносимой болью. Что-то в этом было нечестное, грубое. Арни не заслуживал смерти. То, что он делал, было дурно, но не настолько, чтобы его убивать.

— Что он тебе говорил? — спросила Дорин. На нее смерть Арни, кажется, не произвела никакого впечатления: она с деловым видом продолжала вести вертолет.

— Он считал, что это не на самом деле, — ответил. Джек — Думал, что запутался в какой-то шизофренической фантазии.

— Бедный Арни.

— Ты не знаешь того типа, который в него стрелял?

— За годы карьеры он завел немало врагов.

Оба замолчали.

— Надо поискать Манфреда, — заметила Дорин.

— Да, — согласился Джек. «Но я знаю, где теперь мальчик, — добавил он про себя, — нашел каких-нибудь диких бликменов в горах и присоединился к ним. Нисколько не сомневаюсь. Ну и что, все равно рано или поздно это должно было произойти». Его не волновала судьба Манфреда. Возможно, впервые тот обрел покой, приобщившись к естественной жизни бликменов и лишившись необходимости приспосабливаться к искаженному отражению чужих жизней.

— Может, Арни был прав? — спросила Дорин.

Сначала он не понял ее, а сообразив, что она имела в виду, решительно покачал головой:

— Нет.

— Тогда почему он был так уверен?

— Не знаю, — ответил Джек. «Но это как-то связано с Манфредом — так, по крайней мере, сказал Арни перед самой смертью».

— В каком-то смысле Арни был очень умен, — заметила Дорин. — Если он так думал, значит, у него имелись очень веские причины.

— Он был умен, — согласился Джек, — но всегда верил в то, во что ему хотелось верить. — «И

поступал только так, как ему хотелось поступать, — добавил Джек про себя. — Что и привело его к смерти, которую он сам для себя подготовил».

— Что теперь с нами будет? — промолвила Дорин. — Без него? Трудно даже представить себе мир без Арни... Ты меня понимаешь? Думаю, понимаешь. Жаль, мы сразу не сообразили, что будет, когда увидели приземлившийся вертолет... если бы мы оказались там на несколько минут раньше... — Она замолчала. — Да что теперь говорить.

— Да, бессмысленно, — согласился Джек.

— Знаешь, что теперь с нами будет? — продолжила Дорин. — Нас с тобой разнесет в разные стороны. Может, не сразу, а через несколько месяцев, а может, даже и лет, но без него рано или поздно мы расстанемся.

Джек ничего не ответил. Возможно, она права. Он устал от попыток угадать будущее, ожидающее их впереди.

— Ты еще любишь меня? — спросила Дорин. — После всего, что с нами случилось?

Она повернулась к нему, чтобы видеть его лицо.

— Конечно, люблю, — ответил Джек.

— И я, — произнесла она тихим тусклым

голосом. — И все же боюсь, этого недостаточно. У тебя ведь жена и сын — а это очень много, если подумать. Так или иначе, мне с тобой было хорошо. Я никогда не стану жалеть об этом. Мы не виноваты в смерти Арни, так что не надо переживать. Он сам навлек ее на себя своими деяниями. И мы никогда не узнаем, чего он хотел на самом деле. Но я точно знаю, что он хотел причинить нам зло.

Джек кивнул.

Они молча продолжали лететь к Льюистауну, везя с собой мертвое тело Арни Котта, возвращая Арни домой, в его поселение, где он был и, возможно, навсегда останется Председателем союза водопроводчиков Четвертого планетарного отделения.

Манфред Стайнер поднимался по еле заметной тропинке все выше и выше в горы, пока перед ним не замаячила группа темнокожих призрачных людей. Они двигались со своими яйцами пака, наполненными водой, и колчанами отравленных стрел, женщины несли ступки. Все курили, двигаясь гуськом вперед.

При виде Манфреда они остановились.

Один из них — молодой мужчина — вежливо произнес:

— Дожди, проливающиеся от твоего бесценного присутствия, поддерживают и укрепляют нас, мистер.

Манфред не понял слов, но уловил их мысли: осторожные и нежные, без всякого присутствия ненависти. Они не хотели причинить ему боль, и это было радостно. Он забыл о своем страхе и принялся рассматривать звериные шкуры, которые несли бликмены. «Что это за звери?» — недоумевал мальчик.

Бликмены тоже рассматривали его с интересом — они постепенно приближались к нему, пока не обступили со всех сторон.

«В горах садятся чудовищные корабли, — думал один из бликменов, — людей на них нет, и они сами тут же берутся за работу. Не с них ли ты случайно?»

«Нет», — мысленно ответил Манфред так, чтобы его услышали.

Бликмены взмахнули руками, и над самым центром горного кряжа он увидел целый флот челночных кораблей ООН, зависших в воздухе. «Они прибыли с Земли, — понял Манфред. — Продолбят здесь землю и начнут возводить дома. Скоро лицо четвертой планеты покроют здания AM-WEB».

«Мы покидаем горы из-за них, — подумал один из более старших бликменов. — Теперь мы не сможем здесь жить. Мы давно предвидели это, и вот они пришли».

«Можно, я пойду с вами?» — спросил про себя Манфред.

Бликмены в удивлении расступились и принялись совещаться. Они не знали, как отнестись к его просьбе, им никогда еще не доводилось слышать такое от эмигрантов.

— Мы идем в пустыню, — наконец сказал молодой мужчина. — Мы не знаем, сумеем ли выжить там. Ты уверен, что хочешь для себя такой жизни?

— Да, — ответил Манфред.

— Тогда пойдем, — решили бликмены.

И они продолжили свой путь. Несмотря на усталость, они шли широким шагом, и сначала Манфред подумал, что отстанет от них, но они соразмеряли свою скорость с его возможностями.

Перед ними лежала пустыня. Но никто не сожалел о принятом решении: возврат к прошлому был невозможен.

«Я не буду жить в AM-WEB, — повторял про себя Манфред, подстраиваясь под поступь бликменов.

— Темные тени помогут мне сбежать».

Ему было хорошо, так хорошо ему еще никогда не было.

Одна из женщин робко предложила Манфреду сигарету, и он принял ее.

И чем дальше они шли, тем более значительные изменения ощущал в себе Манфред. Он становился другим.

Сильвия Болен в сумерках готовила обед для Дэвида, себя и своего тестя, когда внезапно заметила, что по берегу канала движется темная фигура. «Мужчина, — испуганно подумала она и бросилась к двери. — Господи, только бы не снова этот Отто или как его там».

— Это я, Сильвия, — послышался из темноты голос Джека.

— Эй, а почему ты без вертолета? — выскочил из дома Дэвид. — Ты приехал на автобусе? Могу поспорить, что на автобусе. А что случилось с твоим вертолетом, папа? Сломался в пустыне?

— Нет больше вертолета, — устало ответил Джек.

— Я слышала по радио, — промолвила Сильвия.

— Об Арни Котте? — Он кивнул. — Да, это правда.

Джек вошел в дом, снял куртку, и Сильвия повесила ее в шкаф.

— Ты очень расстроен? — спросила она.

— Я лишился работы, — ответил Джек. — Арни выкупил мой контракт. — Он посмотрел по сторонам. — А где Лео?

— Спит. Его не было почти целый день — бегал по делам. Я рада, что ты вернулся домой до его отъезда: он сказал, что завтра возвращается на Землю. Ты знаешь, что ООН начала приобретать землю в горах Франклина Рузвельта? Это тоже передали по радио.

— Не знал, — ответил Джек и, выйдя на кухню, сел за стол. — Как насчет чая?

— Наверное, это не мое дело, но насколько серьезно обстоит дело с твоей работой? — спросила Сильвия, готовя чай.

— Я могу заниматься любыми ремонтными работами. К тому же мистер И возьмет меня обратно. Наверняка он неохотно расстался с моим контрактом.

— Так что же ты так отчаиваешься? — успокоилась она и тут же вспомнила об Арни.

— Я вылез из автобуса за полторы мили отсюда и просто устал.

— Я и не ждала, что ты сегодня вернешься. —

Нервы у нее были напряжены до предела. — У нас на обед только печень, бекон и тертая морковь с синтетическим маслом. Лео сказал, что ему хочется какого-нибудь пирога на сладкое, и мы с Дэвидом собирались приготовить его попозже: все-таки он улетает, и мы, возможно, больше никогда не увидимся.

— Пирог — это замечательно, — пробормотал Джек.

— Господи, да скажи же, что с тобой такое! — взорвалась Сильвия. — Я еще никогда не видела тебя в таком состоянии.

— Я просто думал о том, что Арни сказал перед самой смертью, — после долгой паузы откликнулся Джек. — Я был рядом. И Арни сказал, что находится не в реальном мире: что это всего лишь шизоидная фантазия, въевшаяся в его мозг. Мне никогда не приходило в голову, насколько похож наш мир на мир Манфреда, мне всегда казалось, что они во всем противоположны. Теперь же я чувствую, что все дело просто в степени.

— Ты не хочешь рассказать мне о смерти мистера Котта? По радио передали, что он погиб в результате аварии на пересеченной местности в горах Рузвельта.

— Это была не авария. Арни убил человек, которого тот обидел. Месть. Естественно, его сейчас разыскивает полиция. Арни умер, считая, что стал жертвой бессмысленной ненависти сумасшедшего, но, судя по всему, эта ненависть была вполне оправданной, без всяких элементов психоза.

«Такую ненависть ты бы начал испытывать ко мне, если бы знал, какую ужасную вещь я сегодня совершила», — подумала Сильвия, подавленная чувством вины.

— Джек, — начала она неловко, не зная, как выразить свою мысль, но чувствуя необходимость сделать это. — Ты считаешь, наш брак окончен?

— Почему ты спрашиваешь? — изумился Джек.

— Я просто хочу, чтобы ты сказал «нет».

— Нет, — сказал он, не спуская с нее глаз. Она чувствовала себя совершенно обнаженной, ей казалось, что каким-то образом ему известно все. — А у тебя есть какие-нибудь основания считать, что да? Зачем же мне тогда возвращаться домой? Если бы между нами не было никаких отношений, неужели я появился бы здесь сегодня, после того... — Джек умолк. — Я хочу чаю, — наконец пробормотал он.

— После чего? — спросила Сильвия.

— После смерти Арни, — ответил Джек.

— А куда бы ты отправился?

— У человека всегда существует альтернатива: дом
или весь остальной мир со всеми населяющими его людьми.

— Какая она? — спросила Сильвия.

— Кто?

— Та женщина. Ты же сам только что сказал.

Он так долго молчал, что Сильвия решила — он вообще не ответит.

— У нее рыжие волосы, — наконец произнес он. — Я чуть не остался с нею. Но я этого не сделал. Тебе достаточно?

— Но ведь я тоже могу выбирать, — парировала Сильвия.

— Я не знал, — деревянным голосом откликнулся Джек. — Я не думал об этом. Ну что ж, хорошо, что ты сказала, это отрезвляет. Ты ведь не теоретически об этом говоришь, да? Ты говоришь о ком-то вполне конкретном?

— Да, — ответила Сильвия.

На кухню с криком вбежал Дэвид:

— Дедушка Лео проснулся! Я ему сказал, что ты дома, папа, и он так обрадовался, он хочет узнать, как у тебя дела.

— Все отлично, — ответил Джек.

— Джек, я хочу, чтобы мы остались вместе, — предложила Сильвия. — Если ты не против.

— Конечно, — согласился Джек. — Ты же видишь, я пришел. — И он улыбнулся ей так жалобно, что у нее чуть не разорвалось сердце. — Я проделал долгий путь — сначала на этом проклятом автобусе, потом пешком.

— И у тебя больше не будет... других альтернатив, да, Джек? Правда?

— Да, — решительно кивнул он.

Сильвия обошла стол и, нагнувшись, поцеловала его в лоб.

— Спасибо тебе. — Джек взял ее за руку. — Как хорошо.

Она почувствовала, как он изнурен: его усталость перетекала в нее.

— Тебе надо как следует поесть, — заявила она. — Я никогда не видела тебя таким... усталым.

Ей пришло в голову, что на него могла снова навалиться шизофрения, — тогда это многое объясняло. Но ей не хотелось мучить его, допытываясь истинных причин.

— Сегодня ляжем пораньше, ладно?

Джек вяло кивнул.

— Ты доволен, что вернулся? — спросила

Сильвия. «Или уже жалеешь об этом?» — договорила она про себя.

— Доволен, — твердо, без тени сомнения ответил он.

— Тебе надо поговорить с Лео перед его отъездом... — начала она, и тут из соседнего дома раздался страшный крик, заставивший ее подскочить и броситься к Джеку.

— Рядом. У Стайнеров.

Джек кинулся к двери. У дверей дома Стайнеров он наткнулся на одну из девочек.

— Мой брат... — проговорила она.

Джек и Сильвия вбежали в дом, и Сильвия даже не поняла, что предстало ее взору. Зато Джек, кажется, что-то уловил, так как взял ее за руку, чтобы остановить.

Гостиная была полным-полна бликменов. А посреди различалось какое-то живое существо — старик, вернее, его обрубок от талии и выше. Нижняя часть тела представляла собой переплетение шлангов, насосов, счетчиков и прочих механизмов, которые непрерывно тикали и булькали. Они-то и поддерживали жизнь в дряхлом существе, заменяя отсутствующие в нем жизненно важные органы.

«О Боже! — подумала Сильвия. — Кто это?

Что это восседает здесь с улыбкой на иссохшем лице?»

— Джек Болен, — проскрежетало существо. Голос доносился из автоматического громкоговорителя; а не изо рта. — Я здесь, чтобы попрощаться со своей матерью. — Звук замер, словно в механизме что-то застопорилось. — И поблагодарить тебя.

— За что? Я ничего не сделал для тебя, — откликнулся Джек, продолжая держать Сильвию за руку.

— А я считаю, сделал. — Существо кивнуло бликменам, и они пододвинули его поближе к Джеку и повернули его лицо, так чтобы он мог видеть его. — На мой взгляд... — он умолк и через некоторое время продолжил уже более громким голосом: — Давным-давно, много лет назад, ты пытался общаться со мной. Я благодарен тебе за это.

— Это было совсем недавно, — перебил его Джек. — Ты забыл? Это было сегодня. А теперь твое детство в далеком прошлом для тебя.

— Что это? — спросила Сильвия.

— Это — Манфред.

Всплеснув руками, она закрыла глаза; она больше не могла это видеть.

— Тебе удалось избежать AM-WEB? — спросил

Джек.

— Да, — с ликующей дрожью прошипел он. — Я со своими друзьями. — И он указал на окружающих его бликменов.

— Джек, — попросила Сильвия, — уведи меня отсюда, я больше не могу.

Она прижалась к нему, и он осторожно вывел ее из дома в вечернюю прохладу.

—

Послушай, сын, что случилось? — Взволнованные и испуганные, их встретили Дэвид и Лео. — Почему так кричала эта женщина?

— Все в порядке, — ответил Джек. — Уже все в порядке. Она, наверное, выбежала из дома, — добавил он Сильвии. — Наверное, не поняла, в чем дело.

— Я тоже не понимаю и не хочу понимать, — трясясь крупной дрожью, ответила Сильвия. — И не пытайся объяснять мне. — Она поспешно направилась к плите, убавила газ и заглянула в кастрюли — не подгорело ли что.

— Не бойся, — погладил ее Джек.

Сильвия попыталась улыбнуться.

— Вероятно, больше это не повторится, — заметил Джек. — А если и повторится...

— Нет уж, спасибо, — перебила Сильвия. —

Когда я его увидела, я сначала решила, что это его отец — Норберт Стайнер, потому так и перепугалась.

— Надо взять фонарь и поискать Эрну Стайнер, — заметил Джек. — Надо удостовериться, что с ней все в порядке.

— Да, — откликнулась Сильвия. — Идите с Лео, пока я тут заканчиваю. Я не могу уйти с кухни, иначе тут все сгорит.

Джек и Лео, взяв фонарь, вышли из дома. Дэвид остался с Сильвией, чтобы помочь накрыть на стол. «Что с тобой будет? — думала она, глядя на сына. — Когда ты достигнешь такого же возраста и половину твоего тела заменят механизмами... Неужели тебя тоже ждет такое?.. Лучше не заглядывать вперед. Слава Богу, что мы не обладаем даром предвидения».

— Я тоже хочу с ними на улицу, — жалобно заскулил Дэвид. — Почему ты не рассказываешь мне, что так напугало миссис Стайнер?

— Может, как-нибудь потом расскажу.

«Только не сейчас, — добавила она про себя. — Слишком рано, для всех нас».

Обед был готов, и Сильвия машинально вышла на крыльцо, чтобы позвать Джека и Лео, прекрасно понимая, что делает это напрасно: они

не придут, они слишком заняты, у них слишком много дел сейчас. Но она все равно продолжала звать — это была ее обязанность.

В марсианском мраке ее муж и свекор искали Эрну Стайнер: то там, то здесь мелькал свет фонаря и доносились их голоса, спокойные, деловые, терпеливые.

МИРЫ ФИЛИПА ДИКА

Собрание фантастических произведений

СВИХНУВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

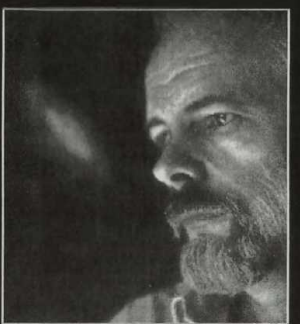
Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *В. Баканов*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *И. Лаздина, А. Хиршфелде*
Операторы компьютерной верстки *М. Воробьева, Е. Глуховская*

ЛР № 065224 от 17.06.97
Подписано в печать 20.04.98. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз.
Заказ № 2480.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

МИРЫ ФИЛИПА ДИКА



Средний американец страдает от двух иллюзий: одна — что Бога нет, а вторая — что разница между марками сигарет все же существует.

Philip K. Dick

ISBN 5-88132-371-8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998